

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А.В. РУДАКОВА

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА
как феномен языкового сознания:
психолингвистический аспект

Монография

Воронеж
2023

УДК 81
ББК 81.1
Р83

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой английского языка естественнонаучных факультетов,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
Стернина Марина Абрамовна

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как
иностранного, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)».
Институт лингвистики и международных коммуникаций,

Харченко Елена Владимировна;

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехническая академия»,

Маклакова Елена Альбертовна

Р83 Рудакова А.В. Значение слова как феномен языкового сознания: психолингвистический аспект: монография / А.В. Рудакова; науч. ред. М.А. Стернина; ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2023. – 348 с.

Монография посвящена теоретическому обоснованию нового направления в изучении семантики слова – психолингвистической семасиологии, разработке ее основных понятий и методов, а также способов и приемов практического отражения результатов психолингвистической семасиологии в лексикографических изданиях разного типа. Разработана модель психолингвистического описания значения слова, предложены ее варианты. Разработаны принципы лексикографической фиксации психолингвистических значений слов. Представлены словарные статьи разных типов психолингвистических словарей.

Для специалистов в области семасиологии, психолингвистики, лексикографии, спичрайтинга и всех тех, кто интересуется вопросами обывденного языкового сознания.

ISBN 978-5-00208-084-7

© Рудакова А.В., 2023

© Издательство ООО «РИТМ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА	
1.1. Основные направления современной психолингвистики	8
1.2. Концепции значения слова в психолингвистических учениях	20
1.3. Понятие психолингвистического значения слова	24
1.4. Основные методы исследования языкового сознания носителей языка	29
1.5. Методика психолингвистического описания значения слова	41
1.6. Психолингвистическая модель описания значения слова	78
1.7. Выводы	103
ГЛАВА II. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА	
2.1. Психолингвистическое описание семантики имени собственного	105
2.2. Психолингвистическая дифференциация близких по значению языковых единиц	133
2.3. Психолингвистическое описание групповых семантических различий	154
2.4. Психолингвистическое описание темпоральных различий значения слова	173
2.5. Психолингвистическое описание значений слов разных частей речи	177
2.6. Выводы	196
ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА	
3.1. Ассоциативные словари	198
3.2. Психолингвистические семантические словари	218
3.3. Выводы	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	300
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	307

Введение

Монография посвящена проблемам соотношения традиционного и психолингвистического подхода к описанию значения слова.

Количество работ, основанных на традиционных семасиологических методах описания семантики слова, в настоящее время уменьшается. Это связано, в первую очередь, с тем, что большой пласт лексико-семантических групп слов с их помощью уже изучен, а последние яркие методологические изменения были связаны со структурной семасиологией, однако с 70-80-х гг. XX в. они практически «сошли на нет». Поэтому перед исследователями стоит новая задача – «реанимация» семной семасиологии, поиск возможного вектора развития данного направления. Решение данной задачи – это очередной этап развития семасиологии, связанный с целями углубленного описания семантики слова. Этому могут способствовать новые методы и приемы исследования семантики слова, привнесенные в семасиологию из психолингвистики: использование экспериментальных методов исследования языкового сознания носителей языка и описание на основе анализа полученных данных семантики слова. Появление новых подходов к исследованию семантики слова связано с интересом лингвистов к психолингвистике, а также расширением сфер использования экспериментальных методов (в социологии, литературоведении, теории коммуникации и др.). Антропоцентрический подход, активно распространяющийся в современной лингвистике, также диктует необходимость осмысления семантических данных, получаемых как традиционными, так и психолингвистическими методами, и их интегрированного использования в описании лексического значения слова.

Монография посвящена теоретическому обоснованию нового направления в изучении семантики слова – *психолингвистической семасиологии*, разработке ее основных понятий и методов, а также способов и приемов практического отражения результатов психолингвистической семасиологии в лексикографических изданиях разного типа. Основная задача исследования – показать, что значение слова можно и нужно изучать как феномен языкового сознания носителя языка с использованием психолингвистических методов, а представление результатов психолингвистической семасиологии в словарях разных типов существенно обогащает наши знания о семантике слова и его функционировании, а также позволяет по-новому взглянуть на некоторые традиционные лингвистические проблемы и предложить новые решения ряда спорных лингвистических проблем.

Потребность современной теоретической лингвистики в исследовании возможностей и особенностей применения психолингвистических методов в изучении семантики языковых единиц как феномена языкового сознания

носителей языка обусловила актуальность данного исследования. Кроме того, когнитивные и психолингвистические исследования последних десятилетий доказывают необходимость обобщения и выработки единых принципов и приемов семного описания значения лексических единиц, а также разработки способов их последующей лексикографической фиксации с использованием естественного метаязыка.

Возрастающий интерес к экспериментальным методам вызван потребностью в уточнении и дополнении результатов, полученных с помощью традиционных методик и приемов исследования семантики слов. Недостаточная изученность способов переосмысления и интерпретации вербализованных реакций участников экспериментов, обоснованная трудоемкостью этого процесса, может быть решена в рамках нового исследовательского направления – психолингвистической семасиологии, которое сочетает психолингвистические и семасиологические принципы исследования семантики слова.

Целью исследования является разработка теоретических принципов и приемов описания психолингвистического значения лексической единицы с позиций психолингвистической семасиологии, а также разработка принципов лексикографической фиксации психолингвистического значения в психолингвистических словарях разного типа.

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные труды по общей теории языка О.С. Ахмановой, Ш. Балли, Р.А. Будагова, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, В.Г. Гака, В. фон Гумбольдта, Ю.Н. Караулова, С.Д. Кацнельсона, В.Н. Комиссарова, Л.П. Крысина, Е. Куриловича, З.Д. Поповой, А.А. Потебни, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, С.Г. Тер-Минасовой, А.А. Уфимцевой, Ф.Ф. Фортунатова, Н.М. Шанского, В.И. Шаховского, Н.Ю. Шведовой, Л.В. Щербы, Д.Н. Шмелева, В.Н. Ярцевой и др.; по проблемам семантической эволюции лексической и фразеологической подсистем языка Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А.Л. Голованевского, В.Д. Девкина, Д.О. Добровольского, В.И. Жельвиса, Е.С. Кубряковой, Т.П. Ломтева, Н.А. Лукьяновой, М.В. Никитина, З.Д. Поповой, Б.А. Серебренникова, А.И. Смирницкого, И.А. Стернина, В.Н. Телия, А.А. Уфимцевой, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева; по когнитивной лингвистике и семасиологии Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, А.П. Бабушкина, Т.В. Булыгиной, Е.М. Вольф, И.Н. Горелова, Н.И. Жинкина, А.А. Залевской, В.И. Карасика, Дж. Лакоффа, Е.А. Маклаковой, Е.Ю. Мягковой, М.В. Никитина, А.Л. Новикова, З.Д. Поповой, Ю.Е. Прохорова, И.А. Стернина, Г.Г. Шпета, Л.В. Щербы; по теории полевой стратификации языкового пространства А.В. Бондарко, М.М. Копыленко, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Г.С. Шура и др.; по теории номинации и ономасиологии В.Д. Девкина, Г.В. Колшанского, Е.С. Кубряковой, В.П. Москвина, З.П. Никулиной, А.А. Потебни,

А.В. Суперанской, И.С. Торопцева; по психолингвистике, социолингвистике, этносемантике, лингвокультурологии Л.О. Бутаковой, А. Вежбицкой, Е.М. Верещагина, Л.С. Выготского, Н.Д. Голева, В.Е. Гольдина, Е.И. Горошко, Е.Н. Гуц, П.П. Дашинамаевой, Дж. Диза, А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных, Л.П. Крысина, В.Г. Костомарова, А.А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, В.А. Масловой, И.Г. Овчинниковой, Ч. Осгуда, В.А. Пищальниковой, Т.М. Рогожниковой, А.П. Сдобновой, Д. Слобина, Ю.А. Сорокина, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, С.Г. Тер-Минасовой, Н.В. Уфимцевой, А.М. Шахнарвича и др.; по теории и практике лексикографии В.В. Виноградова, В.В. Дубичинского, А.В. Жукова, О.М. Карповой, В.В. Морковкина, С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и др.

Современной психолингвистикой накоплен большой объем экспериментальных данных, направленных на изучение семантики слова, выполнены отдельные семантические исследования языкового сознания носителей языка, однако до настоящего времени ни в отечественной, ни в зарубежной психолингвистической науке не разработана единая теоретическая база психолингвистического описания семантики слов, а результаты исследований не представлены в общедоступной лексикографической форме. Разработка методики описания психолингвистического значения слова и его лексикографической фиксации устраняет этот пробел в научных исследованиях.

Объектом исследования является семантика лексических единиц в ее полном объеме в обыденном языковом сознании носителей языка; в качестве предмета исследования – методы и приемы выявления и описания значения слова как феномена языкового сознания и принципы лексикографической фиксации психолингвистического значения слова в словарях разных типов.

Материалом исследования послужили более 1500 лексических единиц, которые относятся к знаменательным и служебным частям речи; результаты ассоциативных и иных экспериментов, проведенных с этими словами как стимулами, и ассоциативные поля, сформированные по результатам психолингвистических экспериментов для данных стимулов.

Ассоциативные эксперименты были проведены и обработаны самим автором; были также проанализированы результаты ассоциативных экспериментов, отраженные в «Русском ассоциативном словаре», в «Русском региональном ассоциативном словаре-тезаурусе», «Русской региональной ассоциативной базе данных (Сибирь и Дальний Восток)», в «Ассоциативном словаре употребительной русской лексики» и в «Базе результатов экспериментальных исследований» Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета. В процессе исследования были также использованы примеры употребления

исследуемых слов в Национальном корпусе русского языка и данные лексикографических источников.

Методика и методология исследования основываются на комплексном подходе к описанию и анализу семантики лексических единиц, который предполагает взаимодополняющее применение различных приемов и методов, к которым, в частности, относятся: 1) общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, описание, дедукция, индукция, интерпретация и т.д.); 2) собственно лингвистические методы (дефиниционный анализ, контекстный анализ, анализ лексической сочетаемости слов, метод полевой стратификации, рефлексивный анализ семного состава слова; метод прямого оппозитного компонентного анализа; методы семной и семной интерпретации результатов эксперимента, методы верификации семного описания значения, сопоставительно-параметрический метод); 3) психолингвистические методы (свободный и направленный ассоциативные эксперименты, метод субъективной дефиниции и др.).

Результаты исследования апробировались в ходе выполнения работ по гранту Президента РФ для молодых ученых, 2007-2008 гг. (руководитель), а также при работе по грантам «Русское обыденное языковое сознание (экспериментальное исследование), ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2010-2012 (исполнитель); «Теоретические проблемы разработки и создания «Психолингвистического толкового словаря современного русского языка» РГНФ, 2012-2014 (исполнитель); «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)», РФФИ, 2015-2017 (исполнитель); «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации», РФФИ, 2020-2022 (исполнитель, руководитель). Исследование выполнено в рамках проекта Центра коммуникативных исследований ВГУ «Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое исследование)», реализуемого с 2002 года.

Автор выражает искреннюю благодарность своему научному консультанту, любимому Учителю Иосифу Абрамовичу Стернину, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ, научному редактору Марине Абрамовне Стерниной, доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой английского языка естественнонаучных факультетов ФГБОУ ВО «ВГУ», без творческой и академической поддержки которых не состоялась бы ни настоящая монография, ни предшествующее ей длительное исследование. Автор также выражает признательность уважаемым рецензентам Е.А. Маклаковой и Е.В. Харченко за ценные замечания и предложения по выдвинутой в работе концепции.

ГЛАВА 1

Теоретические основы психолингвистического подхода к исследованию значения слова

1.1. Основные направления современной психолингвистики

У истоков отечественной психолингвистики стоит группа исследователей под руководством А.А. Леонтьева. В 1966 г. в Москве на первом научном семинаре по психолингвистике были заложены основные направления исследований, в рамках которых в дальнейшем были построены психологические теории ученых (Л.В. Бондарко, А.А. Брудный, А.П. Василевич, Л.А. Вербицкая, Е.М. Верещагин, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская, Ю.Н. Караулов, С.Д. Кацнельсон, А.Е. Кибрик, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, Р.Г. Пиотровский, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Т.Н. Ушакова, Р.М. Фрумкина, Л.С. Цветкова, А.М. Шахнарович и др.). В 1969 г. началась активная работа Группы психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН, которую возглавил А.А. Леонтьев. Обзор зарубежных психолингвистических работ представлен в работах [Леонтьев 1967; Психолингвистика за рубежом 1972].

По мнению Е.Ф. Тарасова, «психологические теории, используемые в российской психолингвистике для объяснения психических процессов, лежащих в основе производства и восприятия речи, значительно отличаются от психологических теорий в зарубежной психолингвистике, используемых для этой цели. В психолингвистике Ч. Осгуда это был бихевиоризм, в психолингвистике Миллера–Хомского – необихевиоризм. В 80-е гг. все эти разновидности бихевиоризма были заменены когнитивной психологией, которую трудно считать адекватной для объяснения психических процессов при производстве и восприятии речи. Культурно-исторический подход Л.С. Выготского и системно-деятельностный А.Н. Леонтьева, в рамках которых построены психологические теории, находящие применение в анализе речевых процессов в ТРД, пока не знают альтернатив» [Тарасов 2021, с. 14].

Теоретические и экспериментальные исследования российских психолингвистов опираются на положения, представленные в концепциях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии.

В основу общепсихологической теории деятельности и теории речевой деятельности (Московская психолингвистическая школа) легли принципиальные положения культурно-исторической психологии, разработанные Л.С. Выготским. По мнению ученого, «все высшие психические функции человека имеют социальное происхождение и

единое строение: любая функция опосредуется знаками, которые составляют основу человеческой психики (они являются объектом развития, с одной стороны, и инструментом (средством) развития, с другой). Знаки используются человеком не только для управления другими, но и для управления самим собой. У человека нет никаких иных средств доступа к самому себе, кроме средств доступа к другим, т.е. знаков. Если осознание внешней вещи – это разделение ее с другим человеком, общение с другим, то осознание себя – это общение с самим собой, отношение к себе как к другому человеку. Никакие внутренние содержания не даны человеку непосредственно. Основной принцип развития психики – это принцип интериоризации, под которой понимается формирование внутренней структуры психических операций за счет опосредования их формами коллективной деятельности (знаками и значениями). При этом формы коллективной деятельности, формы общения и обобщения не являются статичными, они изменяются в ходе развития языка и развития психики (развитие значений). Природа значения раскрывается в обобщении. Мышление и речь образуют единство, но не тождество. Мысль не выражается, но совершается в слове» [Тарасов 2021, с. 21].

Системно-деятельностный подход А.Н. Леонтьева лежит в основе теории речевой деятельности А.А. Леонтьева. Отметим основные положения данного подхода. Общепсихологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева опирается на деятельностный объяснительный принцип, предполагающий рассмотрение реальной действительности в виде деятельности, распределенной между субъектом и объектом в процессе речевого общения. «Анализ речевых сообщений позволяет предположить, что при смысловом восприятии речи реципиент имеет дело не со словарными значениями языковых единиц, а с их контекстуальными значениями, для обозначения которых А.Н. Леонтьев предложил термин «личностный смысл», формируемый в сознании реципиента путем соотнесения контекстуального значения языковой единицы с мотивом-целью деятельности, в структуре которой происходит развертывание речевого общения и производство – восприятие речи. При определении смысла речевых сообщений обязательным является учет неречевой деятельности, разные виды которой могут повлиять на его понимание» [Тарасов 2021, с. 23]. Важным в теории А.Н. Леонтьева является и положением о том, что «индивидуальное сознание может существовать только при наличии общественного сознания и языка, являющегося его реальным субстратом. В процессе материального производства люди производят также язык, который служит не только средством общения, но и носителем фиксированных в нем общественно-выработанных значений» [Леонтьев 2012, с. 74]. По мнению А.Н. Леонтьева, предпосылкой индивидуального сознания является существование общественного

сознания, которое объединяет всех носителей конкретного этнического сознания. Язык в этом случае является инструментом для овнешнения собственного сознания: «то, в чем и при помощи чего существует сознание общества, есть язык» [Леонтьев 1988, с. 38].

Для психолингвистики наиболее существенную роль играет проблема значения как проблема психологии сознания. Одна из основных проблем – разделение значения и языка, имеющее решающее значение для лингвистики, где исходят из представления, что значение и слово неразрывно связаны. Поэтому важным тезисом для понимания значения является мысль А.Н. Леонтьева о том, что «за языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность» [Леонтьев 2012, с. 106]. По мнению Е.Ф. Тарасова, «процесс овладения человеком значением (сознанием) и процесс усвоения языка – это два разных процесса, хотя феноменологически (в наблюдении) – это единый процесс. <...> Отображая реальную действительность, человек, вооруженный присвоенными знаниями общества (вскрытыми общественной практикой), формирует свое сознание, существующее в виде образов сознания. В то же время, кроме этого сознания для управления собственной предметной деятельностью, человек овладевает вербальными моделями для раскрытия своего сознания другим членам общества. С вербальными моделями ассоциировано общественное сознание, т.е. та часть индивидуального сознания, которая является, как уже упоминалось, общей для всех носителей языка и культуры. <...> В своем функционировании сознание оборачивается к исследователю другой своей стороной, обнаруживая две сферы своего бытования: в обществе и в индивидуальной психике» [Тарасов 2021, с. 25].

Теория системной динамической мозговой локализации высших психических функций представлена в работах А.Р. Лурии, по мнению которого «высшие психические функции как сложные функциональные системы не могут быть локализованы в узких зонах мозговой коры или в изолированных клеточных группах, а должны охватывать сложные системы совместно работающих зон, каждая из которых вносит свой вклад в осуществление сложных психических процессов и которые могут располагаться в совершенно различных, иногда далеко отстоящих друг от друга участках мозга» [Лурия 2002, с. 77]. Идея о функциональных связях между участками мозга, формирующихся в ходе социализации человека, во многом предвосхищает современное учение о нейронных сетях. Изучение мозговой организации функции речи привело исследователя к формированию новых представлений о том, каково строение этой функции. Теоретические принципы нейропсихологии речи А.Р. Лурии основаны как на материале нормы, так и на материале патологии. Разработанный исследователем метод синдромного анализа позволил

создать классификацию афазий и указать для каждого вида афазии нарушенный нейропсихологический фактор, лежащий в ее основе.

Теория порождения речи и ее модель, сформированные в Московской психолингвистической школе, восходят к разработкам Л.С. Выготского и А.Р. Лурии. Модель порождения речи, предложенная А.А. Леонтьевым и нейропсихологом Т.В. Ахутиной, в работах исследователей предстает в виде структуры последовательных действий. Традиционно выделяют три фазы в развертывании речевой деятельности: фаза ориентировки в ситуации общения и планирования высказывания во внутриречевом смысловом коде; фаза реализации плана во внешней речи; фаза сличения полученного результата с первоначальным замыслом и при необходимости – коррекция полученного результата в новом речевом действии.

По мнению В.А. Пищальниковой, «большинство лингвистов исходит в научном исследовании из убеждения в том, что лингвист изучает тексты как результат речевой деятельности мыслящего человека. При этом принято считать, что субъект речевой деятельности не только использует лексику определенного языка в соответствии с устойчивым (общеупотребительным) значением знака, но может и употреблять тот или иной знак для обозначения субъективного значения – смысла. Отсюда и лингвистические определения значения как устойчивого инвариантного содержания, исторически закрепившегося за определенным звуковым комплексом, и ситуативного использования слова для обозначения субъективно важного содержания (смысла). Анализируя содержание текстовых (языковых) элементов, лингвист, как правило, опирается на интроспекцию собственных ментальных образований, соотносимых им с этими элементами, в лучшем случае добавляя к интроспективным наблюдениям данные лексикографических источников. Такой путь анализа для лингвиста не только допустим, но и, собственно, единственно возможен: предполагается, что сознание человека доступно в интроспекции только субъекту сознания. Лингвист, субъект сознания, исследует одну из разновидностей фиксации сознания – текст» [Пищальникова 2021б, с. 39-40].

Далее В.А. Пищальникова отмечает, что «в отличие от такой позиции, в отечественной психологии и психолингвистике актуально представление, согласно которому сознание человека структурируется при обязательном участии языка как средства обобщения ментальных образов, возникающих в деятельности, и поэтому сознание является языковым. Язык фиксирует и актуализирует для индивида познанное, запечатленное другими. Поэтому акт номинации – это не что иное, как акт выделения идеальной стороны объекта. Отсюда присвоение языка индивидами – это присвоение «означаемого им в форме его осознания» (А.Н. Леонтьев). Пользуясь языком, индивид пользуется выработанными до него готовыми формами осознания, познания мира. Присвоенные формы фиксируются в виде

субъективных образов, но не неких абстрактных, отдельных от образов форм – в противном случае языковая коммуникация и понимание были бы невозможны. Образ, стоящий за формой, может меняться, но форма остается стабильной. Поэтому познавательный результат, закрепленный в языке, принципиально отличается от чувственного познания. Он включает свойства и связи реалий, недоступные чувственному восприятию, поскольку формируется на базе интеграции присвоенных ранее форм. Таким образом, языковая форма (элемент) передает формы знания, а анализ языкового элемента осуществляется только в структуре деятельности, в которую он включен, и характеризуется через связи элементов этой структуры. Такая схема, объясняя специфику восприятия действительности характером и способом ее включения в деятельность индивида, позволяет субъекту в исследовательских целях абстрагировать сознание от деятельности, задать определенные параметры научного объекта, – словом, делать сознание индивида объектом научного анализа» [Пищальникова 2021б, с. 40].

Многие исследования российских психолингвистов проводятся в рамках традиции, восходящей к лингвистическим работам И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, А.А. Потебни.

На становление психологического подхода к исследованию языковых явлений в отечественной лингвистике большое значение оказала позиция А.А. Потебни, в частности, его представления о значении слова и его внутренней форме. В структуре лингвистического значения А.А. Потебня выделяет значение и представление: «Уже при самом возникновении слова между его значением и представлением, то есть способом, каким обозначено это значение, существует неравенство: в значении всегда заключено больше, чем в представлении» [Потебня 1990, с. 134]. Представление является конституирующим компонентом значения, поскольку оно доминирует в системе других познавательных признаков, обнаруженных мышлением в процессе познания реалий, соотносимой со словом. А.А. Потебня называет этот доминирующий признак внутренней формой, способом организации структуры значения.

По мнению А.А. Потебни, «посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нем его собственную» [Потебня 1989, с. 167]. «В процессе общения слово связывается говорящими с новыми ассоциациями и реалиями, что приводит к появлению смыслов как лично актуальных компонентов значения» [Потебня 1990, с. 134]. Это приводит к тому, что в процессе употребления в динамичной семантической структуре слова каждый индивид выделяет актуальные для него компоненты, что постепенно ведет к изменению познавательной структуры, обозначенной прежним словом, т.е., по сути, к медленному, но неуклонному изменению его значения. «Стремясь оторваться от представления в слове, мысль производит новое слово с

ясным представлением. Эта непрерывная борьба мысли со словом при благоприятных условиях <...> производит все более и более усовершенствований в языке и обогащает его содержание» [Потебня 1989, с. 223].

Позиция А.А. Потебни позволяет представить значение как устойчивую, принципиально динамичную структуру, реализующую определенный способ познания действительности, дискретно соотношенную с определенным звуковым образом, входящим в эту структуру и «внешняя» ее. С опорой на теорию значения слова А.А. Потебни В.А. Пищальниковой была разработана интегративная модель значения как устойчивой, но принципиально динамичной структуры, репрезентирующей определенный способ познания действительности и ассоциативно связанной с конкретным звуковым образом [Пищальникова 2021а]. Интегративная схема значения позволяет продемонстрировать мысль исследователя о том, что динамика значения как познавательной структуры принципиально обусловлена механизмом языка (речесмысловорождения), а не характером референциальных связей его единиц с лингвистической действительностью. «Эти связи, безусловно, существуют, и в виде компонента познавательных структур (и только в нем) они способны влиять на речесмысловорождение, но не обуславливать его абсолютно» [Пищальникова 2021а, с. 57].

Большой вклад в развитие отечественной психолингвистики был сделан Л.В. Щербой. В его работе «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [Щерба 1974] впервые были разграничены речевая деятельность, языковая система и языковой материал. «Процессы понимания, интерпретации знаков языка являются не менее активными, не менее важными в совокупности того явления, которое мы называем «языком» ... они обуславливаются тем же, чем обуславливается возможность процессов говорения» [Щерба 1974, с. 25]. В своих работах Л.В. Щерба также поднимает вопрос о соотношении системы языковых представлений индивида и языковой системы, которая в современном языковедении исследуется в рамках проблемы языкового сознания. По мнению исследователя, отличия индивидуальных речевых систем исчезают в процессе общения, но этот факт не дает оснований смешивать понятия индивидуальной речевой системы и системы языка [Щерба 1974, с. 247].

Одним из важных вопросов, важных для отечественной психолингвистики, является вопрос о структуре образа сознания. Благодаря работам А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, Н.И. Жинкина и других исследователей, была сформирована модель представления о реальной действительности, которая является объектом познавательной деятельности человека. Модель А.Н. Леонтьева включала составляющие сознания, располагающиеся на бытийном и рефлексивном уровнях,

позднее В.П. Зинченко добавил к этой структуре еще один слой – духовный [Леонтьев 2012, с. 100-101; Зинченко 2009, с. 111-113].

Бытийный слой сознания, по В.П. Зинченко, «состоит из биодинамической ткани живого (познавательного) действия, обладающего различными временными, пространственными, кинетическими, силовыми и т.п. характеристиками, влияющими на сенсорный ответ познающего субъекта» [Зинченко 2009, с. 111]. Чувственная ткань сознания – совокупность сенсорных полимодальных данных, характеристики которых целиком зависят от характеристик биодинамической ткани познавательного действия. Чувственные образы сознания, по А.Н. Леонтьеву, «придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту <...> благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его сознания – как объективное “поле” и объект его деятельности» [Леонтьев 2012, с. 100].

Рефлексивный слой сознания, по А.Н. Леонтьеву, состоит из значения и смысла. Чувственное восприятие любого объекта осмысливается экзистенциально – оценивается с точки зрения опасности, полезности, съедобности и т.д., а затем означается при помощи известных субъекту восприятия значений. «Духовный слой личности формируется во взаимодействии и общении с другими членами общества, что ведет к созданию у человека представления о себе и других. Анализ духовного слоя сознания предполагает введение в исследование представления о личности субъекта сознания как совокупности некоторых устойчивых психических качеств человека, формирующихся у индивида в ходе проживания в конкретном социуме» [Тарасов 2021, с. 71].

В настоящее время актуальны психолингвистические исследования базисных духовно-нравственных ценностей / антиценностей [Пэй Цайся 2019; Тарасов 2012; Уфимцева 2006; Хлопова 2018б; Чжипэн 2019 и др.].

Интересным направлением является и исследование иерархии индивидуальных ценностей, связанных с социализацией личности [Адамова 2006; Боргоякова 2002; Пищальникова 2020 и др.]. По мнению В.А. Пищальниковой, «в анализе ценностей учитываются следующие параметры: представленность в речевых действиях актуальных признаков потребностей; мотивационная основа социальных ценностей поведения – доминантные эмоции и оценка, обнаруживаемые в речевых действиях эмоционально-оценочного содержания; степень удовлетворенности и «сила» мотивационных образований, обнаруживаемый в соотношении мотивационной основы и «направленности» речевых действий; характер и механизм актуальной установки, связанной с социальной ценностью, обнаруживаемый в соотношении структуры и содержании всех компонентов модели личностного смысла; нарушение структуры языковых

конвенций как проявление социальной напряженности» [Пищальникова 2021б, с. 103].

Специфические черты этнической культуры, вербализованные в языке, являются основой такого интегративного направления, как этнопсихолингвистика. Экспериментальные методы позволяют выявить этническую неповторимость и национально-культурную вариативность когнитивной и коммуникативной сторон речевой деятельности [Красных 2003; Пищальникова 2021а; Тарасов 2012; Уфимцева 2006]. В связи с этим становятся востребованными исследования, связанные с лингвистической безопасностью и направленные на изучение разных аспектов влияния современной лингвистической экспансии, ведущей к деформации национального языка, познавательных моделей и стратегий под воздействием информационных технологий. Особое место отводится изучению языковой толерантности (исследование текстов религиозных конфессий с помощью лингвистических и психолингвистических методов; разработка принципов и способов анализа конфликтных текстов и др.) [Баженова 2015; Пищальникова 2004].

Важным социальным направлением современной отечественной психолингвистики являются и исследования в области межэтнических отношений. Они связаны, прежде всего, с вербальным диагностированием внутриэтнической и межэтнической напряженности и напряженности в отношениях между разными социальными группами населения страны [Адамова 2006; Кирилина 2016; Пищальникова 2004; Сорокин 1994 и др.]. Многие ученые обращаются к исследованию проблемы национальной идентичности этноса. Эскалация степени межэтнической напряженности приводит к межэтническим конфликтам. Исследования, обращенные к изучению межэтнических конфликтов, позволяют диагностировать межэтническую напряженность, разработать методы определения ее степени, выработать методы ее снижения [Балясникова 2019; Тарасов 1996 и др.]. В рамках этнопсихолингвистических исследований выделяется такое направление, как лаунология, изучающая проблемы межкультурного общения, обусловленные этнокультурной спецификой коммуникантов (Г.В. Быкова, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, М.А. Стернина и др.).

Наряду с Московской психолингвистической школой, ярко выделяются и работы ученых Петербургской школы психолингвистики, созданной Л.В. Сахарным и А.С. Штерн. В настоящий момент школой руководит специалист в области когнитивных наук Т.В. Черниговская. Исследователи, совместно с Институтом мозга человека им. Н.П. Бехтеревой, проводят исследования с использованием специального оборудования, используют как традиционные психолингвистические методики, так и электроэнцефалографию, метод вызванных потенциалов, методику регистрации движений глаз и др. Основные направления

исследований Петербургской психолингвистической школы – психологическая природа значения, механизмы восприятия и порождения речи, восприятие, осознание и продуцирование слова (Л.В. Бондарко, А.В. Венцов, Л.А. Вербицкая, Л.Р. Зиндер, В.Б. Касевич и др.), смысловая структура текста и его функционирование в речи (Е.В. Грудева, Т.Е. Петрова, Е.В. Ягунова и др.), механизмы чтения (С.В. Алексеева, Н.А. Слюсарь, Д.А. Чернова и др.), ментальный лексикон (Е.В. Глазанова и др.), становление речи при изучении родного и иностранного языков (М.Д. Воейкова, Г.Р. Доброва, Н.А. Любимова, С.Н. Цейтлин и др.), изучение высших функций мозга (Т.В. Черниговская и др.) и др.

В настоящий момент в России сформировалось много региональных научных центров, которые занимаются психолингвистическими исследованиями.

Значительный вклад в развитие отечественной психолингвистики внесла Тверская психолингвистическая школа под руководством А.А. Залевской (Н.О. Золотова, С.В. Мкртычян, Е.Ю. Мягкова, С.И. Тогоева и др.). В рамках школы созданы концепции психолингвистического значения слова, которые позволили обогатить методологическую базу психолингвистики, разработать эффективные экспериментальные методы психолингвистического исследования значения слова. В работах представителей Тверской школы разграничены виды знаний, обоснована специфика их вербальной репрезентации, выявлены особенности исследования языка как достояния человека, сделана попытка решить проблему языкового сознания путем определения механизмов речи, слова как достояния индивида [Голубева 2016; Залевская 1992, 2007; Золотова 2005; Сазонова 2000 и др.].

А.А. Залевской была разработана интерфейсная концепция значения слова, показавшая, что «за словом у индивида лежит широчайшая сеть разнородных многократно пересекающихся связей, устанавливаемых по множеству оснований разных модальностей и уровней обобщенности» [Залевская 2007, с. 239]. Ученый отмечает, что при употреблении слова в речи индивид может и не иметь четкого представления о значении употребляемого им слова, акцентировать только один признак представляемого словом понятия, выделять ассоциативно связанные с ним явления.

А.А. Залевская сформулировала принципы организации внутреннего лексикона человека как функциональной динамической (самоорганизующейся) системы, в которой взаимодействуют языковые и энциклопедические знания индивида, различные личностно переживаемые смыслы, социальные нормы и т.п., акцентировав важность рассмотрения значения «живого слова», а не словарных инвариантов.

Язык, по мнению А.А. Залевской, выполняет функцию специфического интерфейса между индивидом и социумом, между образом мира индивида и природно-социальной средой.

Результат переработки вербального и невербального опыта индивидом А.А. Залевская называет единой информационной базой человека. Слово является средством доступа к этой базе, средством, которое дает возможность обнаружить, что стоит за ним в памяти индивида, при этом слово связано с единицами разных уровней обобщения [Залевская 1992, 2007]. На основе обобщения результатов экспериментальных исследований была создана спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, которая показывала закономерности взаимодействия разного рода выводного знания и эмоционального опыта индивида в процессах понимания, объясняла ситуативный выбор значения.

В фокусе внимания ученых Тверской психолингвистической школы находятся и психолингвистические проблемы двуязычия. Исследователи обращаются к изучению функционирования иноязычного слова [Медведева 1999], к описанию стратегий идентификации иноязычных фразеологических единиц [Шумилина 1997], к разработке методики обучения билингва (В.М. Беляева, М.А. Карцова, С.И. Корниевская, И.В. Новикова и др.). Опубликована монография «Вопросы теории двуязычия» [Залевская 2009].

В русле Тверской и Московской психолингвистических школ ведутся исследования курских психолингвистов: исследуются проблемы понимания текста, значения слова, проблемы двуязычия, функциональной неграмотности [Мягкова 2000; Попадинец 2006; Таныгина 2012 и др.].

Омская психолингвистическая школа представлена такими исследователями, как Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова и др., которые изучают различные аспекты социального статуса носителей языка (возрастной и гендерный аспекты). На основе их работ создается программа частичной социально-психологической и психолингвистической адаптации для наиболее уязвимых групп общества (детей, подростков, пожилых людей) к условиям современной жизни [Бутакова 2018а, 2018в, 2018г, 2019, 2020, 2021]. Комплексное исследование языкового сознания пожилых людей выявило актуальные для них стереотипы, их отношение к разным аспектам социальной деятельности государства, позволило установить их представления о себе как социальной группе, выявить ценностные доминанты пожилых людей.

Основная сфера интересов Челябинской психолингвистической школы – профессиональная сфера: большая часть исследований посвящена изучению образа профессионала в национальных культурах и специфике языкового сознания профессионалов, влияющей на их речевое поведение. Осуществляется описание языковой личности профессионала на основе

экспериментальных данных, делается попытка разработать систему обучения профессиональной речевой деятельности [Кубиц 2005; Кудрук 2008; Мальцева 2011; Нин 2020; Приходкина 2007; Шкатова 2016 и др.]; предложено новое научное направление «Организационная лингвистика», объектом которой является языковая среда организации, а предметом – организационный дискурс, большое внимание уделяется описанию корпоративной культуры и корпоративному языку [Березовская 2011; Битюцких 2015; Ваганова 2008; Иноземцева 2012; Купфер 2015; Харченко 2004, 2009; Шефер 2007 и др.].

Пермская социопсихолингвистическая школа представлена работами таких исследователей, как Л.В. Сахарный, А.С. Штерн, Е.В. Ерофеева, Т.Н. Чугаева, И.Г. Овчинникова и др. В рамках этого направления индивид рассматривается как социальный объект, языковое сознание которого можно исследовать целым комплексом методик (анкетирование, интервьюирование, ассоциативные эксперименты, метод семантического дифференциала, метод прямого толкования, метод наивного толкования), применение разных методов позволяет ученым выявить связь между социальным и индивидуальным во всех языковых явлениях [Ерофеева 2009; Овчинникова 1994; Чугаева 2008 и др.]. Важными направлениями Пермской школы являются исследование структуры и семантики текста (И.А. Барина, Н.М. Нестерова, И.Г. Овчинникова, Д.С. Павлова и др.), социальных стереотипов (М.В. Гаранович, Т.И. Доценко, Т.И. Ерофеева, Е.С. Худякова и др.).

Воронежская психолингвистическая школа, возглавляемая И.А. Стерниным, на протяжении 20 лет разрабатывает методiku психолингвистического описания значения слова и его лексикографической фиксации [Высочина 2001; Стернин 2011а, 2018, 2020а; Фридман 2006 и др.], ведутся исследования, выявляющие групповую специфику значения слова в языковом сознании носителей языка [Грищук 2002; Стернин 2006, 2020в и др.]. Восприятие коммерческой номинации языковым сознанием изучается М.Е. Новичихиной, Н.М. Ступниковой, восприятие медианоминации – А.Е. Барановой, М.А. Дрогайцевой, К.В. Киреевой, И.И. Коровченко и др.

В рамках Московской психолингвистической школы проводятся психолингвистические исследования в Новосибирске. Под руководством И.В. Шапошниковой исследуются проблемы языковой способности и языковой личности [Шапошникова 2020], создается русская ассоциативно-вербальная эмпирическая база данных, представленная ресурсами СИБАС-1 и СИБАС-2. Особое место занимают исследования, проводимые под руководством М. Дебрэнн: создан Словарь ассоциативных норм франкофонии, материалы Словаря изучаются в диахроническом и диахронном аспектах) [Debrenne 2010; Дебрэнн 2010б].

Проблема сенсорной мотивированности языкового знака разрабатывается в трудах И.Н. Горелова, Е.А. Елиной, А.П. Журавлева, В.В. Левицкого, А.Б. Михалева, Л.П. Прокофьевой, Т.М. Рогожниковой, О.Н. Селивановой, Е.Б. Трофимовой и др. Идея исследования лингвофоносферы в связи со сферой визуального восприятия, вопрос о существовании сенсорных ассоциативных связей в сознании носителя языка позволили создать оригинальную фоносемантическую теорию (объектом исследования были как графемы, так и лексемы и целые тексты). Результатом экспериментальных исследований стал вывод о наличии национальных систем звуко-цветовой ассоциативности в разных языках при существовании универсальной фоносемантической картины мира [Воронин 1982; Журавлев 1974; Левицкий 2009; Михалев 2018; Прокофьева 2007; Трофимова 2018; Шляхова 2016]. Создано несколько фоносемантических словарей [Флакман 2016; Шляхова 2004].

Концепция невербальности мышления была сформулирована в трудах И.Н. Горелова. Продолжая исследования Л.С. Выготского и Н.И. Жинкина, исследователь выдвинул идею о существовании универсального предметного кода (УПК), на котором базируется мыслительный процесс. Это позволило ученому утверждать, что оформление смысла не обязательно включает вербализацию, в определенных условиях мысль и языковой конструкт могут существовать независимо друг от друга. По мнению И.Н. Горелова, УПК – язык, на котором происходит формирование замысла речи, первичная запись личностного смысла. При порождении речи происходит перекодировка содержания будущего высказывания с кода образов и схем на вербальный язык. УПК имеет интернациональный характер, является достоянием людей разных языковых культур, что позволяет понимать иноязычную речь [Горелов 2003, 2009а, 2009б; Жинкин 1998].

В целом отечественная психолингвистика предстает наукой с оригинальными концепциями и методами; многие направления российской психолингвистики не имеют аналогов в мировой лингвистике; результаты исследований позволяют сформулировать важные выводы о речевой деятельности и природе слова, наметить пути дальнейшего развития психолингвистической науки. Каждая психолингвистическая школа предлагает и разрабатывает новые аспекты в исследовании проблемы значения слова, дополняя и уточняя уже существующие.

1.2. Концепции значения слова в психолингвистических учениях

Определение понятия «значение слова» до сих пор является сложной задачей лингвистической науки. Исследователи, обращаясь к этой проблеме, предлагают различные ее решения (Н.Ф. Алефиренко, А.В. Бондарко, Л.М. Васильев, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.А. Залевская, В.А. Звегинцев, А.А. С.Д. Кацнельсон, Г.В. Колшанский, Е.А. Маклакова, А.А. Леонтьев, Л.А. Новиков, И.Г. Овчинникова, А.А. Потебня, Ф. де Соссюр, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.А. Уфимцева, Д.Н. Шмелев, Г.Г. Шпет, Л.В. Щерба и др.). Попытки разграничить понятия значения слова, смысла, понятия приводят к созданию психологических и лингвистических концепций. Назовем некоторые из них.

Одна из самых первых концепций относится к концу XIX в., когда значение слова приравнивалось к понятию. Идеи немецкого философа и логика Г.Фреге привели к появлению концепции, в основе которой лежит семиотический треугольник Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса (знак, понятие, предмет). Позднее это представление было дополнено Э. Лендваи еще одним элементом (значением), что привело к созданию трапеции значения [Лендваи 1988].

Развивая идеи А.Н. Леонтьева, Ф.Е. Василюк предлагает трехмерную модель психосемиотического тетраэдра, связывающую образы сознания индивида с внешним миром (предметным содержанием образа), культурой (значением) и языком (словом). В дальнейшем идеи Ф.Е. Василюка нашли свое развитие в моделировании структуры концепта: В.А. Пищальниковой была предложена интегральная схема значения, которая включала такие единицы, как тело знака, понятие, представление, предметное содержание, ассоциации, эмоция, оценка [Пищальникова 2003, 2021a].

В работах Хорста Рутрофа представлена корпоральная теория значения, суть которой состоит в том, что «невербальные знаки составляют глубинную структуру языка, а значение – это ассоциация между невербальными и вербальными знаками» [Ruthrof 1997]. По мнению Х. Рутрофа, язык является синтаксической решеткой пустых звуковых схем, которые сами по себе ничего не значат, если они не активированы невербальными знаками. Системы невербальных знаков способны заменять друг друга, а языковые выражения неспособны даже к ограниченной автономии. Чтобы перевести языковые цепочки в значения, требуются невербальные знаки. Такое представление о значении соотносится с представлениями когнитологов об универсальности концептов (мыслительных конструкторов) и национальной специфичности языковых знаков.

Сетевая теория значения была разработана Кристиной Харди [Hardy 1998]. Теория предполагает учет особенностей познавательной деятельности индивида – сочетание осознаваемых и неосознаваемых когнитивных процессов и их динамику, симбиоз ощущений, переживаний и абстрактных понятий в мыслительных процессах, взаимодействие между сенсорно-аффективно-ментальным сознанием и значимым для него окружением. Исследователь предлагает концепцию семантических констелляций, под которыми понимаются специальные сети, объединяющие и организующие все типы единиц (языковые, психологические, физиологические и др.). При этом возможно уровневое построение сети (подсети – «сеть в сети»). В частности, К. Харди выделяет ноосемантические поля (активированные части семантической решетки), экополя (связи семантической решетки за пределами индивида, устанавливаемые при взаимодействии с другими людьми или объектами), коллективные семантические поля (коллективные сети – в идеологии, искусстве, культуре). По мнению исследователя, сетевое строение системы делает ее лабильной и способной к высокой степени адаптивности.

Концепция семантики опыта и выводного знания П. Виоли [Violi 2001] предполагает три подхода к значению (с позиций логико-философской, структурной и когнитивной семантики). По мнению П. Виоли, лексические единицы в качестве глубинных семантических структур должны трактоваться как опоры временной стабильности в динамичном семантическом универсе. Язык, с точки зрения исследователя, это живой организм, сосредоточием которого является семантическая система, тесно связанная с жизнью индивида, поэтому семантика неавтономна, она неразрывно связана с социокультурным опытом. П. Виоли в своих работах отмечает, что из-за неотделимости семантики языка от знаний индивида о мире вытекает такое свойство семантики языка как его энциклопедическая природа, его мотивированность множеством уровней модальности опыта индивида. Исследователь пишет о невозможности создать унифицированную модель лексического значения, так как описание семантических структур невозможно использованием одной и той же системой репрезентаций, которые в структуре лексического значения существуют в виде частично накладывающихся друг на друга систем. Это же свойство приводит к невозможности единой трактовки значений слов, так как язык соотносится с личным опытом, в котором каждый индивид актуализирует разные свойства и признаки. В теории П. Виоли выделяются три взаимосвязанных параметра значения: онтологический (относится к разным модальностям и формам опыта); семантический (продуцирует типологию семантических свойств); третий параметр – параметр реализации двух первых параметров в разных частях речи и лексических категориях.

Биокультурная теория значения Й. Златева предполагает два основных положения: все живые системы способны к значению; существует иерархия систем значения (каждый предыдущий уровень предполагается тем, который следует за ним, и объединяется с ним в единое целое). «Значение является отношением между организмом и его средой, определяемое ценностью, которую конкретные факторы среды имеют для организма» [Златев 2006, с. 315]. Теория значения как ценности Й. Златева основана на том, что у людей «природное» значение основано на врожденных ценностях и приобретенных ассоциациях дополняется конвенциональным значением, общим для участников социума [Златев 2006, с. 314-318].

Теория лексических концептов и когнитивных моделей представлена в работах В. Эванс. Главным постулатом теории является положение о том, что значение не является функцией языка как такового, а возникает лишь в процессе ситуативно обусловленного пользования языком [Evans 2006]. Исследователь считает, что лексические концепты представляют собой семантические единицы, конвенционально ассоциируемые с языковыми формами, являются неотъемлемой частью ментальной грамматики индивида, а значения принадлежат и словам, и использованию языка в ситуации. По мнению исследователя, лексический концепт обеспечивает доступ к концептуальному знанию, существующему в виде когнитивных моделей (энциклопедические знания). Именно слово дает доступ к семантическому потенциалу когнитивных моделей.

Психонейролингвистическая теория значения как значимости была разработана П.П. Дашинимаевой [Дашинимаева 2010]. Основные постулаты теории следующие: необходимо разграничивать “значение“ и „значимость“; значение – это квант знания, а значимость – личностное переживание в процессе мышления; значение коррелирует с концептуально-семантическим, лексикографическим знанием; значимость является психическим феноменом, часть которого стремится к внешнеязыковой объективации; в каждом акте семиозиса субъект приписывает знаку новую значимость [Дашинимаева 2010, с. 3-38].

Интерфейсная теория значения слова представлена в работах А.А. Залевской [Залевская 2014]. В ее основе лежат представления о слове как достоянии индивида.

В работах многих исследователей появляется представление о языке и слове как живом знании (книга «Живое знание» С.Л. Франка, работы Г.Г. Шпета, А.Н. Леонтьева, В.П. Зинченко, А.А. Залевской и др.). С точки зрения А.А. Залевской, «живое слово представляет собой: достояние пользующегося словом человека; продукт своеобразной переработки индивидом многообразного (вербального и невербального) опыта познания и общения; средство доступа к образу мира личности; специфическое орудие разнообразной (в том числе – коммуникативной) индивидуальной и

социальной деятельности людей; познавательную единицу с двойственной онтологией, обращенную одной своей ипостасью к индивиду, а другой – к социуму/культуре» [Залевская 2014, с. 54]. Далее исследователь отмечает, что «живое слово обладает изначальной предметностью; возбуждает представление о вещи со всеми ее признаками; позволяет думать о действительности (опосредствует мысль, помогает формировать мысль при ее формулировании); обеспечивает взаимодействие сенсорики, интеллекта и эмоционально-оценочных переживаний; отличается от слова, каким оно представлено в словаре» [Залевская 2014, с. 54]. Подтверждением этому являются слова А.Н. Леонтьева о необходимости «различать сознаваемое объективное значение и его значение для субъекта» [Леонтьев 2012, с. 75]. Эту же мысль развивает А.А. Леонтьев, отмечая принципиальные различия «слова в словаре» (находится в системе общественного сознания, относится к социальным явлениям, фиксируется в словаре, представляется как узкое понимание значения, изучается лингвистикой) и «слова в голове» (находится в системе личности и деятельности субъекта, является частью сознания личности, существует в голове, представляется как широкое понимание значения, изучается психолингвистикой, психосемантикой) [Леонтьев 2001]. Все это свидетельствует о «двойной» жизни значения слова.

Основные положения интерфейсной теории значения слова следующие:

1. Двойная жизнь значения слова сформировалась и функционирует вследствие необходимости специфического интерфейса между социумом и индивидом.

2. Значение слова у пользующегося языком человека по своей природе представляет собой живое знание. <...>

3. На довербальной стадии онтогенеза у ребенка в различных ситуациях и через разнообразные познавательные действия формируются перцептивно-когнитивно-аффективные опоры, со временем увязываемые с принятыми в социуме именованиями.

4. Все воспринимаемое индивидом подвергается независимо от нашей воли и сознания процессам анализа, синтеза, сравнения и классификации, что приводит к постоянной реорганизации формирующейся в мозге сети связей между следами разных модальностей по множественным параметрам и признакам признаков – переживается как многомерный образ мира – голограмма, обеспечивающая идентификацию образов целостных объектов и ситуаций с обширными кругами выводных знаний и сопутствующих им переживаний.

5. Независимо от возраста человека воспринимаемое им слово остается «пустым», если не удастся соотнести его с уже имеющимися в предшествующем опыте вербальными и невербальными опорами. Поиск

таких опор представляет собой навигацию по живому мультимодальному гипертексту.

6. Постоянное взаимодействие двух ипостасей значения слова (закрепленного социумом и описываемого в словарях, с одной стороны, и являющегося результатом поиска в мультимодальном гипертексте, с другой) обуславливает реализацию словом множественных функций интерфейсной природы. <...>

7. Объяснительный потенциал интерфейсной концепции значения слова важен для рассмотрения проблематики межъязыковых контактов, двуязычия и многоязычия [Залевская 2014, с. 109-110].

Представленные концепции значения слова позволяют посмотреть на этот феномен как психолингвистическое явление. Все концепции предполагают разграничение системного значения слова («слово в словаре») и слова как достояния индивида («слово в голове»), что приводит нас к идее о возможности описания семантики слова психолингвистическими методами.

1.3. Понятие психолингвистического значения слова

При описании семантики слова могут быть использованы такие подходы к описанию значений лексических единиц, как:

- лексикографическое описание – логически сформулированная лексикографами минимальная совокупность признаков для узнавания значения слова;
- коммуникативное описание – совокупность семантических компонентов, полученных в ходе анализа контекстуального употребления слова;
- психолингвистическое описание – совокупность семантических компонентов, выявленных экспериментальными приемами разного типа и ранжированных по относительной яркости в языковом сознании носителей языка [Попова 2007б].

В зависимости от используемого подхода к исследованию семантики слова можно разграничить три типа значения: лексикографическое (системное), психолингвистическое и коммуникативное.

Обычно системное и лексикографическое значение отождествляют, однако у этих понятий есть некоторые отличия. «Под системным значением слова понимается совпадающая часть семантических компетенций всех носителей языка. Считается, что именно эта общая для всех носителей языка часть компетенций подлежит лексикографическому описанию и релевантна для изучения языка как системы» [Стернин 1985, с. 26]. В словаре описывается лишь часть системного значения – лексикографическое значение слова.

Отмечено, что при лексикографической фиксации объем системного значения слова определяется каждым исследователем, исходя из общих правил составления словарей, субъективных представлений о значении слова, опыта лексикографирования и формулирования дефиниций. Это приводит к различному представлению одних и тех лексических единиц в разных лексикографических источниках. «Наличие иного варианта описания отдельного семантического признака или семемы чаще всего оказывается дополнительным описанием, рассматривающим с новой, другой стороны семантический компонент или значение слова. Это результат проявления **принципа множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных единиц**» [Стернин 2011б, с. 8-9], который обуславливает несовпадения (иногда – значительные) в описаниях одних и тех же по семантическому содержанию значений в различных словарях.

В лингвистической практике достаточно широко распространено отождествление толкования значения слова в традиционных толковых словарях с реально представленным в сознании носителей языка значением. До сих пор существует мнение о том, что толковые словари в своих дефинициях отражают наивные представления рядовых носителей языка о денотатах. «В словаре раскрывается значение слова в кратком определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления в современной речи. Краткие определения для слов с одним или несколькими значениями охватывают только те значения и смысловые оттенки слов (в том числе и переносные), которые являются устойчивыми в литературном языке и свойственны современному употреблению» [Голев 2009, с. 11].

По словам А.А. Леонтьева, «составление толкования начинается с того, что лингвист-лексикограф рассматривает свое языковое сознание, т.е. совершает акт интроспекции. На этом этапе он решает для себя, какую информацию имя несет о денотате. Далее лингвист (не без основания) выдвигает предположение о том, что внутренние миры других говорящих индивидов похожи на его собственный. На основании этого лингвист и производит совершенно принципиальный для дальнейших обобщений акт интроспекции: наделяет других носителей языка “языковым сознанием”, не слишком отличающимся от своего. Такого рода шаги и позволяют считать, что в лексикографическом толковании вскрывается структура наивных понятий о вещи...» [Леонтьев 1983, с. 65].

Однако, по мнению Ю.С. Волобуевой, в реальной лексикографии направленность на отражение наивных понятий выдерживается далеко не всегда, реальная семантика в словарях нередко подменяется нормативной, причем нормативное отождествляется с научным знанием. Исследователь отмечает, что «лексикограф, по сути, приписывает “правильное” значение общеупотребительным словам, полагая, что он фиксирует общезначимые,

регулярно выявляемые для рядовых носителей языка признаки» [Волобуева 2011, с. 145].

Обращение к лексикографическому значению анализируемых языковых единиц в данной работе является необязательным, вспомогательным этапом в исследовании семантики слов.

Коммуникативное значение – «обобщение различных зафиксированных в контекстах наборов актуализированных и наведенных сем значения; это значение, описанное как совокупность сем, которые нашли актуализацию в зафиксированных контекстах употребления описываемого слова» [Стернин 2011а, с. 42-43]. Описание коммуникативного значения и методов его анализа не входит в задачи данного исследования.

Экспериментальное исследование значений слова в психолингвистике позволяет говорить о возможности углубленного описания значений слов, приближающего их содержание к реальному значению, представленному в языковом сознании рядового носителя языка. В связи с этим терминологически разграничивают два типа значений – значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка [Попова 2007а, с. 94-97].

Значение, представленное в сознании носителей языка, может быть описано психолингвистическими методами. «Психолингвистическое описание семантики слова предполагает выявление и описание семантических компонентов с помощью экспериментальных приемов. Такое описание дает возможность точнее и полнее представить семантическое содержание исследуемой лексемы в реальном языковом сознании носителей языка и, в первую очередь, периферийные компоненты значения, не выделяемые традиционными методами семного анализа» [Попова 2007б, с. 57].

При описании значения слова, представленного в сознании человека, ученые используют различные термины.

Например, А.А. Леонтьев использует термины «психологически релевантное значение», «психологическое значение» [Леонтьев 1967, 1971, 1976].

О психологическом значении говорит и М. Патсис, который выделяет следующие структурные элементы психологического значения: «понятие, соотносимое со словом; понятие прямым образом относится к мыслительной деятельности; представление, выражающееся в словах, фиксирующих прошлый опыт и будущие намерения; предметное (операциональное) содержание, которое актуализируется словами, связанными с физической или духовной деятельностью, производимой с обозначенной словом реалией; эмоция, актуализируемая оценочно-экспрессивными словами и словами, представляющими эмоцию,

связанную со словом-стимулом; ассоциации, которые не могут быть соотнесены ни с одним из выделенных элементов» [Патис 2004, с. 94].

В работах Л.О. Бутаковой также используется термин «психологическое значение» [Бутакова 2011, 2013].

Несколько иной термин был предложен И.А. Стерниным – *психологически реальное значение*. В понимании ученого психологически реальное значение слова – это то значение, которое существует в сознании человека, значение как психологическая реальность [Стернин 1981, с. 117-118]. Вслед за И.А. Стерниным и другие исследователи используют термин «психологически реальное значение» в своих работах [Гришук 2002; Рудакова 2003; Фридман 2006 и др.]. Ж.И. Фридман в своей кандидатской диссертации отмечает, что «под психологически реальным значением слова понимается упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка; тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Фридман 2006, с. 36]. Указывается, что психологически реальное значение структурировано по полемому принципу, а образующие его компоненты выстраиваются в соответствии с иерархией по яркости.

И.Н. Горелов и К.Ф. Седов также обращаются к исследованию психологически реального значения слова, но используют термин «смысл» [Горелов 2009].

По мнению А.А. Залевской, психологически реальное значение является теоретическим конструктом. Исследователь пишет, что «...весьма наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка. [...] Мы можем лишь строить определенные предположения, модели и подобное в отношении того, что не поддается прямому наблюдению, по-разному проявляется в экспериментах в зависимости от ряда взаимодействующих факторов...» [Залевская 2003, с. 32]. Исследователь использует термин «живое слово» [Залевская 2014].

В 2005 г. впервые был употреблен термин *психолингвистическое значение*, сделана первая попытка его определения [Стернин 2005], предложены первые варианты психолингвистического описания семантики слова [Попова 2007б; Фридман 2006]. Активное использование в научной литературе термина «психолингвистическое значение» начинается только с 2010 г. По мнению И.А. Стернина, «данный термин представляется более точным, так как он указывает на источник выявления и описания значения – психолингвистический эксперимент, а также его локализацию – психику человека» [Стернин 2010, с. 19]. Ученый отмечает, что

«психолингвистическое значение – это совокупность семантических компонентов, выявленных или верифицированных экспериментально, содержащее характеристику относительной яркости каждого отдельного семантического компонента значения в языковом сознании носителей языка» [Стернин 2010, с. 21].

И.Г. Овчинникова также использует в своих исследованиях термин «психолингвистическое значение», которое «представляет собой интерпретацию экспериментальных данных, позволяющую установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании» [Овчинникова 2009, с. 261].

Исследование психолингвистического значения в течение десяти лет позволило уточнить и углубить представление о данном феномене.

В данном исследовании под **психолингвистическим значением** слова мы понимаем *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые: 1) реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка на определенном этапе развития общества, в определенный временной период, 2) выявляются и описываются по результатам психолингвистических экспериментов.*

Достаточно часто в работах термины *психологически реальное значение* и *психолингвистическое значение* используют как синонимы. Однако значение как психологическая реальность не может быть описано полностью – всегда какие-то психологически релевантные компоненты значения окажутся вне поля зрения исследователя, не будут выявлены применяемыми им методами, останутся не вербализованными как компоненты индивидуального языкового сознания. Поэтому понятие *психологически реальное значение* – это некоторая научная абстракция, эталон, к которому должны стремиться исследователи в процессе его описания. Понятие же *психолингвистическое значение* более конкретно и определено – это «овнешненное» (термин Е.Ф. Тарасова), реально функционирующее в языковом сознании носителей языка значение, описываемое по результатам конкретных экспериментальных данных.

Психолингвистическое значение слова может описываться по данным одного эксперимента или по данным, полученным при применении нескольких экспериментальных методик. Психолингвистические описания значения слова, выполненные по данным нескольких разных экспериментов, могут сравниваться между собой; исследователь может делать выводы о степени полноты психолингвистического описания с помощью того или иного экспериментального метода, выявлять степень эффективности выбора методики для анализа и др.

В некоторых случаях результаты нескольких экспериментальных методик могут быть объединены в единое экспериментальное поле, которое может быть названо интегрированным. Если психолингвистическое значение слова описывается по результатам

нескольких экспериментов (например, свободного и направленного ассоциативных экспериментов, ассоциативного эксперимента и метода субъективных дефиниций и др.), результаты которых составляют единое (интегрированное) экспериментальное поле, то можно говорить об *интегрированном психолингвистическом описании значения слова*, а результат такого описания может быть назван **интегрированным психолингвистическим значением слова**.

1.4. Основные методы исследования языкового сознания носителей языка

Лексикологи при выявлении структуры и содержания значения в основном анализируют текстовые употребления интересующего его слова, опираются на собственное лингвистическое чутье и знания; объектом же анализа при описании психолингвистического значения выступает языковое сознание носителей языка.

Доступ к языковому сознанию носителей языка может быть получен с помощью психолингвистических экспериментов, результаты которых и становятся объектом исследования и обобщения ученых, так как психолингвистическое значение – это те семантические компоненты, которые были вербализованы носителями языка в ходе психолингвистических экспериментов.

При этом возникают две основные теоретические проблемы – отбор наиболее эффективных и экономных экспериментальных процедур и форма представления психолингвистического значения [Залевская 2013].

Психолингвистическое исследование значения слова может основываться как на результатах одного вида эксперимента, так и на их сочетании, на данных комплекса экспериментальных методик.

Все методы исследования языкового сознания относятся к антропоцентрическим, так как предполагают исследование языка в опоре на результаты, непосредственно полученные от носителей языка. Среди антропоцентрических методов выделяют экспериментальные методы и методы лингвистического интервьюирования.

Каждый психолингвистический метод имеет свои достоинства и недостатки, которые должны быть учтены ученым при постановке цели и решении исследовательских задач, связанных с описанием и анализом психолингвистического значения слова.

Перечислим основные экспериментальные процедуры, используемые при подборе материала для описания психолингвистического значения слова. Подробный анализ психолингвистических методов при описании семантики слова содержится в монографии О.Е. Виноградовой и И.А. Стернина [Виноградова 2016].

Метод субъективных дефиниций

Основной целью исследования семантики слова является выявление его семантического содержания, поэтому одним из самых распространенных экспериментальных методов изучения значения слова выступает метод субъективных дефиниций.

Метод субъективных дефиниций заключается в том, что экспериментатор предлагает испытуемым дать словесную дефиницию (толкование) исследуемого слова. Иногда этот метод усложняется заданием: *дайте толкование слову так, чтобы вас понял ребенок (иностранец)*. Это вариант экспликативного эксперимента [Гришук 2002]. Метод субъективных дефиниций иногда смешивают с одним из вариантов направленного ассоциативного эксперимента («X – это...»), в ходе которого испытуемым предлагается реагировать любым словом (словосочетанием, предложением).

По мнению И.Г. Овчинниковой, «толкование лексического значения слова говорящим – это способ отражения психологической структуры значения (представления о значении слова в сознании носителя языка) и того практического и коммуникативного опыта, который окружал употребление данного слова говорящим и всем языковым коллективом» [Овчинникова 1994, с. 24].

Данный экспериментальный метод активно используется исследователями при изучении семантики [Алаа 2015; Атланова 2007; Балашова 2005; Виноградова 2009; Высочина 2001; Гришук 2002; Кондратенко 2013б; Константинова 2011; Новичихина 2007; Палкин 2010; Розенфельд 2021; Тогоева 2014; Федурко 2008; Фридман 2006; Шаманова 2007 и др.].

Метод субъективных дефиниций обладает рядом достоинств, однако достаточно труден при анализе полученных результатов: для исследователя сложным является разграничение толкований слова, размыто сформулированных испытуемым; трудность представляет и вычленение отдельных семантических признаков из экспериментального материала. Поэтому многое зависит от лингвистической компетентности исследователя.

При проведении эксперимента исследователь ставит перед испытуемыми задачу дать толкование слова, не уточняя, что можно привести несколько толкований данного слова. Это приводит к тому, что в эксперименте испытуемые часто вербализуют только одно из значений многозначной леммы, не актуализируя и другие известные им толкования, что некоторые исследователи трактуют как незнание других семем слова, его семантических компонентов.

Данные, полученные в ходе эксперимента, позволяют судить, в первую очередь, о яркости вербализованной носителем языка семемы,

актуальности семантического компонента в данный временной период. Это часто подтверждается тем, что повторно проведенный эксперимент (с теми же испытуемыми, в иной ситуации, через значительный промежуток времени) может содержать несколько иные данные, дополняющие полученные ранее.

При применении метода субъективных дефиниций результаты исследования иногда выявляют проблемы, связанные с умением испытуемых связно формулировать дефиницию того или иного слова («слово понимаю, а объяснить, что оно значит, не могу»), особенно это свойственно детям и молодым людям, у которых нет опыта формулирования / объяснения значений слов (или еще данное умение находится на стадии формирования). Это также необходимо учитывать при проведении эксперимента и анализе его результатов.

Таким образом, метод субъективных дефиниций позволяет определить наиболее яркую семему в составе исследуемой семантемы в сознании конкретного носителя языка, выявить степень освоенности слова испытуемыми, а также определить типы идентификации значения слова носителями языка; определить семантический объем семемы, представленный в сознании носителей языка, степень сформированности представлений о значении слова в сознании группы и конкретного носителя языка; выявить значения, отличающиеся от представленных в традиционных словарных источниках; разработать методы обучения и коррекции при освоении лексического значения слова и др.

Ассоциативные эксперименты

В психолингвистических исследованиях широкое распространение получил ассоциативный эксперимент. «Ассоциативный эксперимент направлен на выявление ассоциаций, т.е. закономерных связей между фактами, событиями и явлениями, отраженными в сознании индивида» [Овчинникова 2002].

Н.В. Уфимцева отмечает преимущества, заключенные в ассоциативном эксперименте: «1) соотнесенность ассоциативных реакций с семантической структурой словарного состава языка; 2) их обусловленность собственно языковыми синтагматическими связями слова; 3) возможность судить по ассоциативным реакциям о «правилах» совместного употребления слов в речи (синтагматический аспект); 4) возможность рассматривать материалы ассоциативных исследований как специфичный для данной культуры и языка «ассоциативный профиль» образов сознания, интегрирующих в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает некоторый этнос» [Уфимцева 2004, с. 179].

Важность данных ассоциативных экспериментов при анализе денотативного значения слова признают и Дж. Слобин [Слобин 1976], и Дж. Диз [Deese 1965]. Например, Дж. Диз пытался реконструировать

«семантический состав» слова на основе данных ассоциативного эксперимента. Матрицы семантических расстояний вторичных ассоциаций на слово-стимул (т. е. ассоциации на ассоциации) он подвергал процедуре «факторного анализа». Выделенные им факторы (частотные характеристики словесных реакций, виды ассоциативных корреляций) получали содержательную интерпретацию и рассматривались как семантические составляющие значения. Данной точки зрения придерживался и А.А. Леонтьев. Исследователь, указывая на ценность ассоциативного эксперимента, отмечал: «Если нам нужно найти метод, с наибольшей объективностью позволяющий вскрыть "культурную" специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово, его "семантические обертоны", – без сомнения, таким методом является ассоциативный эксперимент, а ближайшим источником данных на этот счет – словарь ассоциативных норм» [Леонтьев 1977, с. 14].

К анализу вербальных ассоциаций обращаются представители и других научных направлений: психологии, литературоведения, логики, информатики, теории коммуникации, педагогики и т.д. [Агапова 2017; Алимжанова 2013; Вахрушева 2014; Головашина 2015; Дударева 2012; Иванова 2016; Морель 2015; Нуриахметов 2012; Попова 2011; Усталова 2014; Фаустов 2016; Шестерина 2010 и др.].

1. Свободный ассоциативный эксперимент

Наиболее доступный метод получения материала для описания психолингвистического значения – свободный ассоциативный эксперимент, который уже достаточно давно используется в психолингвистике [Горошко 2001а; Тарасов 1987 и др.].

Классический вариант свободного ассоциативного эксперимента предполагает свободную реакцию испытуемого на предъявляемое слово-стимул. Обязательное условие свободного ассоциативного эксперимента – отсутствие ограничений реакции по формальным или семантическим показателям. Затем из ответов-реакций носителей языка исследователем формируется ассоциативное поле данного стимула (термин Шарля Балли [Балли 1955]).

Ассоциативное поле имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию. Различают индивидуальное ассоциативное поле и коллективное поле, которое обычно называется ассоциативной нормой. Как считает Ю.Н. Караулов, «ассоциативное поле максимально приближено к отражению некоторых мыслительных образов и структур» [Караулов 1994]. По мнению Е.Ф. Тарасова, «ассоциативное поле является внешней формой существования образов сознания, ассоциированных со словами-стимулами, из слов-реакций, из которых сконструировано это ассоциативное поле. Ассоциативное поле овнешняет знания, ассоциированные со словом-стимулом в данной конкретной национальной

культуре. В ассоциативном поле четко различимы частотные реакции и одиночные, частотная часть поля устойчива во времени и содержит реакции, обладающие узуальными связями со словом-стимулом» [Тарасов 2004, с. 38-39].

В исследованиях вербальных ассоциаций выделяются лексикоцентрический и текстоцентрический подходы [Горошко 2001; Овчинникова 1985]. При лексикоцентрическом подходе анализируются пары слов, полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Чаще всего в этом случае основное внимание уделяется ядру ассоциативного поля (наиболее частотным реакциям). При этом подходе слово рассматривается как основная единица лексикона. Представители текстоцентрического подхода (В.В. Андриевская, И.Г. Овчинникова, Л.В. Сахарный, А.С. Штерн и др.) полагают, что стоит отказаться от рассмотрения слова как основной единицы лексикона, и считают стратегию построения «текста» вербальных ассоциаций одной из разновидностей стратегии построения целого текста. Такой подход основывается на выделении так называемых «текстов-примитивов», понимаемых как своего рода базисные структуры. Они являются «строительным материалом» при создании развернутых текстов. При этом считается, что «слова – реакции» на самом деле представляют собой не только собственно слова – тексты, но и фрагменты словосочетаний – текстов и набор ключевых слов – текстов. В рамках этого подхода ассоциативное поле рассматривается не просто как совокупность всех слов-реакций на определенный стимул, а как совокупность различных текстов-реакций (или фрагментов таких текстов), которые так или иначе вступают в парадигматические отношения со словами – стимулами, являясь своеобразной перифразой (чаще всего развернутой) к этому слову – стимулу» [Сахарный 1989, с. 144].

Из множества существующих гипотез, объясняющих механизм образования ассоциаций, наиболее признанной является гипотеза Дж. Миллера о предикативной природе ассоциаций, суть которой заключается в том, что ассоциируемые слова входят друг с другом в предикативные отношения: А есть Б, А имеет (содержит) Б и т.д. Эта гипотеза обычно может объяснить бóльшую часть получаемых в ассоциативных экспериментах реакций [Миллер 1965; Овчинникова 1994].

В условиях свободного ассоциативного эксперимента реакция является «неспровоцированной», действительно свободной, что позволяет интерпретировать ее как вербальную актуализацию определенного семантического компонента слова-стимула, рассматриваемого испытуемым как наиболее яркий, важный для его языкового сознания.

Так, «ассоциативный эксперимент показывает наличие в значении слова (а также у денотата – образа предмета, обозначаемого словом) психологического компонента. Тем самым ассоциативный эксперимент

дает возможность выявить или уточнить семантическую структуру любого слова» [Мартинович 1993, с. 95]. Его «данные могут служить ценным материалом для изучения психологических эквивалентов того, что в психолингвистике определяется понятием “семантическое поле”, за которым стоят объективно существующие в сознании носителя языка семантические связи слов» [Ручина 2012, с. 105]. Свободный ассоциативный эксперимент, таким образом, может использоваться как прием выявления структуры отдельной семемы и/или семантемы слова-стимула.

К достоинствам свободного ассоциативного эксперимента можно отнести следующее: результаты свободных ассоциативных экспериментов достаточно объективны, достоверны и проверяемы; при проведении свободного ассоциативного эксперимента происходит минимизация влияния контекста. К слабым сторонам данного метода относят следующее: зависимость от ситуативного фактора, типа испытуемых и их жизненного опыта, семантическая интерпретация ассоциаций находится целиком в компетенции самого исследователя, что в некоторых случаях снижает объективность процедуры. Кроме того, большинство семантических компонентов, выделенных через ассоциативный эксперимент, оказываются периферийными. Архисемы значений по результатам свободного ассоциативного эксперимента выделяются хуже: обычно для носителя языка они являются априорными, абсолютно яркими, не требующими дополнительной вербализации (вербализация архисемы носителями языка обычно осуществляется при сложности выделения дифференциальных признаков семемы).

Ассоциативная реакция существенно зависит от условий эксперимента, возраста, пола, профессии, социального положения информанта и многих других факторов. Поэтому это необходимо учитывать при организации, проведении и анализе экспериментальных данных. Данным аспектам посвящены многие работы [Журавлева 2002; Старостина 2008, 2010, 2016; Черепанов 2017; Ячная 2014 и др.].

Обычно при проведении свободного ассоциативного эксперимента учитывается только первая реакция как наиболее яркая в языковом сознании носителя языка. Вариантом свободного ассоциативного эксперимента является метод цепной (цепочечной) реакции. В цепном ассоциативном эксперименте испытуемому предлагается ответить за ограниченный временной промежуток любым возможным количеством слов [Леонтьев 1983]. Например, в исследованиях Е.Б. Чернышовой ассоциативные поля слов-стимулов построены на основе ассоциативного эксперимента, в инструкции которого было предложено дать по пять реакций на слово-стимул [Чернышова 2014б]. Такой прием позволяет выявить совокупность знаний, стоящих за знаком, а также определить способ организации этих знаний (системность образа сознания). По

мнению ученого, это обусловлено тем фактом, что «зачастую содержание ассоциативных полей одного и того же слова у разных испытуемых может во многом совпадать, но отличаться способом организации (структурой)» [Чернышова 2014б, с. 79]. Анализ множественных ассоциативных реакций представлен и в других работах [Аверкова 2015; Миронова 2008; Наговицына 2017; Смирнова 2016; Сырова 2017 и др.].

Данные свободного ассоциативного эксперимента позволяют анализировать языковое сознание представителей разных национальных культур [Алексеева 2016; Боргоякова 2002; Гаврилина 2001; Завьялова 2001; Золотова 1989; Кленская 2002; Незговорова 2004; Санчес Пуиг 2015; Титова 1977; Федченко 2006; Чеканова 2012 и др.], языковое сознание представителей разных групп в пределах одного языка [Баранова 2015; Гольдин 2007; Овчинникова 2007; Сдобнова 2007; Старостина 2008, 2017б; Черепанов 2017; Чернышова 2014а и др.]; семантику отдельного слова [Жалсанова 2009; Коровина 2015; Чернышова 2011] и др.

Метод свободных ассоциаций в некоторых случаях выступает как единственный инструмент исследования, в других – он используется наряду с другими экспериментами для проверки определенных научных гипотез и теорий.

Интересным аспектом при исследовании языкового сознания носителей языка является обращение к социально-культурным факторам. В работах такого типа проводится сравнительный анализ ассоциативных полей одного и того же этноса в разные временные эпохи [Басовская 2005; Кириллов 2008; Корнеев 2007; Палкин 2011 и др.].

2. Направленный ассоциативный эксперимент

Направленный ассоциативный эксперимент проводится, в отличие от свободного, с теми или иными ограничениями на реакцию, которую должен дать испытуемый на слово-стимул. Наиболее часто используются три вида направленного ассоциативного эксперимента:

1. X – какой? Направленный ассоциативный эксперимент с ответом в атрибутивной форме (КАКОЙ?) позволяет выявить оценочные и наиболее яркие денотативные семы значения слова. Например: ГОРОД – какой? *большой, красивый, любимый, шумный, пыльный, спрут, многолюдный* и т.д.

2. X – это... Например: СОБАКА – это *животное, шерсть, друг человека, сторож, верный друг, шерсть повсюду, хлопоты, защитник, охота, поводок* и т.д. Эксперимент «X – это...» достаточно надежно выявляет архисему в семантике слова, хорошо выявляет ядерные признаки значения. Данный вид эксперимента достаточно часто носит идентификационный характер.

3. X – что делает? Данный вид эксперимента позволяет выделить дополнительные дифференциальные семантические признаки. Например: ЕСЕНИН – что делает? *пишет 25; пишет стихи 20; пьет 7; стихи пишет*

4; стихи, творит 3; идет, лирика, тоскует, хулиганит 2; грустит, гуляет, гуляет по полю, декламирует и т.д.

Вопросы, предлагаемые в направленном ассоциативном эксперименте, могут быть и иными: *X – зачем нужен? X – с чем связан? X – чем известен* и др., в зависимости от семантики слова-стимула и задач исследования.

Отметим некоторые работы, описывающие результаты направленного ассоциативного эксперимента [Ахметова 2015; Букаренко 2015а, 2015б, 2016; Виноградова 2013а; Гордеева 2015; Данилова 2015; Иващенко 2014; Коровина 2015; Кужарова 2014; Кушнир 2010; Литвинова 2016; Морозова 2010б; Неровная 2016 и др.].

Интересный способ применения направленного ассоциативного эксперимента был предложен О.Е. Виноградовой [Виноградова 2013б]. Исследователь для выявления эффективных вопросов-стимулов направленного ассоциативного эксперимента предлагает использовать данные словарей сочетаемости, например [Словарь сочетаемости слов русского языка 1983].

Разновидностью направленного ассоциативного эксперимента является прием завершения экспериментальной фразы (неполной конструкции). Исследователь конструирует фразу, содержащую интересующее его слово, с таким расчетом, чтобы испытуемый раскрыл в своем ответе важный для исследователя семантический компонент слова. Например, при исследовании семантики слова *адвокат* испытуемому предлагается завершить следующие экспериментальные фразы: *Адвокат всегда... Адвокат никогда... Адвокат хорошо умеет... Адвокат не умеет... Адвокат нужен, когда...* и т.д. Полученные результаты обобщаются, формулируются соответствующие семы, при этом частотность вербализации той или иной семы в эксперименте позволяет определить ее яркость в структуре значения.

К преимуществам направленного ассоциативного эксперимента относится возможность: эффективно выявлять дифференциальные компоненты значения при сравнительно небольшом количестве испытуемых; выявлять и описывать дифференциальные признаки антонимичных и синонимичных лексем; «направлять» мысль испытуемых в нужное для исследователя русло. Недостатками метода является достаточная трудоемкость при подготовке эксперимента (определение наиболее эффективных стимульных вопросов), сложность при обработке результатов эксперимента и др.

Интерес представляет и сочетание ассоциативных экспериментов и метода субъективных дефиниций. По мнению Ю.С. Волобуевой, «дефиниция слова и ассоциации, связанные с одноименным словом-стимулом, обусловлены репрезентируемым когнитивным содержанием: логическим (понятием) и чувственным (представлением, образом) – в

дефиниции репрезентируются логические когнитивные формы сознания, а ассоциация репрезентирует чувственные когнитивные формы того же сознания. Поэтому сопоставление разных видов репрезентации значения слова позволяет глубже исследовать смысловую структуру лексического значения слова» [Волобуева 2011, с. 146]. В своем исследовании Ю.С. Волобуева на примере бионимов сравнивает данные, полученные методом субъективной дефиниции, и одноименные ассоциативные поля [РАС]. Ученый приходит к выводу, что, несмотря на то, что дефиниция и ассоциация являются разными формами репрезентации содержания слова, связанными с понятием и представлением, многие факты свидетельствует о том, что компоненты ассоциативного поля слова и признаки обыденных толкований не являются взаимоисключающими, а дополняют представления о реальном функционировании слова в языковом сознании носителей языка. Поэтому можно говорить о том, что ассоциация является одним из этапов формирования понятия о слове, а следовательно, является внешним языковым проявлением признаков-сем, составляющих содержание слова.

Исследователь отмечает, что в сознании носителей языка понятие о том или ином предмете имеет более или менее фиксированную структуру, состоящую из набора определенных смыслов. Типовая структура дефиниции, как правило, состоит из двух частей: 1) указание ближайшего рода (класса); 2) указание видовых отличий, то есть признаков, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса.

Как показывает эксперимент, типовая дефиниция в обыденной метаязыковой деятельности реализуется далеко не всегда. Если субъект не имеет четкого понятия о наиболее характерных свойствах объекта и не может их вычлениить, а в его сознании возникают только чувственные представления, ощущения, связанные с этим объектом, то они репрезентируются в формах, близких к ассоциациям [Волобуева 2011, с. 146].

В отдельных работах исследование психолингвистического значения слова проводится на материале двух и более ассоциативных экспериментов [Бутакова 2013; Виноградова 2015, 2016; Грищук 2002; Гундэгмаа 2011 и др.].

Метод семантического дифференциала

Метод семантического дифференциала используется в области психолингвистики и экспериментальной психосемантики для выявления субъективных (индивидуальных) семантических полей и относится к методам шкалирования.

Методы шкалирования применяются в психолингвистике для получения количественных параметров исследуемого явления в целях объективной оценки его соотношения с другими объектами. В качестве

объекта исследования при этом могут выступать как слова, так и словосочетания, целые тексты.

Семантический дифференциал в психолингвистике – это метод количественного и качественного «индексирования» (оценки) значения слова с помощью двухполюсных шкал, на каждой из которых имеется градация с парой антонимических прилагательных [Петренко 1997]: *хороший – плохой, теплый – холодный, активный – пассивный* и т. п. Предполагается, что человек способен оценить изучаемый объект, соотнося интенсивность внутреннего переживания по поводу объекта с заданной оценочной шкалой в 7 баллов (от -3 до +3). Деления шкалы фиксируют различные степени данного качества объекта – от максимальной до минимальной выраженности. Шкалы, коррелирующие между собой, группируются в независимые факторы, образующие семантическое пространство. Наряду с вербальными, разработаны также невербальные семантические дифференциалы, где в качестве полюсов шкал используются графические оппозиции, живописные картины, фотопортреты.

Метод семантического дифференциала был введен в психологические исследования Ч. Осгудом в 1952 году. Исследователь изучал особенности оценки слов-понятий из самых разных понятийных классов в языковом сознании испытуемых (например, *пламя, мать, ураган, радость* и др.). Испытуемым предлагалось оценить эти слова с точки зрения того, насколько они «добрые» или «злые», «сильные» или «слабые», «большие» или «маленькие» и т.п. [Osgood 1957; Осгуд 2012а, 2012б и др.].

Оценки понятий по исходным шкалам, как правило, коррелируют друг с другом. С помощью факторного анализа удается выделить главные, базисные шкалы. Оценки по остальным шкалам являются функциями от базисных оценок с точностью до сравнительно небольшой случайной ошибки.

В классическом варианте Ч. Осгуда в качестве шкал использовались исключительно коннотативные признаки, которые отражали не объективные свойства оцениваемого предмета (понятия), а его субъективно-значимые для респондента стороны. По результатам оценки 360 объектов Ч. Осгуд выделил 20 пар признаков: *жестокый – добрый, кривой – прямой, мужской – женский, активный – пассивный, вкусный – безвкусный, твердый – мягкий, умный – глупый, новый – старый, хороший – плохой, слабый – сильный, важный – не имеющий значения* и др.

Метод семантического дифференциала позволяет решать следующие вопросы: 1) различие в оценке одного понятия разными испытуемыми (или разными группами испытуемых в среднем по группе); 2) различие в оценке двух (или более) понятий одним и тем же испытуемым (или группой); 3) различие в оценке одного и того же понятия одним и тем же испытуемым (или группой) в разное время (то есть измерять изменения

значений, которые возникают под воздействием средств массовой коммуникации, из-за изменения социальных или культурных контекстов, в результате обучения и т. д.).

Метод семантического дифференциала активно используют многие исследователи [Абдуллаева 2015; Ахметьев 2015; Балясникова 2015; Бутакова 2015; Ваулина 2015; Гуз 2009; Дамбаева 2017; Карпова 2017; Кожевникова 2016; Монахова 2011; Новиков 2011; Палкин 2011; Сикевич 2016; Таныгина 2011; Филиппов 2017; Цэдэндоржийн 2015 и др.]. Интерес представляет исследование образов 20 стран (Китай, Египет, Индия, Иран, США, Франция Испания, Россия, Украина и др.) в обыденном сознании русских и итальянцев, проведенное группой авторов. Результаты исследования основываются на материале экспериментальных данных, полученных в ходе проведения опроса по модифицированной методике семантического дифференциала Ч. Осгуда [Нистратов 2015].

Сочетание нескольких методов представлено в работах омских исследователей – Л.О. Бутаковой и Е.Н. Гуц [Бутакова 2012; Гуц 2005 и др.]. Исследователи применяют три метода исследования к одному и тому материалу: свободный ассоциативный эксперимент, метод субъективной дефиниции и метод семантического дифференциала. Результаты (индексы шкалирования, полученные по методике семантического дифференциала) даются в виде таблицы в конце словарной статьи. Экспериментальные данные, по мнению ученых, показывают эмотивно-чувственное значение слов-стимулов с нагрузкой по четырем факторам (*веселый/грустный, хороший/плохой, полный/пустой, светлый/темный*).

Исследование коннотативного значения слов методом семантического дифференциала, проведенное Е.Б. Трофимовой и Ф.Э. Абдуллаевой на материале русского и китайского языков, позволяет определить национально-культурную специфику значения слова в двух неблизкородственных языках [Трофимова 2015, с. 232].

Данные, полученные методом семантического шкалирования, дополняют и обогащают результаты других психолингвистических экспериментов. Метод семантического дифференциала хорошо выявляет коннотативные признаки исследуемого слова, однако для изучения денотативной части большинства лексем он не подходит.

Существуют и другие психолингвистические методы исследования значения слова: методика Э. Бендикса (позволяет выделять компоненты значений слов, не обязательно связанных с какой-либо замкнутой лексической группировкой, путем построения экспериментальных конструкций, в которых исследуемое слово противопоставлено другому в пределах одной и той же тестовой фразы); метод субъективной экспликации (метод заключается в постановке перед испытуемым задачи объяснения значения интересующего исследователя слова гипотетическому лицу) [Стернин 2011; Рудакова 2014; Грищук 2002 и др.],

эксперимент на подбор симиляров [Грищук 2002], эксперимент на подбор оппозитивов [Грищук 2002] и др.

Лингвистическое интервьюирование

Лингвистическое интервьюирование – это непосредственное обращение исследователя к языковой интуиции носителей языка с прямыми вопросами типа: *Что значит эта языковая единица? Можно ли так сказать? Как бы вы сказали, если...? Различаются ли эти языковые единицы по значению? Совпадают ли эти языковые единицы по значению?* и т.д. Это метод обращения к рефлексии информантов о содержании тех или иных языковых единиц. Предполагается, что носители языка осознанно смогут рассуждать о содержании языковых единиц или стоящих за ними смыслов. Полученные ответы обобщаются, статистически и семантически обрабатываются исследователем, формулируется дефиниция исследуемого слова.

Прямое лингвистическое интервьюирование направлено на выявление непосредственного знания носителя языка о значениях слов, возможностях словоупотребления и номинации, в связи с этим использование данного метода достаточно достоверно вскрывает реальные языковые механизмы, но требует качественной семантической обработки полученного от респондентов материала.

Существуют и другие разновидности лингвистического интервьюирования (прием комментирования словоупотребления в заданной конструкции, метод семантической дифференциации, метод оценочной дифференциации, рецептивный метод, иллюстративный метод и др.).

В философии и социологии распространен триангуляционный подход к исследованию сложных объектов, который подразумевает использование комплекса разнородных методологических инструментов для их описания. Комплексное описание объекта дает возможность опираться на силу каждого метода, минимизируя слабые конкретные исследовательского подхода. По мнению социолога А.Б. Тугарова, «триангуляционный подход к социальным исследованиям увеличивает общую валидность, перекрывая достоинствами одного метода недостатки другого, и надежность данных социального исследования» [Тугаров 2007, с. 80]. Далее ученый отмечает, что «стратегия триангуляции приносит хорошие результаты не только на стадии сбора данных при изучении конкретного социального явления, но и на стадии анализа данных» [Тугаров 2007, с. 80]. Выделяют два типа триангуляции, которые способны обосновать результаты исследования: «методическая триангуляция» (проверка устойчивости результатов, полученных с помощью разных методов сбора данных) и «теоретическая триангуляция» (использование нескольких теорий для интерпретации данных) [Ковалев 1999, с. 308]. Комбинируя теории, методы и источники

данных, исследователи получают возможность преодолеть смещение, неизбежное при подходе к исследованию с одним методом, одним источником данных, одной теорией.

Применительно к исследованиям, направленным на изучение семантики слова, триангуляционный подход соотносится с принципом дополнительности, результаты, полученные при использовании комплекса разнотипных методик имеют эклектический характер, который выражается в том, что при исследовании одного объекта 1) используются разного типа данные; 2) участвуют разные исследователи; 3) принимаются разные теории (подходы); 4) разные методы и результаты таких исследований рассматриваются как рядоположенные и не интегрируются в одну картину, а эклектически дополняют друг друга [Denzin 1989; Янчук 2000]. Следовательно, сочетание разных методических процедур повышает валидность результатов исследования и в психолингвистике.

1.5. Методика психолингвистического описания значения слова

С момента появления ассоциативных исследований и ассоциативных словарей перед исследователями встает вопрос о том, какую информацию можно извлечь из ассоциативного материала. Представители каждого научного направления анализируют экспериментальный материал с позиций своих исследовательских задач. Например, анализируя ассоциативное поле стимула, ученый может ставить перед собой такие задачи, как: каково содержание реакций испытуемых; каковы стратегии ассоциирования; каковы причины такого, а не иного количества ассоциаций на заданное слово-стимул; каковы возможности использования полученных результатов в анализе понимания связного текста; какова степень стандартизации реакций в конкретном ассоциативном поле и др. [Баркова 2015; Букаренко 2015б; Гасица 1990; Гольдин 2007; Гридина 1996; Конопелько 2018; Миронова 2011; Навильникова 2008; Овчинникова 2002; Пищальникова 2019а; Ячная 2011 и др.].

Анализируя ассоциативные поля, Ю.Н. Караулов выделяет структурные закономерности, которые организуют пространство ассоциативного поля, превращая его в специфическую «единицу» языка, единицу языковой способности [Караулов 2015, с. 18-20]: 1) «лексико-грамматические закономерности, которые распространяются на весь состав в ассоциативного поля и оказываются релевантными для каждого входящего в него элемента»; 2) «когнитивная структура представлена в отдельных элементах поля и отражает видение мира, реальности через язык его носителем (воссоздает фрагменты наивно-языковой картины мира в глазах носителя языка)»; 3) «прагматическая структура, являясь

обязательной для каждого ассоциативного поля, обнаруживается не во всех его элементах, отражает позицию, место носителя языка в окружающем его мире и содержит знания о том, каким мир должен быть с точки зрения носителя языка»; 4) «статистическая структура ассоциативного поля является чисто формальной, не зависящей от содержательного его наполнения, от конкретной национально-языковой специфики и призвана лишь квалифицировать степень адекватности полученного тем или иным путем состава поля внешним парадмам «единицы владения языком» [Караулов 2015, с. 18-19].

В книге Дж. Диза «Структура ассоциаций в языке и мысли» обобщен и теоретически осмыслен обширный опыт экспериментальных исследований ассоциативного значения слова, которое проявляется при свободном воспроизведении слов через объединение их испытуемыми в семантически или тематически связанные группы («кластеры»). Дж. Диз, анализируя характер связи «стимул – реакция», предлагает два принципа: принцип противопоставления и принцип группировки [Диз 1965], другие исследователи дополнили их иными принципами, исходя из ракурса своей исследовательской деятельности.

По мнению М. Патсиса, все принципы объединяются принципом *линейности*. Под линейностью исследователь понимает «способ ассоциирования слова с другим словом, когда выявляется не только синтаксическая связь слов, но и реальная смысловая. Поэтому принцип линейности позволяет проанализировать ассоциации с точки зрения их понимания и структуры» [Патсис 2004]. Например, в своих работах М. Патсис анализирует ассоциативное поле «поэт» с точки зрения процесса идентификации слова, используя психоцентрический подход.

Вербальные ассоциации, следуя лингвистической традиции (парадигматические поля И. Трира и Л. Вайсгербера, синтаксические или синтагматические поля В. Порцига и т. п.), принято делить на два типа – синтагматические (небо – голубое, девочка – сидит, говорить – громко и др.) и парадигматические (стол – стул, дерево – растение, говорить – кричать и др.) [Леонтьев 1971, 1976; Мартинович 1990, 1997; Навильникова 2009 и др.]. В последнее время выделяют третий тип вербальных ассоциаций – тематические ассоциации (друг – дорога, жить – воздух, писать – магазин и др.) [Клименко 1974; Овчинникова 1994].

С точки зрения Г.А. Мартиновича, подобная трехчленная классификация, с одной стороны, оказывается разнородной (синтагматика – парадигматика – тематика), с другой – не отражает категориальных характеристик ассоциаций вообще и, следовательно, не соотносится с их основной классификацией: наблюдается нарушение двух важнейших принципов научной классификации – единства основания деления и последовательности деления понятий. Поэтому ученый предлагает все виды вербальных ассоциаций рассматривать в качестве частных случаев

двух наиболее общих типов ассоциаций, определяемых на основе учета формальных, функциональных и содержательных признаков [Мартинович 1990, с. 143].

1. Ассоциации по смежности – это пары таких слов, которые не имеют общих существенных признаков в своем содержании (бабушка – *блины*), однако объединены каким-либо (скрытым) контекстом и могут (при необходимой грамматической корректировке) образовать определенное сочетание слов или даже предложение. Практически к этому типу относятся все так называемые тематические ассоциации.

2. Ассоциации по сходству делятся на два вида:

- ассоциации синтагматического характера – это пары таких слов «стимул-реакция», в которых содержание одного члена (значение процессуального или непроцессуального признака) входит в содержание второго члена в качестве одного из признаков этого содержания (бабушка – *старая*, бабушка – *вяжет*). Эти ассоциативные пары представлены, как правило, согласованными словами различных частей речи. Однако к ним могут относиться и ассоциации, организованные по типу словосочетаний с несогласованными определениями (бабушка – *в платке*);

- ассоциации парадигматического характера – это пары слов, имеющих в своем содержании как минимум один общий существенный признак. Они достаточно разнообразны и включают ассоциативные пары, соотносимые с членами различных лексико-семантических, тематических и т.п. полей и групп (бабушка – *дедушка*, бабушка – *старушка*, белый – *черный*, белый – *цвет*, бежать – *идти*, голова – *чурбан*, хлеб – *пицца* и т.д.).

Г.А. Мартинович и А.П. Клименко отмечают, что проведенное разграничение вербальных ассоциаций не является абсолютным, а имеет относительный характер, так как некоторые ассоциативные пары могут одновременно принадлежать к различным типам и подтипам. Например, в паре «бабушка – *дедушка*» можно усматривать как сходство парадигматического характера (общий признак – «старый человек»), так и смежность (бабушка и дедушка). В паре «белый – *цвет*» проявляются, с одной стороны, гипо-/гиперонимические отношения (цвет – белый, черный, красный, зеленый и т.д.) – парадигматика, с другой – отношение признака к предмету (белый цвет, белого цвета и т.д.) – синтагматика.

Отмеченные типы отношений между содержаниями членов ассоциативных пар проявляются на глубинном уровне и лежат в основе подавляющего большинства вербальных ассоциаций.

Отдельно исследователь рассматривает фонетические (ночь – *дочь*, *мочь*) и грамматические (стол – *стола*, *столом*) ассоциации, которые он относит к ассоциациям по формальному сходству. Словообразовательные ассоциативные пары (записать – *запись*), обладающие общими элементами как содержательного, так и формального планов, образуют промежуточный тип между содержательными и формальными

ассоциациями по сходству [Мартинович 1990, с. 143-144]. В работах А.П. Клименко, кроме приведенных видов вербальных ассоциаций, указаны такие как: цитатные ассоциации, случайные ассоциации, отказы [Клименко 1994 и др.].

Предложенная Г.А. Мартиновичем классификация вербальных ассоциаций основывается на разграничении отношений, существующих между содержаниями или формами слов-ассоциатов, и применима для разведения по соответствующим типам отдельных ассоциативных пар «стимул – реакция» (S – R). Однако данная классификация не позволяет исследовать семантическую структуру слова, вербализованного одноименным ассоциативным полем, а, скорее, помогает изучить вербализованные связи слова-стимула с другими единицами языка в сознании носителей языка. Поэтому следующим этапом, приближающим ученого к исследованию семантической структуры слова, стало рассмотрение ассоциативного поля с точки зрения вербализации им части знаний о мире в языковом сознании носителя языка.

Еще одним подходом к исследованию ассоциативного поля стимула является изучение проявлений особенностей национального менталитета в одноименных ассоциативных полях, рассмотрение сходства и различия в характере ассоциаций, их частотности и др.

Данный подход предложен в работах Ю.Н. Караулова, в которых ассоциативное поле стимула рассматривается как актуализация некоего единого образования – семантического гештальта. «...Большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную <...> “семантическим гештальтом” и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу)» [Караулов 2000, с. 192-194]. В качестве примера Ю.Н. Караулов приводит семантические гештальты ассоциативных полей (АП), которые могут совпадать в двух языковых картинах мира (например, семантические гештальты АП *monumento* и *памятник* оказывались тождественными, включая такие зоны, как: история/память, слава, культура / искусство, форма/тип, материал, место, забвение / ненужность) и не совпадать (например, семантические гештальты поля *hombre* и *человек* имеют совпадающие семантические зоны, но только в испанском семантическом гештальте отмечена зона, отражающая мужское начало). Интересной является и попытка сопоставить семантические гештальты целого класса слов – ядра русского языкового сознания и ядра испанского языкового сознания.

Вслед за Ю.Н. Карауловым, многие исследователи описывают структуру ассоциативного поля методом семантического гештальта; при этом каждый исследователь, исходя из собственного экспериментального материала, предлагает свой набор параметров гештальта [Жалсанова 2009; Марковина 2000; Погребанова 2005; Сергиева 2006; Тохтобина 2014; Чжу Жуйшуан 2017 и др.].

Построение семантического гештальта на базе ассоциативного поля, к сожалению, не позволяет приблизиться к семантической структуре и содержанию слова-стимула. Это связано, в первую очередь, с тем, что достаточно часто отнесение реакции к определенной зоне базируется на ее формальных характеристиках, например, на частеречной. Так, в работе Чжу Жуйшуан реакции *люблю* и *любовь* относятся к разным семантическим зонам – «действие/состояние» и «ценности, эмоции» [Чжу Жуйшуан 2017, с. 95]. Для носителя языка отглагольное существительное *любовь* и глагол *люблю* являются синонимичными, носители языка не разграничивают процесс и результат деятельности. На наш взгляд, данные ассоциаты вербализуют один семантический признак – «вызывает любовь». Именно поэтому при описании семантики слова важным является установление семантической связи между стимулом и реакцией. Однако при выделении семантических зон более глубокий семантический анализ многими исследователями обычно не проводится.

С точки зрения В.И. Шаховского, «ассоциативное слово является знаком, сигналом для оживления фоновых знаний. Ассоциации не относятся к лексическому значению слова, поэтому их нужно рассматривать в качестве прототипически-семантических компонентов для лексического значения слова» [Шаховский 2009, с. 109].

Иного взгляда на связь между стимулом и ассоциатом придерживается Н.А. Гасица. Ученый считает, что «ассоциативные реакции субъекта раскрывают внутренние связи, имеющие место в лексическом компоненте языковой способности, а потому являются частью значения лексической единицы» [Гасица 1990].

Интерес представляет и анализ целого комплекса ассоциативных полей одной тематической группы. В диссертационном исследовании Е.В. Старостиной предложен метод фреймового анализа ассоциативных полей стимулов, относящихся к тематической группе «Глаголы поведения» [Старостина 2004]. Построение фрейма, по мнению ученого, дает возможность структурировать представления о поведении, существующие в сознании испытуемых, ответить на вопрос, чем группа поведенческой лексики отличается от других групп, какими особыми структурными признаками она обладает, позволяет уточнить состав поведенческой лексики. Итогом фреймового анализа ассоциативных связей стимула и реакции стало описание серии фреймов: 58 фреймов на материале «Ассоциативного тезауруса русского языка» [АТРЯ 1994-1999]

и 12 фреймов на материале «Ассоциативного словаря саратовских школьников».

Статистический подход к анализу ассоциативного поля представлен различными классификациями, основанными на количественных показателях. Например, существует классификация, основанная на количественной характеристике ассоциатов: однословные, двусловные, многословные. Подробно различные виды морфологической классификаций рассмотрены Г.А. Мартиновичем на примере ассоциативного поля «береза» [Мартинович 1997].

Таковы основные на сегодняшний день способы интерпретации единиц ассоциативных полей.

Метод семантической интерпретации

Перечисленные варианты подходов к анализу ассоциативно-вербальных связей в пределах одного языка или при сопоставлении с другими языковыми картинками мира не позволяют приблизиться к описанию значения слова-стимула. Интерпретация экспериментального материала с позиций грамматики, прагматики, когнитивной точки зрения в основном позволяет описать ассоциативное значение слова с элементами семантической классификации. Необходима разработка иных подходов к анализу семантического содержания слова, вербализованного ассоциатами.

Одним из таких подходов является **метод семантической интерпретации** единиц ассоциативного поля, предложенный в работах [Стернин 2006; Фридман 2006] и уточненный в работах [Стернин 2011; Рудакова 2014 и др.]. Интуитивно данный метод использовался в работах других исследователей и ранее, но сформулирован и номинирован впервые был только в 2006 г. [Высочина 2001; Гришук 2002; Рудакова 2003; Стернин 2004 и др.]. Метод семантической интерпретации базируется на тезисе о том, что между стимулом и реакцией устанавливаются отношения предикации, отношения приписывания признака [Осгуд 1990; Караулов 2000]. Данные отношения вербализуются в эксперименте и позволяют интерпретатору установить семантическую связь между стимулом и реакцией и интерпретировать ее как объективацию определенного значения или семантического компонента.

Ю.Н. Караулов, разрабатывая классификационную шкалу для анализа ассоциативных полей, вводит понятие коммуникативной тактики, обозначающей тип отношений между стимулом и реакцией. Исследователь выделяет четыре типа тактик: предикация, номинация, локация и оценка [Караулов 1993].

Анализируя структуру и содержание ассоциативно-вербальной сети в «Ассоциативном тезаурусе русского языка», ученый формулирует основной закон ассоциативно-вербальной сети, суть которого, по мнению исследователя, состоит в следующем: всё разнообразие связей, которые

обнаруживаются между словами и словоформами в сети (т.е. в парах – между стимулами и реакциями, между реакциями и стимулами), можно обобщить в одном широком понятии – понятии *предикации*. Ученый считает, что деятельность испытуемого в его ответах на стимулы полностью покрывается этим понятием и вся организуется на принципе предиктируемости (на принципе предикации).

Под предикацией Ю.Н. Караулов понимает как элементарно-логический смысл предикации – приписывание признака предмету, так и расширенное ее толкование, включающее процессы оформления предикативности и построения предикативных структур (предложений). Расширительное толкование позволяет включить в понятие предикации и другие функции – номинацию, локацию и оценку. В этом отношении предикацию можно приравнять к понятию сказуемости, как его понимал А.М. Пешковский: сказуемостью обладает то, что может быть сказано: это «сказываемое», т.е. элементарные речевые единицы, минимальные составляющие «сказа», которые могут представлять собой как словосочетание, так и словоформу, а в предельном случае могут использоваться и самостоятельно, вне «сказа» [Караулов 1996].

Анализируя тип отношений между стимулом и реакцией, исследователь приходит к мысли о том, что предикативные отношения встречаются в половине случаев: теннис – *настольный*, наставник – *опытный*, правда – *колющая глаза* и др.; примерно в четверти пар отмечены отношения номинации: великолепный – *вечер*, престижный – *факультет*, партийный – *человек* и др.; локация и оценка составляют незначительный процент отношений, связывающих стимул и реакцию в ответах испытуемых: дергать – *за косичку*, уверенность – *в себе*, спускаться – *с небес* (локация); в стельку – *пьяный*, обидно – *до слез*, промокнуть – *насквозь* (оценка).

Пары «стимул-реакция» могут встречаться в текстах в непосредственном контакте друг с другом, «с нулевым интервалом» между ними. Такие реакции относят к синтагматическим. Большой интервал наблюдается примерно у трети пар, отношения в которых традиционно квалифицируются как парадигматические: команда – *футбол*, вал – *крепость*, партнер – *дело*, лопнуть – *шар* и др.

Ю.Н. Караулов выделяет три разновидности пар, различающихся величиной минимального интервала, на котором они могут встречаться в одном тексте:

- ассоциативные пары, которые путем минимальных морфологических преобразований трансформируются в синтаксемы с нулевым интервалом между составляющими их словами: команда – *футбол* > футбольная команда; лопнуть – *шар* > шар лопнул; явление – *природа* > явление природы; при этом ученый указывает на то, что это не единственное преобразование, возможны и другие формулировки, что

подтверждает действие принципа множественности (неединственности) метаязыкового описания ментальных единиц (сформулирован и описан И.А. Стерниным в работе [Стернин 2012]);

- пары, которые в результате трансформаций образуют синтаксемы, словосочетания, входящие в одно предложение гипотетического текста, но члены таких словосочетаний разделены интервалом на один шаг больше нулевого: вырастать – *небо* > вырастать до неба; беспокоиться – *повод* > беспокоиться по поводу; загорать – *солнце* > загорать на солнце;

- ассоциативные пары, которые не могут образовывать синтаксем, но могут рассматриваться как лексические элементы (актанты) пропозиции, превращающиеся в результате трансформаций в предложение, т.е. потенциально способные встречаться в рамках одного предложения: гусеница – *бабочка* > гусеница превращается в бабочку; ревность – *дружба* > ревность омрачает дружбу; хирург – *операция* > хирург проводит операцию; интеллект – *эрудит* > эрудит не всегда блещет интеллектом и др.

Описывая коммуникативные тактики испытуемых, Ю.Н. Караулов отмечает, что предикатная тактика чаще всего проявляется в виде приписывания признака предмету, может быть представлена как грамматически оформленная синтаксема S+R: Сократ – *сказал*, бордюр – *покрашен*, спасение – *будет*, иногда в виде синтаксических примитивов по типу модели «S_{сущ.}+R_{прил.}»: гном – *маленький*, староста – *хороший*, браслет – *новый* и др.

Локативная тактика связана с приписыванием места, а также принадлежности, предназначенности и причины: повар – *в столовой*, эксперт – *в милиции*, салат – *из капусты*, прибыть – *на побывку* и др.

Тактика, ориентированная на номинацию, имеет несколько разновидностей: у одних испытуемых преобладает стремление дать своеобразную дефиницию стимула, другие реализуют тенденцию к вторичной номинации, т.е. отвечают на стимул синонимом, гиперонимом, гипонимом, антонимом, конверсивом: крем – *однородная масса*, полковник – *военный чин*, интеллект – *ум*; Россия – *страна*; влево – *вправо*, автор – *редактор*, полосатый – *клетчатый*; дочка – *мать*; дочка – *человек*, пылесос – *веник* и др.

Оценочная тактика встречается не так часто: ишак – *воюнчий*; балда – *ты*; аппетит – *плохой*; похороны – *дорогие*; медицина – *плохая*; пахнуть – *плохо*; двоечник – *проклятый*; Иван – *дурак*; швабра – *страшная женщина* и др.

Чаще всего между стимулом и реакцией прямо или опосредованно объективирована синтаксическая связь, что свидетельствует о готовности носителя языка постоянно предцифровать, используя при этом готовые речевые формулы, обладающие воспроизводимостью и много раз, вероятно, использованные им прежде в его повседневном общении и

создаваемых им текстах. Ю.Н. Караулов подчеркивает, что синтаксемы, зафиксированные в парах S–R, не являются результатом порождения, не возникают в акте творения, творческого созидания словосочетания именно на данный случай, а воспроизводятся спонтанно и бессознательно подобно любой другой целостной единице (штампу, идиоме, афоризму) в том виде, как они неоднократно употреблялись ранее в текстах данной языковой личности или ее референтной группы. В актах обычной, нормальной коммуникации, если только у нас нет специальной установки на творчество, на отказ от привычного и обыденного, носитель языка оперирует автоматизмами – готовыми формулами и рутинными оборотами, постоянно «цитируя себя», воспроизводя синтаксему или словосочетание из собственных прежних текстов.

Ю.Н. Караулов делает вывод: «основной закон, на котором держится организация ассоциативно-вербальной сети, которому подчинены все связи между элементами сети, т.е. между находящимися в ее узлах словами в лемматизированной форме, словоформами или словосочетаниями, есть закон предсказуемости этих связей: предикация правит отношениями в ассоциативно-вербальной сети» [Караулов 1996, с. 71].

Предложенный ученым взгляд на ассоциативные пары – взгляд «от текста» – снимает традиционное различие между «парадигматическими» и «синтагматическими» реакциями и позволяет все их трактовать как следы текстов, которые проходили в разное время или проходят в данный момент через ассоциативно-вербальную сеть испытуемого. Ученый утверждает, что «в ответах на стимулы свободного ассоциативного эксперимента носитель языка как бы “цитирует” себя, актуализирует известные ему тексты, осуществляя предикацию (в широком смысле) стимула» [Караулов 1996].

Все это позволяет говорить о том, что между стимулом и реакцией существует непосредственная семантическая связь, которая дает возможность определить, какой участок семантического поля слова вербализован в эксперименте.

В работах Ю.Н. Караулова намечен путь семантического анализа отдельных ассоциативных пар, однако не говорится о возможности комплексной семантической интерпретации единиц ассоциативного поля и выявления семантического содержания слова-стимула. Это возможно с помощью такого метода, как метод семантической интерпретации экспериментального материала.

Семантическая интерпретация результатов психолингвистических экспериментов заключается в осмыслении полученных ассоциативных реакций как языковых репрезентаций (объективаций, актуализаций) семантических компонентов слова-стимула.

В данной работе используются традиционные термины семасиологии (семемной и семной): *сема* – «семантический микрокомпонент, отражающий конкретные признаки обозначаемого словом явления» [Стернин 1985, с. 44]; *семема* – отдельное значение слова, «лингвистически релевантная единица значения» [Ахманова 2004, с. 401], состоящая из более мелких семантических компонентов; «*семантема* – упорядоченная совокупность семем одной лексемы» [Стернин 1985, с. 45]; *лексема* – «материальная сторона слова (акустическая или графическая) как структурного элемента языка» [Маклакова 2013, с. 36].

При семантической интерпретации осуществляется обобщение полученных экспериментальных результатов (*метод обобщения экспериментальных реакций*): «близкие по семантике ассоциативные реакции, по-разному называющие один и тот же семантический компонент, объединяются, формулируется метаязыковое обозначение соответствующей семы, частотность ассоциатов суммируется и указывается как частотность актуализации данной семы в эксперименте» [Попова 2007а, с. 168].

Семантическая интерпретация результатов экспериментов включает следующие последовательные действия.

1. Семемная интерпретация ассоциативных реакций

Семемная интерпретация результатов психолингвистических экспериментов заключается в объединении ассоциативных реакций, объективирующих отдельные значения в семантеме слова-стимула, и установлении семем, актуализованных в эксперименте.

На этапе семемной интерпретации ассоциативные реакции группируются по значениям по денотативному принципу: они разделяются на группы по числу отдельных значений, которые объективируются в эксперименте и обозначают отдельные денотаты. Затем подсчитывается **совокупный индекс яркости** семемы (СИЯ), который высчитывается как отношение количества ассоциатов, объективировавших отдельную семему, к общему количеству опрошенных [Попова 2007б].

Приведем пример семемной интерпретации единиц ассоциативного поля стимула АНИМАТОР [АСУРЛ 2011, с. 18]:

Семема 1: Создатель мультипликационных фильмов (*мультик 15; мультипликатор 11; мультфильмы 9; кино 6; художник 4, фильм 4, аниме 2, звукорежиссер, здорово, никудышный, пленка, профессия, рисунок, сказка, студия, сцена, творчество, экран, 3D*) – всего 63 реакции; СИЯ 0,63.

Семема 2: Организатор досуга (*игры 3, клоун 3; клуб 2, развлечение 2, Турция 2, фотограф 2; актер, веселый, здорово, никудышный, организатор, отдых, профессия, путешествие, развлекаловка, сплочение, сцена*) – всего 25 реакций; СИЯ 0,25.

Ассоциат может объективировать как часть семемы (аниматор – *сплочение, клуб, отдых*), так и вербализовать общий смысл отдельной семемы, покрывать все содержание семемы (аниматор – *мультипликатор*).

Семемная интерпретация позволяет определить количество разных семем, реально выявленных в материалах эксперимента. При этом каждая семема оказывается представленной набором некоторых реакций. На этом этапе исследования для облегчения процедуры группировки ассоциатов можно пользоваться лексикографическими описаниями семем данного слова, но при этом следует обязательно помнить, что не все из них могут обнаружиться в эксперименте, а также могут появиться значения, не зафиксированные в словарях. Поэтому при использовании данных толковых словарей исследователь может обратиться и к иным источникам (данным Национального корпуса русского языка, сети Интернет и др.).

Семемная интерпретация результатов эксперимента позволяет выявить наиболее яркие в языковом сознании опрошенных носителей языка значения; определить полевою организацию семантемы исследуемого слова; выявить мало актуальные и неактуальные семемы; описать новые и устаревающие значения; спрогнозировать варианты развития значения слова; уточнить содержание уже существующих толковых словарей; выявить с научной точки зрения ложные значения и др.

2. Семная интерпретация ассоциативных реакций

Семная интерпретация результатов психолингвистических экспериментов заключается в осмыслении полученных ассоциаций как языковых репрезентаций семантических компонентов слова-стимула (сем). При этом также производится обобщение полученных результатов: «близкие по семантике ассоциаты, по-разному называющие фактически один и тот же семантический компонент, объединяются, а их частотность суммируется. Обобщаются ассоциаты, в разной языковой форме номинирующие один и тот же семантический компонент» [Попова 2007б]. Затем подсчитывается **индекс яркости семы** (ИЯс, который вычисляется как отношение количества ассоциатов, вербализовавших конкретную сему, к общему количеству ассоциатов поля стимула).

Например, семная интерпретация ассоциатов поля стимула БАБОЧКА (всего опрошено 100 испытуемых) [АСУРЛ 2011, с. 20] позволяет сформулировать следующие семантические компоненты семемы «Насекомое» (после сем указан их индекс яркости; в скобках приведены ассоциаты, вербализующие семантический признак; семы указаны в порядке убывания их частотности): красивая 0,17 (*красота 7, красивая 7; красавица, красиво, что-то красивое*); с крыльями 0,12 (*крылья 12*); насекомое 0,08 (*насекомое 8*); летает 0,07 (*летит 3; летать, летающее масло, полет, порхать*); садится на цветок 0,06 (*цветок 5; цветы*);

ассоциируется с легкостью 0,06 (*легкость 5, порхать*); например, махаон 0,04 (*махаон 4*); живет летом 0,04 (*лето 4*) и др.

При семантической интерпретации ассоциативных реакций можно остановиться на этапе формулирования сем, однако более информативным является соотнесение выделенных сем по семемам. Некоторые семы могут быть отнесены к нескольким семемам, например, сема «красивая» входит в состав двух семем. Поэтому сумма СИЯ всех семем может превышать 1.

Семы в пределах одной семемы перечислены в порядке убывания частотности. При подсчете СИЯ отдельной семемы складываются индексы яркости всех сем, ее объективирующих.

БАБОЧКА

Семема 1. Красивое 0,17; с крыльями 0,12; насекомое 0,08; летает 0,07; садится на цветок 0,06, ассоциируется с легкостью 0,06; ярких цветов 0,04; например, махаон 0,04; живет летом 0,04; живет весной 0,02; например, капустница 0,02; является пищей для воробьев 0,02; питается капустой 0,01; существо 0,01; летает в солнечную погоду 0,01; появляется из кокона 0,01; обитает в природе 0,01; бывает ночная бабочка 0,01; является объектом исследования 0,01 и коллекционирования 0,01; ассоциируется с невинностью 0,01; пугливое 0,01; вызывает чувство радости 0,01, нежности 0,01. СИЯ 0,86

Семема 2. Красивая 0,17, ассоциируется с легкостью 0,06; девушка 0,01; нежная 0,01, невинная 0,01; например, моя 0,01; вызывает чувство радости 0,01. СИЯ 0,28

Семема 3. Галстук 0,03; элемент одежды 0,02; цветной 0,03. СИЯ 0,08

Семема 4. Нож 0,02. СИЯ 0,02

Семема 5. Заколка 0,01. СИЯ 0,01

Семема 6. [Девушка легкого поведения]; то же, что ночная бабочка 0,01. СИЯ 0,01

Сформулированные семы выделенных значений можно представить и в виде связанных дефиниций. В этом случае дефиниции формулируются как упорядоченное, связанное перечисление экспериментально выявленных семантических компонентов каждого значения в их связи друг с другом. Каждое значение формулируется отдельно, указывается совокупный индекс яркости значения, который свидетельствует об относительной яркости соответствующего значения в семантеме слова в языковом сознании испытуемых; рядом с каждой семой указывается индекс ее яркости. Например, психолингвистическое значение слова ДИРЕКТОР (ассоциативное поле взято из [РАС 2002, с. 167]):

ДИРЕКТОР

Главный 0,03 [руководитель] организации 0,10, например, школы 0,33, завода 0,07, магазина 0,06, высшего учебного заведения 0,04, цирка 0,02, военного подразделения 0,01, телекомпании 0,01, издания 0,01; имеет подчиненных 0,01; имеет заместителя 0,01; работает в отдельном кабинете 0,02; ездит на черной Волге 0,01; носит костюм 0,01 с галстуком 0,01; преступает закон 0,02; бывает глупый 0,03, строгий 0,02, злой 0,01, безответственный 0,01, бюрократ 0,01; это, например, Колбасюк 0,01, Чумакова 0,01, руководитель ООО «Шелтон» 0,01, я 0,01; то же, что начальник 0,05, глава 0,01, босс 0,01, шеф 0,01; вызывает неодобрение 0,04. СИЯ 1,00.

Семная интерпретация результатов эксперимента позволяет выявить наиболее яркие в языковом сознании опрошенных носителей языка семантические компоненты значения слова; определить полевую организацию сем исследуемого слова в целом и его отдельного значения; выявить мало актуальные и неактуальные семы, индивидуальные и ложные с научной точки зрения семы (при сопоставлении с лексикографическим представлением значения слова); уточнить семное описание системного значения слова, представленное в толковых словарях и др.

Метод семантической интерпретации результатов психолингвистических экспериментов обычно используется при интерпретации данных ассоциативных экспериментов (свободного и/или направленного), однако предложенная методика может быть использована и при описании психолингвистического значения слова по данным, полученным методом субъективной дефиниции. На первом этапе исследования проводится эксперимент, формируется экспериментальное поле стимула. Затем осуществляется семная и/или семная интерпретация субъективных дефиниций – выделяются и описываются отдельные семантические компоненты. Отдельные попытки подобного исследования представлены в работах [Высочина 2001; Гришук 2002].

В работе А.Д. Палкина [Палкин 2010, с. 171-173] приведены субъективные дефиниции на стимул ДУРАК, полученные в ходе опроса 100 школьников 12-13 лет. При семантической интерпретации результатов эксперимента были выявлены семантические компоненты анализируемой языковой единицы и представлены в виде таблицы, содержащей такие разделы, как: Синонимизация; Антонимизация; Конкретизация; Контекстуализация; Объяснение через однокоренное слово; Категоризация; Разнотипный ответ; Нет ответа. Каждый раздел включал ответы школьников в том виде, как они были представлены в анкетах. Применение же метода семантической интерпретации позволяет сформулировать связные дефиниции всех семем слова:

ДУРАК

1. Глупый 0,33 человек 0,76; ничего не знает 0,11, ничего не понимает 0,10, не хочет думать 0,06, совершает глупые поступки 0,03, совершает плохие поступки 0,02, медленно соображает 0,01, неправильно мыслит 0,01, ко всем пристаёт 0,01, бывает с низким интеллектом 0,02, с плохой памятью 0,01, плохо развитый 0,01, наивный 0,01, упрямый 0,01, всегда уверен в своей правоте 0,01, безграмотный 0,01, ненормальный 0,01, странный 0,01, ленивый 0,01, безразличный ко всему 0,01, из неблагополучной семьи 0,01; встречается в любой компании 0,02; это, например, одноклассник Карен 0,01; известен герой русских народных сказок – Иван-дурак 0,01; то же, что тупой 0,10, не умный человек 0,07, идиот 0,02, человек без мозгов 0,02, дубина 0,01, придурок 0,01; противоположно – умный 0,05; вызывает неодобрение 0,05. СИЯ 1,94.

2. Человек, вызывающий неприязнь 0,05; слово является обзывательством 0,02, ругательством 0,02, оскорблением 0,01; это плохое слово 0,01; в русском языке не должно быть такого слова 0,01. СИЯ 0,12.

3. Умственно отсталый человек 0,06, то же, что идиот 0,02, данное состояние вызвано болезнью 0,01. СИЯ 0,09.

Выделяется метаязыковая сема, общая для всех значений – «слово является именем существительным» (ИЯс 0,03).

Семантическая интерпретация субъективных дефиниций имеет свою специфику (обычно дефиниция включает в себя несколько семантических признаков, что затрудняет интерпретацию экспериментального материала).

Проблемы, возникающие при семантической интерпретации

При анализе результатов психолингвистического эксперимента методом семантической интерпретации возникает ряд типовых трудностей, преодоление которых необходимо для эффективной обработки полученных результатов. Они были представлены в [Стернин 2011], однако за несколько лет одни приемы семантической интерпретации претерпели изменения, другие – были уточнены.

Перечислим проблемы, возникающие при семантической интерпретации результатов психолингвистических экспериментов.

✓ Разграничение отдельных семем одной лексемы

Рядовые носители языка часто не могут разграничить разные семемы одной лексемы: несколько близких по содержанию семем могут в сознании носителя языка соединяться в единый комплекс. Например, семемы лексемы «сильный»: «Выражающий силу, обладающий силой» (*сильный мужчина*); «Производимый с большой силой» (*сильный толчок*); «Значительный по степени проявления» (*сильный запах*); «Хорошо обоснованный» (*сильный аргумент*). Указанные семемы носителями языка обычно не различаются (сильный – нечто, связанное с силой), а если и различаются, то только при приложении ими определенных языковых усилий, в контекстах. Ввиду этого выделение отдельных семем производится исследователем на основе знаний лексикографических значений данного слова и вербализации отдельных сем соответствующих семем ассоциатами.

Основанием для разграничения отдельных семем может послужить наличие разных денотатов или наличие несовпадающих по характеру оценок. Например, семантическая интерпретация ассоциатов стимула БРУТАЛЬНЫЙ [АСУРЛ 2011] позволяет выделить следующие семемы:

БРУТАЛЬНЫЙ

Семема 1. Мужественный 0,05, отличающийся от других 0,05, стильный 0,04, сильный 0,04, сексуальный 0,02, красивый 0,02, серьезный 0,01, небритый 0,01, обладающий харизмой 0,01 мужчина 0,35; вызывает одобрение 0,03. СИЯ 0,63.

Семема 2. Грубый 0,07, сильный 0,05, неряшливый 0,02, пьяный 0,02, высокомерный 0,01, мужчина 0,35; вызывает неодобрение 0,01. СИЯ 0,53.

Семема 3. Выражающий 0,01 грубость 0,03, агрессивность 0,02. СИЯ 0,06.

Две первые семемы относятся к характеристике мужчины. Эти семемы обозначают разные денотаты: 1) присущий настоящему мужчине, обладающему лучшими мужскими качествами; 2) присущий грубому, невоспитанному мужчине. Это деление на две семемы «поддерживается» и разнооценочными ассоциатами: у первой семемы – достаточно много ассоциатов, имеющих одобрительный характер (*классный, колоссальный, мужественный, очень мужественный, модный, стильный, метросексуал, мажор, необыкновенный, выдающийся, сильный 2, качок, мощный, мачо 2, красивый 2, харизма*), тогда как у другой семемы больше неодобрительных ассоциатов (*суровый, жестоко, небритый, грубый 3, высокомерный, неотесанный, неряшливый, хам, алкаш, лох*). Наличие ассоциатов с разной оценочностью позволяет выделить две семемы данной лексемы (в традиционных словарях это значение представлено как единый комплекс).

Аналогичный пример с лексемой БЛОНДИНКА. В толковых словарях данная лексема имеет только одно значение «Светловолосая женщина». В психолингвистическом эксперименте выявляется еще одна семема, актуальная для языкового сознания носителей языка – «Глупая женщина» (ср.: *В этот момент она включила блондинку*). Сема «глупая» может быть и семой значения «светловолосая женщина» как потенциальный семантический компонент (блондинка может быть умной, мудрой, глупой, хитрой и др.). Однако первое значение в языковом сознании носителей языка обычно является неоценочным или слабооценочным (скорее, одобрительным, чем неодобрительным, так в общественном сознании закреплено представление о светловолосой женщине как красивой, нежной, воздушной, при этом брюнетки чаще всего вызывают негативные чувства); во втором значении выявляется яркая неодобрительная оценка, которая относится к денотативной части значения слова.

Таким образом, если ассоциаты вербализуют разные денотаты или денотат один и тот же, но есть различие в коннотативной характеристике, такие ассоциаты интерпретируются как объективация сем разных семем.

Разграничению разных значений одного и того же слова при анализе ассоциативного поля стимула могут помочь словарные статьи соответствующей языковой единицы, однако полностью полагаться на них нельзя: отдельные значения могут быть случайно пропущены, объединены с другими значениями слова, могут отсутствовать в связи с тем, что они

только недавно вошли в язык и еще не внесены в словари, но уже являются частью языкового сознания носителей языка и др.

✓ **Возможность выделения нескольких семантических признаков при интерпретации ассоциата**

Чаще всего один ассоциат при семантической интерпретации соответствует одному семантическому признаку: например, реакции *девушка, красивая, в платье, молодость* на стимул БАРЫШНЯ вербализуют соответствующие семантические признаки – «девушка», «красивая», «молодая», «носит платье». Однако в некоторых случаях одна ассоциативная реакция может быть вербализацией двух и более семантических компонентов значения: например, реакция *злость* на стимул АГРЕССИВНЫЙ может актуализировать два семантических признака – «испытывающий злость» и «вызывает чувство злости» и др. Чаще всего это бывает связано с неоднословной (развернутой) формой ассоциата или возможностью обозначения разных семантических признаков в пределах одной семемы или разных семем:

- реакция *крестьянка* на стимул БАРЫШНЯ интерпретируется как актуализация двух семантических признаков – «противоположно крестьянка», «известна повесть А.С. Пушкина “Барышня-крестьянка”»;

- реакция «человек с поломанной психикой» на стимул МАНЬЯК вербализует признаки – «человек», «имеет нездоровую психику» и др.

Данное положение необходимо учитывать при семантической интерпретации экспериментального материала: если реакция вербализует два и более семантических признака, то она относится к двум и более семам/семемам. Этим объясняется то, что сумма индексов яркости сем (в пределах семемы) и индексов яркости семем (в пределах семантемы) может быть больше 1.

✓ **Разные результаты при интерпретации ассоциативных реакций**

В научных исследованиях достаточно часто можно наблюдать следующее: несколько исследователей параллельно работают над одной и той же темой. Результатом их исследований становятся научные работы, содержание которых достаточно серьезно различается: исследование проводится на разном материале, один и тот же материал исследуется разными методами и приемами, различается глубина исследования и широта охвата темы и др. (ср. слово и концепт «женщина» в языковой картине мира [Адолина 2007; Бахтина 2014; Виноградова 2014; Гаврилина 2001; Глуценко 2013; Ефремов 2010; Лю Бо 2010; Морозова 2010а, 2010б; Никанорова 2013; Точилина 2014; Чибышева 2005; Чистюхина 2012 и др.]).

Связь между стимулом и реакцией может определяться разными исследователями по-разному, что чаще всего связано с разными целями исследования, принадлежностью к разным научным школам и др. Аналогично и при семантической интерпретации одного и того же экспериментального материала иногда наблюдаются различия в описании психолингвистического значения слова.

Опыт семантической интерпретации ассоциативного материала позволяет сделать следующие выводы: при условии использования единой методики большая часть экспериментального материала интерпретируется исследователями примерно одинаково (может различаться метаязыковая форма семантических компонентов, степень обобщения ассоциативного материала, последовательность приведения результатов интерпретации и др.). Наибольшее количество разночтений отмечено при разном подходе к интерпретации экспериментального материала. Поэтому для решения данной проблемы необходима выработка единых критериев семантической интерпретации ассоциативного материала, а также создание единой хорошо разработанной методики психолингвистического описания значения слова, например, в виде модели описания психолингвистического значения слова. На данный момент единая методика нами разработана и успешно используется в работах как уже опытных, так и начинающих исследователей.

✓ Проблема субъективности интерпретации ассоциативных реакций

Метаязыковое описание семантики любого слова (как в системе языка, так и в контексте) всегда содержит элемент субъективизма, что связано как с принципом множественности метаязыкового обозначения ментальных единиц, так и с тем, что любое описание представляет собой «авторскую» интерпретацию, а следовательно, в определенной степени субъективно (ср. представление лексического значения в толковых словарях русского языка – одно и то же слово может быть по-разному представлено в лексикографических источниках; единообразная форма дефиниций в БТС, МАС и др. словарях чаще всего объясняется единой базой словарей – дефиниции «кочуют» из одного словаря в другой без каких-либо изменений, хотя иногда уже не отражают современную семантическую реальность).

Перед исследователем всегда встает вопрос о репрезентативности результата, полученного в ходе семантического анализа. При описании психолингвистического значения используются данные эксперимента. В традиционных лингвистических исследованиях долгое время экспериментальный материал не признавался как достоверный, так как, по мнению некоторых исследователей, он имеет ситуативный характер (зависит от количества испытуемых, качественного состава

опрашиваемых, формы проведения эксперимента, качества анкеты и др.). На данный момент большинство ученых признают, что ассоциативные поля являются реальностью языкового сознания и могут и должны быть исследованы с помощью специальных методик.

Подобная ситуация наблюдается и в отношении возможности адекватной семантической интерпретации экспериментального материала. Бытует мнение, что ассоциативный эксперимент для описания психолингвистического значения мало подходит, так как велика доля субъективности при обработке материала исследования (Е.И. Горошко, В.А. Пищальникова и др.). «Осуществление ассоциативного эксперимента и характер интерпретации его данных в отечественной психолингвистике в настоящее время нельзя назвать совершенным» [Пищальникова 2007, с. 13].

«Любая интерпретация, в том числе интерпретация результатов психолингвистических экспериментов, по определению, всегда имеет субъективный характер и может различаться, демонстрируя несовпадающие результаты в разных научных направлениях, у разных исследователей, рассматривающих один и тот же материал, и даже у одного и того же исследователя в разные периоды осмысления им полученных результатов» [Стернин 2020а, с. 119]. Однако далее И.А. Стернин отмечает, что «интерпретация другим исследователем никогда не бывает принципиально отличной от интерпретации первого, она касается, как правило, отдельных ассоциаций и отдельных формулировок семантических компонентов, что естественно при описании любого значения (ср. принцип неединственности метаязыкового описания ментальных единиц, который наблюдается и во всех толковых словарях, основан на принципиальной неоднозначности вербального обозначения результатов познания одного и того же объекта разными людьми в разных ситуациях)» [Стернин 2011, с. 34-37] и является отражением невербальности мышления (Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов).

Для увеличения доли объективности психолингвистического описания значения необходимо учитывать действие принципа субъективности семантической интерпретации ассоциаций.

В исследованиях А.А. Залевской [Залевская 2001, 2013] и ее учеников [Голубева 2016 и др.] был сформулирован принцип «для меня – здесь – сейчас», который, по мнению ученых, действует во время участия испытуемого в эксперименте, при понимании реципиентом текста. Исследователи отмечают, что в другой ситуации, в другое время, в другом эмоциональном состоянии другой (а также тот же самый) реципиент (читатель, слушающий) может выполнить задание эксперимента, понять тот же самый текст по-другому.

Сформулированный тверскими учеными принцип «для меня – здесь – сейчас» может быть применен и исследователем, осуществляющим

семантическую интерпретацию результатов ассоциативных экспериментов. На интерпретатора, как и на читателя, участника эксперимента, влияет множество факторов, совокупность которых можно назвать *актуальной личностной ситуацией*. «Эти факторы определяются конкретной ситуацией, в которой находится интерпретатор в момент интерпретации, уровнем его лингвистических знаний, эмоциональным состоянием исследователя, предшествующим интерпретации опытом и многими другими факторами» [Стернин 2020а, с. 120]. Было замечено, что интерпретация одних и тех же результатов ассоциативных экспериментов не совпадает не только у разных интерпретаторов, но и у одного и того же исследователя – появляется желание внести исправления в уже сделанную интерпретацию через некоторое время, например, через несколько месяцев после ранее сделанного описания. Это и есть следствие действия *фактора актуальной личностной ситуации*. Неоднозначность и субъективность при интерпретации данных психолингвистических экспериментов, возможностью описания одного и того же смысла разными языковыми средствами (принцип неединственности метаязыкового описания ментальных единиц) позволяет сформулировать **принцип субъективности семантической интерпретации ассоциаций**. Суть данного принципа заключается в следующем: *семантическая интерпретация результатов ассоциативных экспериментов зависит от актуальной личностной ситуации, в которой исследователь осуществляет интерпретацию*.

Данный принцип очень важен для проведения семантической интерпретации результатов, прежде всего, ассоциативных экспериментов, так как предикативная связь, позволяющая определить семантический компонент значения в парах «стимул-реакция», имеет неявный характер, требует применения всех знаний и умений интерпретатора.

Укажем некоторые сложности, связанные с данной проблемой.

1. При интерпретации некоторых ассоциатов исследователь не всегда может определить, какой именно семантический признак был вербализован носителем языка приведенным ассоциатом. Одна и та же реакция на разные стимулы может вербализовать разные семы, например: АППЕТИТ – *плохой*: вербализуется сема «отсутствие» аппетита; МЕДИЦИНА – *плохая*: вербализуются общеоценочная сема «вызывает неодобрение» и денотативная сема «некачественная»; ПАХНУТЬ – *плохо*: вербализована как сема «издавать неприятный запах», так и сема «наличие сильного запаха». Реакция *дурак* на стимул ИВАН может актуализировать несколько сем: 1) общеоценочную сему «вызывает неодобрение»; 2) денотативную сему «глупый»; 3) сему, указывающую на вербализацию прецедентного текста, – «герой русских народных сказок – Иван-дурак».

При неоднозначности интерпретации ассоциатов исследователь формулирует все возможные семы, которые могут быть вербализованы

ассоциатом, при необходимости относит их к разным семемам или к разным частям одной семемы. Если семы могут быть отнесены к нескольким значениям слова-стимула, то они включаются в смысловую структуру соответствующих значений лексемы со своим индексом яркости (количеством актуализировавших эту сему ассоциатов).

2. Субъективный характер анализа экспериментальных данных проявляется и в том, что исследователь может семантически интерпретировать связь между стимулом и реакцией иначе, чем это было в языковом сознании носителя языка (иногда бывает сложно точно установить, что именно имел в виду испытуемый).

3. В отдельных случаях интерпретация экспериментального материала может вызывать некоторые затруднения ввиду отсутствия контекста употребления, подобные реакции интерпретировать однозначно невозможно. В таком случае реакции относятся к неинтерпретируемым.

Все указанные сложные случаи не дают основание считать семантическую интерпретацию недостоверной, а использование экспериментальных данных для описания психолингвистического значения ненужным или ненаучным. Наш опыт показывает, что доля ассоциатов, семантическая интерпретация которых вызывает трудности, обычно невелика – не более 10-15% от объема ассоциативного поля стимула. Семантическая интерпретация большей части ассоциатов не вызывает разночтений. По мнению И.А. Стернина, «полная объективность интерпретации недостижима, но согласованность понимания результатов интерпретации – вполне реальное явление. В пользу возможности согласованной интерпретации говорят следующие факты: 1) у носителей языка и интерпретаторов сходная национальная когнитивная база, национальный менталитет; 2) испытуемые в условиях эксперимента находятся в условиях экстралингвистической действительности, которая известна интерпретаторам; 3) выявляются ядерные ассоциации, совпадающие обычно у большинства испытуемых; 4) интерпретаторы имеют опыт интерпретации сходных ассоциаций и эффективно усматривают их смысл применительно к слову-стимулу» [Стернин 2020а, с. 120].

Полностью избежать субъективности при интерпретации данных психолингвистических экспериментов невозможно. Однако некоторую долю субъективности можно устранить или минимизировать путем верификации их результатов (см. работы [Акованцева 2012; Бутакова 2015; Тимошина 2013а и др.]).

По мнению В.А. Пищальниковой, «для верификации результатов ассоциативного эксперимента необходимо использовать другие виды эксперимента, что может обеспечить надежность и достоверность выводов, сделанных на основе АЭ» [Пищальникова 2019б, с. 38]: исследователь предлагает сочетать данные этимологических источников,

лексикографические данные, результаты прямого и обратного АЭ, а также данные различных психосемантических измерений, в том числе метод семантического дифференциала Ч. Осгуда, и опрос (методика верификации демонстрируется на примере лексемы «милосердие») [Пищальникова 2019б, 2019в].

Периферийными, но характерными для языкового сознания можно считать значения, актуализованные в эксперименте даже одним испытуемым, однако для того чтобы считать подтвержденными в верификационном эксперименте, данный семантический компонент должен быть отмечен значительной группой испытуемых. Наиболее частотные варианты интерпретации, выявленные в ходе верификационных действий, признаются доминирующими и используются при описании психолингвистических значений.

Укажем некоторые приемы верификации семантических признаков значения слова, которые не предполагают обращение к носителям языка: 1) семантическая верификация семного описания – выявленные в эксперименте семы приписываются (предсцируются) отдельно взятому, внеконтекстному слову: методом рефлексии (мысленным анализом соответствующей реалии, называемой словом) определяется, присуща ли эта сема данному значению в языковом сознании носителей языка или нет; 2) синонимическая субституция – актуализованное слово последовательно заменяется на ряд других слов, которые могут в данном контексте заполнить место исследуемого; затем проводится семантический анализ субститутов, включая и само исследуемое слово, и выявляются интегральные семантические признаки всех этих единиц, которые и составляют содержание актуализованного слова; 3) прием сопоставления слова с его переводными соответствиями [Стернин 2011б; Маклакова 2013].

Еще одним вариантом решения данной проблемы является следующий подход. В соответствии с принципом «для меня – здесь – сейчас», действующим в момент ассоциативного эксперимента и в момент интерпретации результатов ассоциативного эксперимента, наиболее релевантными для значения как элемента языкового сознания, можно считать ту часть психолингвистической дефиниции, которая включает наиболее яркие семантические компоненты, то есть выделенные наибольшим числом испытуемых. Поэтому при описании психолингвистического значения, как и при описании и анализе ассоциативных полей, можно учитывать только наиболее яркие признаки, а менее яркие оговаривать как субъективные, подверженные изменениям.

Для снижения субъективности (и тем самым повышения объективности) семантической интерпретации психолингвистических данных также могут быть использованы такие приемы, как:

«- перепроверка выполненного методом семантической интерпретации описания психолингвистического значения разными исследователями, имеющими опыт интерпретации (первичная интерпретация одним исследователем и минимум две контрольных интерпретации двумя другими разными исследователями);

- перепроверка результатов интерпретации одним и тем же исследователем в другое время (две перепроверки каждым исследователем с промежутком минимум один месяц);

- проверка не интерпретируемых ассоциаций по Национальному корпусу русского языка, так как реакции могут быть возрастными, профессиональными и поэтому неизвестными исследователю;

- верификация спорной интерпретации – опрос небольшой контрольной фокус-группы испытуемых, сходной по составу с контингентом основного эксперимента – с вопросом о том, как они понимают, что имелось в виду, когда на слово X была дана реакция Y;

- верификация приближением времени интерпретации к времени проведения эксперимента: замечено, что если интерпретация и описание психолингвистического значения было осуществлено исследователем в ситуации, максимально близкой к ситуации эксперимента по времени и месту, это делает интерпретацию более надежной» [Стернин 2020а, с. 121].

Повышает степень объективности семантической интерпретации психолингвистических данных и применение единой методики анализа экспериментального материала.

✓ **Неполнота описания семантики слова при ограничении количества интерпретируемых ассоциатов**

В настоящий момент существуют исследования, в которых ученые при изучении ассоциативного материала обращаются к анализу не всего поля стимула, а только его части. Например, классификации и обработке подвергаются все неединичные ассоциаты; устанавливается определенный «порог» исследования: анализируются все ассоциаты с частотностью более пяти ответов; анализируются первые пять по частотности ассоциатов; анализируются все ассоциаты, вербализованные словами конкретной части речи и др.

Данное ограничение возможно, если оно обусловлено задачами исследования. Однако при описании психолингвистического значения семантической интерпретации должны подвергаться все реакции, так как даже единичные реакции, будучи объединенными с другими ассоциатами, вербализующими тот же семантический признак, могут актуализировать важный семантический компонент значения слова и в результате иметь достаточно высокий индекс яркости.

Опыт психолингвистического описания большого корпуса слов показывает, что в структуре психолингвистического значения

значительное место занимают семы с невысоким индексом яркости (вербализованные малым количеством ассоциатов). Единичные и малочастотные семы (например, с индексом яркости 0,02 и ниже) в большинстве случаев субъективны и могут существенно отличаться при анализе экспериментальных данных, полученных у разных групп испытуемых или в разное время.

При семной интерпретации релевантным из практики следует считать описание сем с индексом яркости 0,05 и выше; все семы с более низким показателем индекса яркости можно давать списком как потенциальные семы (если их не удается обобщить).

Однако надо признать, что не все семы с низким индексом яркости субъективны и потенциальны. Например, при семантической интерпретации ассоциативных полей выявлено, что архисемы семем обычно имеют невысокий индекс яркости, иногда вообще отсутствуют, так как считаются носителями языка априорно существующими и излишними для вербализации. Например, при интерпретации ассоциатов поля БЛОНДИНКА были выявлены такие семы, как *глупая 0,34, светловолосая 0,17, девушка 0,20, красивая 0,06, женщина 0,02, ездит на машине 0,02, умная 0,02, хитрая 0,01, любит розовый цвет 0,01* и др. Среди сем с низким индексом яркости (ниже 0,05) большинство имеют потенциальный характер, однако среди них находится и архисема «женщина».

Иногда низкий индекс яркости семы может зависеть от количества опрошенных: чем больше испытуемых участвовало в эксперименте, тем более разнообразным будет набор сем, а их индекс яркости более низким. Например, при участии в эксперименте 100 испытуемых сема, вербализованная пятью ассоциатами, будет иметь индекс яркости, равный 0,05; если же увеличить количество опрошенных до 500 человек, то индекс яркости станет равным 0,01; при 1000 испытуемых – 0,005 и т.д. При этом количество сем значительно увеличится, а их индекс яркости понизится.

✓ **Выявление групповых и индивидуальных сем**

При семантической интерпретации ассоциативных полей выявляются общеизвестные семы, которые зафиксированы в лексикографических источниках (справочниках, энциклопедиях), и не общеизвестные семы, которые актуальны для языкового сознания отдельной группы носителей языка (групповые семы могут быть зафиксированы только в специальных изданиях, например, в жаргонных словарях) или только для одного испытуемого (индивидуальные семы).

При описании психолингвистического значения слова возникает вопрос, должны ли не общеизвестные семы быть внесены в семантическую структуру слова. Некоторые исследователи считают, что групповые и индивидуальные семы, выявленные в ходе семантической интерпретации ассоциативного поля стимула, не должны включаться в

психолингвистическое описание семантики слова, так как они не имеют системного статуса и могут быть неизвестны большому количеству носителей языка. Это справедливо, прежде всего, для толковых словарей традиционного типа, в которых задача лексикографа состоит в наиболее емком перечислении семантических компонентов значения, достаточном для понимания значения слова носителями языка, в установлении нормативного варианта употребления слова. Психолингвистическое описание имеет другую задачу – описать реальное сознание носителей языка без учета правил и норм употребления слова в речи.

По нашему мнению, групповые и индивидуальные семы имеют вероятностный, потенциальный характер, и при активном употреблении слова некоторые из них могут перейти в разряд общеизвестных, поэтому при психолингвистическом описании экспериментального материала должны быть включены в семантическую структуру слова. Они отражают языковое сознание конкретной группы испытуемых, что тоже представляет интерес для исследователя.

Необходимо также заметить, что вид семы (общеизвестный, групповой, индивидуальный) и ее индекс яркости не имеют прямой зависимости: общеизвестные семы не всегда имеют высокий индекс яркости, некоторые групповые семы могут быть актуальны для достаточно большого количества носителей языка, а индивидуальные семы могут быть известными другим носителям языка, но не вербализованными другими испытуемыми в конкретном эксперименте. При исключении групповых и индивидуальных сем из психолингвистического описания значение слова будет не соответствующим реальным представлениям носителей языка о семантике слова.

Необходимо также разграничивать понятия «индивидуальная сема» и «малочастотная сема».

Малочастотная сема – это сема, выделенная в ходе семантической интерпретации экспериментального материала и представленная в конкретном эксперименте небольшим количеством ассоциатов (2-4 реакции) при 500 и более опрошенных или только одним ассоциатом. В другом эксперименте или при проведении аналогичного эксперимента с иной группой испытуемых она может быть актуализирована большим количеством носителей языка и может перейти в разряд частотных (сем с индексом яркости 0,01 и более). Малочастотная сема может иметь как групповой, так и общеизвестный (системный) характер.

Под *индивидуальной семой* понимается сема, вербализованная в эксперименте одним носителем языка и характерная для языкового сознания только одного человека (у других носителей языка данная сема в семантической структуре слова отсутствует; при проведении дополнительных экспериментов она не актуализируется).

Для объективного определения степени индивидуальности семантического компонента возможно проведение верификационного эксперимента. В качестве экспертов выступают рядовые носители языка. Им предъявляется список психолингвистических сем, актуализированных только одним – тремя ассоциатами (как вариант – список сем, выявленных в эксперименте, но не зафиксированных в словарях) с целью верификации (указания на наличие или отсутствие) данного компонента в структуре слова. Подобное исследование было проведено Т.В. Тимошиной [Тимошина 2013а]. Группе студентов было предложено отметить те семантические признаки, которые, по их мнению, относятся к значению слова: ИНТЕЛЛИГЕНТ – посещает театр; много размышляет; бедный, богатый, не приспособлен к жизни; проблемный и др. Затем подсчитывалось количество отметивших семантический признак как присутствующий в значении слова: если количество носителей языка, указавших семантический признак, оказывалось значительным, значит, данный признак относится к семантической структуре данного слова; если количество было невелико, то данный признак может быть признан индивидуальным [Тимошина 2013а].

Аналогично может быть определен статус групповой семы: выявленная сема предлагается испытуемым иной группы (возрастной, гендерной, профессиональной, региональной) с просьбой указать, входит ли в состав значения тот или иной семантический признак. Если носители иной языковой группы отмечают, что данный признак им известен (и их количество достаточно велико), то данная сема признается общеизвестной (системной), если нет, то сема имеет групповой характер (иногда носители языка указывают, что данный семантический признак характерен для языкового сознания только конкретной группы, в таком случае сема также признается групповой).

✓ **Выявление групповых и индивидуальных семем**

Кроме общенародных, при семантической интерпретации ассоциативных полей могут быть выявлены групповые значения (возрастные, гендерные, профессиональные, региональные и др.), которые исследователями относятся к социально обусловленным.

Групповые семемы могут быть как уже зафиксированы в жаргонных словарях, так и выявлены и описаны впервые при анализе экспериментальных данных (при активном употреблении слова в данном значении в речи). При этом психолингвистическая дефиниция таких слов часто оказывается более полной и глубокой, чем в соответствующем словаре, а индекс яркости групповой семемы достаточно высоким. Например, КЛИКНУТЬ. *Информ.* Нажать на клавишу мыши (СИЯ 0,62); ЗАЖИГАТЬ. *Жарг.* Веселиться, отдыхать (СИЯ 0,45).

Реже при семантической интерпретации выделяются семемы, которые свидетельствуют об индивидуальном понимании и употреблении слова: ВОЙНА. 1. Компьютерная игра (*Ты войну на комп установил?*). 2. Военная подготовка в вузе (*По средам у нас война по расписанию*); РОДИНА. Большая родинка (*Вот это родина на щеке – как шишка!*). Некоторые индивидуальные значения со временем могут стать групповыми, а затем перейти и в ранг общенародных.

Групповые и индивидуальные значения отражают языковое сознание конкретной группы испытуемых или отдельного носителя языка и имеют право на фиксацию в специальных словарях.

✓ **Выявление системных и рецептивных значений**

При семантической интерпретации экспериментального материала выявляются семантические компоненты, которые с точки зрения научного филологического анализа оказываются «неправильными», т.е. не соответствующими реальной действительности или отсутствующими в составе лексикографической семантемы. Лингвисты в таких случаях говорят о наличии ложных семантических компонентов. Большинство из них считают, что такие семантические компоненты включать в описание значения слова не нужно, так как их указание в лексикографическом источнике ослабляет нормативный характер словаря.

Однако, по нашему мнению, в психолингвистическом значении, отражающем реальное языковое сознание, нет ничего «неправильного». В языковом сознании носителей языка все семантические компоненты и значения – психологическая реальность, свойственная конкретному индивидуальному сознанию. Поэтому при описании все они должны быть включены в семантическую структуру слова, так как психолингвистическое описание значения слова носит не нормативный, а описательный характер.

Описание психолингвистических значений слов показывает, что в семантеме многих слов в языковом сознании носителей языка выделяются два принципиально разных типа значения – системное и рецептивное.

Системное значение – это общеизвестное, подтверждаемое словарями, употреблениями в контексте и экспериментальным анализом.

Рецептивное значение – это значение, которое представлено в языковом сознании (обычно небольшой группы испытуемых), но не выявляется ни в словарях, ни в контекстах употребления. Это особый вид семантической реальности, выявляемой только в исследовании психолингвистического значения экспериментальными методами.

Приведем некоторые примеры рецептивных значений, выявленных при семантической интерпретации ассоциативных полей стимулов [АСУРЛ 2011]: БЕЗДАРЬ – ленивый человек; БОЛЬШЕВИК – крупный, большой мужчина; БРЕВНО – глупый человек; ВЕСЕЛЫЙ – пьяный;

ВОДИЛА – лидер, главный в чем-либо; ВЫШИБАЛА – человек, который выбивает долги; ГЛУШИТЬ – много есть; ДУТЫЙ – толстый (о человеке); ЖЕЛЕЗНЫЙ – невкусный, слишком твердый; МОСКАЛЬ – житель Москвы; ОПЕР – певец в опере; ОТМОРОЗОК – человек, который замерз и др.

При описании рецептивного значения необходимо разграничивать само *содержание* рецептивного значения (рецептивное значение должно быть описано содержательно, это необходимо для его лексикографической фиксации) и *причину его возникновения*, формирования в языковом сознании (это интересно с исследовательской точки зрения, необходимо для описания тенденций семантического развития слова).

Так, по своему происхождению рецептивное значение может быть контаминированным и метафорическим.

1. Контаминированное рецептивное значение – значение слова, образованное в результате смешения со значением другого слова, подмены значения значением другой лексической единицы.

Контаминированное значение может образоваться в языковом сознании носителя языка разными путями:

- как *интерпретация внутренней формы другого слова*: РАФИК – сахар-рафинад; СЛЮНТЯЙ – мальчик, у которого изо рта текут слюни; ВЕРТИХВОСТКА – животное или насекомое, которое вертит хвостом; ЖЕРЕБЕЦ – маленькая лошадь, жеребенок; КАРЬЕРИСТ – человек, работающий на экскаваторе в карьере и др.; иногда это может быть связано с языковой игрой и носить со стороны испытуемых сознательный характер;

- как *результат неправильного прочтения или восприятия на слух предъявленного в эксперименте стимула*: АКЦИЯ – кустарник (смешение со словом «акация»); ЗАКЛЕВАТЬ – заклеить (*окно, клеить*); ХАЧИК – еда (смешение со словом «хавчик»); ВКАЛЫВАТЬ – вкладывать (деньги во что-либо); АПЛОМБ – опломбирование; проба; БАНДАНА – музыкальное произведение (смешение со словом «баллада»); КАПАТЬ – копать землю; СНОБ – охапка сена (смешение со словом «сноп»); ПУТАТЬСЯ – бояться (смешение со словом «пугаться»); ПЛАВАТЬ – плевать (*в лицо*) и др.;

- как *результат паронимической субституции лексем*: ДЕФЕКТИВНЫЙ – неэффективный (о методе); неинтересный, плохой (о фильме); редкий, дефицитный; ДУШЕВНЫЙ – душевнобольной; ВЫЧИСЛИТЬ – отчислить из учебного заведения; БУРОБИТЬ – бурить, сверлить, делать дырки; ДУТЫЙ – обиженный, надутый; ЖЕЛТЫЙ – желторотый, юный, неопытный; КОНСЕНСУС – косинус; ТОЧЕЧНЫЙ – точный (о науке) и др.

2. Метафорическое рецептивное значение – значение слова, образованное в результате субъективного переосмысления прямого значения слова.

Рецептивные значения могут быть результатом метафорического переноса в языковом сознании носителя языка: ОВЦА – кудрявая девушка; ПЕТУХ – ярко одевающийся человек; ВЫСКОЧКА – непоседливый ребенок; ДРЕМУЧИЙ – старый (о человеке); САРАНЧА – неприятный человек и др. Такие значения теоретически могут впоследствии могут стать системными.

Отдельно выделяется немотивированное рецептивное значение – значение слова, образованное в результате чисто субъективного отражения действительности носителем языка, в опоре на признаки, не очевидные для исследователя: ПРОХВОСТ – ленивый, безответственный человек; БОМБИТЬ – злиться и др. (ср. наличие подобного значения в слове СЕКТАНТ – член группы неверующих, безбожник [Третьякова 2018]). Только этот тип рецептивного значения может быть условно назван ложным, так как не может быть объяснен ни контаминацией со значением другого слова, ни метафоричностью употребления языковой единицы.

При описании рецептивного значения необходимо также разграничивать эти значения по *характеру их представленности в языковом сознании* носителей языка.

С этой точки зрения рецептивное значение может быть: 1) индивидуальным: КЛЯЧА – женщина, которая что-то просит; ЖАБА – жажда; ЗМЕЯ – 1. Кривая; 2. Игрушка-головоломка в виде шара и др.; 2) групповым: ЖУК – жадный человек; КОНЬ – автомобиль; КОРИФЕЙ – друг, приятель, кореш, кореш и др. Групповые значения также теоретически имеют возможность получить в дальнейшем статус системного или социально-группового: например, молодежного, профессионального и др.

Сопоставление системных и рецептивных значений в смысловой структуре слова позволяет констатировать следующее:

1) оба типа значений представляют собой реальность языкового сознания носителей языка и выявляются (подтверждаются) экспериментальными процедурами;

2) системные значения общеизвестны; рецептивные значения имеют индивидуальный или групповой характер;

3) в системном значении слово всегда может быть употреблено в коммуникации как общепонятная номинативная единица; в рецептивном значении это возможно далеко не всегда: в контаминированном значении слово не может быть употреблено в коммуникации как номинативная единица: не говорят «*Ребенок был клячей – все время требовал от родителей новых игрушек и выпрашивал сладости*» (в смысле «человек, который клянчит что-либо»); метафорическое или немотивированное

употребления слова возможно, но только в единичном или групповом употреблении; оно не понимается общезыковым сознанием носителей языка;

4) системная семантика представляет собой результат отражения действительности сознанием; рецептивная семантика представляет собой результат индивидуальной или групповой интерпретации значения слова, обусловленной различными причинами, в числе которых может быть паронимическая аттракция, фоносемантическая интерпретация, интерпретация внутренней формы слова и др.;

5) представленность как системных, так и рецептивных значений в языковом сознании не дает оснований считать рецептивные значения *ложными* – они представляют семантическую реальность языкового сознания. Ложным (ошибочным) можно назвать *употребление слова* в рецептивном значении: «*Мы устроили в квартире драйв*» (в смысле «тщательное мытье полов»); «*Зоопарк купил трех амуров*» (в смысле «трех амурских тигров») и под., поскольку такое употребление не соответствует действующей языковой норме и не обеспечивает (не гарантирует) адекватного понимания словоупотребления со стороны носителей языка.

Выявление и анализ рецептивных значений в языковом сознании носителей языка может быть интересно психологам, культурологам, социологам, специалистам в области PR-коммуникаций и др.

✓ **Наличие «нулевых ответов» в эксперименте**

Малочисленные и единичные отказы от реагирования в анкете испытуемого считаются «нормальным явлением (испытуемые ставят прочерк в соответствующей графе во время эксперимента или оставляют поле незаполненным), однако некоторые стимулы отличаются достаточно большой долей “нулевых” ответов, что рассматривать как норму уже нельзя» [Караулов 1999, с. 130-132].

Например, анализ ассоциативных полей, представленных в АСУРЛ [АСУРЛ 2011] показывает, что встречаются стимулы, на которые более 30% испытуемых отказались дать какую-либо реакцию (цифра после слова обозначает количество испытуемых из 100 опрошенных, поставивших прочерк или оставивших графу напротив соответствующего слова пустой): КОРИФЕЙ 60, ПЛЮРАЛИЗМ 52, АЗЕР 43, БАЛАНДА 34, БОЕВИК 30 и др.

Причины отказов очень разнообразны: незнание слова или незнание его значения (вследствие этого отсутствие ассоциативных связей с другими словами); неумение выразить свою ассоциацию словами; нежелание выразить свое отношение к стимулу в словесной форме; отсутствие опыта употребления стимула в сочетании с другими словами; нежелание актуализировать данный стимул в языковом сознании; нежелание прибегать к умственным усилиям для словесной реакции,

усталость, возникшая в ходе эксперимента (в связи с большим количеством заданий); грубость, яркая оценочность, стилистическая сниженность стимула, вызывающая его отторжение в языковом сознании в силу воспитания, культуры речи испытуемого и нежелание участвовать в эксперименте и др.

В целом можно говорить о двух типах причин: 1) объективные причины связаны с особенностями ассоциативно-вербальной сети конкретной группы испытуемых (стимулы относятся к узкой сфере общения, к прецедентным текстам, являются низкочастотными языковыми единицами и др.); 2) субъективные причины – отказы обусловлены индивидуальными особенностями отдельной языковой личности (языковая и интеллектуальная незрелость отдельной личности, состояние в момент эксперимента и др.).

Некоторые исследователи, проводя эксперименты и получая анкеты с отказами, отбраковывают такие бланки, считая их неинформативными для исследования семантики слова, проводят дополнительные эксперименты для «доведения» до нужного количества «хороших» анкет (это не касается анкет, которые содержат более 30% отказов, одинаковые реакции на разные стимулы, так как по правилам обработки анкет они считаются недействительными). На первый взгляд, анкеты с нулевыми ответами не дают информации о семантике слова, однако наличие большого количества отказов в экспериментальном материале также может быть предметом исследования, например, наличие нулевых ответов может являться показателем (критерием) освоенности слова (см., например, исследование, посвященное качественному и количественному анализу отказов от реагирования саратовских школьников [Сдобнова 2015б]).

Для определения степени освоенности слова можно использовать показатель *индекса освоенности слова*, который высчитывается как отношение суммы «ненулевых» реакций к общему количеству опрошенных.

Для обобщенного описания результатов исследования степени освоенности семантики слова и дальнейшего сопоставления с результатами других семантических описаний используются следующая шкала (Таблица 1).

Таблица 1

Шкала степени освоенности семантики слова

Степень освоенности семантики слова	Индекс освоенности семантики слова
«нулевая» степень освоенности	0,00 – 0,04
очень низкая степень освоенности	0,05 – 0,30
невысокая степень освоенности	0,31 – 0,50
средняя степень освоенности	0,51 – 0,70
высокая степень освоенности	0,71 – 0,90
гипервысокая степень освоенности	0,91 – 1,00

Чаще всего наличие большого процента нулевых ответов в каком-либо ассоциативном поле стимула свидетельствует о неактуальности лексем-стимула для языкового сознания испытуемых. Если лексема актуальна в смысловом отношении, часто используется испытуемым для коммуникации, известна в составе словосочетаний или фразеологических единиц, то она всегда имеет в сознании носителей языка какие-либо ассоциативные связи, хотя бы на уровне сочетаемости. Приведем примеры стимулов, в составе ассоциативных полей которых нет ни одного отказа [АСУРЛ 2011]: АРТИСТ, БАБОЧКА, БОЕВИК, БОЛТАТЬСЯ, БОМБИТЬ, БОМЖ, БОТАНИК, БРАКОНЬЕР, ОТЕЧЕСТВО и др.; не более 3% отказов у слов-стимулов АНГЛИЙСКИЙ, АППЕТИТНЫЙ, БАБКИ, БАНЯ, БАРАН, БАРАХЛО, БАЯН, БЕЗДАРЬ, БЕСТОЛКОВЫЙ, БИЗНЕСМЕН, БЛОНДИНКА и др. Перечисленные слова обладают гипервысокой степенью освоенности семантики.

Высокая степень освоенности семантики слова выявлена у слов СЛЕНГ (0,86), ЧУЧМЕК (0,74), ШОКОВЫЙ (0,80) и др.; средняя степень освоенности – у лексем КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ (0,57), ДАРМОВОЙ (0,60), БЛАЖНОЙ (0,64) и др.; невысокая степень освоенности семантики слова – у лексем КОРИФЕЙ (0,40), НЕТЛЕНКА (0,45), АПЛОМБ (0,49) и др. (в скобках указан индекс освоенности слова).

Таким образом, высокий процент «нулевых ответов» – свидетельство неактуальности, периферийности данной лексемы в языковом сознании испытуемых, а также низкой степени освоенности семантики слова. Предположим, что низкая степень освоенности будет характерна, прежде всего, для слов ограниченного употребления (для профессионализмов, диалектизмов, устаревших слов, архаизмов и др.), для слов, недавно заимствованных и неизвестных большей части носителей языка.

✓ **Ошибочные написания ассоциатов (орфографические и грамматические ошибки)**

При проведении ассоциативного эксперимента всегда выявляются анкеты, в которых отмечаются случаи неправильного написания слов-ассоциатов. В подобных случаях составители ассоциативных словарей используют одну из стратегий: 1) оставляют реакции в том виде, как они указаны испытуемыми; 2) вносят исправления. Обе стратегии имеют право на существование. Приведение ассоциатов в «авторский» редакции позволяет выявить типичные ошибки, определить возможные пути развития языковой нормы, проанализировать причины их появления и др., а также продемонстрировать творческие способности участников эксперимента (индивидуальное словотворчество и др.).

Для описания психолингвистического значения неправильные написания не имеют научной ценности, поэтому они обычно не учитываются, в некоторых случаях даже мешают, так как некоторые

реакции, будучи правильно расшифрованы и записаны на этапе обработки анкет, могли бы быть семантически интерпретированы, тогда как неправильное написание может исключить возможность определения семантического компонента, вербализованного ассоциатом.

Проиллюстрируем это на примере ассоциативных данных, зафиксированных в «Ассоциативном словаре употребительной русской лексики» [АСУРЛ 2011]. Большинство ошибочных написаний (орфографических ошибок, опусок) было исправлено еще на этапе публикации Словаря, грамматические формы остались в том виде, как они были приведены испытуемыми. Однако семантическая интерпретация реакций позволяет выявить ошибочно расшифрованные или неправильно зафиксированные реакции.

Например, при семантической интерпретации реакции *холоп* на стимул КАЦАП было выяснено, что, скорее всего, это неправильно распознанное слово «хохол» (буквы «х» и «л» могут быть неразличимы при небрежном письме), ОТЕЦ – *Горно* (Горию), АРМИЯ – *тын* (тыл) и др.

Другим примером может служить реакция *Бендер* на слово КАЦАП. При семантической интерпретации становится понятным, что испытуемые (а их оказалось 2 человека) имели в виду Степана Бандеру (украинца с крайне националистическими взглядами), а не Остапа Бендера, национальность которого авторами книги «Двенадцать стульев» не была точно определена.

Таким образом, подобные реакции могут быть семантически интерпретированы. Однако если исследователь не смог понять, что стоит за таким ассоциатом, реакция относится им к неинтерпретированным.

✓ Неинтерпретируемые реакции

Семантическая интерпретация ассоциативных полей позволяет выделить несколько типов реакций, которые могут быть признаны неинтерпретируемыми.

При семантической интерпретации в некоторых ассоциативных полях выявляются реакции, связь которых со стимулом сугубо индивидуальна для испытуемого и непонятна исследователю (невозможно выделить какой-либо смысловой признак стимула или однозначно нельзя сказать, какой именно признак был объективирован). Например, ЗАКОН – *мороз, стекло*; БОМБИТЬ – *мандарин* (бросаться мандаринами?); ГАДЮШНИК – *прошло*; ОВЦА – *рис, эклибрис*; СЫН – *цветок, вечность, палка, тын* и др.

В.Е. Гольдин предлагает такие ассоциативные реакции называть **семантически неадекватными**, под которыми исследователь понимает «ассоциативные реакции, квалификация отношения которых к стимулу невозможна на основе учета содержания данного слова-стимула» [Гольдин 2015, с. 218]. Такие реакции обычно рассматриваются на материале экспериментов с детьми с разной степенью умственной отсталости

(исследования А.Р. Лурии, Б.В. Зейгарник, Т.М. Рогожниковой, Р.Н. Гариповой и др.), в этом случае экспериментальный материал служит для выявления различий между ассоциативными стратегиями испытуемых в условиях нормы и патологии [Гарипова 2006; Дайдаева 2021; Рогожникова 1983 и др.].

В.Е. Гольдин также указывает на существование такого типа ассоциатов как «*не-реакции*»: ИНТЕРЕСНЫЙ – *неинтересный*, ВОЗМОЖНО – *невозможно*, ВЕРНУТЬСЯ – *не вернуться* и др. Данный тип реакций может быть интерпретирован и отнесен к оппозитам. Реакции в парах типа АЛЫЙ > *не алый*, БАНДА > *не банда*, БОЯТЬСЯ > *не бояться* реализуют формальную операцию отрицания, при осуществлении которой не имеет значения, что именно отрицается, поэтому они также относятся В.Е. Гольдиным к семантически неадекватным, но внутренне обусловленным формальным, хотя эти реакции, отмечает ученый, «уже надо признать периферией зоны семантической неадекватности, так как трудно провести строгую границу между собственно отрицанием, общей оппозитивностью и выражением семантической противоположности» [Гольдин 2015, с. 220].

К категории неинтерпретируемых относятся также *эхо-реакции* (ХОХОЛ – *хохол*; БРАТ – *брат* и др.), а также словообразовательные варианты стимула (ЖЛОБ – *жлобский*; ГУДЕТЬ – *гудение*; ГРЕСТИ – *огрести*; ПРИБЫЛЬ – *прибыльный* и др.). Такие ассоциаты не несут никакой семантической нагрузки, не интерпретируются и не включаются в описание значения.

К неинтерпретируемым относятся также *фонетические реакции* (схожие по звучанию со стимулом, рифмующиеся со стимулом слова), например, РУКА – *дуга, мука*; ГОЛОС – *волос, колос*; ДОМ – *ком, лом*; СТАТЬЯ – *ладья*; КОТ – *рот*; КОРОЧКИ – *корточки*; КАЧАЛКА – *мочалка* и др.; реакции, содержащие примеры языковой игры, например, ПРОХВОСТ – *про хвост*; ПАРАЗИТ – *две Зиты* и др.

✓ **Коммуникативные реакции**

При семантической интерпретации ассоциативных полей стимулов нечасто, но встречаются реакции коммуникативного характера: испытуемый приводит ассоциат, который выступает в роли реплики диалога с неким собеседником, например, ПРОКОЛ – *блин, бывает*; РАЗВЕСТИ – *зачем*; ДУРАК – *ты полный*; СОБАКА – *хочу*; ВЫЙТИ – *ну и ладно* и др. Подобные реакции сложно семантически интерпретировать, поэтому они относятся к неинтерпретируемым.

✓ Интерпретация общеоценочных реакций

Общеоценочные реакции типа *это хорошо, крутой, отлично, класс, дрянь, дерьмо* и под. интерпретируются как семы *вызывает неодобрение / вызывает одобрение* и указываются в конце дефиниции.

Особенностью общеоценочных реакций является то, что они могут быть отнесены как к нескольким семемам в пределах одной лексемы, так и только к отдельным семемам: АДВОКАТ – вызывает одобрение (*лучший адвокат, хороший*); вызывает неодобрение (*скотина*); БЕЗДАРЬ – вызывает неодобрение (*дебил, неудачник, дурак, урод*); БОУЛИНГ – вызывает одобрение (*здорово, классный, клёво, прикольно*) и др.

✓ Интерпретация нецензурных и бранных ассоциатов

В ассоциативном поле и при фиксации результатов семантической интерпретации части нецензурных слов заменяются графическими эвфемизмами – звездочками (*нае**ть* и др.). Остальная лексика – в том числе бранная и грубая, не подлежащая абсолютному запрету, но не рекомендуемая к публичному употреблению из соображений культуры речи, приводится в словарной статье, учитывая научную необходимость как можно более точно представить полученный языковой материал (*хрень, мудохаться, сволочь, падла* и др.).

Грубые и нецензурные реакции интерпретируются и описываются как семы по смыслу (по конкретному лексическому значению), как выражение общей оценки (вызывает одобрение/ вызывает неодобрение) или относятся к неинтерпретируемым. Например, БАЗАРИТЬ – п***еть 1; БАЛАНДА – хреновая 1; БЕЗДАРЬ – урод 1; БОДЯГА – херня 1 и др.

✓ Интерпретация ассоциатов, не несущих конкретной семантической информации

При семантической интерпретации ассоциативного поля стимула всегда выявляются реакции, которые не могут быть определены как конкретная сема значения. Такие ассоциаты актуализируют реляционные семы. К реляционным семам относятся ассоциаты, вербализующие симилятивную, оппозитивную, сочетаемостную, символическую, мифологическую, историческую, прецедентную, идентификационную, метаязыковую и иную информацию о слове-стимуле.

Реляционные семы подробно описаны в разделе «Психолингвистическая модель описания значения слова».

✓ Интерпретация ассоциатов – собственных имен

Во многих ассоциативных полях встречаются ассоциаты – имена собственные: чаще всего в ассоциативных полях, стимульное слово которых относится к имени существительному; реже – в ассоциативных полях со стимулом, относящимся к иным частям речи.

Ранее анализ собственных имен, фигурирующих в ассоциативных полях французского языка, был предпринят Мишель Дебрэнн. Исследователь рассматривает реакции, ассоциируемые с культурными реалиями: названиями произведений искусства, литературы, фамилиями их создателей. М. Дебрэнн предполагает, что «собственными именами чаще всего обозначены прецедентные феномены, разные для каждой лингвокультуры, и большинство из них представляет трудный для восприятия носителям русского языкового сознания страноведческий материал» [Дебрэнн 2010, с. 176]. В качестве примера описывается анализ ассоциата *Zébulon* (Завулон) на стимул *président* (президент) [Дебрэнн 2010а, с. 176].

Нами было проведено исследование, позволяющее определить роль имени собственного в структуре ассоциативного поля стимула (к анализу привлекались ассоциативные поля из [АСУРЛ 2011]). В качестве материала исследования были выбраны 28 лексем: 23 этнонима (АЗЕР, АЗИАТ, АМЕРИКАНЕЦ, ЕВРЕЙ, КАВКАЗЕЦ, КАЦАП, КИТАЕЦ, МОСКАЛЬ, НЕГР, НЕМЕЦ, ФРАНЦУЗ, ХАЧИК, ЧУКЧА, ЧУРКА, ЯПОНЕЦ и др.) и 5 имен прилагательных с семой «национальность» (АМЕРИКАНСКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, КИТАЙСКИЙ, РУССКИЙ). Всего было проанализировано 2802 ответа (из них 306 отказов).

Было выявлено, что ассоциативные поля практических всех слов-стимулов включают в себя имена собственные в качестве отдельного ассоциата или как элемент ассоциативной реакции (ср.: ХОХОЛ – *Украина 15, житель Украины*). Наибольшее количество ассоциатов – собственных имен (15 и более реакций) отмечено у следующих стимулов: ХОХОЛ, НЕМЕЦ, ФРАНЦУЗ, НЕГР, АМЕРИКАНЕЦ, АНГЛИЧАНИН, ЯПОНЕЦ. Наименьшее количество ассоциатов (собственных имен) входит в ассоциативные поля таких стимулов, как АФГАНЕЦ, АФРИКАНЕЦ, КИТАЙСКИЙ, МОСКАЛЬ, РУССКИЙ, ХАЧИК, ЧУРКА, ЧУКЧА. Среди ассоциатов на стимул ЖИД имена собственные отсутствуют.

В корпусе реакций было собрано 243 собственных имени, что составляет 9% от общего количества проанализированных ассоциатов. Полученный корпус ассоциатов – собственных имен был распределен на три группы.

1. Топонимические имена (167 ассоциатов, или 69% от общего числа реакций – собственных имен):

а) названия частей света, континентов, островов, гаваней, стран, регионов, городов: ассоциат *Украина* отмечен в ассоциативных полях стимулов ХОХОЛ, КАЦАП, МОСКАЛЬ; ассоциат *Африка* – у стимулов НЕГР, АФРИКАНЕЦ, АФРОАМЕРИКАНЕЦ, ЕВРЕЙ; ассоциат *Лондон* – АНГЛИЧАНИН, АНГЛИЙСКИЙ, АМЕРИКАНЕЦ и др.;

б) названия сторон света: ассоциат *Восток* – у стимулов АЗИАТ, КАВКАЗЕЦ, ЯПОНЕЦ; ассоциат *Юг* – у стимулов КАВКАЗЕЦ, НЕГР; ассоциат *Запад* – у стимула АМЕРИКАНЕЦ;

в) названия местностей (улиц, площадей, достопримечательностей): ассоциат *черкизовский* – у стимула АЗЕР, ассоциат *Остужево* – у стимула АЗИАТ.

2. Имена сферы культуры (55 ассоциатов – 23%):

а) имена персонажей фильмов, мультфильмов, литературных и иных произведений, телепередач: *дядя Сэм*, *Джек Восьмёркин* (АМЕРИКАНЕЦ, АМЕРИКАНСКИЙ); *Тарас Бульба*, *Варенуха* (ХОХОЛ); *Шерлок Холмс* (АНГЛИЧАНИН); *Фандорин* (ЯПОНЕЦ) и др.;

б) имена актеров, режиссеров: *Пьер Ришар* (ФРАНЦУЗ), *Клуни* (АМЕРИКАНЕЦ), *Джеки Чан* (КИТАЕЦ), *Эдди Мёрфи* (НЕГР) и др.;

в) наименования фирменных названий, торговых марок: *BMW* (НЕМЕЦ, НЕМЕЦКИЙ); *Макдональдс* (АМЕРИКАНЕЦ) и др.;

г) имена музыкантов, композиторов, певцов: *Стинг* (АНГЛИЧАНИН), *Нарцисс Пьер* (АФРИКАНЕЦ), *Тупак* (НЕГР), *Адамо* (ФРАНЦУЗ) и др.;

д) названия произведений живописи, скульптуры, музыки, фильмов, телепередач: *Наша Раиа* (РАФИК) и др.;

е) имена ученых: *Паскаль* (МОСКАЛЬ), *Зигмунд Фрейд* (НЕМЕЦ) и др.;

ж) имена писателей, поэтов: *Ремарк* (РАФИК), *Пушкин* (ФРАНЦУЗ);

з) исторические события, современные события, праздники: *китайская пасха* (КИТАЕЦ), *Новый год* (КИТАЙСКИЙ).

3. Персональные имена (30 ассоциатов – 12%):

а) имена политических деятелей, исторических лиц: *Наполеон* (ФРАНЦУЗ), *Гитлер* (НЕМЕЦКИЙ, НЕМЕЦ), *Джордж Буш* (АМЕРИКАНЕЦ), *Мао* (КИТАЕЦ), *Миямото Мусаси* (АЗИАТ) и др.;

б) имена, фамилии отдельных людей: *Карим* (ЧУЧМЕК), *Джон* (АНГЛИЧАНИН), *Аиот* (КАВКАЗЕЦ), *Аиотович* (ХАЧИК) и др.;

в) имена спортсменов: *Франц Беккенбауэр*, *Швайнитайгер* (НЕМЕЦ);

г) имена шоуменов: *Ургант* (ЕВРЕЙ).

При семантической интерпретации реакции (имена собственные) обычно относятся к дифференциальным денотативным семам (АМЕРИКАНЕЦ – житель США), достаточно часто к идентификационным семам (АМЕРИКАНЕЦ – это, например, Буш; СТЕРВА – это, например, Светка), к прецедентным семам (ФРАНЦУЗ – известен персонаж М. Боярского – мушкетер; ГЕРОЙ – известен фильм «Крепкий орешек»), к семам, актуализирующим окружающие реалии (АМЕРИКАНЕЦ – живет в стране, где есть Статуя Свободы), к историческим семам (БОМБИТЬ – сбрасывать бомбы на Ирак, Америку, Дрезден), к символическим семам (АМЕРИКАНЕЦ – символически изображается как дядя Сэм).

Опыт семантической интерпретации ассоциативных полей слов иных тематических групп и частей речи показывает, что ассоциаты-онимы чаще всего объективируют следующие семантические параметры: локация (место рождения / место проживания / место происхождения / место изготовления и др.); объектно-субъектные отношения; персонификация; прецедентные тексты; культурные маркеры (исторические события, культурные ценности и др.).

Имена собственные, приведенные в ассоциативных полях испытуемыми, позволяют выявить и описать национальную специфику русского языкового сознания; дают возможность сформировать корпус необходимых иностранцам знаний для эффективной коммуникации с носителями русского языка.

✓ **Интерпретация ассоциатов, вербализующих противоположные по содержанию семы в структуре значения**

Особенность психолингвистического значения состоит в том, что в нем могут быть противоположные по содержанию семы. Они отражают реальный жизненный и языковой опыт опрошенных. Например,

- БУГАЙ – большой 0,52, маленький 0,01: сема «большой» входит в денотативную часть значения («рослый, крепкий, сильный мужчина»), сема «маленький» может быть отнесена к оппозиционным семам;

- БЮДЖЕТНИК – бывает умный 0,08, глупый 0,01: наличие противоположных по значению сем показывает, что для носителей языка бюджетник воспринимается чаще как умный человек (скорее всего, получивший высший образование – врач, учитель), однако у одного носителя языка был негативный опыт общения с бюджетниками, возможно, это индивидуальное отношение конкретного носителя языка (глупый – не смог достичь успеха в бизнесе, получает невысокую зарплату и т.п.);

- ВОРОНЕЖ: [по размеру] бывает большой 0,15 – маленький 0,01; [по эстетической оценке] бывает красивый 0,35 – некрасивый 0,09; [по степени чистоты] бывает грязный 0,14 – чистый 0,01; с высокими домами 0,08 – с невысокими домами 0,07 и др. Например, признак «размер» в семеме слова ВОРОНЕЖ является относительным, так как для жителей районных центров и других не областных городов Воронеж – достаточно крупный город, однако по сравнению с Москвой и другими подобными городами он имеет не такие крупные размеры.

Такие семы формулируются и приводятся в значении с указанием их индекса яркости, что позволяет определить преобладание того или иного признака в значении, выявить случайный характер отдельных признаков, сделать вывод о наиболее ярких семантических признаках (ВОРОНЕЖ – красивый, большой, грязный город).

✓ **Интерпретация реакций-гиперонимов**

Такие ассоциаты указывают на родо-видовые отношения реакции-стимула и позволяют сформулировать архисему данной семемы. Например, АМЕРИКАНЕЦ – человек, мужчина; ДУРА – женщина; БАБОЧКА – насекомое; ЗАРЯДКА – устройство; РОССИЯ – страна, ДЕРБЕНТ – город; КЛУБНИКА – ягода и др.

При отсутствии реакции-гиперонима исследователь вынужден сам сформулировать и указать архисему данной семемы (без указания ее частотности, так как в этом случае ее яркость будет равна 0). Для носителей языка достаточно часто архисема настолько очевидна, что они не считают необходимым ее указывать. Чаще вербализуются дифференциальные признаки семемы, которые позволяют отделить значение конкретного слова от значения близких по значению слов, слов той же категории и др.

Несмотря на наличие некоторых проблем, связанных с семантической интерпретацией экспериментального материала, описываемый метод помогает описать семантику слова, реально существующую в языковом сознании носителей языка; позволяет подтвердить или опровергнуть наличие отдельных семем в семанте слова; дает возможность уточнить и дополнить семное наполнение каждой семемы; помогает определить ее место в составе семантемы.

1.6. Психолингвистическая модель описания значения слова

Исследование психолингвистического значения слова подразумевает определение этапов, необходимых для полноценного описания семантики слов в языковом сознании носителей языка.

Алгоритм психолингвистического описания значения слова был впервые предложен и описан в 2006 г. в работах [Стернин 2006; Фридман 2006], затем уточнен и конкретизирован в других исследованиях [Виноградова 2016; Стернин 2011 и др.]. Обобщим сложившиеся на данный момент представления о ряде последовательности действий при психолингвистическом описании значения слова.

1. Определение экспериментального материала, на базе которого будет осуществлено описание психолингвистического значения

На первом этапе исследователь должен определить вид экспериментального материала, который ляжет в основу описания психолингвистического значения. Наиболее распространенным на данный момент является использование в качестве базы для семантического анализа данных свободного ассоциативного эксперимента [Акованцева 2015; Атланова 2007; Барсук 1190; Вальтер 2015; Козельская 2015; Саломатина 2012, 2014; Тимошина 2015; Третьякова 2018а и др.].

Исследователь может провести собственный эксперимент, а может воспользоваться данными уже существующих ассоциативных источников [АСУРЛ 2011; РАС 2002; ЕВРАС 2014 и др.].

Менее распространенным является описание психолингвистического значения на основе данных направленного ассоциативного эксперимента, однако и такие исследования тоже стали появляться в последнее время. В качестве экспериментального материала могут выступать как данные одного вида направленного ассоциативного эксперимента, так и нескольких [Виноградова 2013б; Курганова 2019; Хлопова 2018а, 2018б; Шевченко 2017; Щербакова 2020 и др.]. В работах некоторых исследователей применяется сочетание данных свободного и направленного эксперимента [Акованцева 2014; Виноградова 2016; Коваленко 2017; Тимошина 2012 и др.].

Не так многочисленны на данный момент работы, в которых в качестве экспериментальной базы для описания психолингвистического значения выступают данные иных экспериментальных методов: например, метода субъективных дефиниций [Высочина 2001; Голубенко 2019; Гридина 2013; Гришук 2002; Карданова 2016 и др.], данные метода семантического шкалирования (метод описывает только часть значения – эмоционально-чувственный компонент) [Бутакова 2013, 2014; Новиков 2011; Осгуд 2012; Пищальникова 2019а; Таныгина 2011 и др.].

Если эксперимент проводится исследователем самостоятельно, то формируется экспериментальное (ассоциативное) поле слова-стимула.

При использовании данных нескольких экспериментов формируется интегрированное экспериментальное поле стимула (объединяются данные свободного и направленного ассоциативных экспериментов, данные свободного ассоциативного эксперимента и метода субъективных дефиниций и др.). Например, интегрированное ассоциативное поле стимула РАЗНЫЙ, построенного по результатам нескольких направленных экспериментов: РАЗНЫЙ – какой?, РАЗНЫЙ – что?, РАЗНЫЙ – кто?, РАЗНЫЙ – по какому признаку?, РАЗНЫЙ – это... [Виноградова 2013а, 2013б].

Для обозначения интегрированных ассоциативных полей стимула Н.В. Акованцева предлагает использовать термин «*ассоциативный кластер*», под которым в соответствии с принципом дополнительности понимается «особый тип лексической группировки в языковом сознании носителей языка, представляющей собой единое ассоциативное поле, включающее данные двух и более одинаковых или разных по типу ассоциативных полей одноименного стимула. Ассоциативный кластер является моделью ассоциативной группировки стимула в языковом сознании носителей языка» [Акованцева 2018, с. 4]. Ассоциативный кластер имеет полевую структуру, может служить базой для углубленного психолингвистического описания значения слова.

Результатом данного этапа является *ассоциативное описание семантики слова*, которое дает возможность представить яркость отдельных семантических признаков слова, общее психолингвистическое содержание слова, но без разграничения отдельных его значений и без детального психолингвистического описания семного состава каждого значения. Этим обычно ограничиваются в традиционной ассоциативной» психолингвистике [Гуц 2012; Даминова 2010; Попова 2008 и др.].

2. Выявление основных лексикографических семем слова-стимула

Методом обобщения словарных дефиниций определяются основные значения слова-стимула в системе языка, т.е. описывается интегрированное лексикографическое значение исследуемой лексемы. Методика описания интегрированного лексикографического значения включает в себя несколько этапов: анализ словарных дефиниций нескольких толковых словарей, составление интегрированной дефиниции каждого значения (с указанием лексикографического индекса яркости сем, лексикографического индекса яркости семемы), упорядочение семем согласно лексикографическому индексу яркости; при отсутствии семемы во всех анализируемых словарях формулирование дефиниции по примерам; приведение всех примеров; уточнение помет. Например, интегрированное лексикографическое значение слов по данным пяти толковых словарей русского языка (БТС, МАС, ТСЕ, ТСОШ, ТСУ):

ВРАЧ

1. Лицо ¹ с высшим 1 медицинским образованием 1, занимающееся лечением больных 0,80 и профилактикой заболеваний 0,40. ЛИЯС ¹2. БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ. *Главный врач больницы.*

2. Человек 0,20, который приносит облегчение 0,20, исцеление кому-либо 0,20. Разг. ЛИЯС 0,20. ТСЕ.

Для уточнения лексического значения слова возможно привлечение и других источников (энциклопедических изданий, жаргонных, этимологических словарей и иных источников).

Данный этап анализа является необязательным (дополнительным). Он облегчает выполнение следующих этапов исследования: позволяет определить системные значения слова и семантические признаки,

---

¹ *Лексикографический индекс яркости семы* (высчитывается как отношение количества словарей, в которых указана сема, к общему количеству проанализированных словарей).

² *Лексикографический индекс яркости семемы* (ЛИЯС высчитывается как отношение количества словарей, в которых указана семема, к общему количеству проанализированных словарей).

имеющие статус общенародных; помогает сформулировать семы, выявленные в ходе психолингвистического анализа.

3. Семемная дифференциация ассоциативных реакций

Далее экспериментальный материал подвергается семантическому анализу: применяется метод семантической интерпретации – семемный уровень. Семемная интерпретация осуществляется методом денотативной дифференциации – ассоциативные реакции группируются по значениям по денотативному принципу: они разделяются на группы по числу значений, которые объективируются в эксперименте и обозначают отдельные денотаты.

На данном этапе можно воспользоваться сформулированным ранее интегрированным лексикографическим значением слова. Отдельные лексикографические значения могут быть не вербализованы в ассоциативном эксперименте. Это свидетельство их неактуальности для языкового сознания конкретной группы испытуемых.

В эксперименте также могут выявиться новые значения, не зафиксированные в словарях: такие семемы объективируются реакциями, которые характеризуют новый денотат, не указанный в толковых изданиях ранее. Например, МОСКАЛЬ – автомобиль марки «Москвич»; НЕМЕЦ – автомобиль, произведенный в Германии; РАФИК – представитель кавказских народов, чаще всего грузин; ФРАНЦУЗ – французский бульдог и др. Такие значения описываются как новые, дополнительные в виде перечисления сем с указанием их индекса яркости так же, как и объективированные в эксперименте системные значения.

4. Полевая стратификация семем в рамках исследуемой семантемы

Полевая организация языка выявлена на всех его уровнях и во всех элементах, в том числе и в семантике. Основные положения полевой концепции языка представлены в [Полевые структуры в системе языка 1989; Попова 2010; Стернин 1985, с. 37-40].

Семемный анализ ассоциативных полей позволяет определить количество разных семем, вербализованных испытуемыми в ходе эксперимента. Для определения степени яркости семемы и ее места в структуре значения подсчитывается совокупный индекс яркости семемы (СИЯ), который вычисляется как отношение количества ассоциатов, объективировавших семему, к общему количеству ассоциатов поля стимула.

Далее в соответствии с полевым принципом описания семантемы слова определяется тип семемы – ядерный или периферийный. Ядро семантемы образует наиболее яркое и частотное значение. Например, у слова КАВКАЗЕЦ ядерной семемой является значение «Представитель кавказских народов» (СИЯ 0,92), периферийный характер имеет семема «Собака породы кавказская овчарка» (СИЯ 0,13).

Для определения полевого статуса семемы используются следующие количественные показатели:

- $\geq 0,80$ – ядерная семема;
- $0,40 - 0,79$ – семема ближней периферийной зоны;
- $0,10 - 0,39$ – семема дальней периферийной зоны;
- $< 0,10$ – семема крайней периферийной зоны.

Однако данные показатели являются достаточно относительными, полевой статус семема получает только в рамках конкретной семантемы (иногда к ядерной относится семема с индексом яркости, равным 0,50, так как СИЯ остальных семем не превышает 0,20; есть семантемы слов, которые могут иметь двуядерный характер – два значения слова имеют достаточно высокий индекс яркости и т.п.). Между зонами семантемы могут быть частотные разрывы по индексу яркости, которые чаще всего и указывают на принадлежность семемы к ядерной или периферийной зоне. Между ближней, дальней и крайней периферийными зонами разрывы могут быть незначительными и даже отсутствовать.

5. Семная интерпретация ассоциатов

Семная интерпретация результатов психолингвистических экспериментов заключается в осмыслении полученных ассоциативных реакций как языковых репрезентаций (объективаций, актуализаций) семантических компонентов слова-стимула – отдельных сем. При этом производится обобщение полученных результатов: объединяются в одну сему ассоциативные объективации одного и того же семантического признака, представленные разными языковыми средствами. Например, НАИВНЫЙ (человек) – глупый 0,15 (*глупый 13; дурак 9; дурачок 6; глупенький, глупышка*); БАРАН (человек) – глупый 0,30 (*тупой 15; дурак 3, осел 3, тупица, тупой человек, глупец, глупый, животное (глупый человек), умственно отсталый человек, дебил, кретин, придурок*) и др.

Обобщению подлежат также однокоренные ассоциаты, перифразы, номинации одного семантического компонента словами разных частей речи, синонимами и т.д., то есть ассоциаты, фактически словесно номинирующие один и тот же семантический компонент.

Формулируется метаязыковое обозначение соответствующей семы. Формулировка семы должна быть приближенной к лексикографическим вариантам: иметь по возможности обобщенный и стилистически нейтральный вид. Например, на стимул ВПАРИТЬ были получены реакции, которые были семантически интерпретированы, а затем сформулированы в виде таких сем, как: сема «убедить купить» (*всунуть, всучить, втюхать, заставить купить, навязать, убедить; втолкнуть, толкнуть; загнать, уговорить*); сема «сообщить ненужную информацию» (*нести чушь; рассказать, убедить; объяснять; втирать, информацию, ненужный, чепуха; вбить в голову, внушать, говорить, ерунду, лгать, пурга, туфту, уговорить*).

При формулировании сем используется принцип предикативности, описанный Ю.Н. Карауловым, поэтому формулирование сем на данном этапе должно позволить приписать соответствующую сему значению исследуемого слова (полученные формулировки сем должны согласовываться с исследуемым словом), например, КНИГА: это издание; имеет автора; является источником знаний; предназначена для чтения; состоит из страниц; сделана из бумаги; имеет переплет, содержит информацию; хранится в библиотеке; бывает интересная, толстая, большая, любимая и т.п.

Не интерпретируются реакции, если связь стимула и реакции не ясна, например, КНИГА – *время*; отдельно выписываются фонетические реакции: ВЫСКОЧКА – *вытечка*, КОШКА – *крошка*; ЖУК – *Мук* и др.; эхо-реакции: КАБАН – *кабан*; ЖУК – *жук 2* и др.

Индекс яркости семы определяется количеством реакций, вербализующих данный семантический компонент (определяется как отношение количества ассоциатов, объективирующих данный семантический признак, к общему количеству опрошенных).

Для определения полевого статуса сем используются следующие количественные показатели:

- > 0,10 – ядерная сема;
- 0,05 – 0,10 – сема ближней периферийной зоны;
- 0,02 – 0,04 – сема дальней периферийной зоны;
- ≤ 0,01 – сема крайней периферийной зоны.

6. Параметрическое описание семем психолингвистического значения слова по психолингвистической модели

На основании описанных выше последовательных действий может быть предложена психолингвистическая модель описания значения слова.

Понятие «модель семантического описания слова» был предложен Е.А. Маклаковой [Маклакова 2014]. Такая модель содержит полный комплекс семных параметров и может быть использована и при описании психолингвистического значения.

Психолингвистическая модель описания значения слова разрабатывалась в течение 5 лет: впервые была представлена в электронном варианте «Психолингвистического толкового словаря русского языка» (Воронеж, 2013), затем дополнена и модифицирована в ходе исследований 2014-2017 гг.

Опыт семантической интерпретации экспериментальных данных на семном и семемном уровнях дал возможность разработать классификацию психолингвистических сем, которая лежит в основе *психолингвистической модели описания значения слова*.

Данная модель имеет трехкомпонентную структуру: денотативный, коннотативный и метаязыковой макрокомпоненты. Внутри каждого макрокомпонента выделяются параметры, которые позволяют

дифференцированно описать психолингвистическое значение слова. Таким образом, предлагаемая психолингвистическая модель описания значения слова является параметрической.

I. Денотативный макрокомпонент психолингвистического значения

Денотативный макрокомпонент психолингвистического значения включает в себя денотативные семы. Он состоит из двух частей – признаковой и реляционной.

1. Признаковая часть психолингвистического значения представляет собой комплекс денотативных сем, отражающих денотативное содержание значения слова. Семы признаковой части достаточно часто составляют ядро семемы.

Данная часть схожа с лексикографическим толкованием семемы в обычном толковом словаре, однако отличается тем, что включает также и семы, не отраженные в большинстве современных толковых словарей (малочастотные, индивидуальные, рецептивные и др.). В качестве примера приведем денотативные семы лексемы КИРПИЧ, относящиеся к признаковой части денотативного макрокомпонента [АСУРЛ 2011, с. 81]: камень 0,07; имеет прямоугольную форму 0,01; бывает красного цвета 0,32, оранжевого цвета 0,04, коричневого цвета 0,01; является строительным материалом 0,16; изготавливается из цемента 0,02, из обожженной глины 0,01; бывает силикатный 0,02 и др.³

В зависимости от частеречной принадлежности стимула, от степени абстрактности, от тематической отнесенности признаковые денотативные семы бывают разного типа. В самом общем виде их можно разделить (как и в традиционной семасиологии) на архисемы и дифференциальные семы.

Архисемы обозначают наиболее общий признак, указывают на отнесенность к определенной лексической категории: КРОТ – животное; существо; АФРИКАНЕЦ – человек; КЛУБНИКА – ягода и др. В составе ассоциативного поля архисемы обычно имеют невысокий индекс яркости. Чаще всего это связано с тем, что носителя языка интересуется больше отличительный признак значения данного слова, а его обобщающий, классифицирующий признак воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Дифференциальные семы составляют основную часть признаковой части и имеют большую параметрическую разновидность. Чаще всего это такие параметры, как: внешние признаки, выполняемая деятельность,

---

³ Здесь и далее в представлены примеры семантической интерпретации реакций ассоциативных полей соответствующих стимулов из АСУРЛ (2011), если не указано иное.

разновидность, составные части объекта, прагматическая ценность, локация, происхождение и др.

Опыт семантической интерпретации ассоциатов стимулов, относящихся к одной лексико-семантической группе, показывает, что у каждой группы слов выделяется свой набор параметров, вербализуемых в ходе эксперимента. Подобные семы отражают типизированное представление о семантических компонентах значения и могут быть названы *типизированными*. Например, при анализе наименований человека по национальности были выявлены такие типизированные дифференциальные параметры, как: место рождения/проживания (АЗИАТ – родился и/или проживает в Азии, на Востоке, в Японии, Китае); типичная внешность (АЗИАТ – с узким разрезом глаз, с желтоватого цвета кожей, субтильного телосложения; носит тюрбан, халат); типичная деятельность (АЗИАТ – торгует на рынке, выращивает дыни, является гастарбайтером; занимается восточными единоборствами, участвует в террористических актах); типичная пища (АЗИАТ – питается рыбой); типичное восприятие носителями русского языка (АЗИАТ – смешной); типичная исповедуемая религия (АЗИАТ – исповедует ислам) и др.

Наибольшее число параметров отмечается у имен существительных, в частности, у наименований человека по какому-либо признаку. У слов, относящихся к другим частям речи, количество выделяемых параметров невелико.

Отметим шесть денотативных параметров, которые обычно актуализируются у большого количества слов независимо от их частеречной принадлежности.

✓ Параметр **«разновидности объекта»** представляет собой видовую характеристику слова-стимула: слово-стимул является для соответствующего ассоциата родовым понятием.

Данный параметр представлен *констатирующими*, или *видовыми*, семами – семами, отражающими разновидности денотата или его отдельных признаков. Они констатируют наличие разновидностей. В языковом сознании эти семантические компоненты занимают важное место. В структуре значения описывается в следующей метаязыковой форме – «бывает...», «есть...», «имеется...». Констатирующие семы указывают на:

1) те или иные альтернативные признаки денотата (чаще всего это разновидности внешних признаков денотата): МЯЧ – бывает красный, синий, желтый; ДЖИП – бывает черный, красный, тонированный; РЫБА – без костей, с костями;

2) видовые разновидности денотата: РЫБА – бывает семга, рыба-меч, сельдь, кит, щука, окунь, карп, карась, лосось, акула, камбала, лещ, пила, треска, форель; ВНЕДОРОЖНИК – бывает УАЗ, Хаммер, Нива, ВАЗ, Ленд Ровер, BMW, Land Cruiser; ВРАЧ – бывает хирург, терапевт, стоматолог,

гинеколог, дерматолог, педиатр; КОНВЕРТ – бывает с маркой, для денег, чистый, белый.

✓ К параметру **«актуализация окружающих реалий»** относятся семы, указывающие на окружение объекта вербализации. Это может быть описание места, характера расположения в пространстве, места обитания и др. Такой вид семы описывается как обычная денотативная сема. Например, АФРИКАНЕЦ – семы «живет там, где много солнца»; «живет там, где растут бананы»; АМЕРИКАНЕЦ – семы «живет в стране, где есть статуя Свободы»; «живет в стране, где появилась корпорация “Макдональдс”» и др.

✓ Параметр **«возможная сочетаемость»** объективируется **сочетаемостными семами**. Такие семы выделяются при анализе ассоциатов, образующих со стимулом словосочетание, и формулируются в следующем виде – «например, ...»: КЛЕПАТЬ – например, забор, корабль, дверь, крышу, листья; АМЕРИКАНСКИЙ – например, флаг, президент, образ жизни, язык, детектив, журналист, клен, континент, орел, петух, писатель; КОНТАКТНЫЙ – например, телефон, номер, линзы, вид спорта, человек, лист, провод и др.

Чаще всего такой вид денотативных сем отмечается у стимулов – глаголов, имен прилагательных, наречий, имен числительных; реже – у имен существительных, междометий и иных частей речи.

В некоторых случаях только сочетаемостные семы позволяют дифференцировать отдельные семемы слова, например: ДОБРЫЙ – 1) ассоциаты *человек; дедушка, учитель; воспитатель, друзья, дядюшка, молодой человек, папа, сосед* позволяют выделить семему «Делающий добро другим, отзывчивый»; 2) ассоциаты *нрав, поступок* позволяют сформулировать семему «Свойственный отзывчивому человеку»; 3) ассоциат *взгляд* – семему «Вызывающий расположение»; 4) ассоциаты *день, вечер* – семему «Приносящий удачу, благоприятный» и др.

Все сочетаемостные семы включаются в денотативную часть значения, кроме тех, которые не содержат семантические признаки, важные для содержания значения слова, например, СЛИЗНЯК – *ушел*; ВЫДРА – *отдать*. Такие реакции не включаются в денотативное описание значения.

✓ Параметр **«символическая актуализация»** выявляется достаточно редко. Он включает в себя **символические семы**, вербализованные ассоциатами с символическим значением. Такие семы описываются в следующей метаязыковой форме – «символ (чего)...». Например, КОНЬ – символ футбольного клуба ЦСКА (*ЦСКА; футбол*); ЗМЕЯ – символ мудрости (*мудрая*) и др.

✓ Параметр **«актуализация исторических реалий»** также встречается редко. Этот параметр включает вербализованные ассоциатами, отсылающими к энциклопедической информации исторического

характера, *исторические семы*; в структуре психолингвистического значения описываются в метаязыковой форме: «были распространены в...», «появились ...», «характерны для ...» и др., например, КОММУНАЛКА – появилась во времена Советского Союза; БРЕВНО – носил Ленин на субботнике и др.

✓ Редким является и параметр «**мифологическая актуализация**». К нему относятся *мифологические семы*, которые объективируются в языковом сознании носителей языка ассоциатами, связанными со словом-стимулом мифологическими представлениями. При описании значения формулируется сема «известна примета...», «существует миф о ...» и др., например, КОШКА – известна примета «черная кошка перешла дорогу – жди беды»; ЖЛОБ – существует мнение, что это житель Воронежской области; ВОРОНЕЖ – существует версия, что в Воронеже много ворон и др.

Перечисленные параметры фактически представляют собой признаки денотата, и их следует включать в признаковую часть значения как отдельные семантические компоненты. Эти параметры можно интерпретировать как «актуализацию чувственного образа предмета – эмпирический компонент значения слова» [Стернин 1979, с. 137].

2. Ассоциаты, характеризующие внешние связи слова, описываются в **реляционной части психолингвистического значения**. Это тоже денотативные семы, но особого рода. Данный вид семантической информации не интерпретируется, а классифицируется в зависимости от того, какой параметр вербализует соответствующий ассоциат.

К реляционной части денотативного макрокомпонента относятся пять параметров.

✓ К параметру «**симиляры**» относятся *симилятивные семы*, вербализованные ассоциатами, объективирующими как системные, так и контекстные синонимы. Они приводятся в том виде, как они представлены в экспериментальном материале (в словесной форме, приведенной носителями языка). Сема имеет следующее метаобозначение – «то же, что...», например, АФЕРА – то же, что обман; мошенничество; махинация; МОЛОДОЙ – то же, что юный, нестарый, незрелый и др.

✓ К параметру «**оппозиты**» относятся *оппозитные семы*, актуализирующие системные и контекстные антонимы в широком смысле. Для удобства используется метаобозначение – «противоположно...», например, БОЕВОЙ – противоположно мирный; ПЬЯНИЦА – противоположно трезвый; ГУЛЯТЬ – противоположно трудиться; ДУРАК – противоположно умный; ДЕТИ – противоположно взрослые и др.

Отметим, что параметры «симиляры» и «оппозиты» актуализируются особыми семами – *системоформирующими*, т.е. семами, которые актуализируют связи слова по семантике с другими лексическими единицами, образующими со словом-стимулом системные отношения.

К системоформирующим семам также относятся *гипонимические семы* – семы, актуализирующие видовые пары или ряды: ДЕДУШКА – бабушка; МАМА – *papa*, БРАТ – *сестра*, ДОЧЬ – *сын* и др.; *гиперонимические семы* – актуализирующие родовые термины (в их роли часто выступают архисемы): ЗАЯЦ – *животное*, ГЕТЕ – *человек*, ЦВЕТОК – *растение*, ВОЛГА – *река*, ЛОНДОН – *город*, ДЖИП – *автомобиль* и др.

✓ Параметр «**актуализация устойчивых выражений**» представлен *прецедентными семами* – устойчивыми словосочетаниями, образующимися в результате предикативной связи стимула и реакции. Данные семы имеют метаобозначение – «известно выражение ...», например, ЗМЕЯ (*подколотная*) – известно выражение «змея подколотная»; ЗАВАРИТЬ (*кашу*) – известно выражение «заварить кашу»; ЗАГУЛ (*уйти*) – известно выражение «уйти в загул»; КАПАТЬ (*на мозги*, *мозги*) – известно выражение «капать на мозги» и др.

Данный вид сем часто актуализируется ассоциатами, которые включают только часть устойчивого выражения или отсылают интерпретатора к целому выражению, исследователю необходимо «вызвать в памяти» полный вариант выражения и привести его.

✓ Параметр «**актуализация прецедентных текстов**» включает в себя тип *прецедентных сем*, вербализованных ассоциатами, отсылающими к известным и часто повторяющимся текстам (художественным, текстам СМИ, рекламным слоганам, паремиям, фразам из кинофильмов и др.), названиям каких-либо объектов и др. Ассоциаты могут вызывать аллюзию на целый текст или его часть, например, реакция *сват* на стимул БРАТ актуализирует загадку «и сват, и брат». Прецедентные семы имеют метаобозначение – «известно выражение...», «известен персонаж...» и под., например,

- МАСТЕР – известен роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»;

- МАТЬ [РАС 2002] – известно выражение «мать – это святое», известен роман М. Горького «Мать»; известны стихи С. Есенина, посвященные матери; известно выражение «Родина-мать зовет!»; известно выражение «мать сыра земля»; известно выражение «анархия – мать порядка»; известно выражение «Повторенье – мать ученья».

Прецедентные семы, актуализированные фразеосочетаниями и прецедентными текстами, составляют **внешнюю периферию значения**, под которой мы предлагаем понимать *вызываемые (актуализируемые) семантикой слова устойчивые выражения и прецедентные тексты (слоганы, рекламные тексты, названия художественных произведений, фильмов, пословицы, афоризмы, фразеологизмы и др.)*, в которые входит данное слово. Сами эти единицы не входят в состав семемы, но в семантическом содержании значения есть семы, их актуализирующие (сообщающие об их наличии). Это семы особого рода – *прецедентные семы значения*, т.е. компоненты значения, актуализирующие устойчивые

выражения и прецедентные тексты, имена, названия, наталкивающие на них. Наличие подобных сем подтверждается тем фактом, что может наблюдаться актуализация семы, соотносимой с синонимичной лексемой, например, ОТЕЦ – *Ростов*: актуализируется сема «известно выражение «Одесса – мама, Ростов – папа» (а не отец) и др.

✓ Параметр «идентификация» включает в себя *идентификационные семы* – семы, называющие референтные признаки предмета номинации (признаки, присущие единичному референту слова в опыте номинации испытуемого). Метаязыковое выражение идентификационных сем имеет следующий вид – «это, например, N»: НЕМЕЦ – это, например, рейхсканцлер Адольф Гитлер, начальник гестапо Генрих Мюллер, австрийский психолог Зигмунд Фрейд; ИНТЕЛЛИГЕНТ – это, например, учитель, писатель, я; ГУБЕРНАТОР – это, например, Гордеев, Кулаков, Шварценеггер и др.

Такие реакции в основном имеют энциклопедический и культурологический характер, дают возможность узнать, кто является типичным представителем ассоциируемой лексики для носителей языка.

Идентификационные семы также относятся к внешней периферии значения. Они актуализируют конкретно-чувственный образ – образ конкретного человека, объективирующий данное мысленное представление в сознании отдельного носителя языка.

II. Коннотативный макрокомпонент психолингвистического значения

«В коннотативном макрокомпоненте значения сосредоточена информация об оценочном и эмоциональном отношении субъекта к объекту номинации на основе собственного или уже имеющегося в социуме коллективного знания. Оценка представляет собой способ выражения приписываемой данному предмету или явлению ценности, а эмоция – выражение собственных личности психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний положительные (приятные) или негативные (неприятные) ощущения говорящего» [Маклакова 2013, с. 131].

Описание коннотативного макрокомпонента осуществляется при помощи перечисления *коннотативных сем*: оценочных и эмоциональных.

1. Оценочный компонент значения

Любое знание о мире, получаемое индивидом, невозможно без оценивания этого мира, без преломления приобретенных знаний через человеческое восприятие. Поэтому неслучайно категория оценки издавна привлекает внимание ученых разных направлений (философов, психологов, лингвистов) [Арутюнова 2017; Батуринов 2008; Ивин 2015; Ильюшина 2001 и др.].

Наряду с понятием «оценка», в отечественной лингвистике используется термин «оценочность», данная категория активно изучается на протяжении последних десятилетий (в трудах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В.В. Виноградова, Е.М. Вольф, В.Г. Гака, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Н.А. Лукьяновой, Е.В. Падучевой, Э.А. Столяровой, В.Н. Телия, Н.В. Уфимцевой, В.И. Шаховского, А.Д. Шмелева и др.).

При рассмотрении исследователями оценки с лингвистических позиций в первую очередь указывается на то, что оценка определяется как закрепленная в семантике лексического слова положительная или отрицательная классификация предмета, объекта действительности по признаку «хорошо/плохо» со стороны говорящего субъекта. Такая трактовка языковой оценки прослеживается в определениях многих исследователей [Апресян 1995; Арутюнова 1988; Вежбицкая 1996, 2001; Вольф 1985; Караулов 1987; Просовецкий 2015; Телия 1986, 1991; Уфимцева 2011; Шаховский 2008 и др.].

При определении оценочности слова нужно разграничивать оценку, относящуюся к денотативной части значения, и оценку, являющуюся частью коннотативного компонента значения.

Выявление и описание оценки коннотативного макрокомпонента психолингвистического значения имеет ряд особенностей. Укажем их.

Психолингвистическое описание семантики слова позволяет определить степень выраженности оценочности слова, которая определяется не по семантическим признакам с оценочным компонентом, а по ассоциатам. При анализе все ассоциаты распределяются на две группы сем:

- 1) неоценочные семы – обозначаются как **неоценочное**;
- 2) оценочные семы:
  - а) неодобрительные семы – обозначаются как **неодобрительное**;
  - б) одобрительные семы – обозначаются как **одобрительное**.

В описании учитываются как общеоценочные ассоциативные реакции (типа *хороший, отличный, класс, дрянь* и др.), так и оценки, выраженные в частных оценочных реакциях типа *вор, жулик, нечист на руку, берет взятки* и под. Большая часть таких слов включает оценочные семы в словарную дефиницию имплицитно (например, *полезный* – приносящий пользу, и это хорошо; *помощница* – помогает кому-либо, и это хорошо; *воровать* – тайно брать чужое, и это плохо; *лиса* – хитрый, лживый человек, и это плохо и под.). Оценка в таких словах выявляется на основе культурно маркированных в данном обществе смыслов. Например, в русском обществе хитрый человек оценивается неодобрительно (ср. *умный, мудрый* – одобрительная оценка), в восточных странах к такому человеку отнесутся скорее позитивно, чем негативно; коллективист в

современном обществе оценивается нейтрально или неодобительно, в советский период – одобрительно.

Анализ оценочности ассоциатов, вербализующих отдельную семему (ассоциативное поле семемы), дает возможность определить **индекс яркости оценочных сем** (вычисляется как отношение количества оценочных ассоциатов к общему количеству опрошенных).

Общеоценочный ассоциат указывается только в коннотативном макрокомпоненте (если не входит в денотативную часть значения); частнооценочные ассоциаты могут учитываться как в денотативной, так и в коннотативной части значения. При этом ассоциат, вербализующий оценочную сему, обязательно учитывается при подсчете совокупного индекса яркости семемы (входит в ассоциативное поле семемы). Например

КАБАН

1. Крупная дикая свинья. СИЯ 0,82

Оценочная характеристика: неоценочное 0,74 (*свинья 24; животное 16; дикая свинья 3, толстый 3; большой 2, лес 2, мясо 2, поросенок 2, щетина 2; баран, бивень, большая свинья, в лесу, вепрь, дикий, дичь, желуды, зверь, клык, лесной, на охоте, огромный, рог, рыло, сало, свин, тяжелый*); неодобрительное 0,05 (*грязь, жирдяй, злой, волосатый, кабанище*); одобрительное 0,03 (*энергичный 2, вкусный*)

2. Крупный толстый мужчина. СИЯ 0,24

Оценочная характеристика: неодобрительное 0,19 (*хряк 6; толстый 3; боров 2, баран, дебил, жирдяй, злой, кабанище, сало, тяжелый, упертый человек*); неоценочное 0,05 (*большой 2, огромный, одноклассник, пацан*); одобрительное 0

Первое значение слова является неоценочным: это подтверждается большим процентом неоценочных ассоциатов, относящихся к данной семеме. Второе значение («Крупный толстый мужчина») отличается яркой неодобрительной оценкой (отметим, что в лексикографическом источнике помета «неодобрительное» отсутствует).

Оценка, являющаяся составной частью денотативного макрокомпонента, содержится в так называемых «оценочных» словах типа *дебил, идиот, урод, свинья, дерьмовый, ужасный, дурак, шкода, умница, молодец, классный* и др. В подобных словах номинация в целом является оценочной; семантика таких слов описывается как перечисление денотативных сем, называющих оценочные признаки предмета номинации (лексикографические дефиниции приводятся по БТС): НЕГОДЯЙ. Подлый, низкий человек (*руки не подат этому негодю*); ПРЕКРАСНЫЙ.

1. Отличающийся необыкновенной красотой, очень красивый (*прекрасный вид на горы*). 2. Очень хороший; превосходный (*прекрасное образование*). 3. Полный высокого значения, возвышенный (*перед ним была прекрасная цель*). В некоторых случаях оценка, содержащаяся в денотативном компоненте, позволяет разграничить отдельные значения слова, ср.: ИСТОРИЯ – *неоцен.* «Какое-либо событие, происшествие» (*со мной*

произошла история) и *неодобр.* «Неприятность, скандал, неприятное происшествие» (*впннуть в историю*) и др.

При психолингвистическом описании значения слова учитывается и характер оценочности в значении слова. Если оценка входит в денотативную часть значения, то оценочные ассоциаты интерпретируются как соответствующие денотативные семы и учитываются в составе двух макрокомпонентов (денотативном и коннотативном). Обычно такие денотативные семы тоже оценочны.

С точки зрения наличия / отсутствия оценочных сем выделяют следующие типы семем:

1) неоценочные семемы (нейтральные семемы, семемы с «нулевой» оценочностью) – отсутствие оценочных сем (в словарях обычно отражается отсутствием соответствующей пометы);

2) оценочные семемы: а) мелиоративная семема – наличие сем, объективирующих одобрение (в словарях может отражаться пометой «одобрительное»); б) пейоративная семема – наличие сем, вербализующих неодобрительное отношение говорящего (в словарях может отражаться пометой «неодобрительное», «ироничное», «пренебрежительное», «презрительное», «уничижительное», «грубое»).

В состав многозначного слова могут входить семемы с разными оценочными характеристиками:

1) семантемы с нейтральными семемами (нулевая оценка);

2) семантемы с однотипной оценкой:

- а) все семемы пейоративны;
- б) все семемы мелиоративны;

3) семантемы с различающимися по оценке семемами:

- а) нейтральные и пейоративные семемы;
- б) нейтральные и мелиоративные семемы;
- в) пейоративные и мелиоративные семемы;
- г) нейтральные, пейоративные и мелиоративные семемы.

Анализ данных толковых словарей русского языка показывает, что в указании помет, свидетельствующих об оценке, нет единообразия, определенной последовательности. Во многих случаях она подразумевается, однако редко включается в состав словарных статей даже многих оценочных слов. Более распространены в лексикографических источниках стилистические пометы, но они выполняют другую функцию.

В настоящее время наблюдается активное появление новых значений с отличным от зафиксированных оценочным компонентом. В лексикографических источниках данная тенденция часто не фиксируется или указывается расплывчато, фрагментарно, что приводит к ошибкам в речи носителей языка (подтверждается примерами из Национального корпуса русского языка). Выявить и зафиксировать появление новых семем в пределах одной лексемы, верифицировать коннотативный

компонент значения позволяет психолингвистический эксперимент. Опора на экспериментальные психолингвистические данные в описании семантики слова дает возможность получить относительно надежные результаты, отражающие семантику единицы в языковом сознании современных носителей языка.

Например, выделяются лексемы, которые могут содержать семемы с разной оценочностью: БЛОНДИНКА, МУЖИК, БРУТАЛЬНЫЙ, КОЗА, АМБИЦИОЗНЫЙ, ЖУК, КОНЬ, ТРУДОГОЛИК, УМНИК, БОТАНИК, УПЕРТЫЙ, УБОЙНЫЙ и др. Одним из признаков подобного типа слов является наличие в ассоциативном поле одноименного стимула большого количества ассоциатов с разной оценкой.

КАРЬЕРИСТ [АСУРЛ 2011, с. 81]:

- ассоциаты, объективирующие одобрение, позитивную оценку: *успешный 0,03; успех 0,02; почетно 0,01, предприимчивый 0,01, удачный 0,01, ум 0,01, умный 0,01, хороший 0,01; человек, добившийся успеха 0,01*. Индекс яркости одобрительной оценки – 0,12;

- ассоциаты, объективирующие неодобрение, негативную оценку: *трудоголик 0,03; ботаник 0,02, подлиза 0,02, эгоист 0,02; амбициозный 0,01, аферист 0,01, бессемейник 0,01, ботан 0,01, выскочка 0,01, жесткий человек 0,01, козел 0,01, отреченный 0,01, пофигист 0,01, продажный 0,01* и др. Индекс яркости неодобрительной оценки – 0,27.

В современных лексикографических источниках отмечается только одна семема данного слова с пометой «неодобрительное», однако появление 12% позитивных ассоциатов на одноименный стимул свидетельствует о формировании нового значения, не отраженного в словарях – «Умный, целеустремленный, успешный, усердно работающий с целью продвинуться по карьерной лестнице работник». В данной семеме отмечаются одобрительные оценочные семы, что отражает социальные изменения в обществе: стремиться достичь высот в карьере становится одним из качеств успешного человека (ср. в советский период открытое стремление достичь успеха в профессиональной деятельности оценивалось скорее негативно).

Второй признак появления нового значения с иной оценкой – активное употребление ранее однозначно маркированной оценочной единицы с противоположной оценочной характеристикой, например, *Открытием Аксенова и, смею сказать, театра был сам Кисточкин, опора и основа любого культа, притом не фельетонный жлоб, а циник, талант, умница, карьерист, без сомнения, с партбилетом в кармане, человек с безусловным и заразительным обаянием* [Михаил Козаков. Актерская книга (1978-1995)] [НКРЯ].

Оценочные ассоциаты могут носить также ситуативный характер: указывать на личный (позитивный или негативный) опыт испытуемого,

выражать стереотипное представление о чем-либо, например, ВРАЧ – ассоциаты *взятки, зло, оборотень, плохой, халтура и от бога*.

Приведем примеры лексем, у которых сформировались новые значения, не отмеченные в лексикографических источниках (выделены в ходе анализа психолингвистических данных на основе определения оценочных сем). У лексемы БЛОНДИНКА было выделено новое значение «Глупая девушка» (*неодобрительное*); у лексемы МУЖИК – новое значение «Мужчина с лучшими качествами, присущими человеку мужского пола» (*одобрительное*); у лексемы АМБИЦИОЗНЫЙ – новое значение «Активно стремящийся достичь успеха, цели» (*одобрительное*) и др.

По количеству единиц ассоциативного поля с оценочной составляющей может быть определена степень выраженности общей оценки слова. Для этого вычисляется *индекс общей оценочности слова* как отношение количества оценочных реакций (позитивно-оценочных и отрицательно-оценочных) к общему количеству опрошенных. Для обобщенного описания степени выраженности общей оценочности слова используется следующая шкала (Таблица 2).

Таблица 2

Шкала степени выраженности общей оценочности слова

Степень выраженности общей оценочности	Индекс общей оценочности слова
отсутствие оценочности	0,00 – 0,05
слабо выраженная степень оценочности слова	0,06 – 0,15
заметно выраженная степень оценочности слова	0,16 – 0,45
ярко выраженная степень оценочности слова	0,46 – 0,65
гиперярко выраженная степень оценочности слова	0,66 – 1,00

Согласно данной шкале, лексема БЕСПОДОБНЫЙ характеризуется как лексическая единица с гиперярко выраженной степенью оценочности (0,71); у слов КАРЬЕРИСТ (0,39) и МУЖЧИНА (0,38) – заметно выраженная степень оценочности; у слова БИЗНЕС (0,08) – слабо выраженная степень оценочности; у слова БАЯН (0,02) – нулевая оценочность.

2. Эмоциональные семы

Эмоциональность описывается аналогично оценочности – не по семам, а по ассоциатам поля стимула. Ассоциаты, вербализующие семему, распределяются на две группы сем:

- 1) неэмоциональные семы – обозначаются как *неэмоциональное*;
- 2) эмоциональные семы:
  - а) негативно-эмоциональные семы – обозначаются как *негативно-эмоциональное*;
  - б) позитивно-эмоциональные семы – обозначаются как *позитивно-эмоциональное*.

Указывается индекс яркости эмоциональных сем (вычисляется как отношение количества эмоциональных ассоциатов к общему количеству опрошенных); перечисляются ассоциаты, отнесенные к этой семе. В некоторых случаях возможно выделение семы не общей эмоции, а конкретной, например, вызывает чувство радости (БАБОЧКА); вызывает чувство страха (ЗМЕЯ); вызывает чувство отвращения (ЖАБА, КРЫСА).

Анализ ассоциативных полей показывает, что доля ассоциатов, вербализующих эмоциональные семы, невелика. Достаточно редко встречаются стимулы, в состав ассоциативных полей которых входит более 10% эмоциональных сем.

Оценочные и эмоциональные семы могут как коррелировать друг с другом (соотноситься, обуславливать появление друг друга), так и быть в достаточной мере самостоятельными.

III. Метаязыковой макрокомпонент психолингвистического значения

Метаязыковой макрокомпонент психолингвистического значения – это компонент семантики, формирующийся особыми языковыми механизмами (практикой употребления). Он представлен *метаязыковыми семами*, характеризующими особенности употребления языковой единицы в речи (произношение, сферу использования, возможность использования в публичных местах, словообразование и т.д. слова-стимула).

Выделяются следующие виды метаязыковых сем: собственно метаязыковые семы и коммуникативные семы.

1. Собственно метаязыковые семы

Описание метаязыковых сем психолингвистического значения полностью основано на «языковом чутье» информантов, т.е. той метаязыковой характеристике слова-стимула, которая приведена ими в качестве ассоциаций в ходе эксперимента: МОЙ – *по-английски ту, местоимение*; ОМОН – *аббревиатура* и др.

Метаязыковой макрокомпонент актуализируется в эксперименте достаточно редко. Предположим, что это связано с тем, что метаязыковые семы хранятся в сознании отдельно от денотативной и коннотативной части семантики слова и могут в актуальном языковом сознании носителя языка не осознаваться или отсутствовать, оставаться периферийными.

Анализ ассоциативных полей 1080 стимулов (в составе которых 118799 реакций) [АСУРЛ 2011], показал, что общее количество метаязыковых ассоциаций невелико – всего 305 ассоциатов (0,003% от общего числа ассоциатов). Только в 159 ассоциативных полях (15% от общего количества стимулов) встречаются ассоциаты, вербализующие метаязыковые семы. В ассоциативных полях 921 стимула метаязыковые ассоциаты отсутствуют (85%).

Обычно в ассоциативные поля входит небольшое количество метаязыковой информации – одна-две реакции (например, НИКАКОЙ – *местоимение*, БАРАН – *обзывание, ругательство* и др.), так как для опрошенных более актуальным является денотативное содержание семем. Однако встречаются стимулы, на которые было приведено три и более ассоциатов, указывающих на метаязыковую характеристику слова: МОСКАЛЬ – *оскорбление 3; житель Москвы в понимании украинца*; ЗАРАЗА – *слово-паразит 3; ругательство 2; грубо, ругать* и др.

При сравнительно небольшом количестве ассоциатов, характеризующих стимул с точки зрения языковой системы, их видовая представленность достаточно разнообразна:

✓ Указание на использование единицы для выражения отношения к денотату, ситуации (120 ассоциатов); метаобозначение семы – «является комплиментом (похвалой)», «является оскорбительным словом (ругательством)», «является грубым словом» и др.: СОЛНЦЕ – *комплимент*; БЕСПОДОБНЫЙ – *похвала*; ТВАРЬ – *ругательство, оскорбление, ругань, ругаться*.

✓ Указание на отнесенность к нелитературным формам современного русского языка (36 ассоциатов); метаобозначение семы – «относится к жаргону», «является нелитературным словом», «относится к вульгарным словам»: ЗАДНИЦА – *нелитературное слово*; ЖЕСТЬ – *сленг*; СТЁБ – *жаргон*; БЕСПРЕДЕЛ – *нецензурно*; ГНИДА – *мат*; КАЦАП – *вульгаризм*.

✓ Указание на выражение эмоциональной характеристики слова-стимула (19 ассоциатов); метаобозначение семы – «выражает чувство ...», «указывает на ... чувство»: ШТУЧКА – *ласкательное слово*; КРОШКА – *какая нежность*; ДЕТКА – *шутливое обращение к кому-л.*; БЛАГОВЕРНЫЙ – *сарказм*; СТАРУШЕНЦИЯ – *презрительное именование старушки*.

✓ Указание на синтаксическую функцию слова-стимула – использование слова в качестве обращения (17 ассоциатов); метаобозначение семы – «является обращением»: БАБКА – *грубое обращение к старшему человеку*; ДЯДЬКА – *обращение к незнакомому мужчине*; ДЕТКА – *ласкательно к девушке, шутливое обращение к кому-л.*; ДОРОГУША – *обращение, нелестное обращение, обращение к кому-либо, обращение к человеку*.

✓ Указание на конкретную группу, члены которой используют данную языковую единицу (14 ассоциатов); метаобозначение семы – «используется в речи молодежи», «используется в речи мужчин», «используется в речи украинцев»: ЖЕСТЬ – *молодежь*; ФУФЛО – *тюремный жаргон*; ДЕТКА – *одно из выражений мужчин*; ДЕВКА – *так бабушки говорят о плохих девочках*; МОСКАЛЬ – *житель Москвы в понимании украинца*.

✓ Указание на эмоционально-оценочное отношение к слову-стимулу (14 ассоциатов); метаобозначение семы – «является любимым словом», «слово смешно звучит», «слово неприятно звучит»: ПРОМОКАШКА – *смешное слово*; ПОНТОВЫЙ – *дурацкое слово*; ОТПАДНЫЙ – *глупое слово*; ДЕТКА – *противное слово*.

✓ Указание на темпоральную характеристику слова (12 ассоциатов); метаобозначение семы – «является устаревшим словом», «является новым словом», «использовалось в ... эпоху (время)» и др.: ВЫКРУТАСЫ – *старое слово какое-то*; ИНАУГУРАЦИЯ – *новое*; ДЕМОКРАТ – *викторианская эпоха*; ДАМА – *средние века*; ХРУЩОБА – *советские времена, Хрущев*.

✓ Указание на незнание значения слова-стимула (10 ассоциатов); метаобозначение семы – «не знакомо мне», «не понятно мне»: АЗЕР – *непонятно*; БАЛАНДА – *непонятно*; ИНТЕРАКТИВНЫЙ – *непонятный*; ХАБАЛКА – *что-то непонятное*. Наличие подобных реакций в ассоциативных полях объясняются тем, что стимулы относятся или к заимствованным единицам, или стилистически ограниченным, поэтому достаточно редко встречаются в речи отдельных носителей языка и ими не освоены.

✓ Указание на способ образования слова-стимула (10 ассоциатов); метаобозначение семы – «образовано от ...», «является аббревиатурой»: АЗЕР – *сокращение от Азербайджан*; КИСЛОТНЫЙ – *от слова «кислота»*; ЧМО – *аббревиатура какая-то*; *Человек, Мешающий Обществу*; *Человек, Морально Оупущенный*.

✓ Указание на тип языковой единицы (9 ассоциатов); метаобозначение семы – «является словом», «известно выражение», «известна фраза»: АВТОРИТЕТ – *слово*; ТУПИТЬ – *выражение*.

✓ Указание на язык-источник слова-стимула (9 ассоциатов); метаобозначение семы – «является иностранным (заимствованным) словом», «пришло в русский язык из ... языка»: ГАСТАРБАЙТЕР – *немецкий язык*; ДАЙВИНГ – *иностранное слово*; РЕЗЮМЕ – *французский*.

✓ Представление слова с помощью языковой игры (8 ассоциатов); метаобозначение семы – «слово в обратном порядке ...», «то же, что ...»: ЖАРГОН – *нограж* (буквы стимула в обратном порядке); СЕМЬЯ – *7я* (буквенно-цифровая запись слова-стимула); СВОЛОЧЬ – *с реки волочь*.

✓ Указание на функцию слова в речи (7 ассоциатов); метаобозначение семы – «является словом-паразитом», «является эвфемизмом»: БЛИН – *слово-паразит*; ШНЯГА – *эвфемизм*.

✓ Указание на сферу использования, к которой относится слово-стимул (6 ассоциатов); метаобозначение семы – «используется в ... сфере (политики, медицины и др.)»: ИМПИЧМЕНТ – *что-то из политики*; БОДЯГА – *медицина*.

✓ Указание на частеречную принадлежность слова-стимула (3 ассоциата); метаобозначение семы – «является глаголом», «является местоимением»: СКИНУТЬ – *глагол*; НИКАКОЙ – *местоимение*.

✓ Указание на грамматическую категорию слова-стимула (3 ассоциата); метаобозначение семы – «слово относится к женскому (мужскому) роду»: ДЕВУШКА – *женский род*; САМЕЦ – *мужской род*.

✓ Указание на способ написания стимула или буквенный состав слова (3 ассоциата); метаобозначение семы – «слово включает букву ...», «состоит из ... (количество) букв»: ВЕСЕЛЫЙ – *буква ё*; СУД – *три буквы*.

✓ Указание на эстетическую сторону употребления слова (3 ассоциата); метаобозначение семы – «красиво звучит», «слово имеет неприятное звучание»: ГНИДА – *ой, как некрасиво звучит*; ХАХАЛЬ – *пожалуй, слишком много «х»*; СТАРУШЕНЦИЯ – *плохо звучит*.

✓ Указание на частотность употребления слова-стимула (1 ассоциат); метаобозначение семы – «является часто употребляемым словом»: ИДИОТ – *слово, одно из первых в моем лексиконе*.

✓ Указание на правила произношения (1 ассоциат); метаобозначение семы – «произносится как ...», «имеет ударение на ...»: АФЕРА – *ударение*.

В психолингвистическом значении нет понятия «правильно/неправильно», это представление носителей языка о языковой характеристике слова, поэтому указывается характеристика, данная носителями языка.

2. Коммуникативные семы

Особую группу семантических компонентов значения слова составляют **коммуникативные семы**, которые характеризуют слово как коммуникативный элемент языка: они свидетельствуют о том, что испытуемый воспринимает стимул как реплику диалога, на которую он может дать ответ, например, ЛОНДОН – *где?*; ПАРИТЬСЯ – *не стоит, не надо*; КОЗЕЛ – *бывает*; БОЯТЬСЯ – *а надо?*; ХАМ – *кто?* и др. Такие семы встречаются крайне редко. Обычно они относятся к неинтерпретируемым реакциям.

Отметим, что описание значения слова с помощью психолингвистической модели позволяет, с одной стороны, сделать это описание единообразным для большей части лексики, с другой – обнаружить и затем проанализировать степень заполненности каждого элемента значения в разных группах лексики (слова разной частеречной, стилистической принадлежности, слова с разной коннотативной составляющей и др.).

Представим схему психолингвистической модели описания значения слова.

Схема психолингвистической модели описания значения слова

I. Денотативный макрокомпонент значения

1. Признаковая часть значения:

- 1) архисема;
- 2) дифференциальные денотативные семы:
  - типизированные и иные дифференциальные семы;
  - констатирующие семы (разновидности объекта описания);
  - сочетаемостные семы (возможная сочетаемость);
  - семы окружающих реалий (актуализация окружающих реалий);
  - исторические семы (актуализация исторических реалий);
  - мифологические семы (актуализация мифологических реалий);
  - символические семы (символическая актуализация).

2. Реляционная часть (параметры):

- симилиативные семы (симиляры);
- оппозиционные семы (оппозиты);
- прецедентные семы (актуализация устойчивых выражений, прецедентных текстов);
- идентификационные семы (идентификация).

II. Коннотативный макрокомпонент значения

1. Оценочная характеристика:

- неоценочные семы;
- неодобрительные семы;
- одобрительные семы.

2. Эмоциональная характеристика:

- незмоциональные семы;
- негативно-эмоциональные семы;
- позитивно-эмоциональные семы.

III. Метаязыковой макрокомпонент значения

Метаязыковая характеристика:

- собственно метаязыковые семы;
- коммуникативные семы.

Представим описание психолингвистического значения слова СОБАКА по данной модели (ассоциативное поле соответствующего стимула из [АСУРЛ 2011, с. 156]).

Ассоциативное поле

СОБАКА 102: друг 24; животное 14; злая 5; Баскервилей 4; друг человека, кошка, кусачая, лает, лай, лайка, улыбака, собака 2; @; Арсений, бешеная, Бим Троепольского, бродячая, будка, верная, дворняга, дворняжка, друзья, защита, зверь, кость, красивое животное; лает, но не кусает; лаять; маленькие – твари вонючие; масть, моя любимая, овчарка, Павлова, пёс; Пёс Барбос – необычайный кросс; пинчер, породистая, пудель, ругательное выражение, Руня, рыжая, страшная, сука, Тузик, хозяин; что-то мохнатое, плешивое; шавка, щенок 1; отказ 3.

Психолингвистическое значение

Семема 1. Животное. СИЯ 0,98

I. Денотативный макрокомпонент значения

1. Признаковая часть:

- *архисема* – животное 0,16 (*животное 14; зверь, красивое животное*);
- *типизированные и иные дифференциальные семы* – лает 0,06 (*лает 2, лай 2; лает, но не кусает; лаять*); грызет кость 0,01 (*кость*); живет в будке 0,01 (*будка*); защищает 0,01 (*защита*); самка – сука 0,01 (*сука*); самец – пес 0,01 (*пес*); детеныш – щенок 0,01 (*щенок*); бывает злая 0,05 (*злая 5*), маленькая 0,02 (*маленькие – твари вонючие; шавка*), верная 0,01 (*верная*), красивая 0,01 (*красивое животное*), бешеная 0,01 (*бешеная*), бродячая 0,01 (*бродячая*), рыжая 0,01, мохнатая 0,01 (*что-то мохнатое, плешивое*), плешивая 0,01 (*что-то мохнатое, плешивое*); неприятно пахнет 0,01 (*маленькие – твари вонючие*); имеет хозяина 0,01 (*хозяин*); любимая 0,01 (*моя любимая*).

- *констатирующие семы* – бывает породистая 0,01, дворняга 0,02 (*дворняга, дворняжка*); бывает определенной масти 0,01 (*масть*), например, лайка 0,02, овчарка 0,01, пинчер 0,01, пудель 0,01;

- *сочетаемость семы* 0

- *семы окружающих реалий* 0

- *исторические семы* 0

- *мифологические семы* 0

- *символические семы* 0

2. Реляционная часть (параметры):

- *симилятивные семы* – то же, что друг человека 0,02, пес 0,01, шавка 0,01;
- *оппозитные семы* – противоположно – кошка 0,02;
- *прецедентные семы* – известно выражение «собака – друг человека» 0,26 (*друг 24; друг человека 2, друзья*); известна повесть К. Дойла «Собака Баскервилей» 0,04 (*Баскервилей 4*); известны слова песни С. Никитина «собака бывает кусачая...» 0,02 (*кусачая 2*); известна повесть Г. Троепольского «Белый Бим Черное Ухо» 0,01 (*Бим Троепольского*); известны опыты с собакой – собака Павлова 0,01 (*Павлова*); известен советский фильм «Пёс Барбос и необычайный кросс» 0,01 (*Пёс Барбос – необычайный кросс*); известно выражение «собака-улыбака» 0,02 (*улыбака 2*);
- *идентификационные семы* – это, например, Руня 0,01, Тузик 0,01.

II. Коннотативный макрокомпонент значения

1. Оценочная характеристика:

- *неоценочная сема* 0,49 (*животное 14; Баскервилей 4; кошка 2, лап 2, лай 2, лайка 2; Бим Троепольского, бродячая, будка, дворняга, дворняжка, зверь, кость; лап, но не кусает; лаять; масть, овчарка, Павлова, пёс; Пёс Барбос – необычайный кросс; пинчер, породистая, пудель, Руня, рыжая, сука, Тузик, хозяин; щенки*);

- *одобрительная сема* 0,33 (*друг 24; друг человека 2, улыбка 2; верная, друзья, защита, красивое животное; моя любимая*);

- *неодобрительная сема* 0,12 (*злая 5; кусачая 2; бешеная; маленькие – твари вонючие; страшная; что-то мохнатое, плешивое; шавка*).

2. Эмоциональная характеристика:

- *неэмоциональная сема* 0,92 (*друг 24; животное 14; злая 5; Баскервилей 4; друг человека 2, кошка 2, кусачая 2, лап 2, лай 2, лайка 2, улыбка 2, бешеная, Бим Троепольского, бродячая, будка, верная, дворняга, дворняжка, друзья, защита, зверь, кость, красивое животное; лап, но не кусает; лаять; маленькие – твари вонючие; масть, овчарка, Павлова, пёс; Пёс Барбос – необычайный кросс; пинчер, породистая, пудель, Руня, рыжая, сука, Тузик, хозяин; что-то мохнатое, плешивое; шавка, щенок*);

- *негативно-эмоциональная сема* 0,01 (*страшная*);

- *позитивно-эмоциональная сема* 0,01 (*моя любимая*).

III. Метаязыковой макрокомпонент значения

метаязыковые семы 0

Семема 2. Неприятный человек. СИЯ 0,21

I. Денотативный макрокомпонент значения

1. Признаковая часть:

- *архисема* 0

- *типизированные и иные дифференцированные семы* 0

- *констатирующие семы* 0

- *сочетаемостьные семы* 0

- *семы окружающих реалий* 0

- *исторические семы* 0

- *мифологические семы* 0

- *символические семы* 0

2. Реляционная часть:

- *симилятивные семы* – то же, что животное 0,14; зверь 0,01, сука 0,01, шавка 0,01, щенок 0,01

- *оппозитные семы* 0

- *прецедентные семы* – известно выражение «бешеная собака» 0,01 (*бешеная*)

- *идентификационные семы* – это, например, Арсений 0,01

II. Коннотативный макрокомпонент значения

1. Оценочная характеристика:

- *неодобрительная сема* 0,20 (*животное 14; бешеная, зверь, ругательное выражение, сука, шавка, щенок*)

- *неоценочная сема* 0,01 (*Арсений*)

- *одобрительная сема* 0

2. Эмоциональная характеристика:

- *неэмоциональная сема* 0,21 (*животное 14; Арсений, бешеная, зверь, ругательное выражение, сука, шавка, щенок*)
- *негативно-эмоциональная сема* 0
- *позитивно-эмоциональная сема* 0

III. Метаязыковой макрокомпонент значения

- *метаязыковые семы* – ругательное выражение 0,01

Семема 3. Знак электронной почты – @. СИЯ 0,01**I. Денотативный макрокомпонент значения****1. Признаковая часть:**

- *типизированные и иные дифференцированные семы* 0
- *констатирующие семы* 0
- *сочетаемые семы* 0
- *семы окружающих реалий* 0
- *исторические семы* 0
- *мифологические семы* 0
- *символические семы* 0

2. Реляционная часть:

- *симилятивные семы* – то же, что @ 0,01
- *оппозитные семы* 0
- *прецедентные семы* 0
- *идентификационные семы* 0

II. Коннотативный макрокомпонент значения**1. Оценочная характеристика:**

- *неоценочная сема* 0,01 (@)
- *неодобрительная сема* 0
- *одобрительная сема* 0

2. Эмоциональная характеристика:

- *неэмоциональная сема* 0,01 (@)
- *негативно-эмоциональная сема* 0
- *позитивно-эмоциональная сема* 0

III. Метаязыковой макрокомпонент значения

- *метаязыковые семы* 0

Предложенный вариант описания психолингвистического значения слова содержит не только перечисление семантических компонентов языковых единиц, но и соответствующие им ассоциаты. Их наличие помогает исследователю увидеть, как именно была проведена семантическая интерпретация, какие реакции легли в основу той или иной семы; дает возможность вскрыть механизм семантической интерпретации. Детальный вариант описания содержит перечисление всех параметров значения, даже если параметр не вербализован ассоциатом (указывается 0). Исследователь может изучить, как представлены макрокомпоненты и их параметры: например, у каких групп слов параметр «актуализация

прецедентных текстов» вербализован большим количеством ассоциатов, у каких слов данный параметр не представлен вообще или очень небольшим количеством ассоциатов и др.

Данный вид описания психолингвистического значения может быть назван исследовательским (это детальный, полный вариант описания психолингвистического значения слова). Он необходим в научных работах, для специально подготовленного читателя.

При публикации результатов исследования в научно-популярных изданиях обычно представляется обобщенный вариант описания – приводятся только «заполненные» графы (параметры, семы которых вербализованы испытуемыми в ходе эксперимента) с указанием индексов яркости сем и семем; «ассоциативная информация» не указывается, поскольку она затрудняет восприятие семантической информации. Такой вариант представления семантической информации может быть назван «пользовательским».

1.7. Выводы

Психолингвистика существует как отдельное направление лингвистики более полувека. За это время появилось много оригинальных концепций, направленных на анализ речевых процессов в рамках теории речевой деятельности. Важными проблемами, которые становятся предметом современных психолингвистических исследований, являются: язык и мышление, природа значения слова, структура образа сознания, универсальное и национально-специфичное в языке, двуязычие, принципы организации лексикона человека, восприятие и понимание текста, функциональная грамотность, язык и социум. Об активном развитии российской психолингвистики свидетельствует наличие множества психолингвистических школ, которые разрабатывают новые подходы к исследованию языка и речи.

Решению проблемы значения слова посвящены многие работы как зарубежных, так и отечественных психолингвистов: формулируются психолингвистические и психологические концепции значения слова, разрабатываются методологические подходы к исследованию этого сложного феномена, проводятся эксперименты. Общим для всех психолингвистических теорий является признание двойственного характера значения – с одной стороны, значение слова является достоянием индивида, с другой стороны, значение слова входит в систему общественного сознания, что дает возможность членам социума понимать «овнешняемые» словом смыслы. «Двойная жизнь» значения слова позволяет выделять два типа значения – лексикографическое (системное, «слово в словаре») и психолингвистическое (реально представленное в языковом сознании носителя языка, «слово в голове»).

В рамках семантико-психолингвистической концепции описания семантики слова в настоящее время активно формируется особое направление лингвистики – психолингвистическая семасиология.

Данное направление тесно связано с традиционной семасиологией: у них общий предмет и объект исследования (семантика лексических единиц), общий научный метаязык описания (*сема, семема, семантема, семантический компонент, семантический признак, семантический параметр, архисема, интегральная сема, дифференциальная сема* и др.). Используя метаязык традиционной семасиологии, психолингвистическая семасиология дополняет результаты ее исследований психолингвистическим описанием семантики слова.

Основным понятием психолингвистической семасиологии является понятие психолингвистического значения, описание которого предполагает обращение к языковому сознанию носителей языка. Основными психолингвистическими методами исследования языкового сознания являются метод субъективных дефиниций, различные виды ассоциативных экспериментов, метод семантического дифференциала, лингвистическое интервьюирование.

Результаты психолингвистических экспериментов могут быть интерпретированы разными способами в зависимости от целей и задач исследования. Анализ структуры и содержания ассоциативного поля дает возможность описать ассоциативное значение слова.

Главным методом описания значения в психолингвистической семасиологии является метод семантической интерпретации экспериментальных данных, который осуществляется на семном и семемном уровнях.

Разработанная методика психолингвистического описания значения слова в виде алгоритма, включающего ряд последовательных действий, позволяет объективно представить значение слова в языковом сознании носителя языка; приемы верификации экспериментальных данных помогают устранить (или минимизировать) долю субъективности, возникающую при интерпретации экспериментального материала.

Психолингвистическая модель описания значения слова дает возможность параметрически описать его семантическое содержание с помощью традиционных и особых психолингвистических сем.

С помощью разработанной психолингвистической модели могут быть также описаны групповые и индивидуальные значения.

ГЛАВА 2

Психолингвистические принципы описания семантики слова

Применение алгоритма психолингвистического описания семантики слова по разработанной модели позволяет представить значение слова в языковом сознании носителей языка. Психолингвистическая модель описания значения слова имеет универсальный характер, однако ее использование при описании значения отдельных групп языковых единиц имеет свою специфику. Опишем ее.

2.1. Психолингвистическое описание семантики имени собственного

С помощью психолингвистических методов возможно исследование семантики не только нарицательных имен, но и семантики имен собственных.

Имена собственные являются предметом изучения ономастики – «раздела лексикологии, исследующего происхождение, историю, закономерности развития и функционирования онимов (собственных имен). Основные разделы ономастики – топонимика и антропонимика» [Гируцкий 2003, с. 159-170]. Топонимика изучает географические названия – топонимы, их происхождение, функционирование, развитие во времени. По характеру обозначаемых объектов выделяют и другие виды топонимов: гидронимы (названия водных объектов, в первую очередь названия крупных рек); ойконимы (названия населенных пунктов); оронимы (наименования особенностей рельефа); астронимы (названия отдельных небесных тел) и т.д. Антропонимика изучает антропонимы – имена, отчества, фамилии, псевдонимы людей, имена богов, мифологических персонажей, литературных героев.

Главная номинативная особенность антропонимов, как и топонимов, заключается в том, что в отличие от обычных слов они обозначают не классы предметов, а единичные реалии.

Ономастика как наука об именах собственных опирается на положения, разработанные представителями зарубежных научных школ: Л. Вайсгербером, Ж. Вандриесом, А. Гардинером, О. Есперсеном, С. Крипке Е. Куриловичем, Дж. Ст. Миллем, Г. Суитом, С. Ульманом, Г. Фреге и др. В отечественной лингвистике теоретическое осмысление феномена именования человека связано с работами А.Н. Антышева, А.А. Белецкого, В.И. Болотова, В.Д. Бондалетова, С.Б. Веселовского, В.Д. Голева, М.В. Горбаневского, С.Д. Кацнельсона, Р.З. Мурысова,

В.А. Никонова, А.А. Реформатского, Д.И. Руденко, А.В. Суперанской, Л.М. Щетинина и многих других ученых, которые внесли большой вклад в становление и развитие ономастики как полноправного раздела языкознания.

По мнению А.В. Суперанской, «ономастика является комплексной дисциплиной, так как специфика ономастики заключается в том, что кроме лингвистического компонента (оним как языковая единица, изучаемая лингвистическими методами), имена включают географический, исторический, социологический, литературоведческий компоненты, которые помогают лингвисту выделять специфику именованных объектов и традиции, связанные с их именованнием» [Суперанская 1973, с. 7-8].

Далее А.В. Суперанская отмечает, что «имена собственные изучаются с помощью тех же методов, что и другие классы слов. Однако, если для изучения общей лексики привлечение экстралингвистических данных необязательно (или минимальное), для ономастики это обязательно, поскольку имена собственные – слова особые. Раритетность многих имен и известность их лишь узкому кругу специалистов (историков, географов, этнографов, астрономов и т.п.) делает знакомство с именованным объектом непременным условием установления их языкового статуса, а это возможно лишь при углубленном изучении экстралингвистических данных. Последнее сближает ономастику с терминологией» [Суперанская 1973, с. 44].

Наиболее дискуссионным является вопрос о специфике семантической структуры имен собственных в отличие от имен нарицательных. Анализ позиций, занимаемых разными лингвистами, позволяет выделить основные подходы к решению этой проблемы.

Одни исследователи считают, что имя собственное лишено семантики, так как обозначает единичный предмет, а его значение складывается из чисто энциклопедической информации об имени [Ахметзянова 2010; Денисова 2015 и др.]. Этот признак принципиально отличает их от лексически значимых имен нарицательных (Дж. Ст. Милль, В. Рассел, А. Гардинер, А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Е.М. Галкина-Федорук и др.). Основной функцией имен собственных в таком случае считают назывную, номинативную. Собственные имена только называют денотат, но не приписывают ему никаких свойств. Другие ученые считают, что имена собственные обладают значением, но только в речи, в то время как на уровне языка они рассматриваются как семантически пустые знаки (О. Есперсен, А. Петерсон, Е. Курилович, А.А. Уфимцева, Н.Д. Арутюнова и др.). Третьи полагают, что имена собственные наделены значением как в языке, так и на уровне речи, но это значение отличается от значения нарицательных имен (Л.В. Щерба, А.А. Суперанская, С.Д. Кацнельсон и др.).

Психолингвистический подход к изучению семантики собственного имени позволяет «примирить» все точки зрения на данную проблему.

Психолингвистические методы исследования семантики онимов выявляют узуальные и окказиональные семантические компоненты, актуальные для языкового сознания носителей языка.

Существует много лингвистических работ, посвященных изучению семантики собственного имени. В основном они содержат исследование семантики онима в тексте (художественном, публицистическом, официально-деловом) [Ахметзянова 2009; Блинова 2007; Болотов 1972, 1993; Бондалетов 1983; Бурмистрова 2006; Бутакова 2013; Васильева 2009; Врублевская 2017; Горбаневский 1983; Гурская 2009; Деревяго 2008; Иванова 2006; Кисель 2009; Ковалев 2017; Ларина 2012; Мань Шу 2021; Мжельская 2008; Овсянникова 2016; Рут 2001; Филиппова 2014; Шеремет 1984; Яковенко 2013; Яровая 2000 и др.].

Первые попытки психолингвистического исследования семантики имени собственного относятся к концу XX – началу XXI вв.: известна работа Т.Е. Никольской «Ассоциативное поле личного имени» [Никольская 1998], в которой предпринимается анализ ассоциативного значения личных имен (*Георгий, Евгений, Лидия, Шурик, Толик* и под.); диссертационные исследования И.С. Карабулатовой и Т.С. Доржиевой, посвященные исследованию топонимов и выявлению типов связей между стимулом-топонимом и реакцией [Доржиева 2013; Карабулатова 2002]. Отметим и другие работы, в которых есть элементы экспериментального исследования семантики собственных имен [Бирюкова 2005; Гаврикова 2005; Гудков 1999; Кортунова 2011; Максимчук 2000; Плешков 2020; Полубоярин 2009, 2011; Попадинец 2006; Хватова 2004 и др.]. Таких работ пока немного.

Предлагаемая в данной монографии методика психолингвистического описания значения слова может быть эффективно применена и для описания семантики имен собственных – антропонимов и топонимов.

Психолингвистическое описание семантики антропонимов

Покажем этапы психолингвистического исследования семантики антропонимов и опишем специфику методики ее описания на примере 50 имен публичных людей, известных носителям русского языка: *АБРАМОВИЧ, АЙВАЗОВСКИЙ, АНДРОПОВ, АРАКЧЕЕВ, АХМАТОВА, БАХ, БЕЗРУКОВ, БЕТХОВЕН, БРЕЖНЕВ, БРЭДБЕРИ, ВАН ГОГ, ГАГАРИН, ГОГОЛЬ, ГРЕБЕНЩИКОВ, ДАЛИ, ДАРВИН, ДЖЕКИ ЧАН, ДЖИМ КЕРРИ, ДИОГЕН, ДИОР, ДОСТОЕВСКИЙ, ЕКАТЕРИНА II, ЕЛЬЦИН, ЕСЕНИН, ЗАЙЦЕВ, ИСИНБАЕВА, КАБАЕВА, КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ, КРУПСКАЯ, ЛОМОНОСОВ, МАЛЕВИЧ, МАРИЯ КЮРИ, МАРКС, МАЦУЕВ, МОХАММЕД АЛИ, МОЦАРТ, НЕКРАСОВ, НИЦШЕ, РАЙКИН, РЫЛЕЕВ, САРКОЗИ, САРТР, СОЛЖЕНИЦЫН,*

СПЕРАНСКИЙ, ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ, ТУРГЕНЕВ, ЧАПЛИН, ШАНЕЛЬ, ШЕКСПИР, ЮДАШКИН.

Были проведены ассоциативные эксперименты с одноименными стимулами: свободный ассоциативный и два направленных ассоциативных эксперимента. В экспериментах в основном участвовали студенты 1-3 курсов Воронежского государственного университета и других вузов г. Воронежа. Родной язык всех респондентов – русский. Форма проведения экспериментов – письменная. Всего опрошено более 2 тысяч человек. Каждый стимул предъявлялся 100 или 200 испытуемым (большая часть экспериментов проведена С.В. Коваленко).

После обработки анкет были сформированы три одноименных ассоциативных поля (учитывалась только одна – первая – реакция) каждого стимула: 1) ассоциативное поле, содержащее данные свободного ассоциативного эксперимента; 2) ассоциативное поле, содержащее данные направленного ассоциативного эксперимента с заданием «N – какой?»; 3) ассоциативное поле, содержащее данные направленного ассоциативного эксперимента с заданием «N – что делает?» [БАРЭКСИС-1].

Затем была осуществлена семантическая интерпретация ассоциативных полей каждого стимула. Для этого ассоциаты всех трех полей объединялись в одно интегрированное ассоциативное поле (300 или 600 ассоциатов). Каждый ассоциат интерпретировался как вербализация конкретного семантического признака слова-стимула. Описание психолингвистического значения антропонима осуществлялось по модели, описанной ранее. Однако при психолингвистическом описании значения антропонимов были выявлены следующие особенности.

Признаковая часть денотативного макрокомпонента значения представляется собой комплекс сем, отражающих денотативное содержание значения слова: *архисема* и *денотативные дифференциальные семы*.

✓ *Архисема. Семантический параметр «сфера деятельности человека»*

Обычно архисемы обозначают наиболее общий признак, указывают на отнесенность к определенной лексической категории. При психолингвистическом описании семантики публичных имен в качестве архисем выступают семы, относящиеся к семантическому параметру «*сфера деятельности человека*», например, БРЕЖНЕВ – политик; ЗАЙЦЕВ – модельер; ВАН ГОГ – художник; ДИОГЕН – философ, ИСИНБАЕВА – спортсменка, а ассоциаты типа *человек, мужчина, женщина* при семантической интерпретации считаются частью семантического компонента сем, классифицирующих сферы деятельности лица, названного именем собственным.

В некоторых случаях при семантической интерпретации единиц ассоциативных полей стимулов-антропонимов семы *человек, мужчина, женщина* выделяются в качестве архисем: это характерно только для семем «конкретный человек», представленных в составе семантем отдельных антропонимов. Такие семемы чаще всего встречаются у лексем – наиболее распространенных фамилий в русском языке.

Также к параметру «сфера деятельности» относятся семы, указывающие на занимаемую лицом должность, например, АНДРОПОВ – Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, Председатель КГБ СССР; КАБАЕВА – депутат Государственной Думы и др.

У некоторых имен возможно выделение нескольких архисем, например, МОЦАРТ – композитор, музыкант; АРАКЧЕЕВ – государственный деятель, политик; САПГР – писатель, философ; ЧАПЛИН – киноактер, комик и др. Это связано с тем, что лицо, названное именем собственным, может выполнять несколько общественных функций, значимых для языкового сознания носителей языка.

Достаточно редко встречаются семемы лексем, в которых архисемы не вербализованы в эксперименте или имеют низкий индекс яркости: обычно это характерно для семем, обозначающих малоизвестное или малозначимое для большой группы носителей языка лицо, обозначающих конкретного человека, известного отдельному испытуемому. Выделение семемы в таких случаях осуществляется по дифференциальным семам.

Так как архисема для антропонима является обязательным компонентом семантической структуры, то при отсутствии ассоциатов, ее вербализующих, архисема формулируется исследователем и указывается конкретное лицо, о котором идет речь (сформулированные исследователем архисемы приводятся в квадратных скобках; курсивом выделены дифференциальные семы, позволившие сформулировать семемы; для наглядности приведены только три семемы), например,

БАХ

1. [Писатель] (Ричард Бах), [*автор повести*] «*Чайка по имени Джонатан Ливингстон*».
2. [Персонаж компьютерной игры] (Грюнфельд Бах), *охотник на вампиров*.
3. [Глава Международного олимпийского комитета] (Томас Бах), *связан с допинговым скандалом*.

Необходимо отметить, что в отличие от нарицательных существительных, в составе психолингвистического значения антропонимов архисемы обычно имеют высокий индекс яркости, а денотативные дифференциальные семы – чаще всего невысокий индекс яркости. Ср.:

ДОСТОЕВСКИЙ. *Архисемы*: писатель **0,37**; философ 0,03; поэт 0,02. *Дифференциальные семы*: автор романа «Преступление и наказание» 0,4; автор романа «Идиот» 0,01; русский 0,03; великий 0,03, замечательный 0,02; умный 0,02; известный 0,01; Федор Михайлович 0,01; произведения вызывают чувство депрессии 0,02 и др.

Однако в некоторых случаях индекс дифференциальных сем может быть равным индексу яркости архисемы или значительно выше него (подобные случаи были отмечены примерно у 15% антропонимов). Это связано с актуальностью дифференциального признака для языкового сознания носителей языка.

ЕЛЬЦИН. *Архисемы*: первый Президент РФ 0,09; политик 0,02. *Дифференциальные семы*: пьяница **0,27**

ГАГАРИН. *Архисемы*: космонавт 0,20. *Дифференциальные семы*: совершил первый полет в космос **0,41**

ДАРВИН. *Архисемы*: ученый 0,12. *Дифференциальные семы*: создатель теории эволюции **0,29**

Денотативные дифференциальные семы составляют основную часть признаковой части и демонстрируют большую параметрическую вариативность.

✓ *Семантический параметр «выполняемые функции»*

Семантические компоненты данного параметра указывают на действия, которые обычно (или в единичных случаях) выполняет лицо, например: ИСИНБАЕВА – выступает на соревнованиях, участвует в Олимпийских играх, устанавливает рекорды; участвует в передачах Первого канала; ЛОМОНОСОВ: основал Московский университет; сделал много открытий в разных областях науки; занимался педагогической деятельностью; ЮДАШКИН – законодатель моды в России; вел программу «Модный приговор»; разработал форму для военнослужащих ВС РФ и др.

Семы данного параметра представлены практически в семантемах всех антропонимов.

✓ *Семантический параметр «результат деятельности»*

Данный параметр представлен семами, указывающими на результат деятельности лица, именованного антропонимом: МАРИЯ КЮРИ – открыла радиоактивный элемент радий; ВАН ГОГ – автор цикла картин «Подсолнухи»; автор картин «Звездная ночь», «Поле с двумя кроликами», «Ирисы», «Вечерние часы»; БАХ – автор «Лунной сонаты»; автор пьесы «К Элизе»; СПЕРАНСКИЙ – автор экономической реформы и др.

✓ **Семантический параметр «общественная значимость и общественное признание»**

Данный параметр представлен семами, которые указывают на вклад в общественную и культурную жизнь, сделанный лицом, обозначенным антропонимом, а также способ общественного признания деятельности лица: ГАГАРИН – повлиял на развитие цивилизации; ГРЕБЕНЩИКОВ – играет важную роль в развитии музыки; МАРИЯ КЮРИ – внесла большой вклад в развитие физики; МОХАММЕД АЛИ – занимался благотворительностью; КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ – совершила подвиг, защищала Родину; патриотка, в ее честь названы улицы городов и др.

Семы данного типа отмечены в семантемах примерно 50% антропонимов, все они имеют низкий индекс яркости (в основном относятся к группе единичных или индивидуальных сем).

К указанному параметру относятся также семы, указывающие на общественное признание и вербализованные ассоциатами *великий, выдающийся, замечательный* и др. Они входят в семантическую структуру многих антропонимов: ЕКАТЕРИНА II, БАХ, ДОСТОЕВСКИЙ, ШЕКСПИР; ГАГАРИН, МАЛЕВИЧ; МОХАММЕД АЛИ и др.

✓ **Семантический параметр «степень известности»**

Данный параметр представлен семами, определяющими степень известности лица в языковом сознании носителей языка: сема «известный» (наиболее часто вербализуется ассоциатами *известный, знаменитый, прославленный, популярный, признанный*), «малоизвестный», «неизвестный».

При составлении списка антропонимов проводился опрос, в ходе которого испытуемым предлагалось назвать наиболее популярных лиц, относящихся к разным сферам жизни, то предполагалось, что все антропонимы должны были включать в свой состав сему «известный». Сема «известный» отмечена в семемах более 80% антропонимов, различие выявляется лишь в показателе индекса яркости семы: индекс яркости у антропонимов невысок (ИЯс 0,03 – 0,05): ДИОР, Шекспир, АЙВАЗОВСКИЙ, БЕТХОВЕН, БРЭДБЕРИ, МОХАММЕД АЛИ, МОЦАРТ. Остальные антропонимы включают в свой семантический состав сему «известный» с индексом яркости, равным 0,02 и менее.

Были выявлены и такие антропонимы, в семемы которых входят семы «малоизвестный», «неизвестный»: ДАРВИН, ЗАЙЦЕВ, НИЦШЕ, САРТР, ЮДАШКИН и др. Семы «малоизвестный», «неизвестный» в перечисленных именах имеют индекс яркости менее 0,01, чаще относятся к индивидуальным семам (только у антропонима САРТР индекс яркости семы «малоизвестный» равен 0,03).

В отдельных случаях встречались семемы антропонимов, включающих противоположные семы «известный» и «малоизвестный» с

низким индексом яркости (менее 0,01): ГРЕБЕНЩИКОВ, КАБАЕВА, МАРИЯ КЮРИ, МАЦУЕВ, РАЙКИН, РЫЛЕЕВ.

✓ **Семантический параметр «национальность, раса, гражданство»**

Семы, относящиеся к данному параметру, указывают на национальность лица, названного антропонимом. Семы данного параметра вербализованы не во всех семемах (чаще всего это связано с незнанием национальности лица, именуемого антропонимом, или неактуальностью данного признака для языкового сознания носителей языка). Отметим имена собственные, в семантической структуре которых встречается данный вид сем:

1) антропонимы, включающие в свой семантический состав семы, указывающие на отнесенность лица к конкретной нации, народности: НЕКРАСОВ, СОЛЖЕНИЦЫН – *русский*; ДАРВИН, ШЕКСПИР – *англичанин*; ДАЛИ – *испанец*; ДИОГЕН – *грек* и др.;

2) антропонимы, включающие в свой семантический состав сему «гражданство»: ИСИНБАЕВА, МАЦУЕВ – *россиянин*.

В целом носители языка хорошо осведомлены о национальной принадлежности, однако был отмечен один случай неверного определения национальности лица: ИСИНБАЕВА – по национальности татарка (на самом деле наполовину табасаранка).

✓ **Семантический параметр «имя, отчество, псевдоним»**

Для языкового сознания носителей русского языка важно имя известного лица: почти все ассоциативные поля стимулов-имен включают в свой состав ассоциаты, вербализующие имя известного лица, реже – его отчество, фамилию, псевдоним: ЧАПЛИН – по имени Чарли, Чарльз; МАРКС – Карл; КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ – Зоя; БРЭДБЕРИ – Рэй Дуглас; ГАГАРИН – Юрий Алексеевич и др. Укажем антропонимы, в семантемах которых не вербализован данный вид сем: АБРАМОВИЧ, АЙВАЗОВСКИЙ, АНДРОПОВ, АРАКЧЕЕВ, БЕЗРУКОВ, ДИОР, ЕСЕНИН и др.

Кроме того, по объективным причинам семы параметра «имя, отчество, псевдоним» отсутствуют у антропонимов: 1) в состав стимулов уже входит имя: ДЖЕКИ ЧАН, ДЖИМ КЕРРИ, МАРИЯ КЮРИ, ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ; 2) сами стимулы являются именами: ДИОГЕН, ЕКАТЕРИНА II; 3) стимул является псевдонимом: МОХАММЕД АЛИ.

✓ **Семантический параметр «внешность человека»**

Для языкового сознания носителей языка внешность человека, названного именем собственным, является достаточно актуальным. Практически все семантемы антропонимов включают одну или несколько

характеристик внешности человека: рост, тип телосложения, цвет волос, наличие/отсутствие усов и бороды; типичная одежда. Приведем некоторые примеры: АХМАТОВА: имеет нос с горбинкой, изящная, высокая, похожа на грузинку, худая; ГОГОЛЬ: темноволосый, с длинным носом, с усами, с каре, с длинными волосами, с горящими глазами; ДАЛИ – с усами, с глазами навывкате; ДЖЕКИ ЧАН: узкоглазый, невысокого роста и др.

✓ ***Семантический параметр «возрастная характеристика»***

Данный параметр представлен семами «старый» и «молодой». Отмеченные семы достаточно часто вербализуются ассоциатами, однако имеют невысокий индекс яркости – обычно не более 0,01, чаще относятся к индивидуальным семантическим компонентам.

Большинство исследуемых антропонимов включают в свой семантический состав сему «старый» (БРЕЖНЕВ, ДЖЕКИ ЧАН, САРКОЗИ и др.). Это связано с тем, что люди, достигшие успеха и имеющие определенную вес в обществе, относятся к старшему поколению, стали признанными в старшем возрасте или в настоящий момент являются умершими.

Исключение составляет небольшая группа антропонимов с семой «молодой» (ЕСЕНИН, ГАГАРИН, КАБАЕВА и др.) – это или лица, относящиеся сейчас к молодому поколению, или люди, умершие в достаточно молодом возрасте.

✓ ***Семантический параметр «эстетическая оценка»***

Семы данного параметра указывают на эстетическую оценку лица, именованного антропонимом и представлены такими семами, как «красивый», «некрасивый».

Семы «красивый» и «некрасивый» вербализуются одноименными ассоциатами: ШАНЕЛЬ – красивая; ЕСЕНИН – красивый; КРУПСКАЯ – некрасивая; ЕКАТЕРИНА II – красивая, некрасивая и др.

Анализ семантической структуры антропонимов показывает, что семы данного параметра мало актуальны для языкового сознания носителей языка и вербализуются ассоциатами крайне редко.

✓ ***Семантический параметр «особенности характера, поведения»***

Данный параметр включает разнообразные семы, характеризующие отличительные черты индивидуальных, поведенческих признаков человека, входят состав всех семантем антропонимов, например,

ГОГОЛЬ – странный, загадочный, мрачный, грустный, меланхоличный, пессимистичный, сумасшедший, неординарный, романтичный, добрый, злой, любопытный, начитанный, невезучий, неуравновешенный, спокойный, строгий, трудолюбивый; суеверный;

КРУПСКАЯ – смелая, решительная, сильная, жертвенная, жесткая, замкнутая, боевая, мудрая, необычная, преданная, радикальная, странная.

✓ ***Семантический параметр «степень одаренности»***

В семантической структуре антропонимов параметр представлен семами «талантливый» и «бездарный». Большинство исследуемых антропонимов относится к словам, обозначающим людей сферы искусства, науки, спорта, в которых наличие таланта является необходимым для достижения успеха, поэтому сема «талантливый» чаще всего входит в семантическую структуру именно таких антропонимов (АЙВАЗОВСКИЙ, БАХ и др.). Сема «бездарный» достаточно редко актуализировалась испытуемыми (БЕЗРУКОВ, ЗАЙЦЕВ и др.). Указание на данный признак обычно отражает личное отношение опрашиваемого к конкретному лицу. В семантемах антропонимов, называющих политиков, бизнесменов, данный параметр обычно не вербализуется.

✓ ***Семантический параметр «интеллектуальные способности»***

Семы данного параметра достаточно часто представлены в семантемах антропонимов – «умный», «глупый»: ДИОГЕН – умный, мудрый; ЕЛЬЦИН – глупый; КАБАЕВА – умная, глупая (индивидуальные семы) и др.

✓ ***Семантический параметр «отношение к религии»***

Семы данного параметра мало актуальны для языкового сознания носителей языка. Они отмечены только в семантемах трех антропонимов: МАРИЯ КЮРИ – набожная (ложная – она была атеисткой); МОХАММЕД АЛИ – принял ислам; САРТР – атеист. Все семы этой группы имеют невысокий индекс яркости (менее 0,01).

✓ ***Семантический параметр «типичный индивидуальный признак»***

В языковом сознании носителей языка данный параметр представлен семами, которые указывают на присущие только этому лицу признаки. Приведем некоторые примеры: МОХАММЕД АЛИ – автор выражения «Порхай, как бабочка, – жаль, как пчела»; ЕЛЬЦИН – известна фраза «Я лягу головой на рельсы, если цены будут повышены!», известна фраза «Дорогие россияне» и др.

✓ ***Семантический параметр «исторический период жизни и деятельности лица»***

Параметр представлен семами, указывающими на историческую эпоху, к которой относится лицо, названное антропонимом: ДИОГЕН –

жил в Древней Греции; РАЙКИН, ГАГАРИН – советский (относятся к эпохе СССР); ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ – современная.

К данному параметру относятся также семы, прямо не относящиеся к человеку, но представляющие окружающие его исторические реалии, например, БРЕЖНЕВ – в период его правления проводились Олимпийские игры в Москве, в период его правления был дефицит товаров, в период его правления происходит развитие научной фантастики, в период его правления страна активно телефонизируется.

✓ *Семантический параметр «локация / место жизни и деятельности лица»*

Данный параметр отмечен только у отдельных антропонимов (обычно называющих лица, у которых место рождения и проживания не совпадают), например, МАРИЯ КЮРИ – жила во Франции; АБРАМОВИЧ – живет в Лондоне и др.

✓ *Семантический параметр «бытие / небытие лица»*

Данный параметр представлен семами «умер» (вербализуется ассоциатами *умер, мертвый, уже ничего не делает* и др.) и «ныне живущий» (вербализуется ассоциатами *жив, живет* и др.): ТУРГЕНЕВ – умер; КАБАЕВА – ныне живущая (единичная сема) и др.

✓ *Семантический параметр «мифы (слухи) о лице»*

Данный параметр представлен разнообразными семами, отражающими имеющиеся в сознании носителей языка версии о жизни и смерти публичных людей: ДИОГЕН – существует версия, что он жил в бочке; ЕЛЬЦИН – подарил Крым Украине (Крым был передан Украине в 1954 г.); ГОГОЛЬ – существует легенда, что он был похоронен живым.

✓ *Семантический параметр «символическая актуализация»*

Достаточно редко в состав семантем антропонимов входят семы, которые указывают на сложившиеся в языковом сознании носителей языка символические связи антропонима (типа ЭЙНШТЕЙН – символ гения в науке). Среди исследуемых 50 антропонимов такие семы отсутствуют.

✓ *Семантический параметр «вызываемые чувства и оценки лица»*

Семы данного параметра вербализуют возникающие в языковом сознании носителей языка чувства, оценки, связанные с личностью, названной антропонимом, например, БРЭДБЕРИ – замечательный, восхищает, вдохновляет, поражает; его произведения приносят чувство радости и др.

Возможно выделение и других параметров признаковой части денотативного макрокомпонента.

Реляционная часть денотативного макрокомпонента представлена ассоциатами, характеризующими внешние связи слова. Реляционные семы в психолингвистическом значении антропонимов представлены крайне редко.

✓ ***Семантический параметр «симилятивные связи»***

Многие исследователи отмечают, что собственные имена как особый класс лексики не вступают в синонимические связи, так как обозначают единичные предметы. Это справедливо для системных отношений антропонимов.

Психолингвистическое описание семантики антропонимов показывает, что в языковом сознании собственные имена могут быть связаны симилятивными связями: это характерно для имен, которые относятся к одной и той же сфере деятельности, из одного ряда лиц, например, ассоциат *Зайцев* стимула ЮДАШКИН может быть интерпретирован как сема «работает в той же сфере, что и Зайцев»; ассоциат *Моцарт* стимула БАХ – как сема «был композитором, как и Моцарт» и др.

✓ ***Семантический параметр «актуализация прецедентных текстов»***

Для прецедентных сем характерно включение имени (или указания на лицо, именованное антропонимом) в состав прецедентного текста, известного носителям языка. Семы данного параметра встречаются достаточно редко, например, БРЕЖНЕВ: известен анекдот «Брежнев – «бормотуха "5 звездочек"»; ВАН ГОГ: известны слова песни «На лабутенах» группы «Ленинград» – «на выставке ван Гога я главный экспонат»; АРАКЧЕЕВ: известно понятие «аракчеевщина».

✓ ***Семантический параметр «актуализация устойчивых выражений»***

Данный параметр представлен семами, указывающими на наличие устойчивого выражения, в состав которого входит оним или его словообразовательный вариант (ДИОГЕН – *синдром Диогена*, ПАВЛОВ – *рефлекс Павлова*, ДИАНА – *комплекс Дианы*, КАИН – *Каинова печать*, ИУДА – *поцелуй Иуды* и др.). Изучению подобных выражений посвящены работы [Решетняк 2014; Тритенко 2011].

В исследуемом нами материале подобные семы отмечены только в одном примере: ТУРГЕНЕВ – известно выражение «тургеневские девушки».

✓ **Семантический параметр «идентификация»**

Данный параметр представлен идентификационными семами, называющими референтные признаки предмета номинации, присущие единичному референту слова в личном опыте испытуемого: КРУПСКАЯ – это, например, Мария; ГРЕБЕНЩИКОВ – это, например, Никита; это одноклассник, староста и др.

Коннотативный макрокомпонент психолингвистического значения содержит информацию об оценочной и эмоциональной составляющей содержания семемы антропонима.

✓ **Оценочные семы**

При семантической интерпретации ассоциаты с оценочным компонентом формулируются в наиболее нейтральной языковой форме. При этом вербализованная носителями языка оценка остается за пределами описания значения слова. Например, ассоциат *баба* стимула ЕКАТЕРИНА II интерпретируется как сема «женщина»; ассоциаты *засос, поцелуйчики, целовашки, целуется со всеми подряд в десны* и др. стимула БРЕЖНЕВ – как сема «известен любовью к крепким троекратным поцелуям».

Оценочность семем имени собственного описывается не по выделенным путем семной интерпретации ассоциатов семам, а по ассоциативным реакциям. В описании учитываются как общеоценочные ассоциативные реакции (типа *хороший, отличный, класс, дрянь* и др.), так и оценки, выраженные в ассоциатах, содержащих оценочный компонент

Все ассоциаты, вербализующие семему, распределяются на три группы: *неоценочное, неодобрительное, одобрительное*. Например, оценочная характеристика лексем (указаны только одобрительные и неодобрительные семы):

ЕКАТЕРИНА II: неодобрительное 0,05 (*растратчица, стерва, толстая 3, толстая баба, хитрая, шлюха, развратная, распущенная, старомодная, стервозная, страшенькая* и др.); одобрительное 0,18 (*великая 29; мудрая 2, сильная 2, умная 2; красота, молодец, находчивая, сильная женщина, великая императрица* и др.).

ГАГАРИН: одобрительное 0,20 (*смелый 32; отважный 19; великий 14; храбрый 6; улыбчивый 5; умный 4; мужественный 3; герой 3; бесстрашный 2, добрый 2, знаменитый 2, классный 2, сильный 2, харизматичный 2* и др.); неодобрительное 0.

✓ **Эмоциональные семы**

Эмоциональность описывается аналогично оценочности. Выделяются семы *неэмоциональное, отрицательно-эмоциональное, положительно-эмоциональное* (ассоциаты, указывающие на эмоциональную составляющую, распределяются по двум типам сем), например,

ЕЛЫЦИН: негативно-эмоциональное 0,02 (*позор; ужас, а не президент; задолбавший, неприятный, с неприятным голосом, смешной*); позитивно-эмоциональное 0.

Метаязыковой макрокомпонент психолингвистического значения представлен метаязыковыми семами, указывающими на языковые характеристики слова-стимула (происхождение фамилии, экспликация словообразовательной модели слова-стимула), например: АЙВАЗОВСКИЙ – фамилия образована от слова «айва»; КРУПСКАЯ – фамилия образована от слова «крупа»; ДЖИМ КЕРРИ – фамилия похожа на слово «черри» и др. Иные способы передачи метаязыковой информации отмечены у антропонимов: АРАКЧЕЕВ – сема «это фамилия» (указание на тематический класс языковой единицы); ДЖЕКИ ЧАН – сема «имеет английское имя и азиатскую фамилию» (отсылка к языку-источнику происхождения имени собственного). Метаязыковые семы имеют, как правило, низкий индекс яркости (менее 0,01 или относятся к индивидуальным семам).

Многие исследователи утверждают, что имя собственное обозначает единичный предмет: одно имя – один предмет. В отношении же антропонимов – личных имен (*Мария, Александр, Гриша*), отчества (*Сергеевич, Владимировна*) и фамилий (*Иванов, Кузнецова, Коваленко*) – несколько иной случай: антропоним может быть присвоен нескольким лицам (например, тезки, однофамильцы).

При проведении психолингвистического эксперимента испытуемым не сообщалось, что стимулы – это фамилии и имена знаменитых людей (хотя большинство имен было хорошо знакомо респондентам). Предлагалось задание: привести любое слово (выражение), которое ассоциируется с данным словом. Семантическая интерпретация ассоциативных полей стимулов показала, что со звуковой и буквенной оболочкой антропонима носители языка часто связывают разные семемы (референты), которые также могут быть обозначены одним и тем же онимом. Например, семантемы антропонимов, которые включают семемы, обозначающие однофамильцев, известных группе носителей языка или отдельному респонденту:

АРАКЧЕЕВ

1. Государственный и политический деятель (Алексей Андреевич Аракчеев). СИА 0,37
2. Футболист (несколько современных футболистов с фамилией Аракчеев). СИА 0,03
3. Поэт (Александр Аракчеев). СИА 0,02
4. Писатель (Юрий Аракчеев). СИА 0,02
5. Конкретный человек. СИА 0,02

Отдельные семемы антропонима могут выступать в функции коммерческого наименования (наименование марки товара, фирмы, название фильма), могут быть прозвищем или обозначать некий предмет, например,

- ГОГОЛЬ – 1. Десерт «гоголь-моголь» (контаминированное значение). СИЯ 0,02.
 2. Вид уток «обыкновенный гоголь». СИЯ менее 0,01.
 БЕТХОВЕН – 1. Собака из фильма «Бетховен». СИЯ 0,06. 2. Американская комедия «Бетховен». СИЯ 0,03.
 ДАЛИ – Марка парфюмерии «Salvador Dali». СИЯ менее 0,01
 ДИОГЕН – Компьютерная игра – Кубок Диогена 2010. СИЯ менее 0,01
 ЗАЙЦЕВ – 1. Герой российского сериала «Зайцев+1». СИЯ 0,03. 2. Музыкальный портал «zaycev.net». СИЯ менее 0,01

Среди исследуемых антропонимов были отмечены односеменные слова: АБРАМОВИЧ, АХМАТОВА, ГАГАРИН, ДАРВИН, ДИОР, ДОСТОЕВСКИЙ, ЕЛЬЦИН, ЕСЕНИН, ИСИНБАЕВА, КАБАЕВА и др. Несмотря на потенциальное наличие однофамильцев, возможно, для носителей языка данные антропонимы связаны только с одним объектом – известным лицом.

В семантической структуре некоторых имен собственных выделяются семантические компоненты, которые не соответствуют действительности – *ложные семы* и *ложные семемы*. Они свидетельствуют об индивидуальном значении слова в сознании носителя языка или о наличии у него индивидуально-личностного компонента значения имени.

Приведем примеры ложных семантических компонентов: БРЕЖНЕВ: с усами; ботинком кидался (Хрущев бил ботинком по трибуне), страдал алкоголизмом, засеивал кукурузой поля (это Хрущев), в речи использовал выражение «понимаете ли» (принадлежит Ельцину), президент; КАБАЕВА: прыгунья с шестом; фигуристка, тренирует; СПЕРАНСКИЙ: воевал, застрелен в театре (был застрелен П.А. Столыпин), носил парик, связан с Троцким.

Крайне редко в семантемах антропонимов встречаются ложные семемы: АЙВАЗОВСКИЙ – Поэт. СИЯ менее 0,01. САРТР – Житель Древней Греции. СИЯ 0,01

В структуре семантики психолингвистического значения имен выявляется также особый тип значения – *контаминированное значение* (значение, появившееся в результате смешения со значением другого слова, подмены значения значением другой лексической единицы). Контаминированные значения чаще всего отмечаются у стимулов, фонетический облик которых в языковом сознании носителей языка сближается с другим именем собственным или названием какого-либо объекта: АНДРОПОВ – Адронный коллайдер. СИЯ менее 0,01; ДАЛИ – Автор словаря (В.И. Даль). СИЯ 0,05; ДИОГЕН – Бог вина Дионис. СИЯ

0,01; МОХАММЕД АЛИ – Пророк Мухаммед. СИЯ 0,07; ШАНЕЛЬ – Повесть Н.В. Гоголя «Шинель». СИЯ 0,02.

С точки зрения системных знаний (энциклопедических данных) ложные и контаминированные компоненты представляются не соответствующими действительности, однако для конкретного носителя языка они являются частью его языкового сознания. Изучение таких компонентов может стать предметом отдельного исследования.

При психолингвистическом описании антропонимов используется сопоставительно-параметрический метод, суть которого заключается в разработке и использовании формализованных параметров описания языковых единиц и их специфики. «Метод предполагает две принципиальные исследовательские описательные процедуры – индексация параметров и аспектов и шкалирование выявленных различий. Через систему представленных в виде индексов формализованных параметров и шкал сопоставительно-параметрический метод дает возможность лингвистам делать объективные выводы о степени выраженности того или иного языкового явления в языке или проявлении национальной специфики и давать выявленным различиям качественную характеристику» [Стернина 2015, с. 92].

Психолингвистическое исследование структуры семантики антропонима позволяет выделить следующие параметрические показатели:

1. Степень (уровень) освоенности слова (индекс освоенности слова)
2. Степень выраженности оценочности слова (индекс общей оценочности слова)
3. Тип ядра (сильное ядро, слабое ядро)
4. Степень авторитетности лица, названного антропонимом (индекс авторитетности лица)
5. Степень семантической близости антропонимов (индекс семантической близости слов)

✓ *Степень освоенности слова*

Психолингвистическое описание семантики имени собственного позволяет определить степень освоенности слова с помощью индекса освоенности и индекса неосвоенности значения слова.

Индекс освоенности семантики слова выступает как числовой показатель освоенности языковой единицы языковым сознанием носителей языка (количественный показатель наличия ассоциативных связей стимула-антропонима с другими единицами языка).

Индекс освоенности семантики слова вычисляется как отношение «ненулевых» ассоциатов к общему количеству опрошенных (нулевые ответы – отказы). Ассоциаты, вербализующие ложные семантические признаки, и ассоциаты, не интерпретированные исследователем, относятся

к освоенным, так как являются частью языкового сознания носителей языка. Например, индекс освоенности имени: ЕСЕНИН – 0,99; МАЦУЕВ – 0,41.

Индекс освоенности слова, с одной стороны, свидетельствует о сформированности в языковом сознании носителей языка знаний о личности известного лица, с другой – об имеющихся в сознании испытуемых ассоциативных и иных связях имени с другими языковыми единицами.

Для обобщенного описания результатов исследования степени освоенности семантики антропонимов и дальнейшего сопоставления с результатами других семантических описаний используется универсальная шкала, представленная ранее (Таблица 1).

Шкалирование позволяет разделить изученные антропонимы на группы по степени освоенности семантики: 1) антропонимы с гипервысокой степенью освоенности семантики: БЕЗРУКОВ, БРЕЖНЕВ, ГАГАРИН, ГОГОЛЬ, ДАРВИН, ДЖЕКИ ЧАН, ЕКАТЕРИНА II, ЕСЕНИН и др.; 2) антропонимы с высокой степенью освоенности семантики: АНДРОПОВ, АХМАТОВА, ВАН ГОГ, ДАЛИ, ДЖИМ КЕРРИ, ДИОР, НИЦШЕ и др.; 3) антропонимы со средней степенью освоенности семантики: ДИОГЕН, КРУПСКАЯ, РАЙКИН, САРКОЗИ, СПЕРАНСКИЙ; 4) антропонимы с невысокой степенью освоенности семантики: АРАКЧЕЕВ, ГРЕБЕНЩИКОВ, МАЦУЕВ, САРТР.

Антропонимы, имеющие очень низкую и «нулевую» степени освоенности семантики слова, не отмечены.

Шкалирование позволяет определить, какие антропонимы хорошо освоены языковым сознанием носителей языка, разработать методики по освоению семантического содержания и дать рекомендации для преподавателей русского языка как иностранного и др.

✓ *Степень выраженности оценочности слова*

При анализе семантики антропонима возможно определение степени выраженности оценочности слова. Оценочность слова определяется не по семантическим признакам с оценочным компонентом, а по ассоциативным реакциям с оценочной составляющей.

Количественный показатель оценочных реакций в структуре ассоциативного поля стимула-антропонима позволяет определить *индекс общей оценочности слова*. Указанный индекс вычисляется как отношение количества оценочных реакций (позитивно-оценочных и отрицательно-оценочных) к общему количеству опрошенных, например, индекс общей оценочности антропонимов: КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ – 0,24; РЫЛЕЕВ – 0,07.

Для обобщенного описания степени выраженности общей оценочности антропонимов используется шкала, приведенная ранее (Таблица 2).

Согласно данной шкале лексема ЕЛЪЦИН имеет ярко выраженную степень оценочности; антропонимы АБРАМОВИЧ, АЙВАЗОВСКИЙ, АХМАТОВА, БЕЗРУКОВ, ВАН ГОГ, ГАГАРИН, ДЖЕКИ ЧАН, ЕКАТЕРИНА II, ЗАЙЦЕВ – заметно выраженную степень оценочности; антропонимы АНДРОПОВ, АРАКЧЕЕВ, БЕТХОВЕН, БРЕЖНЕВ, БРЭДБЕРИ, ДАЛИ, ДАРВИН, ДЖИМ КЕРРИ, ДИОГЕН, ЕСЕНИН, ИСИНБАЕВА – слабо выраженную степень оценочности слова; антропонимы ГРЕБЕНЩИКОВ, ДИОР, КАБАЕВА, РЫЛЕЕВ характеризуются отсутствием оценочности.

Можно определить *индекс общей позитивной оценки семантики антропонима* и *индекс общей негативной оценки семантики антропонима*.

Данные индексы высчитываются как отношение всех реакций с позитивным (или негативным) оценочным компонентом к общему количеству опрошенных (например, индекс общей позитивной оценки семантики слова антропонима ЕКАТЕРИНА II – 0,18, индекс общей негативной оценки – 0,05). Данные индексы позволяют определить превалирующую оценочность слова, а также дают возможность сравнивать разные антропонимы между собой. У антропонима ЕКАТЕРИНА II позитивная оценка почти в 4 раза выше, чем негативная. Сравнение индексов оценки антропонимов АНДРОПОВ и БРЕЖНЕВ показывает, что их оценочность не совпадает: индекс позитивной оценки у имени БРЕЖНЕВ в 2 раза выше, чем у антропонима АНДРОПОВ, а индекс негативной оценки – в 2 раза ниже, что позволяет сделать вывод о том, что антропоним БРЕЖНЕВ в языковом сознании носителей языка воспринимается более позитивно, чем имя АНДРОПОВ.

✓ *Тип ядра*

В соответствии с полемым принципом описания семантики слова в семантической структуре антропонима выделяют ядерную часть значения (семантическое ядро) и периферийную часть (ближнюю, дальнюю и крайнюю). Отнесенность к ядерной или периферийной части семемы определяется индексом яркости семы (степенью яркости признака в семантической структуре антропонима) в соответствии со следующей шкалой (Таблица 3).

**Шкала определения
полевого статуса семы в семантической структуре антропонима**

Полевой статус семы	Показатель индекса яркости семы
ядерная сема	$\geq 0,20$
семь ближней периферии	0,10-0,19
семь дальней периферии	0,05-0,09
семь крайней периферии	$\leq 0,04$

В соответствии с приведенными показателями в семантической структуре антропонима БЕТХОВЕН выделяются следующие зоны: 1) ядерная часть – *композитор 0,34*; 2) периферийная зона: а) ближняя периферия отсутствует; б) дальняя периферия – *музыкант 0,09*; *глухой 0,06*; в) крайняя периферия – *великий 0,04*; *талантливый 0,03*; *известный 0,03*; *представитель классического направления 0,02*; *восхищает 0,02*; *его имя – Людвиг ван 0,02*; *автор «Лунной сонаты» 0,01*; *умер 0,01* и др. Однако были отмечены антропонимы, в которых индекс яркости самого частотного признака не превышал 0,10 (КАБАЕВА – *спортсменка 0,09*; *гимнастка 0,08*).

Возникает вопрос: можно ли считать, что у семемы отсутствует ядро? На данный момент этот вопрос является дискуссионным и требует отдельного исследования. Теоретически такая ситуация возможна, но экспериментальные данные, которыми мы располагаем, этого не подтверждают. Считаем, что можно утверждать, что семантическая структура лишена ядра только в том случае, если наиболее яркие семы имеют индекс яркости не более 0,05 и не противопоставляют или слабо противопоставляют данное значение другим, существующим в системе языка.

Для описания иных случаев представляется целесообразным ввести такие понятия, как *слабое ядро* и *сильное ядро*.

Сильное ядро образуют постоянные, яркие, часто актуализируемые семантические компоненты. Семь сильного ядра ярко противопоставляют значение другим значениям в системе языка. Индекс яркости семантических компонентов, составляющих сильное ядро, должен составлять не менее 0,20. Разрыв между индексами яркости ядерных сем и периферийных компонентов (ближней периферии) обычно составляет не менее пяти пунктов. Например,

БАХ. Ядерная часть – *композитор 0,36*. Периферийная часть – *музыкант 0,10*; *великий 0,05*, *представитель классического направления в музыке 0,03*; *талантливый 0,03* и др.

ВАН ГОГ. Ядерная часть – *художник 0,33*. Периферийная часть – *отрезал себе часть уха 0,09*; *неординарный 0,03*; *великий 0,02*, *талантливый 0,02*; *известный 0,02* и др.

В семантической структуре антропонимов ядерные семы представлены архисемами (*поэт, художник, российская императрица, композитор, парфюмер* и др.), однако встречаются и дифференциальные семы в роли ядерных (БРЕЖНЕВ – дифференциальные семы *с густыми бровями 0,20, известен любовью к троекратным поцелуям 0,20, архисема генеральный секретарь ЦК КПСС 0,05*).

Слабое ядро также образуют постоянные, достаточно часто актуализируемые компоненты, но с меньшим показателем яркости признака. Необходимо отметить, что слабым ядро нередко становится из-за большого количества отказов на соответствующий стимул (например, индекс неактуальности / отказов на стимул АРАКЧЕЕВ равен 0,57).

Слабое ядро нередко бывает *диффузным*. При диффузном ядре наблюдается плавный переход от ядерных семантических компонентов к семантическим компонентам ближней периферии. Диффузное ядро представлено в семантической структуре имени собственного АРАКЧЕЕВ: *военный министр 0,06; государственный деятель 0,04; политик 0,03; реформатор 0,03; финансист 0,02* и др. В семантической структуре семемы отсутствуют семы с индексом яркости 0,10 и выше. Между наиболее частотным признаком *военный министр 0,06* и менее частотными *государственный деятель 0,04, политик 0,03, реформатор 0,03* нет существенного разрыва, что свидетельствует о диффузной природе ядра антропонима.

Для антропонима КАБАЕВА свойственно слабое, но не диффузное ядро: разрыв между ядерными и периферийными семантическими признаками присутствует (*спортсменка 0,09; гимнастка 0,08 и гибкая 0,03; ее имя часто связывают с Путиным 0,02*).

Таким образом, термины *сильное ядро* и *слабое ядро*, действительно, являются реальностью семантики имени собственного.

✓ *Степень авторитетности лица*

При психолингвистическом исследовании семантики антропонима возможно выявление и описание *степени авторитетности*. Психолингвистический эксперимент позволяет установить, какие личности являются наиболее авторитетными для языкового сознания носителей языка. Выделяются следующие параметры авторитетности:

1) очень высокий или высокий уровень освоенности: авторитетное лицо должно знать подавляющее большинство носителей языка;

2) наличие особых сем, свидетельствующих об общественном признании, об уважительном отношении носителей языка к лицу; это семы типа *великий, мудрый, прославленный, уважаемый, умный* и т. п.;

3) преимущественно положительная оценка имени: в ассоциативном поле авторитетного имени должно быть заметным преобладание положительных реакций над отрицательными.

Приведем примеры личностей, которые, с точки зрения респондентов, являются авторитетными и неавторитетными.

ЕКАТЕРИНА П. Авторитетное лицо

Очень высокая степень освоенности слова – индекс освоенности 0,95

Наличие сем «авторитетности»: выдающаяся правительница 0,11; имела просветительские взгляды 0,04, умная 0,01; *менее 0,01*: мудрая, дальновидная, талантливая

Заметная степень выраженности положительной оценки (одобрительное 0,18; неодобрительное 0,05)

НЕКРАСОВ. Малоавторитетное лицо

Высокая степень освоенности слова – индекс освоенности 0,82

Небольшое количество сем «авторитетности»: великий 0,02; умный 0,02; *менее 0,01*: талантливый; уважаемый

Низкая степень выраженности положительной оценки (одобрительное 0,08; неодобрительное 0)

Представляется возможным определить *индекс авторитетности лица*. Он вычисляется как отношение количества реакций, свидетельствующих об уважительном отношении к лицу, к общему количеству полученных реакций. Например,

МАРИЯ КЮРИ. Индекс авторитетности антропонима 0,19

Ассоциаты, свидетельствующие об авторитетности лица для языкового сознания носителей языка, бб: *умная 37; талантливый 2; Нобелевская премия 2; гениальная, внесла в физику большой вклад, получает Нобелевскую, героиня, женщина в науке* и др.

ЗАЙЦЕВ. Индекс авторитетности антропонима 0

Ассоциаты, свидетельствующие об авторитетности лица для языкового сознания носителей языка, отсутствуют

ИСИНБАЕВА. Индекс авторитетности антропонима 0,03

Ассоциаты, свидетельствующие об авторитетности лица для языкового сознания носителей языка, б: *известная 2, великая, талантливая, вносит вклад в спортивное развитие, защищает честь страны*

✓ *Степень семантической близости антропонимов*

Психолингвистическое описание семантики собственных имен дает возможность сопоставить антропонимы и выделить дифференциальные семантические признаки, различающие их в языковом сознании носителей языка. Например, можно сравнить психолингвистическое значение имен двух и более личностей одной сферы деятельности, например: политиков одной или близких эпох (БРЕЖНЕВ – АНДРОПОВ – ГОРБАЧЕВ, СТАЛИН – ЛЕНИН, ПУТИН – МЕДВЕДЕВ); исторических деятелей (МАКЕДОНСКИЙ – ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, ПЕТР I – ЕКАТЕРИНА П, АЛЕКСАНДР I – НИКОЛАЙ II); деятелей культуры (БЕЗРУКОВ – МАКОВЕЦКИЙ, МИХАЛКОВ – ЧУХРАЙ); деятелей искусства (МОЦАРТ – САЛЬЕРИ, ПАВЛОВА – ДУНКАН, ЕСЕНИН – МАЯКОВСКИЙ; ПУШКИН – ЛЕРМОНТОВ); ученых (ДАРВИН – ЛОМОНОСОВ) и др.

Психолингвистическое описание семантики имени собственного позволяет определить степень семантического сходства и различия антропонимов. При сопоставлении можно использовать такие параметры, как: количество сем; количество общих сем; степень освоенности значения слова языковым сознанием носителя языка; тип ядра (сильное, слабое); индекс авторитетности имени; индекс семантической близости имен; степень выраженности общей оценочности имени; вызываемая эмоция и др.

Можно указать следующие критерии близости имен собственных:

1) нет ярко выраженного разрыва между количеством семантических компонентов, входящих в структуру первого имени, и количеством семантических компонентов, входящих в структуру второго имени;

2) семантическая структура имен включает в свой состав общие семы;

3) сравниваемые имена имеют одинаковую или близкую степень освоенности семантики слова;

4) тип ядра совпадает;

5) индекс семантической близости имен – более 0,50;

6) сравниваемые имена имеют сходный индекс авторитетности лица;

7) в семантической структуре имен отмечается сходная оценочность (преимущественно положительная, преимущественно отрицательная, нейтральная);

8) имена вызывают сходные эмоции.

Покажем способ определения семантической близости на примере антропонимов БЕТХОВЕН и БАХ (Таблица 4).

Таблица 4

Сопоставление семантической близости слов БЕТХОВЕН и БАХ

Параметры сопоставления	БЕТХОВЕН 600	БАХ 600
количество сем	44	54
количество общих сем	23	
тип ядра	сильное ядро	сильное ядро
степень освоенности значения слова	высокая 0,80	высокая 0,85
индекс авторитетности имени	0,14	0,13
индекс семантической близости имен	0,67	
степень выраженности общей оценочности имени	слабо выраженная положительная	заметно выраженная положительная
вызываемая эмоция	восхищение	восхищение

Для определения *индекса семантической близости* сравниваемых слов был использован коэффициент пересечения Диза (К):

$$K = N_{1,2} / \sqrt{2N_1 \cdot 2N_2},$$

где $N_{1,2}$ – количество реакций, актуализирующих одни и те же семы, N_1 – число реакций на первый стимул, N_2 – число реакций на второй

стимул. В данном случае $N_{1,2} = 804$. На каждый стимул было получено 600 реакций. Для исследуемых антропонимов $K = 0,67$.

О близости семантики имен свидетельствует также наличие пересекающихся ложных сем: БЕТХОВЕН – слепой; БАХ – глухой.

Анализ всех параметров сопоставления показывает, что семантика антропонимов БЕТХОВЕН И БАХ характеризуется высокой степенью семантической близости имен.

Необходимо отметить, что при исследовании антропонимов сходной семантики речь идет только о семантической близости исследуемых имен, а не об их синонимии. Высокий уровень семантической близости может приводить к смешению данных имен в языковом сознании носителей языка.

Психолингвистическое описание семантики топонимов

Психолингвистическое описание семантики топонимов также имеет свою специфику. Продемонстрируем методику описания их семантики на примере двух видов топонимов: 1) наименований стран и городов (ойконимов, в дальнейшем – собственно топонимов) – 20 языковых единиц: *БОРИСОГЛЕБСК, ВОЛГОГРАД, ВОРОНЕЖ, ЛИПЕЦК, ЛОНДОН, МОСКВА, НЬЮ-ЙОРК, ИТАЛИЯ, МЕКСИКА* и др.; 2) наименований водоемов (в дальнейшем – гидронимов) – 8 единиц: *АМАЗОНКА, БАЙКАЛ, ВОЛГА, ВОРОНА, ДОН, ЕНИСЕЙ, КОТОРОСЛЬ, НИЛ*.

В качестве материала исследования были использованы данные, размещенные в электронной базе экспериментальных данных БАРЕКСИС-1, – результаты свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в период с 2005 по 2018 гг.

Была осуществлена семантическая интерпретация ассоциативных полей. Каждый ассоциат интерпретировался как вербализация конкретного семантического признака слова-стимула по методике, представленной в Главе I. Описание психолингвистического значения топонимов и гидронимов, как и антропонимов, осуществлялось по модели, описанной ранее.

Денотативный макрокомпонент значения топонимов и гидронимов представлен признаковой и реляционной частями.

В признаковую часть входят архисемы и дифференциальные семы. В качестве архисемы топонимов и гидронимов выступает соответствующий классифицирующий признак – «*вид топонима*» (государство, город и др.) и «*вид гидронима*» (река, озеро, океан и др.). Может указываться статус населенного пункта – «столица». Ассоциаты типа *населенный пункт, водоем* при семантической интерпретации считаются частью семантического компонента соответствующих сем.

Как и у антропонимов, архисемы топонимов и гидронимов обычно имеют высокий индекс яркости, денотативные дифференциальные семы отличаются невысокими показателями. Например,

АМАЗОНКА

1. Река в Южной Америке. *Архисема*: река **0,15**. *Дифференциальные семы*: протекает в Южной Америке 0,10; протекает в джунглях 0,09; берега населяют дикие племена 0,04; в ней обитают крокодилы 0,04, в ней обитают пираньи 0,03; самая большая 0,02; вдоль берегов живут анаконды 0,02, протекает по территории Бразилии 0,02; известен миф о жизни амазонок вдоль реки 0,02 и др.

2. Женщина-воин. *Архисема*: женщина **0,24**. *Дифференциальные семы*: представительница дикого народа 0,03; воительница 0,02; является персонажем фильмов 0,02; ездила на коне 0,01; мужественная 0,01, красивая 0,01, сексуальная 0,01, ненавидит мужчин 0,01 и др.

Отмечены примеры, в которых индекс яркости архисемы примерно равен индексу яркости дифференциальной семы или намного ниже его:

НИЛ. *Архисема*: река 0,18. *Дифференциальные семы*: протекает по территории Египта **0,33**; в ней обитают крокодилы **0,16**; протекает на востоке Африки **0,14**.

Архисема имени собственного, не вербализованная в эксперименте, формулируется исследователем и записывается в квадратных скобках, например, ГЕРМАНИЯ – [государство]; МЕХИКО – [Город].

Дифференциальные семы денотативного макрокомпонента топонимов и гидронимов имеют ярко выраженную параметрическую специфику. Некоторые семантические параметры описания топонимов и гидронимов совпадают, однако отмечены и специфичные для каждого вида параметры описания психолингвистического значения слова.

Перечислим **общие для топонимов и гидронимов семантические параметры**:

✓ **«локация»** (географическое и административное месторасположение): ЛИПЕЦК – находится в России, находится недалеко от Воронежа; НОРВЕГИЯ – государство в Северной Европе; БАЙКАЛ – находится в России; протекает в Сибири, недалеко от Иркутска;

✓ **«составные части объекта»**: ИТАЛИЯ – включает города Милан, Венеция, Тоскана; ЛОНДОН – включает деловую часть города Сити; НИЛ – имеет притоки «Голубой Нил» и «Белый Нил»; ВОРОНА – имеет притоки;

✓ **«физические характеристики»** (величина, протяженность и др.): МОСКВА – большая; ВОРОНА – мелкая; АМАЗОНКА – самая большая; длинная, имеет большую дельту, глубокая, широкая, полноводная;

✓ **«качественные характеристики»** (чистота, степень озеленения, уровень жизни и др.): ШВЕЙЦАРИЯ – страна с высоким уровнем жизни, есть горнолыжные курорты; АМАЗОНКА – с водопадами и островами, таинственная, с чистой водой;

✓ **«обитатели (население)»**: СИРИЯ – основное население – сирийцы, мужчины носят бороду, традиционная одежда женщин-мусульманок – хиджаб; БАЙКАЛ – в нем водятся кальмары; ВОЛГА – в ней водится рыба; АМАЗОНКА – берега населяют дикие племена; рядом живут индейцы;

✓ **«эстетическая оценка»**: ЛОНДОН – красивый; ИТАЛИЯ – красивая; КОТОРОСЛЬ – красивая; ДОН – красивый;

✓ **«степень опасности»**: БРАЗИЛИЯ – с высоким уровнем преступности; АМАЗОНКА – опасная; ЕНИСЕЙ – опасный;

✓ **«общественная значимость»**: ЕГИПЕТ – является туристической зоной; ШВЕЙЦАРИЯ – соблюдает нейтралитет в конфликтных ситуациях; ВОЛГА – является главной артерией страны; НИЛ – кормит Египет;

✓ **«символическая актуализация»**: ФРАНЦИЯ – символ романтики; ШВЕЙЦАРИЯ – символ надежности; БРАЗИЛИЯ – ассоциируется с весельем; ДОН – ассоциируется с вольным духом;

✓ **«однопорядковые объекты»**: ЛОНДОН – стоит в одном ряду с Парижем (т.е. тоже является столицей государства); ШВЕЙЦАРИЯ – стоит в одном ряду со Швецией; ДОН – стоит в одном ряду с Миссисипи, с Ниагарой; НИЛ – находится в одном ряду с реками Дон, Евфрат.

✓ **«вхождение в состав другого объекта»**: МЕКСИКА – является частью Латинской Америки; ВОРОНА – является притоком Хопра; КОТОРОСЛЬ – является притоком Волги;

✓ **«природные условия»**: ЛОНДОН – с влажным климатом; НОРВЕГИЯ – отличается холодным климатом, есть фьорды, много рек, лесов, преобладает горная местность; БАЙКАЛ – рядом обитают медведи; АМАЗОНКА – рядом обитают жирафы и зебры; вдоль берегов растут лотосы, пальмы, папайя;

✓ **«исторические реалии»**: ЛОНДОН – в нем ездили омнибусы; ЕГИПЕТ – правителем древнего Египта являлся фараон, священным животным является кошка; ВОЛГА – раньше по ней ходили бурлаки; НИЛ – являлся центром цивилизации Древнего Египта; ДОН – являлся местом Куликовской битвы; являлся местом битвы во время Великой Отечественной войны под Воронежем;

✓ **«связь с носителем языка»**: БОРИСОГЛЕБСК – незнакомо мне, там живут мои знакомые; ВОЛГА – является родиной; ЕНИСЕЙ – незнаком мне;

✓ **«достопримечательности/материальные объекты»**: ЛОНДОН – в нем находятся Биг-Бен, резиденция королевы Елизаветы II, Тауэр;

Букингемский дворец, Вестминстерское аббатство, Тауэрский мост; Альберт-холл, колесо «Лондонский глаз», музей восковых фигур мадам Тюссо, Трафальгарская площадь; МЕКСИКА – там находятся пирамиды Майя; БАЙКАЛ – через него построены мосты; на его берегах есть пляжи; рядом с ним целлюлозное производство.

Только у топонимов выделяются такие параметры, как:

✓ **«государственные символы»** (флаг, герб, гимн и др.): ШВЕЙЦАРИЯ – на флаге изображен крест; БРАЗИЛИЯ – имеет государственный флаг желтого цвета с синим кругом;

✓ **«управляющее лицо, глава»**: ГЕРМАНИЯ – возглавляется федеральным канцлером Ангелой Меркель;

✓ **«производимая продукция»**: ШВЕЙЦАРИЯ – является местом производства часов, шоколада, сыра; ФРАНЦИЯ – является местом изготовления круассанов, производства французского багета, вина;

✓ **«отличительный признак»**: ЛОНДОН – двухэтажные красные автобусы; НОРВЕГИЯ – узкие извилистые морские заливы ледникового происхождения фьорды; ЕГИПЕТ – египетский крест «анх»;

✓ **«традиции»**: ЛОНДОН – известны традиции – «английский чай», «английский завтрак»; ИТАЛИЯ – традиционные национальные блюда – пицца, паста;

✓ **«важные события»**: ГЕРМАНИЯ – ежегодно проходит фестиваль Октябрь Фест; БРАЗИЛИЯ – ежегодно проходит карнавал с танцами; в 2014 году проходил чемпионат мира по футболу;

Только в структуре значения гидронимов был выделен семантический параметр: **«мифы, версии, слухи»**: ЕНИСЕЙ – известна легенда о дочери Байкала Ангаре и богатыре Енисее; АМАЗОНКА – известен миф о золотых россыпях Эльдорадо; ДОН – в древнегреческой культуре назывался Танаис.

Возможно выделение и других параметров признаковой части денотативного макрокомпонента топонимов и гидронимов.

Реляционная часть денотативного макрокомпонента представлена ассоциатами, характеризующими внешние связи топонимов и гидронимов.

✓ **«симилятивные связи»**: ЛОНДОН – то же, что «город туманов», Туманный Альбион; МОСКВА – то же, что столица России; НЬЮ-ЙОРК – тоже, что «большое яблоко»; НИЛ – то же, что река жизни;

✓ **«актуализация прецедентных текстов»**: ВОЛГА – известна песня, исполненная Зыкиной; известна картина И.Е. Репина «Бурлаки на Волге»; ЛОНДОН – изображен в фильме «На игле»; БРАЗИЛИЯ – известна песня «Бразилия – Аррива»; АМАЗОНКА – известна песня С. Никитина «На далекой Амазонке...»; НИЛ – упоминается в стихотворении К. Чуковского «Бармалей»; ДОН – изображен в романе М. Шолохова «Тихий Дон»; изображен в «Донских рассказах» М. Шолохова;

✓ **«актуализация устойчивых выражений»:** ВОЛГА – известно выражение «Волга-магушка»; ДОН – в народе называется «Дон-батюшка», «Дон-дедушка».

Коннотативный макрокомпонент психолингвистического значения представлен оценочными и эмоциональными семами.

Оценочность и эмоциональность семем топонимов и гидронимов описываются по ассоциативным реакциям.

Все ассоциаты, вербализующие семему, распределяются на группы: 1) *неоценочное, неодобрительное, одобрительное*; 2) *неэмоциональное, отрицательно-эмоциональное, положительно-эмоциональное*. Например,

ВОЛГА. 1. Река. Одобрительное 0,02; неодобрительное 0,01. Неэмоциональное. СИЯ 0,91. 2. Автомобиль «Волга». Неоценочное. Неэмоциональное. СИЯ 0,09.

Могут быть указаны конкретные чувства и эмоции:

СИРИЯ – вызывает чувство страха; НЬЮ-ЙОРК – вызывает желание посетить; БАЙКАЛ – хочется на нем побывать; ДОН – вызывает ужас, нравится.

Метаязыковой макрокомпонент психолингвистического значения представлен метаязыковыми семами, указывающими на языковые характеристики слова-стимула (происхождение названия, близость фонетического облика, способ произношения и др.), например, ШВЕЙЦАРИЯ – название похоже на слова «Швеция»; КОТОРОСЛЬ – название похоже на слова «поросль», «недоросль»; ударение падает на первый слог.

При анализе психолингвистических значений гидронимов и топонимов важным является личный аспект – личная осведомленность (*знаю, где это, был там – не знаю, не был, там родственники, друзья и др.*), возрастные и гендерные различия носителей языка влияют меньше.

Создание списка семантических параметров, типичных для каждой группы, позволяет упорядочить и унифицировать описание семантики собственных имен; выявить «заполненные» и оставшиеся невербализованными части семантики слова; сравнить по количественным показателям наполнение каждого параметра топонимов и гидронимов и др.

Анализ семантем топонимов и гидронимов показывает, что большинство топонимов относятся к односемным единицам. Это, скорее всего, связано с тем, что названия стран и городов редко используются для наименования иных объектов. В нашем исследовании из 20 топонимов 19 слов односемны. Из двух семем состоит семантема топонима БОРИСОГЛЕБСК – 1. Город в Воронежской области. 2. Поселок в Ярославской области. Слова ВОРОНЕЖ и МОСКВА потенциально имеют вторую семему «река», которая в анализируемых нами экспериментальных данных не вербализована.

Несколько иное дело – гидронимы. Из восьми наименований семь имеют две и более семемы (кроме гидронима КОТОРОСЛЬ). Приведем некоторые примеры: БАЙКАЛ – 2. Напиток. СИЯ 0,23; НИЛ – 2. Имя американского астронавта Армстронга. СИЯ менее 0,01.

Наиболее актуальной для языкового сознания носителей языка в составе гидронима является семема «водоем», только у слова ВОРОНА более яркой для испытуемых оказалась сема «птица» (почти в 3 раза).

В семантической структуре топонимов и гидронимов выделяются семантические компоненты, которые не соответствуют действительности – *ложные семы*:

- ШВЕЙЦАРИЯ: известен литературный герой швейцарского автора – Карлсон 0,02 (автор – шведская писательница Астрид Линдгрэн); жители носят клетчатые юбки, граничит с Австралией (граничит с Австрией);

- АМАЗОНКА: находится в Африке 0,03; протекает в Северной Америке (в Южной Америке);

- НИЛ: холодный, протекает в Индии (протекает на востоке Африки).

Контаминированное значение отмечено только у слова ЕНИСЕЙ, фонетический облик которого в языковом сознании носителей языка сближается с другим именем собственным – антропонимом ЕЛИСЕЙ.

Для исследования семантики топонимов и гидронимов, их сопоставления также может быть использован сопоставительно-параметрический метод. Процедура его использования подробно описана ранее на примере антропонимов.

Возможны и другие аспекты исследования психолингвистического значения топонимов, например, изучение семантических различий у имен, обозначающих один и тот же объект: РОССИЯ – РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ – РАСЕЯ – РУСЬ – РАША – РАШКА; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ЛЕНИНГРАД – ПЕТЕРБУРГ – ПИТЕР – ПЕТРОГРАД; БОРИСОГЛЕБСК – БЭБСК – ГОРОД БОРИСА И ГЛЕБА; ВЛАДИВОСТОК – ВЛАДИК и др. Такая работа проводится под руководством И.А. Стернина в рамках диссертационного исследования Е.А. Дьяконовой [Дьяконова 2018, 2020, 2022]. Выявляются параметры описания синонимичных имен, делаются выводы о том, что названия одного и того же города, страны в содержательном отношении по-разному представлены в языковом сознании носителей языка.

Подобные исследования имеют прикладной характер. Изучение психолингвистического значения имен одного и того же объекта (например, имен, появляющихся при переименовании населенных пунктов, улиц и др.) позволяет выявить семантические признаки, актуальные для языкового сознания носителей языка, эмоционально-оценочную составляющую имен и дать рекомендации по использованию имени собственного.

Психолингвистическими методами можно описывать семантику и других групп собственных имен.

2.2. Психолингвистическая дифференциация близких по значению языковых единиц

В современной лингвистике большую актуальность приобретают исследования близости /общности значения слов [Акимова 2002; Белов 2016; Бережан 1973; Васильев 1990; Гольдберг 2000; Денисов 2000; Покровская 1999; Поликарпов 1998; Семенова 2002; Федосов 2002; Фомина 2004; Черняк 2007; Шумилова 2009; Яковлева 1994 и др.]. Исследователи на основе общего критерия близости или сходства предлагают собственное видение смысловой близости значений.

В истории изучения синонимии выделяются два крупных направления: системоцентризм и антропоцентризм. «Для периода системно-структурного языкознания характерно понимание синонимии как лексико-семантической категории, в которую объединяются слова одной и той же части речи на основе тождества или сходства их лексического значения. Объединения слов-синонимов рассматриваются как синонимические ряды, имеющие вертикальную иерархическую организацию, выстроенную профессиональным лингвистом. По отношению к определению границ между синонимическими рядами действовала тенденция установления четко обозначенных, жестких границ, позволяющих дифференцировать один синонимический ряд от другого» [Дударева 2012, с. 9].

Например, Ю.Д. Апресян указывал на наличие абсолютного смыслового тождества лексем, которая обычно представлена терминологической и иной лексикой: *лингвистика – языкознание – языковедение; китаистика – синология, акцент – ударение, база – фундамент* и др. Были выделены три критерия точной синонимии или абсолютного тождества: совпадение толкований, количественное совпадение сочетаемости и принадлежность к одной и той же части речи [Апресян 1995]. В лингвистической литературе такие близкие по значению слова терминологически обозначены как «абсолютные синонимы», «полные синонимы», «точные синонимы», «эквивалентные слова», «дуплеты» и др. Лексикографическим показателем точной синонимии считается формулировка «то же, что...».

Другой тип синонимии связан с существующим в лингвистической науке мнением о том, что в системе языка близость значения слов практически не проявляется в «чистом» виде. Это связано с преобладанием комбинации разных факторов и широким диапазоном переходных и пограничных случаев общности значений лексем. Для обозначения

подобных неточных синонимов используется термин «квазисиноним». Квазисинонимы характеризуются неполным совпадением толкований, количественным совпадением сочетаемости и принадлежностью к одной и той же части речи: *теплый – горячий – жаркий; миловидный – красивый – прекрасный; нести – тащить* и др. [Апресян 1995; Брагина 1976; Лебедева 2002]. Также явление квазисинонимии связано и с многозначностью, так как лексемы могут одновременно входить в несколько групп общих по значению слов.

Позднее появились работы, которые при исследовании близости семантики слов предполагают выход за пределы предметно-понятийного содержания и обращение к психологическим, психолингвистическим и экстралингвистическим средствам при рассмотрении семантики синонимов.

Анализируя примеры расхождения между лингвистической трактовкой синонимии и антонимии и суждениями носителей языка, а также данные экспериментальных исследований, А.А. Залевская вводит понятия симиларов и оппозитивов как слов, субъективно переживаемых как равнозначные или противоположные по значению, например, *молодой – юноша, круглый – квадрат, идти – пешеход* [Залевская 1978]. При таком подходе критерий отнесенности к одной части речи для слов, близких по семантике, снимается.

Первые попытки экспериментальных исследований слов, близких и противоположных по значению, относятся к концу XX в., затем таких работ становится все больше [Белов 2020; Виноградова 1981; Лебедева 1991; Медведева 1981 и др.]. Изучение отдельных аспектов семантики близких по значению слов в индивидуальном сознании носителей русского языка позволило исследователям сделать вывод о том, что для носителей языка существует более широкий круг пар или групп слов, идентифицируемых как близкие или идентичные, чем те, которые зарегистрированы в имеющихся словарях синонимов. В частности, в исследовании С.В. Лебедевой вводится понятие проксонима, под которым понимается «любая языковая единица, сигнализирующая близость слов “здесь и сейчас” (выявляется с помощью экспериментальных методик для установления близости значения слов в речевой организации человека)» [Лебедева 2002, с. 9]. В работе С.В. Лебедевой приводится комплексная методика по определению степени близости семантики синонимических рядов (учитываются данные свободного и направленного ассоциативных экспериментов, данные метода субъективных дефиниций и метода субъективного шкалирования).

Определение степени семантической близости номинативных единиц, имеющих сходное значение, с помощью методики полипропозиционального анализа их ассоциативных полей было целью диссертационного исследования Я.Н. Дударевой [Дударева 2012]. В работе

было убедительно показано, что для языкового сознания не существует абсолютных синонимов. По мнению исследователя, слова с близким значением имеют ассоциативные поля, не накладывающиеся друг на друга. В то же время лексемы, оказавшиеся в традиционных словарях синонимов русского языка З.Е. Александровой, А.П. Евгеньевой в разных синонимических рядах (например, *лентяй* и *бездельник*), являются с позиции носителей языка в высокой степени ассоциативно близкими. Подобные наблюдения позволили Я.Н. Дударевой выдвинуть гипотезу о том, что различие значений семантически близких языковых знаков проявляется не на уровне понятийного слоя семантики, а на более глубинном ее срезе, образуемом сплавом коммуникативно-речевых, лингвокультурных, синтагматических признаков, с большой долей субъективно-личностных (интерпретационных) смыслов, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний [Дударева 2012].

Проблемы, связанные с описанием сходных по семантике слов, рассматриваются и в работе О.И. Недоступа. Одна из задач, поставленных в работе исследователя, – проанализировать результаты психолингвистического эксперимента, который направлен на выявление различий в семантике синонимических единиц, а также на выявление актуализированных в эксперименте дополнительных смыслов, не отраженных в словарях и не зафиксированных в речевой практике [Недоступ 2011].

Отметим также работы членов проблемной группы Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, посвященные вопросам психолингвистического описания синонимов [Акованцева 2012; Вальтер 2016; Козельская 2015; Репникова 2013; Стернин 2015 и др.].

В толковых словарях синонимичные единицы обычно рассматриваются на семемном уровне (без дифференциации на семные компоненты). Поэтому многие синонимы достаточно часто толкуются один через другой, что создает впечатление их полного смыслового совпадения (например, лексемы *презрение* и *пренебрежение*). В результате носитель языка после обращения к словарю не «видит» семантических различий между ними, что приводит к стилистическим и иным ошибкам в его речи.

Отсутствие единых критериев, служащих для объединения в синонимические ряды языковых единиц, тоже приводит к противоречивости их представления в словарях и языковом сознании носителей языка: встречаются случаи, когда по данным словарей лексемы не являются синонимами, а в языковом сознании носителей языка они таковыми ощущаются (речь идет не о контекстуальных синонимах), в речи

они часто заменяют друг друга (например, лексемы *жмот* и *жлоб* в языковом сознании воспринимаются как синонимы в значении «жадный человек»); в словарях лексемы указаны как синонимичные, а в языковом сознании таковыми не являются (например, слово *абитуриент* в языковом сознании не является синонимом слова *выпускник*).

В синонимических словарях дифференциальные признаки синонимов обычно представлены весьма скупо; не все слова синонимического ряда дифференцируются по семантике. Иногда традиционные методы компонентного анализа словарной дефиниции не позволяют дифференцировать значение синонимов. Кроме того, слова, входящие в синонимические ряды, часто в системе языка оказываются многозначными, что требует уточнения, в каких значениях они синонимичны тому или иному слову, а в каких – нет.

Одним из способов решения проблемы описания и сопоставления семантики синонимов является обращение к языковому сознанию носителей языка. Анализ результатов психолингвистических экспериментов с их последующей семантической интерпретацией позволяет выявить реальное представление респондентов о семантике той или иной лексемы, определить семантические различия синонимов. Отметим, что психолингвистический подход в описании семантики синонимов не заменяет традиционные лингвистические способы анализа семантики слов, а дополняет и уточняет лексическую информацию, полученную иными приемами. В особо сложных случаях описание семантики синонимов психолингвистическими методами является единственно возможным и продуктивным способом.

Нами была разработана методика семно-семного психолингвистического описания значения слов, близких по значению, а также методика, позволяющей дифференцированно описывать синонимы, рассматриваемые в лексикографических источниках и справочниках как абсолютные – без дифференциации по значению (по дефиниционной формуле «то же, что...») либо определяемые на практике носителями языка как тождественные: *Что такое отравы? Это то же, что яд. Что такое яд? Это то же, что отравы*, либо выступающие в свободном ассоциативном эксперименте как взаимные ассоциативные реакции: ЯД – *отравы*, ОТРАВА – *яд*.

Проведенное исследование позволило выдвинуть гипотезу о том, что абсолютных синонимов в языке не существует: система языка не содержит абсолютно совпадающих по семантике и функциям лексических единиц. Реальные семантические различия синонимов в отдельных значениях всегда могут быть дифференцированы психолингвистическими методами в опоре на языковое сознание носителей языка.

Предлагаемая нами методика позволяет представить общее и различное в семантике слов, близких по значению, в том виде, как оно хранится в языковом сознании носителей языка.

Для анализа были выбраны разного типа пары слов, близких по семантике с точки зрения традиционной лингвистики или признаваемые сходными по значению носителями языка (синонимы, квазисинонимы, симилары): ЯД – ОТРАВА, ВРАЧ – ДОКТОР, ДЖИП – ВНЕДОРОЖНИК, КОНТАКТНЫЙ – ОБЩИТЕЛЬНЫЙ, ДРУГ – ТОВАРИЩ, ЗООПАРК – ЗВЕРИНЕЦ, МОСКАЛЬ – КАЦАП, ЖАРГОН – СЛЕНГ, БЕГЕМОТ – ГИППОПОТАМ и др., а также синонимические ряды, включающие три и более компонентов: ИДИОТ – КРЕТИН – ДЕБИЛ – ПРИДУРОК; КОНЬ – ЖЕРЕБЕЦ – МЕРИН – ЛОШАДЬ; РОДИНА – ОТЕЧЕСТВО – ОТЧИЗНА; АЛКОГОЛИК – ПЬЯНИЦА – АЛКАШ и др.

Покажем методику психолингвистического описания семантики синонимичных пар на примере слов ЯД – ОТРАВА.

I. Выбор экспериментального материала и первичный количественный анализ ассоциативных полей стимулов

На первом этапе осуществляется выбор типа экспериментального материала, который ляжет в основу психолингвистического описания значения слов-синонимов.

В нашем исследовании экспериментальным материалом являются данные свободного ассоциативного эксперимента – ассоциативные поля, входящие в электронную базу данных БАРЕКСИС-1, а также в ассоциативные словари [АСУРЛ 2011; ЕВРАС 2014; РАС 2002]. Например, (данные БАРЕКСИС-1):

ЯД 100: отравы 34; смерть 15; змея 8; мышьяк 4; наркотик 3; лекарство, мухомор, вред 2; боль, враг, зеленый, зло, клей, крысы, мышка, мышинный яд, напиток, никотин, отравление, перец, персик, плохо, предательство, противоядие, ртуть, склянка, слово, смертельный, смесь, токсикология, убийство, цианид 1; отказ 6.

ОТРАВА 100: яд 49; смерть, трава 3; бяка, гадость, напиток, приправа 2; болиголов, везде, водка, вред, гибель, еда, зеленая, крысинный яд, лекарство, лечение, листья растений, мухомор, мышьяк, пауки, поганки, пропавшее, сигареты, сильная, скука, смелость, состояние, таблетки, убийство, убийца, удобрение, фастфуд, х***ня 1; отказ 10.

Анализ частотности пересекающихся синонимичных ассоциатов позволяет вычислить *индекс ассоциативной синонимии* слов (ИАС) как отношение меньшего показателя ассоциата-синонима к большему: ЯД – *отравы* 0,34, ОТРАВА – *яд* 0,49, следовательно, $ИАС = 0,34 / 0,49 = 0,69$.

Индекс ассоциативной синонимии слов дает возможность определить степень ассоциативной синонимии слов. Для этого может быть использована следующая шкала (Таблица 5).

Таблица 5

Шкала степени ассоциативной синонимии слов

Степень ассоциативной синонимии слов	Индекс ассоциативной синонимии (ИАС)
«нулевая» степень ассоциативной синонимии слов	0,00 – 0,04
очень низкая степень ассоциативной синонимии слов	0,05 – 0,19
невысокая степень ассоциативной синонимии слов	0,20 – 0,49
средняя степень ассоциативной синонимии слов	0,50 – 0,69
высокая степень ассоциативной синонимии слов	0,70 – 0,89
гипервысокая степень ассоциативной синонимии слов	0,90 – 1,00

В соответствии с предложенной шкалой для стимулов КАЦАП и МОСКАЛЬ (ИАС 0) характерна нулевая степень ассоциативной синонимии; для стимулов ДЖИП и ВНЕДОРОЖНИК (ИАС 0,09) – очень низкая степень; для стимулов ДРУГ и ТОВАРИЩ (ИАС 0,23) – невысокая степень; для стимулов АЛКОГОЛИК и ПЬЯНИЦА (ИАС 0,65) – средняя; для стимулов ВРАЧ и ДОКТОР (ИАС 0,83), ЖАРГОН и СЛЕНГ (ИАС 0,73); ЖЛОБ и ЖМОТ (ИАС 0,71) – высокая степень ассоциативной синонимии.

На этом же этапе возможно дифференцированное представление ассоциативных полей синонимов. При сравнении единиц ассоциативных полей стимулов-синонимов за совпадающие принимаются как полностью совпадающие по форме ассоциаты, так и ассоциаты, отличающиеся только грамматической формой слов (например, к совпадающим относятся ассоциаты *лечить* и *лечит*, *таблетка* и *таблетки* и др.) (Таблица 6).

Таблица 6

Дифференциация ассоциативных полей стимулов ЯД и ОТРАВА

ЯД 100	ОТРАВА 100
Синонимичные ассоциаты (обратные)	
<i>отрава 34</i>	<i>яд 49</i>
Общие ассоциаты	
<i>смерть 15 – 3; мышьяк 4 – 1; мухомор 2 – 1; вред 2 – 1; лекарство 2 – 1; напиток 1 – 2; убийство 1 – 1</i>	
Несовпадающие (различные) ассоциаты	
<i>змея 8; наркотик 3; боль, враг, зеленый, зло, клей, крысы, мышка, мышинный яд, никотин, отравление, перец, персик, плохо, предательство, противоядие, ртуть, склянка, слово, смертельный, смесь, токсикология, цианид</i>	<i>трава 3; бяка 2, гадость 2, приправа 2; болиголов, везде, водка, гибель, еда, зеленая, крысинный яд, лечение, листья растений, пауки, поганки, пропавшее, сигареты, сильная, скука, смелость, состояние, таблетки, убийца, одобрение, фастфуд, х.ня</i>
отказ 6	отказ 10

В ассоциативных полях стимулов ЯД и ОТРАВА отмечено 7 совпадающих ассоциатов. Сравнение индексов яркости совпадающих ассоциатов показывает, что наиболее яркое отличие наблюдается у двух реакций – *смерть* и *мышьяк*, которые в 5 раз и 4 раза соответственно ярче в ассоциативном поле стимула ЯД, чем в ассоциативном поле стимула ОТРАВА. Остальные совпадающие ассоциаты не демонстрируют серьезных различий.

По мнению Дж. Диза, если значение слова проявляется через дистрибуцию ассоциативных реакций, то два слова в той мере близки между собой по значению, в какой совпадают дистрибуции полученных на них ассоциативных реакций (цит. по: [Слобин 1976]). Следовательно, мерой связей между словами может выступать степень совпадения элементов таких дистрибуций.

Количественный анализ совпадающих и несовпадающих реакций ассоциативных полей синонимов позволяет определить *индекс ассоциативного сходства значений* двух слов, которая вычисляется нами по формуле:

$$(OA + CN_1N_2) / (A_1 + A_2),$$

где OA – вес совпадающих ассоциативных реакций синонимов N_1 и N_2 ; CN_1N_2 – общий вес синонимичных реакций слов N_1 и N_2 друг на друга; $A_1 + A_2$ – суммарный вес количества опрошенных на стимулы N_1 и N_2 . Величина индекса ассоциативного сходства рассчитывается по степени его числового показателя к 1, самый высший индекс равняется единице.

Например,

OA равно 37: количество совпадающих реакций на стимулы ЯД и ОТРАВА (*смерть* 15 – 3; *мышьяк* 4 – 1; *мухомор* 2 – 1; *вред* 2 – 1; *лекарство* 2 – 1; *напиток* 1 – 2; *убийство* 1 – 1 соответственно);

CN_1N_2 равно 83: сумма синонимичных реакций обоих слов (ЯД – *отрава* 34, ОТРАВА – *яд* 49);

$A_1 + A_2$ равно 200 (на каждый стимул опрошено по 100 человек).

Индекс ассоциативного сходства стимулов ЯД и ОТРАВА равен 0,60.

Были вычислены индексы ассоциативного сходства и других синонимичных пар: ВРАЧ – ДОКТОР (ИАС 0,63); ЖЛОБ – ЖМОТ (ИАС 0,63); ДЖИП – ВНЕДОРОЖНИК (ИАС 0,56); АЛКОГОЛИК – ПЬЯНИЦА – АЛКАШ (ИАС 0,54); ЖАРГОН – СЛЕНГ (ИАС 0,50); МОСКАЛЬ – КАЦАП (ИАС 0,31) и др.

На этом же этапе можно определить *индекс освоенности синонима*, который высчитывается как отношение разности общего количества опрошенных и количества отказов («нулевых» ответов) к общему количеству опрошенных.

Индекс освоенности слова ЯД равен 0,94, индекс освоенности слова ОТРАВА – 0,90. Различие в количественных показателях индексов освоенности синонимов – менее 5 пунктов.

II. Анализ лексикографических данных

Второй этап работы предполагает анализ данных толковых и иных словарей, в словники которых входят исследуемые единицы.

Были использованы данные пяти толковых словарей: БТС, МАС, ТСОШ, ТСЕ, ТСУ. При формировании интегрированного лексикографического значения использовалась методика обобщения словарных дефиниций, которая выполняет функцию уточнения и дополнения отдельно взятой словарной дефиниции, представленной в конкретном лексикографическом источнике. Сопоставление лексикографических значений слов ЯД и ОТРАВА позволяет выявить семемы, по которым слова синонимичны, и семемы, входящие в структуру только одного из слов.

Интегрированное значение синонимов ЯД – ОТРАВА

1. ЯД – ОТРАВА. Вещество, вызывающее отравление, смерть живого организма.
2. ЯД – ОТРАВА. *Разг.* Вредная для здоровья, неприятная на вкус пища, напиток, какое-либо вещество и т.п.
3. ЯД – ОТРАВА. *чего.* То, что оказывает вредное влияние на кого-либо, что-либо, причиняет неприятности, отравляет жизнь, мучительно действует на кого-либо.
4. ЯД. перен. Злобность, ехидство, колкость, язвительность.
5. ОТРАВА. *Устар.* То же, что отравление.

По данным толковых словарей, лексемы ЯД и ОТРАВА являются абсолютными синонимами по первым трем значениям. Второе значение у лексем имеет в словаре несколько разные метаязыковые описания: в семантике лексемы ЯД упор делается на принесение вреда здоровью человека, в семантике лексемы ОТРАВА – на неприятный вкус и низкое качество продукта, вещества, из которых имплицитно следует принесение вреда здоровью. Существенное различие между семантемами слов ЯД и ОТРАВА представляет собой семемы: ЯД – «Злобность, ехидство, колкость, язвительность»; ОТРАВА – *устар.* «Отравление».

Интегрированное описание лексикографического значения слов ЯД и ОТРАВА показывает, что данные единицы можно считать почти абсолютными синонимами. Степень лексикографической синонимической близости достаточно высока.

III. Семантическая интерпретация ассоциативных данных

На третьем этапе осуществляется семантическая интерпретация экспериментального материала по методике, описанной в Главе I, и формулирование психолингвистического значения каждого слова.

Психолингвистическое значение слова ЯД

1. Вещество, которое приводит к смерти

[Вещество], приводит к смерти, отравлению 0,17; приносит вред 0,02 [здоровью человека], боль 0,01, выделяется змеями 0,08, это, например, мышьяк 0,04, ртуть 0,01, цианид 0,01; бывает в виде смеси веществ 0,01; содержится в мухоморе 0,02, клее 0,01; находится в склянке 0,01, [является предметом изучения] токсикологии 0,01; используется врагом 0,01 с целью убийства 0,01; является результатом предательства 0,01; [используется для уничтожения] крыс 0,01, мышшей 0,02; ассоциируется с зеленым цветом 0,01; это плохо 0,01; то же, что отравы 0,34; противоположно – противоядие 0,01.

Неоценочное 0,60, неодобрительное 0,23

Неэмоциональное 0,83

СИЯ 0,83

2. Вещество в испорченной пище

[Вещество], содержится [в испорченной пище], например, перце 0,01, персике 0,01, напитке 0,01, в мухоморе 0,02; содержится в клее 0,01, в наркотике 0,03, в лекарстве 0,02; приносит вред 0,03 [здоровью человека], боль 0,01; это, например, никотин 0,01, бывает в виде смеси веществ 0,01; [является предметом изучения] токсикологии 0,01; это плохо 0,01; то же, что отравы 0,34.

Неоценочное 0,49, неодобрительное 0,04

Неэмоциональное 0,53

СИЯ 0,53

3. То, что причиняет страдания

То, что оказывает негативное воздействие, причиняет неприятности и страдания человеку 0,01, это, например, боль 0,01, зло 0,01.

Неодобрительное 0,03

Неэмоциональное 0,03

СИЯ 0,03

4. Злобные слова

Злобные, плохие слова [в адрес человека] 0,03.

Неодобрительное 0,02, неоценочное 0,01

Неэмоциональное 0,03

СИЯ 0,03

Психолингвистическое значение слова *ОТРАВА*

1. Вещество в испорченной пище

[Вещество], содержится в испортившейся 0,01 пище 0,01, например, в напитке 0,02, приправе 0,02; водке 0,01, фастфуде 0,01, в листьях растений 0,05, в мухоморе 0,01, в поганке 0,01, лекарстве 0,02; содержится в сигарете 0,01; появляется при добавлении в удобрение 0,01; приносит вред 0,01 здоровью человека 0,01; находится везде 0,01; выводится в процессе лечения 0,03; бывает сильное 0,01; это плохо 0,05; то же, что яд 0,49, бяка 0,02, гадость 0,02.

Неоценочное 0,70, неодобрительное 0,14

Неэмоциональное 0,82, негативно-эмоциональное 0,02

СИЯ 0,84

2. Вещество, которое приводит к смерти

[Вещество], приводит к смерти 0,05, приносит вред [здоровью человека] 0,01; содержится в растениях 0,05, мухоморе 0,01, поганке 0,01; добавляется в удобрение 0,01; бывает у пауков 0,01; [по степени воздействия] бывает сильное 0,01; находится везде 0,01; это, например, мышьяк 0,01; [используется с целью] убийства 0,02; для применения нужна смелость 0,01; [используется] для уничтожения крыс 0,01; ассоциируется с зеленым цветом 0,01; это плохо 0,05; то же, что яд 0,49.

Неоценочное 0,68, неодобрительное 0,09
 Неэмоциональное 0,75, негативно-эмоциональное 0,02
 СИЯ 0,77

3. То, что причиняет страдания

[То, что оказывает негативное воздействие, причиняет неприятности] и страдания человеку 0,01, это, например, скука 0,01, смелость 0,01.

Неоценочное 0,02, неодобрительное 0,01
 Неэмоциональное 0
 СИЯ 0,03

IV. Сопоставление психолингвистических значений синонимичных лексем

На четвертом этапе осуществляется последовательное сопоставление семантических компонентов синонимичных единиц, которое позволяет сделать следующие выводы.

Анализируемые слова синонимичны, так как в ассоциативных реакциях рассматриваемые слова взаимно указываются как синонимы: ЯД – *отрава* 0,34, ОТРАВА – *яд* 0,49.

Степень освоенности слов – очень высокая: индексы освоенности слов выше показателя 0,90 (ЯД 0,94 – ОТРАВА 0,90).

Опишем наблюдаемые различия и прокомментируем их.

Наблюдаемые различия

1. По набору значений

Из совокупности лексикографических семем обоих синонимов (интегрированное синонимическое значение) из пяти значений совпадают три.

Лексикографическое значение «Злобность, ехидство, колкость, язвительность» характерно только для слова ЯД, по этому значению лексемы ЯД и ОТРАВА не синонимичны.

Лексикографическое значение «Отравление» слова ОТРАВА не актуально для современного языкового сознания носителей языка, что свидетельствует о его выходе из активного употребления в речи современных русских людей и переходе значения в пассивный словарный запас. Уже в ТСУ данная семема отмечена как *устаревшая*. Психолингвистический эксперимент подтвердил эту тенденцию.

2. Совпадающие значения анализируемых слов различаются:

- По степени яркости в языковом сознании

У значения «Вещество, которое приводит к смерти» СИЯ слова ЯД – 0,83, СИЯ слова ОТРАВА – 0,77. Различие незначительное.

У значения «Вещество в испорченной пище» СИЯ слова ЯД – 0,53, что в 1,5 раза ниже, чем у слова ОТРАВА – СИЯ 0,84.

Значение «То, что причиняет страдания» не имеет различий по степени яркости в языковом сознании носителей языка: индекс яркости семемы одинаков у обоих синонимов (СИЯ 0,03).

- По составу семантических компонентов

Значение 1. Вещество, которое приводит к смерти

Анализ психолингвистических значений исследуемых единиц показывает, что лексемы ЯД и ОТРАВА синонимичны по первому значению и имеют общие семантические компоненты – *приводит к смерти, приносит вред, используется для*

убийства, используется для уничтожения крыс. Интегральными семами являются название отравляющего вещества *мышьяк* и название гриба, в котором содержится отравляющее вещество, – *мухомор*. Объединяющей является и сема *ассоциируется с зеленым цветом*.

Ядерные интегральные семы синонимов ЯД и ОТРАВА различаются по яркости:

- сема *приводит к смерти* у слова ЯД в 3 раза ярче, чем у слова ОТРАВА (0,17 и 0,05 соответственно);

- сема *например, мышьяк* ярче в 4 раза у слова ЯД, чем в структуре слова ОТРАВА (0,04 и 0,01 соответственно);

- сема *это плохо* ярче в 5 раз в семантической структуре семемы ОТРАВА, чем у слова ЯД (0,05 и 0,01 соответственно).

Дифференциальными семами слова ЯД являются семы: *приносит боль* 0,01, *бывает змеиный* 0,08, *это, например, ртуть* 0,01, *цианид* 0,01, *бывает в виде смеси веществ* 0,01, *содержится в клее* 0,01, *хранится в склянке* 0,01, *является предметом изучения токсикологии* 0,01, *используется врагом* 0,01, *используется для уничтожения мышей* 0,02; *является результатом предательства* 0,01. Отличительной чертой семантики лексемы ЯД является наличие оппозиита – *противоядие* 0,01. Всего 12 дифференциальных сем.

Наблюдается дифференциальная сема, имеющая достаточно высокий индекс яркости, – *бывает змеиный* 0,08.

Дифференциальными семами слова ОТРАВА являются семы: *содержится в растениях* 0,05, *поганке* 0,01, *выделяется науками* 0,01, *добавляется в удобрение* 0,01; *по степени воздействия бывает сильное* 0,01, *находится везде* 0,01; *для применения нужна смелость* 0,01. Всего 7 дифференциальных сем.

В психолингвистической семеме лексемы ЯД отмечено 12 дифференциальных сем, в семеме лексемы ОТРАВА – почти в 2 раза меньше (всего 7 сем).

Значение 2. Вещество в испорченной пище

Лексемы ЯД и ОТРАВА синонимичны во втором значении и совпадают по основным семантическим компонентам – *содержится в пище, приносит вред здоровью*.

Интегральными для обеих лексем являются семы, обозначающие объекты, наносящие вред здоровью человека и приносящие ему неприятные ощущения, – *лекарство, напиток, мухомор, приправа (перец), никотин (сигареты)*; оценочная сема *это плохо*.

Дифференциальные семы слова ЯД: *содержится в персике* 0,01, *в клее* 0,01, *в наркотике* 0,03, *вызывает боль* 0,01; *бывает в виде смеси веществ* 0,01; *является предметом изучения токсикологии* 0,01.

Дифференциальные семы слова ОТРАВА: *содержится в водке* 0,01, *фастфуде* 0,01, *в листьях растений* 0,05, *в поганке* 0,01, *появляется при добавлении в удобрение* 0,01, *находится везде* 0,01, *выводится в процессе лечения* 0,03; *бывает сильное* 0,01, а также симилары *бьяка 2, гадость 2*.

В психолингвистической семеме лексемы ЯД отмечено 6 дифференциальных сем, в семеме лексемы ОТРАВА – почти в 2 раза больше (10 сем).

Значение 3. То, что причиняет страдания

По третьему значению лексемы ЯД и ОТРАВА тоже синонимичны. Общей является основная сема – *оказывает негативное воздействие, причиняет страдания человеку*. Дифференциальными являются конкретизирующие семы: для лексемы ЯД – семы *боль* 0,01, *зло* 0,01, для лексемы ОТРАВА – семы *скука* 0,01, *смелость* 0,01.

V. Интерпретация семантических различий совпадающих значений

Далее проводится обобщение дифференциальных сем совпадающих значений; выявляются доминирующие различия в их семантике, связанные с употреблением слова.

Значение 1. Вещество, которое приводит к смерти

Лексема ЯД: отмечается высокая яркость компонентов *приводит к смерти* 0,17, *используется для убийства* 0,03; ярче представлены признаки, указывающие на наименование химических веществ, традиционно используемых для убийства – *мышьяк, цианид, ртуть*; высокий индекс яркости у признака «разновидность» – *змеиный* 0,08; использование яда смертельно для грызунов; *семя является предметом изучения в токсикологии, хранится в склянке* свидетельствуют о терминологическом характере использования слова в речи.

Лексема ОТРАВА: более актуальны естественные причины отравления – употребление в пищу вредных для здоровья растений, грибов (*мухомор, поганки, растения*), укусы паука (*пауки*); компоненты *приводит к смерти, убийство* присутствуют в структуре семемы (*смерть* 0,05, *убийство* 0,02), но они гораздо менее яркие, чем у слова ЯД; смертельный исход от отравления представлен менее ярко.

По соотношению совокупного индекса яркости значения и количеству дифференциальных сем лексема ЯД (СИЯ 0,83) выступает как более яркое значение в языковом сознании, чем слово ОТРАВА (СИЯ 0,77).

Таким образом, ЯД интерпретируется языковым сознанием преимущественно как вещество, которое обычно приводит к смерти намеренно, ОТРАВА – как вещество, приводящее к смерти в большей степени по неосторожности, не намеренно, случайно.

Значение 2. Вещество в испорченной пище

Лексема ЯД – вещество, которое вредит здоровью (пища, никотин, наркотик, лекарство), предмет токсикологии.

Лексема ОТРАВА – вещество, изначально плохое, вредное; то, чего человек должен избегать в употреблении, чтобы не навредить организму: *пища – испортившаяся, слишком острая, содержащая вредные компоненты; никотин, лекарства, растения*.

По соотношению совокупного индекса яркости семемы и количеству дифференциальных сем лексема ОТРАВА (СИЯ 0,84) выступает как в 1,5 раза более яркое значение в языковом сознании носителей языка, чем слово ЯД (СИЯ 0,53). Лексема ОТРАВА имеет большее количество симулятивных связей (*бьяка, гадость*).

Значение 3. То, что причиняет страдания

Обе семемы имеют одинаковый индекс яркости – 0,03.

Различие заключается в степени яркости неприятного воздействия: ЯД – более сильное воздействие (*боль, зло*), ОТРАВА – неприятное состояние, скука.

Сопоставление коннотативных сем слов ЯД и ОТРАВА показывает следующее.

Одобрительные семы отсутствуют в структуре обоих слов. Неодобрительные семы отмечены во всех значениях обоих слов. Различие выявляется в индексах яркости этих сем:

- семема «Вещество, которое приводит к смерти» – индекс яркости семы «неодобрительное» у слова ЯД в 2,5 раза выше индекса яркости соответствующей семы слова ОТРАВА (0,23 и 0,09);

- семема «Вещество в испорченной пище» слов ЯД и ОТРАВА содержит сему «неодобрительное» с одинаковым индексом яркости (0,04);

- семема «То, что причиняет страдания» – индекс семы «неодобрительное» в 3 раза выше у слова ЯД (0,03), у слова ОТРАВА – 0,01.

Эмоциональный компонент в составе значения представлен только у слова слов ЯД. Индекс яркости семы «негативно-эмоциональное» в первых двух семемах равен 0,02. В семантической структуре слова ОТРАВА эмоциональный компонент отсутствует.

Слово ОТРАВА не связывается в языковом сознании с переносным употреблением. Из эксперимента видно, что на стимул ОТРАВА единичными являются реакции, соотнесенные с метафорическим переносом (третье значение). Не актуально для языкового сознания значение «отравление» (процесс). Кроме того, значение лексемы ОТРАВА преимущественно связано с веществами, причиняющими вред здоровью человека, в то время как лексема ЯД в большинстве случаев наиболее ярко ассоциируется с веществами, вызывающими смерть или отравление человека, с веществами, используемыми для убийства.

Таким образом, лексема ЯД – более многозначное слово, которое лучше освоено языковым сознанием носителей языка. Эксперимент подтвердил, что семема «Злоба, ехидство, колкость, язвительность» лексемы ЯД (отмеченная во всех толковых словарях русского языка) мало актуальна для языкового сознания носителей языка. Кроме того, лексема ЯД имеет более высокий индекс освоенности слова – 0,94 (у слова ОТРАВА индекс освоенности незначительно, но ниже – 0,90).

Индекс синонимичности рассматриваемых лексем – 0,75 (синонимичны три значения из четырех, актуальных для носителей языка). Абсолютными синонимами рассматриваемые слова не являются ни в одном из совпадающих значений.

При анализе синонимичных слов можно обратиться к такому показателю, как степень синонимической близости слов со схожей семантикой. Для определения степени синонимической близости слов учитываются только актуальные для языкового сознания носителей языка семемы слов. Количественным показателем степени синонимической близости является *индекс синонимической близости*, который высчитывается как отношение количества синонимичных семем сравниваемых слов к общему количеству актуальных для языкового сознания носителей языка семем.

Например, интегрированное лексикографическое значение синонимов ЯД и ОТРАВА включает пять семем: 1. Вещество, приносящее смерть. 2. Вещество, приносящее вред здоровью. 3. То, что оказывает негативное воздействие. 4. Злобность, ехидство, колкость, язвительность. 5. Отравление. Из пяти семем только четыре актуальны для языкового сознания носителей языка.

Из четырех значений, представленных в языковом сознании испытуемых, три семемы являются синонимичными для слов ЯД и ОТРАВА. Степень синонимической близости синонимов – высокая, так как индекс синонимической близости слов ЯД и ОТРАВА равен 0,75 ($3 / 4 = 0,75$).

Для определения степени синонимической близости слов используется следующая шкала (Таблица 7).

Таблица 7

Шкала степени синонимической близости слов

Степень синонимической близости слов	Индекс синонимической близости слов
нулевая степень синонимической близости слов	0,00 – 0,09
очень низкая степень синонимической близости слов	0,10 – 0,29
низкая степень синонимической близости слов	0,30 – 0,49
средняя степень синонимической близости слов	0,50 – 0,69
высокая степень синонимической близости слов	0,70 – 1,00

В целом, экспериментальное описание слов, близких по значению, в языковом сознании носителей языка убедительно доказывает отсутствие в языке такой лексической категории как абсолютные синонимы.

Психолингвистический эксперимент показывает, что анализируемые лексемы, называемые в традиционной лингвистике абсолютными синонимами, в языковом сознании таковыми не являются: 1) исследуемые слова синонимичны не по всем значениям; 2) совпадающие значения рассматриваемых синонимов заметно различаются по яркости; нередко случаи, когда по яркости различаются не только совпадающие значения анализируемых лексем, но и интегральные семы; 3) синонимичные лексемы часто имеют в своем составе различные семантические компоненты; 4) каждая лексема обладает собственным набором дифференциальных сем; 5) в результате психолингвистического эксперимента выявляются новые значения, не отраженные в лексикографических источниках; чаще всего новые значения, выявленные экспериментальным путем, были характерны только для одной синонимичной лексемы, реже – новое значение развивается у лексемы под воздействием ее синонимичной пары; 6) существенны психолингвистические различия анализируемых лексем.

Таким образом, результаты экспериментальных исследований позволяют установить степень семантической близости симиляров, а также степень их семантической отдаленности друг от друга.

Представим образец дифференцированного описания психолингвистических значений синонимов БЕГЕМОТ – ГИШПОПОТАМ.

Ассоциативные поля [БАРЭКСИС-1]

БЕГЕМОТ 107: животное 16; большой, толстый 10; кот 9; гиппопотам 6; болото, носорог 5; слон 4; жирный 3; Глория, жираф, зоопарк, милый, серый 2; Африка, бергамот, вода, живот, жир, жир трест, жмот, коричневый, магазин, Мадагаскар, мокрый, ноздри, огромный, опасно, пасть, пилот, пингвин, птица перелётная, река, рот, сафари-парк, синий, толстопуз, тропики, туша, черный 1; отказ 3.

ГИШПОПОТАМ 107: бегемот 29; большой 11; Африка 8; слон 5; животное, огромный 4; болото, в зоопарке, кашалот 3; Айболит, Глория, Лимпопо, серый, толстый 2; биология, вода, две буквы пп, жираф, жирный, зубы, милый, млекопитающее,

носорог, обезьяна, озеро, пролив, река, с зонтиком, термин, толстяк, труженик, тяжелый, умный, цирк, широкий, язык 1; отказ 5.

Симилиативные связи слов: БЕГЕМОТ – *гиппопотам* 0,6; ГИППОПОТАМ – *бегемот* 0,27. Индекс ассоциативной синонимии слов 0,22 (невысокая степень ассоциативной синонимии слов).

Ассоциативные поля слов-стимулов практически не различаются структурно: на стимул БЕГЕМОТ даны 40 разных реакций, на стимул ГИППОПОТАМ – 36 разных реакций; оба стимула имеют примерно равное количество единичных ассоциаций.

Индекс ассоциативного сходства полей синонимичной пары БЕГЕМОТ – ГИППОПОТАМ – 0,69.

Степень освоенности слов – очень высокая: индексы освоенности слов выше показателя 0,90 (БЕГЕМОТ 0,97 – ГИППОПОТАМ 0,95).

Интегрированное лексикографическое значение синонимов

1. БЕГЕМОТ – ГИППОПОТАМ. Крупное парнокопытное млекопитающее с массивным туловищем и короткими ногами (обитает в районе пресноводных бассейнов Экваториальной Африки); гиппопотам.

2. БЕГЕМОТ – ГИППОПОТАМ. *Разг.-сниж.* Крупный, полный, неуклюжий человек.

По данным толковых словарей, лексемы БЕГЕМОТ и ГИППОПОТАМ являются абсолютными синонимами: в словарной статье значение слова ГИППОПОТАМ представлено как «= Бегемот» без указания стилистической пометы и того, по всем ли значениям слова БЕГЕМОТ они синонимичны. Только в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой отмечено, что ГИППОПОТАМ – это один из видов бегемота, бегемот обыкновенный.

Психолингвистическое значение

БЕГЕМОТ

1. Толстое, большое животное

Животное 0,15, обитает в тропиках 0,01 Африки 0,01, как и носорог 0,05, слон 0,04, жираф 0,02; живет в водоеме 0,02, например, болоте 0,05; реке 0,01; большое 0,11, толстое 0,16, с большой пастью 0,02 и ноздрями 0,01; его можно увидеть в зоопарке 0,02; сафари-парке 0,01; бывает серого 0,02, коричневого 0,1, черного цвета 0,01; опасен для окружающих 0,01; то же, что гиппопотам 0,06; известен персонаж мультфильма «Мадагаскар» – бегемотиха Глория 0,04; известны игрушечные фигурки синего цвета 0,01, игрушки в виде пилота 0,01; известны строки стихотворения К. Чуковского «Телефон» «Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота!» 0,05; милый 0,02.

Неоценочное 0,86; неодобрительное 0,07; одобрительное 0

Неэмоциональное 0,90; позитивно-эмоциональное 0,02; негативно-эмоциональное 0,01

СИЯ 0,93

2. Крупный, толстый человек

Крупный 0,10, толстый 0,17 [человек], это, например, пилот 0,01; бывает жадным 0,01; то же, что жир трест 0,01, толстопуз 0,01.

Неоценочное 0,23; неодобрительное 0,08; одобрительное 0

Неэмоциональное

СИЯ 0,31

3. Персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – кот Бегемот

Персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – кот Бегемот 0,08.

Неоценочное

Неэмоциональное

СИЯ 0,08

4. Название магазина

Магазин 0,01.

Неоценочное

Неэмоциональное

СИЯ 0,01

Не интерпретируется 2: *птица перелётная, бергамот*

Не актуально 0,03

ГИППОПОТАМ

1. Большое, толстое животное

Животное 0,05, обитает в Африке 0,08, как и носорог 0,01, слон 0,05, жираф 0,01, обезьяна 0,01; живет в водоеме 0,02, например, в болоте 0,03; реке 0,01, озере 0,01; отличается от кашалота 0,03; большое 0,15, толстое 0,05, с большими зубами 0,01, языком 0,01; с широкой спиной 0,01; его можно увидеть в зоопарке 0,03; цирке 0,01; бывает серого цвета 0,02; бывает умный 0,01; то же, что бегемот 0,27; персонаж стихотворения К. Чуковского «Айболит» 0,04; известны игрушки с зонтиком 0,01; милый 0,01; слово является термином 0,01; слово узкоспециальное – в биологии 0,01.

Неоценочное 0,94; неодобрительное 0,01; одобрительное 0,01

Неэмоциональное

СИЯ 0,96

2. Крупный, толстый человек

Крупный 0,14, толстый 0,05 [человек]; то же, что толстяк 0,01.

Неоценочное 0,18; неодобрительное 0,01; одобрительное 0

Неэмоциональное

СИЯ 0,19

Не интерпретируется 2: *труженик, две буквы тт*

Не актуально 0,05

Последовательное сопоставление семантических компонентов синонимичных единиц в пределах семемной структуры и семного содержания позволило сделать следующие выводы.

Наблюдаемые различия

1. По набору значений

Семантическая интерпретация ассоциативных полей одноименных стимулов показала, что для языкового сознания носителей языка актуальны четыре семемы лексемы БЕГЕМОТ: 1. Крупное, толстое животное (СИЯ 0,93). 2. Крупный толстый человек (СИЯ 0,31). 3. Персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – кот Бегемот (СИЯ 0,08). 4. Название магазина (СИЯ 0,01).

Психолингвистическая семантема лексемы ГИППОПОТАМ состоит из двух семем: 1. Крупное, толстое животное (СИЯ 0,96). 2. Крупный толстый человек (СИЯ 0,19).

Только у лексемы БЕГЕМОТ выявлены новые значения, не отмеченные словарями, – «Персонаж романа М. Булгакова», «Название магазина».

Таким образом, из совокупности семем обоих синонимов совпадают только два значения, указанные в лексикографических источниках. По остальным значениям слова не являются синонимами. Степень синонимической близости слов БЕГЕМОТ и ГИППОПОТАМ – средняя: индекс синонимической близости слов 0,50.

2. Совпадающие значения анализируемых слов различаются:

По степени яркости в языковом сознании

У значения 1 «Крупное, толстое животное» СИЯ слова БЕГЕМОТ – 0,96, СИЯ слова ГИППОПОТАМ – 0,93. Различие незначительное.

У значения 2 «Крупный, толстый человек» СИЯ слова БЕГЕМОТ – 0,31, что в 1,5 раза выше, чем у слова ГИППОПОТАМ – СИЯ 0,19. Более низкий совокупный индекс яркости семемы ГИППОПОТАМ связан, прежде всего, с тем, что слово «гиппопотам» достаточно редко используется в значении «человек» в русском языке. Ср.: из 111 примеров в НКРЯ только 7 употреблено в данном значении: *Деньги маленькие, но я сама тоже не гиппопотам* [Слава Сэ. Ева (2010)].

По составу семантических компонентов

Значение 1. Крупное, толстое животное

Анализ психолингвистических значений исследуемых единиц показывает, что лексемы БЕГЕМОТ и ГИППОПОТАМ синонимичны в первом значении и имеют общие основные семантические компоненты – *животное, крупное, толстое, обитает в Африке, живет в водоеме, болоте, реке*. Интегральными семемами являются компоненты, указывающие на животных, которых обитают в этом же регионе, – *как и носорог, слон, жираф*; возможное место наблюдения животного вне обычного места обитания – *его можно увидеть в зоопарке*. Кроме того, объединяющими являются видовые семы – *бывает серого цвета*; эмоциональное отношение к животному – *милый*.

Интегральные семы синонимов БЕГЕМОТ и ГИППОПОТАМ различаются по яркости:

- сема *животное* у слова БЕГЕМОТ в 3 раза ярче, чем у слова ГИППОПОТАМ (0,15 и 0,05 соответственно);

- сема *обитает в Африке* в 8 раз ярче у слова ГИППОПОТАМ, чем у слова БЕГЕМОТ (0,08 и 0,01 соответственно);

- сема *толстое* ярче в 3 раза у слова БЕГЕМОТ, чем в структуре слова ГИППОПОТАМ (0,16 и 0,05 соответственно).

Дифференциальными семемами слова БЕГЕМОТ являются семы: *обитает в тропиках 0,01 с большой пастью 0,02 и ногами 0,01; его можно увидеть в сафари-парке 0,01; бывает коричневого 0,1, черного цвета 0,01; опасен для окружающих 0,01; известен персонаж мультфильма «Мадагаскар» – бегемотиха Глория 0,04; известны игрушечные фигурки синего цвета 0,01, известны игрушки в виде пилота 0,01; известны строки стихотворения К. Чуковского «Телефон» «Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота!» 0,05. Всего 11 дифференциальных сем.*

Анализируя семный состав данной семемы, стоит обратить внимание на наличие большого количества прецедентных сем, актуализирующих известные русскому носителю языка тексты, семы, вербализующие образ животного в виде игрушки.

Дифференциальными семемами слова ГИППОПОТАМ являются семы: *обитает в Африке, как и обезьяна 0,01; живет в озере 0,01; отличается от кашалота 0,03; с большими зубами 0,01, языком 0,01; с широкой спиной 0,01; его можно увидеть в цирке 0,01; бывает умный 0,01; персонаж стихотворения К. Чуковского «Айболит» 0,04;*

известны игрушки с зонтиком 0,01; слово является термином 0,01; слово узкоспециальное – в биологии 0,01. Всего 12 дифференциальных сем.

В психолингвистической семеме лексемы ГИППОПОТАМ отмечено 12 дифференциальных сем, у слова БЕГЕМОТ – 11 сем: при качественном отличии количественное различие с семной структурой слова БЕГЕМОТ отсутствует.

В семантическую структуру слова входит большое количество метаязыковых сем, указывающих на стилистический характер употребления данного слова, способ его написания (с двумя буквами «п»).

Отличие между словами БЕГЕМОТ и ГИППОПОТАМ проявляется и в индексах яркости оценочных сем: сема *неодобрительное* в 8 раз ярче у слова БЕГЕМОТ. У слова ГИППОПОТАМ есть одна одобрительная сема (*умный*).

Значение 2. Крупный, толстый человек

Лексемы БЕГЕМОТ и ГИППОПОТАМ синонимичны во втором значении и совпадают по основным семантическим компонентам – *крупный, толстый*. В семантической структуре данного значения обеих лексем не вербализована архисема *человек*.

Интегральные семы синонимов БЕГЕМОТ и ГИППОПОТАМ различаются по яркости:

- сема *крупный* в 1,4 раза ярче у слова ГИППОПОТАМ, чем у слова БЕГЕМОТ (0,14 и 0,10 соответственно);
- сема *толстый* в 3,4 раза ярче у слова БЕГЕМОТ, чем у слова ГИППОПОТАМ (0,17 и 0,05 соответственно).

Дифференциальными семами слова БЕГЕМОТ являются *это, например, пилот 0,01; бывает жадным 0,01; то же, что жир трест 0,01, толстопуз 0,01*; тогда как у слова ГИППОПОТАМ выделяется только одна дифференциальная сема *то же, что толстяк 0,01*, что в 4 раза меньше, чем у слова БЕГЕМОТ.

Интерпретация семантических различий совпадающих значений

Приведем доминирующие различия в семантике слов БЕГЕМОТ и ГИППОПОТАМ, объективированные в языковом сознании носителей языка.

Значение 1. Крупное, толстое животное

Лексема БЕГЕМОТ: отмечается высокая яркость компонентов – архисемы *животное* и идентификационных сем *толстое, большое*; разнообразно представлены видовые семы, указывающие на цвет животного – *серый, коричневый, черный*; ярче представлены прецедентные семы значения – *известен персонаж мультфильма «Мадагаскар» – бегемотиха Глория; известны строки стихотворения К. Чуковского «Телефон» «Ох, нелегкая это работа – из болота тащить бегемота!»*; отмечаются символические семы, указывающие на игрушечный образ животного, – *известны игрушечные фигурки синего цвета; игрушки в виде пилота*; в значении высока доля неодобрительных сем.

Лексема ГИППОПОТАМ: для языкового сознания носителей языка актуальна локальная сема – *обитает в Африке*; высокий индекс яркости имеет и дифференциальная сема – *большое*; архисема *животное* и дифференциальная сема *толстое* менее ярки в семантической структуре семемы данного слова. Менее разнообразно представлены прецедентные семы – *персонаж стихотворения К. Чуковского «Айболит»*; в языковом сознании носителей языка ярче представлена метаязыковая информация о слове – *слово является термином; слово узкоспециальное – в биологии; слово пишется с двумя буквами «п»*; в структуре значения отмечена одобрительная сема.

Таким образом, слово БЕГЕМОТ интерпретируется языковым сознанием носителей языка как крупное, толстое животное, имеющее символический образ в виде детской игрушки; входит в состав большого количества прецедентных текстов; обладает амбивалентной коннотативной составляющей – неодобрительной оценкой и позитивной эмоциональностью; слово ГИППОПОТАМ связано, прежде всего, с местом обитания животного – Африкой, указанием на ум; преобладает метаязыковая информация о терминологическом характере слова и правилах его написания.

Значение 2. Крупный, толстый человек

Лексема БЕГЕМОТ – это, прежде всего, толстый, крупный человек; обладает таким качеством, как жадность; слово обладает неодобрительной оценкой.

Лексема ГИППОПОТАМ обозначает в первую очередь крупного человека и только потом – толстого; с этим связана невысокий индекс неодобрительной семы.

По соотношению совокупного индекса яркости семемы лексема БЕГЕМОТ (СИЯ 0,319) выступает как в 1,5 раза более яркое значение в языковом сознании носителей языка, чем слово ГИППОПОТАМ (СИЯ 0,19). Лексема БЕГЕМОТ имеет большее количество симулятивных связей (*жир трест, толстогуз*).

Таким образом, лексема БЕГЕМОТ – более многозначное слово, которое лучше освоено языковым сознанием носителей языка. У него экспериментально выявлены семемы «Персонаж романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» – кот Бегемот» и «Название магазина».

Индекс синонимичности рассматриваемых лексем – 0,50 (синонимичны два значения из четырех, актуальных для носителей языка). Абсолютными синонимами рассматриваемые слова не являются ни в одном из совпадающих значений.

Данные ассоциативных экспериментов позволяют описать психолингвистическое значение слов, близких по семантике, однако для более глубокой дифференциации синонимичных лексем можно использовать *методику верификации семантических компонентов* в составе их синонимичных семем, которая включает следующие действия.

После описания психолингвистического значения синонимических единиц составляется анкета для верификации семантических компонентов сравниваемых слов методом лингвистического интервьюирования. В анкету для верификации включаются все семы, выделенные в результате анализа экспериментальных данных слов-синонимов. Инструкция анкеты включает задание – отметить те семантические признаки каждого синонима, которые для указанного слова являются важными, яркими. Опрашиваемые могут также дописать признаки, которые они считают необходимыми для разграничения синонимов.

После обработки результатов опроса в дифференциальные дефиниции синонимов в психолингвистическое описание синонимов включаются семы с индексом яркости не менее 0,05. Сначала приводятся интегральные семы значений синонимов – общие для обоих синонимов, совпадающие или несущественно различающиеся по яркости (принимается порог не более чем на 10 пунктов). Архисема приводится первой. Приводится индекс яркости каждой семы. Семы приводятся по убыванию яркости. Затем указываются дифференциальные семы исследуемых слов, которые

выявляются в обоих значениях, но существенно или заметно различаются по яркости. Принимаемый порог существенности, заметности различий по яркости – более 10 пунктов. Приводится индекс яркости каждой семы. Семы приводятся по убыванию яркости. В конце приводятся эндемичные (присутствующие только в одном из сравниваемых слов) семы с указанием их индекса яркости.

Количественные показатели: в интегральных семах приводится индекс яркости семы сначала в первом описываемом слове, потом во втором. В дифференциальных семах первым указывается максимальный индекс яркости, характерный для семы в данном слове, затем – уступающий ему по величине индекс яркости данной семы в другом синониме.

Приведем пример дифференциального психолингвистического описания синонимов ДЖИП и ВНЕДОРОЖНИК с учетом результатов, полученных в верификационном опросе (Таблица 8).

Таблица 8

Дифференциальное описание значения слов ДЖИП и ВНЕДОРОЖНИК

ДЖИП	ВНЕДОРОЖНИК
<i>Различия не более чем на 10 пунктов</i>	
Автомобиль 0,63 – 0,68, большой 0,66 – 0,60, дорогостоящий 0,63 – 0,58, хороший 0,56 – 0,64; с фарами 0,54 – 0,63, дает человеку чувство свободы 0,42 – 0,46, существенно отличается от «Оки» 0,39 – 0,46; это, например, Мерседес 0,22 – 0,17, на нем ездит дорожный патруль 0,17 – 0,22, зеленого цвета 0,05 – 0,09	
<i>Различия более чем на 10 пунктов</i>	
свидетельствует о высоком статусе владельца 0,76 – 0,25, черный 0,75 – 0,42, владелец – лысый мужик 0,42 – 0,19, тонированный 0,34 – 0,19	повышенной проходимости 0,68 – 0,49, участвует в соревнованиях 0,68 – 0,20, полноприводный 0,61 – 0,48, русский 0,41 – 0,09
<i>Идентификация</i>	
это, например, Ленд Крузер 0,46 – 0,12, Ленд Ровер 0,39 – 0,09, BMW 0,34 – 0,10, Хаммер 0,27 – 0,14	это, например, УАЗ 0,70 – 0,14, Нива 0,48 – 0,15
<i>Эндемичные семы</i>	
-	красный 0,10

В методологическом плане важно соотнести результаты описания семантики слова по результатам свободного ассоциативного эксперимента и данных, полученных в ходе верификационного теста. Сопоставление семантических компонентов слова ДЖИП, выявленных методом свободного ассоциативного эксперимента с последующей семантической интерпретацией, и этих же компонентов, описанных по результатам верификации с учетом индекса яркости соответствующего семантического компонента, показывает, что семантические признаки, полученные на этапе верификации в большей мере соответствуют реальности языкового сознания, так как отражают результат сознательного размышления

респондентов над отдельными семантическими признаками, в то время как данные свободного ассоциативного эксперимента в большей мере описывают актуальное языковое сознание испытуемых на данный момент, в данной ситуации [Акованцева 2012].

Метод когнитивной верификации (рефлексия исследователя над каждым выделенным в результате эксперимента или контекстуального анализа семантическим компонентом путем приписывания соответствующего признака называемому объекту и его подтверждения или отклонения) также показывает, что результаты верификационного исследования ближе к семантической реальности языкового сознания, чем результаты ассоциативного эксперимента, верификационное исследование дает более близкие к реальности языкового сознания данные.

Плюсами верификационного теста на базе результатов свободного ассоциативного эксперимента являются следующие: 1) по результатам верификации намного ярче семы (это результат размышления респондентов над семами); 2) выделяются наиболее яркие и существенные семы; 3) меньше выделяется случайных и индивидуальных сем; 4) отсутствуют неинтерпретируемые реакции; 5) почти нет реакций синтагматического типа; 6) более достоверна оценка.

К минусам можно отнести следующее: 1) выявляется меньше сем (отсекаются семы с ИЯ меньше 0,05); 2) не выявляются прецедентные тексты; 3) не бывает отказов, что не дает возможность оценить степень освоенности значения слова языковым сознанием.

В связи с этим очевидно, что свободный ассоциативный эксперимент (как и направленный ассоциативный эксперимент) целесообразно использовать как первый этап психолингвистического исследования семантики синонимов, который позволяет выделить круг семантических компонентов, наиболее актуальных для языкового сознания испытуемых в момент эксперимента, затем на основе обработки его результатов создается верификационный тест в опоре на эти наиболее актуальные семантические компоненты, что дает возможность проверить на верификационном этапе реальную яркость семантических компонентов в языковом сознании носителей языка. В таком случае ассоциативный эксперимент (свободный или направленный) можно проводить как пилотажный эксперимент с небольшой группой испытуемых, используя полученные данные для составления верификационного теста.

Таким образом, проведенное исследование семантики слов, близких по значению, подтверждает нашу гипотезу, что в системе языка нет абсолютных синонимов (это связано с принципом экономии языковых усилий): лексемы различаются или количеством семем и семантических признаков, или их яркостью. Однако в речи при актуализации части значения синонимия может иметь место – в разных словах в системе языка под влиянием контекста актуализируется одинаковый набор сем.

Описанная методика описания психолингвистического значения близких по семантике слов может быть применена и для исследования слов с противоположным значением. На данный момент работ, посвященных экспериментальному исследованию оппозитных отношений, не много [Боргоякова 2016; Лаврентьева 2011; Новичихина 1995; Пономаренко 2018; Родичева 1973 и др.].

2.3. Психолингвистическое описание групповых семантических различий

Семантическая интерпретация экспериментальных данных показывает, что психолингвистическое значение многих лексических единиц, описанное по данным, полученным от разных групп носителей языка, часто имеет существенные различия. Это связано, прежде всего, с особенностями личного и социального опыта отдельных групп испытуемых, спецификой их языкового сознания и др.

Лексикографическое описание значения слова предполагает, что семантика слова является универсальной для всех носителей языка. Психолингвистическое описание семантики слова позволяет выявить и сопоставить групповую специфику значения слов в языковом сознании носителей одного языка (гендерную, возрастную, профессиональную, региональную и др.).

Представим **общий алгоритм (методику) выявления групповой специфики психолингвистического описания семантики слова**. Он предполагает следующие этапы исследования.

1. Выбор типа (категории) групп, описание психолингвистических различий семантики слов которых будет осуществляться:

- гендерная специфика – семантика слова в языковом сознании мужчин и женщин;
- возрастная специфика – семантика слова в языковом сознании дошкольника, школьника, молодого человека, значения в языковом сознании людей среднего, старшего возраста;
- профессиональная специфика – семантика слова в языковом сознании медицинских работников, математиков, филологов, химиков, экономистов, юристов и др.;
- региональная специфика – семантика слова в языковом сознании жителей отдельных населенных пунктов, регионов и др.

2. Определение списка слов, семантика которых подлежит описанию

Ученый в соответствии с целями исследования определяет критерии отбора исследуемых единиц, объем исследуемого материала.

Для этих целей можно использовать список наиболее частотных слов русского языка (определяется по «Частотному словарю русского языка» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [Ляшевская 2009]).

3. Выбор экспериментальных процедур и проведение экспериментов со списком слов

К данному этапу относится проведение ассоциативных экспериментов (свободного и направленного ассоциативного или иного эксперимента) с репрезентативным количеством испытуемых. Обычно каждая группа респондентов должна быть не меньше 100 человек. Все условия при проведении эксперимента в каждой группе должны быть максимально одинаковыми: единообразный бланк с заданиями, примерно один и тот же временной период (разрыв не более 1 года) и др.

Затем проводится первичная обработка результатов экспериментов – формирование ассоциативных полей одноименных стимулов каждой группы испытуемых. При необходимости возможен структурный анализ ассоциатов одноименных полей разных групп носителей языка и дифференцированное описание ассоциативного значения исследуемого слова.

4. Обобщение словарных дефиниций слова, включенных в толковые словари русского языка

На данном этапе осуществляется формулирование интегрированного лексикографического значения каждого слова по данным нескольких словарей русского языка.

5. Семантическая интерпретация экспериментальных данных и формулирование психолингвистических значений слов-стимулов по разработанной модели

Осуществляется сравнение лексикографической и психолингвистической семантем одноименной лексемы: выявляются общие в обоих типах значения семемы (зафиксированные в словарях и актуализированные в эксперименте); выделяются семемы, не вербализованные в эксперименте; описываются семемы, экспериментально выделенные, но не зафиксированные в словарных источниках.

6. Установление группово-маркированных значений (семем) и семантических компонентов (сем)

На данном этапе осуществляется определение наличия или отсутствия групповой специфики семантики слова. Устанавливаются общие и различные семантические компоненты значения слова у представителей разных групп носителей языка, проводится сравнительный анализ индексов яркости общих для языкового сознания групп носителей языка семем и семантических компонентов, выделяются эндемичные семантические компоненты для представителей каждой группы испытуемых.

7. Дифференцированное по групповому признаку описание семантики исследуемого слова.

Представление групповой специфики семантики слова несколько отличается от того, как представляется психолингвистическое значение отдельной лексической единицы. Психолингвистическое описание значения слова, актуального для языкового сознания этноса, осуществляется на материале экспериментальных данных группы испытуемых, состав которой должен отвечать ряду требований: достаточное количество испытуемых, разнородный состав группы по возрасту, полу, профессиональной сфере, образованности, месту жительства и др. В таком случае можно говорить о психолингвистическом значении слова в языковом сознании носителей языка. При описании групповой специфики семантики слова используются экспериментальные данные однородной по какому-либо признаку группы испытуемых (только женщины – женское психолингвистическое значение слова; только люди старшего возраста – психолингвистическое значение в языковом сознании людей старшего возраста; только медицинские работники – психолингвистическое значение слова в языковом сознании медработников; только воронежцы – психолингвистическое значение слова воронежцев и др.). Дифференцированно могут быть описаны групповые особенности значения слова, например, психолингвистическое значение слова в языковом сознании москвичей и воронежцев, психолингвистическое значение слова в языковом сознании дошкольников и школьников начальных классов, психолингвистическое значение слова в языковом сознании испытуемых 90-х годов XX в. и современных носителей языка и др.

Психолингвистическое описание значения слова осуществляется по психолингвистической модели, представленной ранее. Затем выполняется сопоставление психолингвистических значений одноименных лексем в языковом сознании двух и более групп испытуемых. Дифференцированное описание психолингвистического значения осуществляется следующим образом:

- а) в пределах семантемы:
  - выделяются семемы, общие в языковом сознании сравниваемых групп испытуемых: сопоставляется степень актуальности семемы для языкового сознания каждой группы испытуемых (незначительная, значительная, ярко выраженная);
  - выявляются семемы, актуальные только для одной группы испытуемых (эндемичные семемы): они описываются как часть языкового сознания конкретной группы испытуемых; определяются причины актуальности семемы для группы носителей языка;
- б) в пределах семемы, общей для языкового сознания групп испытуемых:

- выделяются семантические компоненты, общие для языкового сознания сравниваемых групп испытуемых; определяется и сопоставляется степень яркости каждой семы в языковом сознании испытуемых разных групп;

- выявляются эндемичные для отдельной группы испытуемых семантические компоненты; определяются причины актуальности семантических компонентов для языкового сознания носителей языка.

Групповая специфика семантики слова наиболее ярко проявляется при наличии в структуре значения эндемичных для языкового сознания группы испытуемых компонентов значения: на семном уровне (в таком случае говорят о наличии групповых сем в структуре психолингвистического значения) и на семемном уровне (это свидетельствует о наличии групповых семем). Групповая специфика психолингвистического значения слова проявляется и в разной степени яркости (актуальности) общих семем и семантических компонентов в пределах одной семемы в языковом сознании представителей разных групп.

Групповая дифференциация семантики (гендерная, возрастная, профессиональная, региональная и др.) может быть описана сопоставительно-параметрическим методом. На основе опыта экспериментальных исследований различия в пять и более пунктов принимаются как достоверно выявившиеся; различия в один – четыре пункта не рассматриваются или рассматриваются как потенциально случайные (именно они требуют верификации).

По результатам ассоциативного эксперимента описывается общая картина ассоциативной групповой специфики семантики слова-стимула: вычисляются индекс яркости групповой ассоциативной реакции на стимул, индекс ассоциативной эндемичности ассоциатов группы и индекс групповой дифференциации ассоциативной семантики слова в целом.

Индекс яркости групповой ассоциативной реакции на стимул вычисляется как отношение количества испытуемых одной группы, давших данную ассоциацию, к общему числу испытуемых группы.

Данный индекс позволяет сравнить яркость отдельных совпадающих ассоциаций в языковом сознании одной из групп носителей языка. Например, ассоциативные поля мужчин и женщины на стимул ПАЛЕЦ имеют следующий вид [БАРКСИС-1]:

Мужчины 100: рука 23; большой 8; руки 7; указательный 6; средний 5; часть тела 4; кисть, на руке 3; безымянный, кольцо, мизинец, сломан 2 и др.

Женщины 100: рука 27; указательный 10; руки 8; большой 7; кольцо, ноготь 6; средний 4; безымянный, ногти 3; длинный, кисть, кривой, на руке, указывать 2 и др.

Наиболее частотный общий для языкового сознания двух групп испытуемых ассоциат *рука* в языковом сознании мужчин имеет индекс

яркости 0,23, в языковом сознании женщин – 0,27. Так как различие между индексами яркости мужского и женского ассоциата *рука* менее 0,05, то такое различие считается незначительным и не учитывается при описании гендерной специфики значения слова.

Гендерная ассоциативная специфика ассоциативных полей проявляется в наличии чисто мужских и чисто женских ассоциатов (в основном это единичные ассоциаты):

- чисто мужские ассоциаты: *часть тела; сломан* (в женском ассоциативном поле есть ассоциаты *сломанная, сломать*); *маленький, двадцать первый, друга, другой, на ноге, ноги, один, орган, шевелится* и др.;

- чисто женские ассоциаты: *ногти* (в мужском ассоциативном поле ассоциат *ноготь*); *прямой, указывать, отрублен, перст, сосать, тупой* и др.

Индекс ассоциативной эндемичности ассоциатов группы вычисляется как сумма индексов яркости всех эндемичных ассоциатов одной группы испытуемых к общему количеству ассоциатов обеих групп. Например, индекс ассоциативной эндемичности ассоциатов стимула ПАЛЕЦ в группе мужчин составляет 0,16, в группе женщин – 0,10. Данный индекс позволяет сравнить степень эндемичности одноименных ассоциативных полей разных групп испытуемых и выявить группу, у которой наиболее ярко представлены чисто групповые реакции. Таким образом, степень ассоциативной эндемичности у мужчин выше, чем у женщин.

Индекс групповой дифференциации ассоциативной семантики слова в целом высчитывается как отношение суммы количества ассоциаций, совпавших у двух групп, но обнаруживших групповые различия по индексу яркости, равному пяти и более пунктам, и чисто групповых ассоциаций (эндемичных для данной группы, например, чисто мужских или чисто женских), имеющих индекс яркости, равный пяти и более пунктам, к общему числу ассоциаций двух групп. Данный индекс позволяет выявить обобщенную картину групповой дифференциации ассоциативной семантики слов в целом. Например, индекс групповой дифференциации ассоциативной семантики слова ДРУЖБА равен 0,35, а соответствующий индекс групповой дифференциации ассоциативной семантики слова ПАЛЕЦ всего 0,03, что свидетельствует о высокой степени групповых различий ассоциатов у стимула ДРУЖБА и о низкой степени этих различий у слова ПАЛЕЦ.

По результатам описания психолингвистического значения отдельных групп носителей языка могут быть выявлены групповые особенности конкретных сем и конкретных значений. Для определения степени групповой специфики семантики слова могут быть вычислены индекс

семной дифференциации отдельных групповых значений, совокупный индекс яркости отдельных групповых значений.

Индекс семной дифференциации отдельных групповых значений вычисляется как отношение количества сем, совпадающих в конкретном психолингвистическом значении в обеих группах, но имеющих групповые различия по индексу яркости, равному пяти и более пунктам, плюс чисто групповые семы (характерные для значения только одной из групп и имеющие индекс яркости, равный пяти и более пунктам), к общему списочному составу сем психолингвистического значения.

Данный индекс позволяет сопоставить семный состав значения в групповом сознании носителей языка с точки зрения яркости отдельных сем, а также группового наличия / отсутствия отдельных сем.

Например, психолингвистическая семема «Получать в свою собственность, пользование» слова БРАТЬ в языковом сознании мужчин и женщин имеет следующий вид:

- БРАТЬ (мужчины) – получить 0,05 что-то, например, много 0,01 денег 0,04; взятку 0,11, взаймы 0,09; противоположно – давать 0,04, отдавать 0,02, отдать 0,01, возвращать (менее 0,01) (СИЯ 0,37);

- БРАТЬ (женщины) – получить что-то 0,06, например, деньги 0,04; взаймы 0,10, взятку 0,08, на время 0,01; противоположно – давать 0,02, отдавать 0,01, дать 0,01, отдать 0,01 (СИЯ 0,35).

Семы, совпадающие в психолингвистических семемах обеих групп (различающиеся на пять пунктов и более) и эндемичные семы отсутствуют. Индекс семной дифференциации данной семемы равен 0.

Для обобщенного описания результатов сопоставительно-параметрического описания групповой семантики слова и дальнейшего сопоставления результатов с результатами других групповых описаний предлагается качественная шкала яркости групповой дифференциации компонентов семемы, по которой могут быть описаны результаты разного типа экспериментальных исследований (Таблица 9).

Таблица 9

Групповая дифференциация семантических компонентов семемы

Степень выраженности	Индекс групповой семной дифференциации
не выражена	0,00 – 0,04
слабо выражена	0,05 – 0,20
заметно выражена	0,21 – 0,40
ярко выражена	0,41 – 0,60
гиперярко выражена	0,61 – 0,99
абсолютная степень выраженности (эндемичный признак)	1,00

Согласно приведенной шкале степень выраженности групповой семной дифференциации семемы «Получать в свою собственность, пользование» лексемы БРАТЬ не выражена, семемы «Нарушение верности в любви» лексемы ИЗМЕНА – как заметно выраженная.

Для выявления групповых различий значений слов используется описанный нами ранее *совокупный индекс яркости*. Он позволяет сопоставить отдельные психолингвистические значения по яркости в групповой семантеме, выявить общие для двух групп носителей языка семемы, определить семемы, актуальные для одной группы и мало актуальные для другой, выделить ядерные и периферийные значения с точки зрения современного языкового сознания, сопоставить групповое психолингвистическое значение с соответствующими лексикографическими, системными значениями.

Например, мужские и женские семантемы лексемы МОЛОДОЙ имеют следующие различия:

Мужчины

1. Не достигший зрелого возраста. СИЯ 0,56
2. Недавно появившийся, начавший существовать, расти. СИЯ 0,21
3. Бодрый, живой, жизнерадостный (о человеке). СИЯ 0,16
4. Свойственный человеку этого возраста. СИЯ 0,13
5. Не имеющий достаточного опыта. СИЯ 0,12
6. Недавно начавший деятельность в какой-л. области. СИЯ 0,05

Женщины

1. Не достигший зрелого возраста. СИЯ 0,67
2. Свойственный человеку этого возраста. СИЯ 0,24
3. Не имеющий достаточного опыта. СИЯ 0,11
4. Бодрый, живой, жизнерадостный (о человеке). СИЯ 0,04
5. Недавно появившийся, начавший существовать, расти. СИЯ 0,02
6. Недавно начавший деятельность в какой-л. области. СИЯ 0,02

И для мужчин, и для женщин не актуальны три лексикографические семемы: «Недавно приготовленный и еще не имеющий достаточной крепости, остроты (о некоторых напитках, продуктах)»; «Супруг, только что или недавно вступивший в брак»; «Употребляется при обозначении детей – в отличие от родителей (обычно в сочетании с фамилией)».

Порядок семем в мужских и женских семантемах не совпадает с лексикографическим порядком фиксации отдельных значений. Сравнение групповых семантем и совокупных индексов яркости соответствующих семем показывает, что из первых шести семем место в семантеме совпадает только у первого и шестого значения (при несовпадении индексов яркости семем). Остальные семемы в мужской и женской семантемах занимают разные позиции.

Только одна семема «Не имеющий достаточного опыта» имеет примерно одинаковый совокупный индекс яркости (0,12 у мужчин и 0,11 у женщин).

Остальные семемы значительно различаются по данному количественному показателю: семема «Недавно появившийся, начавший существовать, расти» в 10 раз ярче у мужчин (СИЯ 0,21 и 0,02 соответственно); семема «Бодрый, живой, жизнерадостный» в 4 раза ярче у мужчин (СИЯ 0,16 и 0,04); семема «Недавно начавший деятельность в какой-л. области» в 2,5 раза ярче у мужчин (СИЯ 0,05 и 0,02). Только одна семема – «Свойственный человеку этого возраста» – ярче в семантеме женщин (СИЯ 0,24 и 0,13).

Применительно к семантеме (совокупности значений) при определении уровня групповых различий используется следующая шкала (Таблица 10).

Таблица 10

Шкала определения уровня групповых семантических различий в семантеме

Уровень групповых семантических различий	Показатели семантических различий
<i>отсутствие различий</i>	уровень различий значений по яркости – ниже 0,05; все значения совпадают
<i>очень низкий уровень</i>	уровень различий значений по яркости – ниже 0,10; все значения совпадают
<i>невысокий уровень</i>	уровень различий значений по яркости от 0,11 до 0,25; все значения совпадают
<i>существенный уровень</i>	уровень различий значений по яркости от 0,25 до 0,50; все значения совпадают; либо уровень различий совпадающих семем – не ниже 0,10; наличие одного несовпадающего значения
<i>высокий уровень</i>	совпадающие различаются по яркости от 0,50 до 0,70; наличие совпадающих и несовпадающих значений либо наличие чисто групповых значений
<i>гипервысокий уровень</i>	совпадающие различаются по яркости более 0,70; наличие совпадающих и несовпадающих значений либо наличие чисто групповых значений

В соответствии с приведенной шкалой уровень групповых различий психолингвистических семантем мужчин и женщин у слова МОЛОДОЙ – невысокий: отсутствуют чисто групповые семемы, индексы яркости совпадающих семем различаются не более чем на 0,20.

Групповые семантические различия требуют определенного комментария. Выделяют два вида комментария – языковой и когнитивный.

В языковом комментарии отражена дифференциация языкового сознания сопоставляемых групп носителей языка, он показывает выявленные различия, касающиеся лексико-семантических параметров сопоставляемых значений – количество значений, наличие совпадающих и

несовпадающих значений, различия в яркости совпадающих значений, различие в полевой организации семантемы слова, различия в составе семантических компонентов и их яркости, различия в оппозитах, симиллярах, прецедентных текстах, актуализируемых словом, типовой сочетаемости. Гендерная специфика может проявляться и в фиксации наиболее активно развивающихся значений в отдельных группах носителей языка, рецептивных значений.

Когнитивный анализ представляет собой результат когнитивной интерпретации результатов дифференциального описания значений, дает характеристику когнитивных особенностей сознания разных групп носителей языка, выявляющихся при описании результатов исследования. Когнитивный комментарий выявляет определенные тенденции когнитивного осмысления предметов или явлений сознанием, но не предполагает категоричного утверждения того или иного когнитивного факта, поскольку эта тенденция может проявляться только в данной группе испытуемых, только в определенное время и зависеть от многих других параметров.

Приведем примеры языкового комментария (ЯК) и когнитивного комментария (КК) отдельных слов (на материале возрастных особенностей семантики слов).

ВОЙНА

ЯК: в молодежном языковом сознании выявляются значения «Неприяженные отношения» и «Борьба за достижение своих целей», в сознании взрослых эти значения не представлены.

КК: взрослое сознание не концептуализирует явления, не связанные непосредственно с боевыми действиями, как войну.

ЖИЗНЬ

ЯК: в молодежном языковом сознании выявляются яркие семантические признаки «долгая», «счастливая», во взрослом – «короткая», «быстрая», компонент «счастливая» представлен единичной реакцией; во взрослом языковом сознании выявляется значение «Быт», для молодежного сознания это значение не актуально.

КК: концепт хорошо освоен обеими возрастными группами, но имеет яркую содержательную дифференциацию: в сознании взрослых он отождествляется с повседневным бытом, для молодежи этот признак отсутствует; в молодежном концепте наиболее яркие признаки связаны со счастьем и длительностью жизни, а взрослый концепт более пессимистичный, акцентируется внимание на быстротечности жизни.

Для подтверждения или опровержения сделанных выводов о групповой специфике психолингвистического значения слова проводятся верификационные эксперименты. Составляется список эндемичных семем и эндемичных семантических компонентов исследуемого слова. Испытуемым предлагают отметить те семантические компоненты (семемы), которые, по их мнению, присущи данной лексеме для представителей речи группы носителей языка. При обработке результатов верификационного эксперимента учитывается следующее: если более 50% опрошенных отмечают сему / семему как характерную для

исследуемой группы носителей языка, то полученные данные включаются в описание группового психолингвистического значения; если испытуемых, подтвердивших наличие данной семы / семемы, менее 50%, то она исключается из психолингвистического описания, признак / семема считается несущественным, случайным.

Необходимо также отметить, что лексическая единица в языковом сознании носителей языка может как иметь групповую специфику, так и не иметь ее. Хотя можно предположить, что групповая специфика значения может быть выявлена у всех лексических единиц. Отсутствие групповой семантики может быть связано с тем, что, скорее всего, она просто не вербализовалась в конкретном эксперименте (мало опрошенных, нужно провести иной тип эксперимента).

Перейдем к рассмотрению психолингвистического описания различных типов групповой специфики значения слова.

Гендерные различия значений слова

С конца XX в. исследование проявления гендерных особенностей является одним из актуальных научных направлений. В центре внимания ученых находятся культурные и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с их принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры. Понятия «мужественность» и «женственность» рассматриваются не как имманентный фактор, а как концепты культуры [Кирилина 2000].

Каждая культура дифференцирует поведение человека в зависимости от пола, предписывая ему определенные социальные роли, манеры поведения, чувства. В этом смысле быть мужчиной или женщиной – это значит следовать определенным социальным требованиям, предъявляемым обществом к человеку на основании «правил пола». Гендер (социокультурный пол) так или иначе присутствует во всех областях нашей жизни. Не является исключением и языковая область [Зыкова 2002]. Гендерные различия в лингвистике проявляются достаточно широко: наличие женского и мужского стилей речевого поведения; различия в частотности употребления отдельных языковых единиц, форм, грамматических конструкций мужчинами и женщинами; гендерные различия в коннотативном компоненте значения слова (оценочность и эмоциональность в структуре значения отдельных слов) и др. [Виноградова 2009; Гаранович 2011; Герасименко 2009; Гетте 2004; Горбацкая 2013; Горошко 2003; Гриценко 2011; Дамбаева 2017; Кузнецова 2005; Мифтахова 2019; Нгуен Суан Тхе 2011; Черепанов 2017; Ячная 2014 и др.].

Несмотря на универсальный характер семантики общеупотребительной лексики, в значении многих лексических единиц выявляется специфика, связанная с гендерным фактором: анализ контекстуальных употреблений подтверждает тот факт, что в «мужском» и «женском» языках отмечаются серьезные расхождения в выборе языковой единицы для выражения одного и того же смысла, связанная со стилистической характеристикой слова (прямое, более грубое выражение смысла у мужчин и завуалированное, некатегоричное, более «культурное» – у женщин).

Исследование лексикографического описания значения слова не позволяет выявить гендерную специфику семантики слова, так как в словарных источниках представлен единый для всех групп носителей языка вариант значения слова. В некоторой степени эту проблему может решить контекстуальный анализ употребления языковых единиц в текстах, принадлежащих авторам-мужчинам и авторам-женщинам [Захарова 2006; Зыкова 2002; Козлова 2021; Резанова 2011 и др.]. Однако и контекстуальный анализ мужских и женских текстов не решает полностью данную проблему, так как в таких произведениях представлен индивидуальный язык конкретного автора.

Выявление и описание реального представления о гендерной специфике семантики слова возможно с помощью экспериментального исследования языкового сознания носителей языка.

Для исследования гендерных особенностей психолингвистических значений нами был применен стандартный алгоритм выявления групповой специфики значения слова. Был составлен список слов, в который вошли 50 лексем: 1) 24 слова входят в лексическое ядро языкового сознания носителей языка (БЕЛЫЙ, БОЛЬШОЙ, ВАЖНО, ВОЕННЫЙ, ВРЕМЯ, ВЫСОКИЙ, ДЕНЬГИ, ДУМАТЬ, ЖЕНЩИНА, ИЗВЕСТНЫЙ, КРАСНЫЙ, ЛЮБОВЬ, МОЛОДОЙ, МУЖЧИНА, НОВЫЙ, НУЖНЫЙ, ОСНОВНОЙ, ПЛОХО, ПОСЛЕДНИЙ, РАБОТА, РАЗГОВОР, СЕМЬЯ, СТАРЫЙ, ХОРОШО); 2) 26 слов были добавлены по результатам пилотажного эксперимента как слова, предположительно имеющие гендерные семантические особенности (БАБУШКА, БЕСПРЕДЕЛ, БЫТ, ВЕРНОСТЬ, ДЕЛА, ДЕТИ, ДРУЖБА, ДРУЗЬЯ, ИЗМЕНА, НАДЕЯТЬСЯ, НЕНАВИДЕТЬ, НОМЕР, ОБЕЩАТЬ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ, ОБЫДЕННОСТЬ, ОТДЫХ, ОТНОШЕНИЯ, ОТСТАТЬ, ПОЦЕЛУЙ, ПРИВЯЗАННОСТЬ, РЕВНОСТЬ, СВИДАНИЕ, СТАРОСТЬ, СТИЛЬНО, СЧАСТЬЕ, УЮТ).

Экспериментальной базой послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в период 2015-2018 гг. В ходе исследования было опрошено 200 человек: из них 100 мужчин (от 18 до 64 лет) и 100 женщин (от 18 до 72 лет). В массиве испытуемых были представлены студенты, рабочие, служащие и пенсионеры. Затем данные

эксперимента были обработаны, сформированы мужские и женские ассоциативные поля [БАРЭКСИС-1]. Отметим, что электронная база данных «Банк результатов экспериментальных исследований» Центра коммуникативных исследований ВГУ (БАРЭКСИС) состоит из двух частей: БАРЭКСИС-1 включает результаты психолингвистических экспериментов, проведенных членами проблемной группы; в БАРЭКСИС-2 входят психолингвистические описания значений слов, выполненные с помощью семантической интерпретации экспериментальных данных.

Психолингвистическое описание значения слов осуществлялось нами по психолингвистической модели описания значения слова. Были установлены гендерно-маркированные значения (семемы) и семантические компоненты (сема) значений.

Для определения уровня гендерных различий семем использовалась шкала определения уровня групповых различий (Таблица 10). Согласно этой шкале был определен уровень гендерной специфики каждого слова: заметный уровень отмечен у слов ВЫСОКИЙ, ДЕТИ, СЧАСТЬЕ (6% единиц); существенный уровень – у слов БЕСПРЕДЕЛ, ВАЖНО, ВЕРНОСТЬ, ВРЕМЯ, ИЗВЕСТНЫЙ, ПОЦЕЛУЙ, РАБОТА, СВИДАНИЕ, СЕМЬЯ, ХОРОШО и др. (30% единиц); высокий уровень – у слов БАБУШКА, БОЛЬШОЙ, ДЕЛА, ДРУЖБА, ИЗМЕНА, МОЛОДОЙ, НОВЫЙ, НОМЕР, ОБЕЩАТЬ и др. (26% единиц); очень высокий уровень – у слов БЕЛЫЙ, ВОЕННЫЙ, ДУМАТЬ, ЖЕНЩИНА, КРАСНЫЙ, ЛЮБОВЬ и др. (16% единиц); абсолютный уровень – у слов БЫТ, ДЕНЬГИ, НЕНАВИДЕТЬ, НУЖНЫЙ (8% единиц). Не выявляется гендерная специфика в значениях слов ДРУЗЬЯ, ОБЫДЕННОСТЬ, ОТДЫХ, ОТНОШЕНИЯ, РАЗГОВОР, РЕВНОСТЬ, УЮТ (14% исследованных единиц).

Исследование показало, что гендерная специфика семантики лексических единиц проявляется в следующем:

- в наличии значений, совпадающих в мужском и женском языковом сознании, но заметно различающихся по яркости, – 54% от общего количества семем (например, у слов БОЛЬШОЙ, БЫТ, ДУМАТЬ, КРАСНЫЙ, МОЛОДОЙ, НЕНАВИДЕТЬ, ПОСЛЕДНИЙ и др.);

- в наличие эндемичных значений: чисто мужских – 4% от общего количества семем (например, у слов ВЕРНОСТЬ, ДУМАТЬ, ЛЮБОВЬ и др.); чисто женских – 5% от общего количества семем (например, у слов БЕЛЫЙ, БОЛЬШОЙ, КРАСНЫЙ, МУЖЧИНА и др.);

- в наличие сем, совпадающих в мужском и женском языковом сознании, но заметно различающихся по яркости, – 8% (например, ДЕТИ – сема *приносят радость* 0,14 – 0,07; ИЗМЕНА – сема *предательство* 0,05 – 0,20; МУЖЧИНА – сема *главный* 0,15 – 0,01; РАЗГОВОР – сема *бывает откровенный* 0,06 – 0,18 и др.);

- в наличие ярких сем: мужские семы (ИЗВЕСТНЫЙ – сема *спортсмен, факт*; МОЛОДОЙ – сема *бодрый, веселый*; МУЖЧИНА – сема *уверенный*; ПОСЛЕДНИЙ – семы *бой, патрон* и др.); женские семы (ВЫСОКИЙ – сема *воротник*; ИЗВЕСТНЫЙ – сема *роман*; МОЛОДОЙ – сема *пьяный*; РАЗГОВОР – сема *серьезный*; РЕВНОСТЬ – сема *порождает злость* и др.),

Нами также было проведено исследование гендерных особенностей семантики 30 музыкальных терминов. Было выявлено, что данная лексико-семантическая группировка обладает невысоким уровнем гендерной дифференциации. Основные различия наблюдаются на семном уровне, на уровне семем они оказались незначительными.

Возрастные различия значений слова

Большой интерес у исследователей вызывает и изучение влияния фактора возраста на формирование и развитие значения слова у носителей языка. Представители разных научных направлений предлагают разные типы классификации по возрастному критерию; в нашем исследовании используется следующая: дети (дошкольники, младшие школьники, подростки) – 0-17 лет; молодежь – 18-30 лет; взрослые – 31-60 лет; люди старшего возраста – старше 60 лет.

Возрастные различия в лингвистике проявляются достаточно широко: наличие детских, молодежных, взрослых стилей речевого поведения; различия в выборе и частотности употребления отдельных языковых единиц, форм, грамматических конструкций людьми разного возраста; возрастные различия в коннотативном компоненте значения слова (оценочность и эмоциональность в структуре значения отдельных слов), наличие различий в ассоциативных связях единиц ассоциативно-вербальной сети представителей разных возрастных групп и др. [Габдуллина 2013; Гарбар 2010; Детская речь 2001; Кудашева 2008; Псеунова 2011; Старостина 2014; Чернышова 2014а, 2015; Шахнарович 1985 и др.]. Большая часть исследований посвящена изучению возрастных особенностей языкового сознания молодых людей. Это связано, с одной стороны, с интересом исследователей к изучению особенностей возрастной группы, которая через 10-15 лет будет составлять основу этноса и отражать его менталитет, с другой – с легкой доступностью к исследованию языкового сознания данной группы (студенты, старшие школьники) [Бирюкова 2005; Кириллов 2008; Овчинникова 2009 и др.]; исследование особенностей других возрастных групп встречается реже: дошкольники и младшие школьники [Береснева 1995; Гольдин 2007; Лемяскина 2004; Овчинникова 2000; Шаманова 2012 и др.], подростки [Васильева 2020; Гуц 2005; Сдобнова 2007, 2013, 2015а; Тарасенко 2007 и др.].

Исследование ментального лексикона школьников проводится саратовскими исследователями (А.П. Сдобнова, В.Е. Гольдин и др.):

описаны модели языкового сознания школьников, определен совокупный лексикон школьника, его возрастные, гендерные и иные варианты, выявлено и описано ядро ментального лексикона школьника, периферия лексикона. В целом исследования показывают, что ядро лексикона школьника является активно формирующей системой, при имеющемся своеобразии каждой возрастной группы отличается высокой стабильностью. Отмечена особенность семантической структуры ядра лексикона школьников, которая проявляется в смене приоритетов семантических зон в процессе становления ядра в школьный период, наблюдается ярко выраженное последовательное сближение семантической структуры ядра лексикона школьников со структурой ядра взрослых. Исследователи отмечают, что вариативность и изменения лексикона в основном накапливаются в подростковых группах, а динамический скачок к стабилизации системы лексикона происходит при переходе из старшей подростковой группы в юношескую [Сдобнова 2013].

Исследование возрастных особенностей языкового сознания осуществляют омские исследователи Л.О. Бутакова и Е.Н. Гуц: проводятся теоретические и экспериментальные исследования языкового сознания подростков, детей и взрослых носителей русского языка разного возраста, включая пожилых людей. Один из этапов исследования был направлен на изучение психолингвистических проблем структурирования языкового сознания подростка [Гуц 2004, 2005]. Была разработана экспериментальная методика построения структуры ядра языкового сознания подростка, выявлено наличие в структуре ядра языкового сознания подростка образов сознания, связанных с некодифицированными (в том числе жаргонными) лексическими элементами [Гуц 2005, с. 59-120]. На втором этапе было описано языковое сознание незрелых жителей сибирского города в онтогенезе (от 7 до 25 лет), ставилась задача – установление зависимости объема и сложности структурной организации семантического поля от возраста, социального и речевого опыта носителя языка, был сделан вывод о связи интеллектуального и коммуникативного развития незрелого человека [Бутакова 2018]. Ряд исследований посвящен комплексному анализу проблемы влияния коммуникативной среды на языковую личность в возрасте от 5 до 14 лет. Еще одним объектом исследования омских ученых стала языковая личность пожилого человека [Бутакова 2018а, 2018в, 2019, 2020, 2021].

В традиционных лексикографических изданиях возрастная специфика слова не отражается, ее можно выявить только при анализе текстов, созданных представителями разных возрастных групп, и/или результатов психолингвистических экспериментов, проведенных с людьми разного возраста.

Была разработана методика описания психолингвистического значения слова в языковом сознании носителей разных возрастных групп.

Для выявления специфики семантики слова в языковом сознании носителей языка разных возрастных групп членами проблемной группы Центра коммуникативных исследований (Т.В. Растегаева, Я.А. Пескова, В. Бурносова и др.) был проведен свободный ассоциативный эксперимент (испытуемые – молодежь и взрослые люди старше 25 лет). Результаты экспериментов представлены в электронной базе [БАРЭКСИС-1].

Исследование показало, что наибольшие возрастные различия на уровне семем были отмечены у таких слов, как ВОЕННЫЙ, ГЛАВНЫЙ, ПОМНИТЬ, СОВЕТСКИЙ, ДЕНЬ, КНИГА, ПОЛИТИЧЕСКИЙ (более 70% семем имеют отличия у разных групп носителей языка); существенный уровень различий в количестве и яркости семем отмечен у слов ДЕНЬГИ, СЛОВО, ВОЙНА, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, ПРОБЛЕМА, РУССКИЙ, ЛЮБИТЬ, МОЛОДОЙ, НАСТОЯЩИЙ, ЧЕЛОВЕК, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ и др.; уровень семантических различий у слов ВЕЛИКИЙ, ОСОБЫЙ, ЗНАТЬ, СИЛА, ДОМ, РУКА, СИСТЕМА невысок, отсутствие возрастных различий демонстрируют слова ГЛАЗ, РЕБЕНОК, СОЦИАЛЬНЫЙ.

В ходе исследования были выявлены:

1) чисто молодежные значения, не вербализованные в ходе эксперимента в группе взрослых испытуемых (38% от общего количества семем): ВОЙНА – *Борьба за достижение своих целей*; ДОМ – *Крупный специализированный магазин*; ПОСЛЕДНИЙ – *Самый новый, только что появившийся*; МЕСТО – *Команда собаке* и др.;

2) чисто взрослые значения (30% от общего количества): БОЛЬШОЙ – *Сильный, всепоглощающий* (о чувствах); ДРУГ – *Любимый предмет; Партнер*; ДУМАТЬ – *Заботиться, беспокоиться о ком-то*; МОЛОДОЙ – *Недавно приготовленный*; СЛОВО – *Обещание; Текст к музыкальному произведению* и др.

Наиболее заметные возрастные различия семантики выявлены на уровне сем (86% слов имеют семную возрастную специфику): выявлены 16 чисто молодежных сем (чисто молодежные семы встречаются в 30% исследованных слов); 18 чисто взрослых сем (чисто взрослые семы встречаются в 34% исследованных слов). Все это свидетельствует о наличии возрастной специфики семантики единиц частотного ядра русского языка.

Проведенное исследование показывает, что в языковом сознании носителей языка отчетливо выявляются возрастные особенности семантики слова, которые проявляются в следующих формах:

- наличие чисто молодежных и чисто взрослых значений;
- различия в совокупном индексе яркости совпадающих молодежных и взрослых значений;
- наличие чисто молодежных и чисто взрослых сем;

- различия в индексе яркости совпадающих молодежных и взрослых сем.

В 2018-2019 гг. под нашим руководством в рамках магистерского исследования Я.А. Песковой было проведено психолингвистическое описание семантики наименований цвета в русском языке на материале экспериментальных данных: были семантически интерпретированы ассоциативные поля взрослых, представленные в РАС (2002), и детские ассоциативные поля (школьники г. Воронежа 9-12 лет и 13-17 лет). Список стимулов включал 20 языковых единиц: АЛЫЙ, БЕЖЕВЫЙ, БЕЛЫЙ, ГОЛУБОЙ, ЖЕЛТЫЙ, ЗЕЛЕНый, КОРИЧНЕВый, КРАСНый, ОРАНЖЕВый, РОЗОВый, ФИОЛЕТОВый, ХАКИ и др. Покажем результаты сопоставительного анализа семантики слов на примере лексем АЛЫЙ.

Семанты младших и старших школьников различаются: имеют одну общую семему – «Цвет крови, заката, огня / Цвет крови, огня, заката» (СИЯ 0,62 – 0,82, отличия в совокупном индексе яркости семемы – значительные) и одну семему «Покрасневший от прилива крови», выявленную в языковом сознании только младшей школьной группы (СИЯ 0,02). В младшей возрастной группе отмечено в 6 раз больше отказов, чем в старшей группе.

Интегральными семантическими компонентами сравниваемых общих возрастных семем являются следующие: *цвет 0,04 – 0,03; цвет крови 0,04 – 0,23; цвет заката 0,02 – 0,02; цвет цветка 0,12 – 0,10; роза 0,10 – 0,13* и др. Интегральными семемами являются компоненты, указывающие на стереотипное представление об объектах, имеющих алый цвет (*цвет крови, заката, цветка, розы*).

Дифференциальные семантические компоненты значения младшей школьной группы: *камень 0,02, мяч 0,02, яблоко 0,01, кошка 0,01, пенал 0,01, водоросли 0,01, румяна 0,01, краска 0,01, изумруд 0,01, рубин 0,01, куртка 0,01, прыщ 0,01 и др.*

Дифференциальные семантические компоненты значения старшей школьной группы: *вишня 0,02, зубы 0,02, шар 0,01, перец 0,01, стул 0,01, дом 0,01, малина 0,01, платок 0,01, клубника 0,01, тюльпан 0,01, волосы 0,01 и др.*

У обеих возрастных групп отмечены прецедентные семы: повесть А. Грина «Алые паруса» 0,13 – 0,18; сказка «Аленький цветочек» 0,01 – 0,02; только у старшей группы вербализованы эмоциональные и ассоциативные семы (ассоциируется с весной 0,01; с юностью 0,01).

Возрастное различие значения слова АЛЫЙ у младших и старших школьников незначительное, связано только с яркостью отдельных семантических признаков, наличием дифференциальных семантических признаков, наличием эндемичной семемы в языковом сознании старшей группы (имеющей невысокий индекс яркости).

Сравнение психолингвистических семантем школьников и взрослых (РАС) показывает, что семанты младших и старших школьников и взрослых носителей языка различаются: имеют одну общую семему – *Цвет крови, заката, огня / Цвет крови, заката, огня / Красный цвет, цвет крови* (СИЯ 0,62 – 0,82 – 0,37); младшие школьники имеют одну эндемичную семему «Покрасневший от прилива крови» (СИЯ 0,02), у взрослых – эндемичная семема «Относящийся к революционной деятельности, связанный с советским строем» (СИЯ 0,22).

У взрослых отмечаются симилиативные семы (*красный 0,08; темно-красный 0,01*), а также семы, указывающие на цвет: *отличается от белого 0,01; яркий 0,01*. У старших школьников и взрослых отмечены эмоциональные и ассоциативные семы.

Приведенные данные позволяют сделать вывод о существенном различии семантики слова АЛЫЙ в языковом сознании школьников и взрослых.

Сравнение лексикографической и психолингвистических семантем слова АЛЫЙ показывает, что психолингвистическая семантика старших школьников совпадает по количеству семем с лексикографической, семантика младших школьников отличается от лексикографической: включает также семему «*Покрасневший от прилива крови*».

Отличием лексикографической семемы «Ярко-красный» и соответствующей психолингвистической семемы школьников заключается в различии эталонных объектов, указывающих на цвет: для школьников АЛЫЙ – это, прежде всего, цвет крови, заката, огня, тогда как в лексикографических источниках «ориентиром» является обозначение цвета более яркого, чем красный. В эксперименте не вербализованы реакции, объективирующие близкие оттенки цвета, в лексикографическом описании представлено указание на близкий алому оттенок «ярко-красный».

Лексикографическая и «взрослая» психолингвистическая семантемы слова АЛЫЙ различаются как по количественному, так и по качественному составу. Лексикографическая семантика включает только одну семему «*Ярко-красный*». Данная семема является ядерной для психолингвистической семантемы взрослых – «*Красный цвет, цвет крови*» (СИЯ 0,37). В лексикографической семантеме слова АЛЫЙ отсутствует вербализованная в эксперименте семема *Относящийся к революционной деятельности, связанный с советским строем* (СИЯ 0,22), она указана в лексикографических источниках в значении слова КРАСНЫЙ.

В целом возрастная специфика семантики наименований цвета выявила несущественные различия на семемном уровне и достаточно значимые отличия – на семном.

Исследование возрастных различий значения слов чаще всего осуществляется на материале детских, молодежных и взрослых (среднего возраста) ассоциативных полей. Единичными пока являются исследования, посвященные описанию семантики слов в языковом сознании людей старшего возраста [Бутакова 2018а, 2018б; Касаткина 2007; Ячная 2013].

Региональная специфика значения слова

Обычно к регионально маркированным лексемам относят слова, используемые носителями языка на определенной территории (диалектизмы, регионализмы, этнографизмы и др.). В нашем исследовании делается попытка экспериментального описания региональной специфики значения общеупотребительного слова.

Условно о большей части экспериментальных исследований можно говорить как о региональных, так как обычно испытываемые в основном проживают на территории, где проводится исследование (воронежские исследователи изучают в основном воронежское языковое сознание; ярославские – ярославское, омские – языковое сознание омичей и т.д.) [Балясникова 2018; Бутакова 2011; Демидова 2014; Филиппов 2017;

Языковое сознание жителей Воронежа 2010]. Есть ряд исследований, которые «выходят за рамки» своих регионов (в настоящий момент есть возможность проведения экспериментов в онлайн-режиме, при котором участником может стать житель любого региона как нашей страны, так и всего мира). В этом случае можно уже говорить о языковом сознании этноса, сравнивать результаты экспериментов, в которых участвовали носители родного и русского языка как иностранного и др.

При описании региональной специфики используется общий алгоритм выявления групповой специфики психолингвистического описания семантики слова. Материалом исследования послужили региональные базы данных ЕВРАС и СИБАС [ЕВРАС 2014; СИБАС 2014], которые имеют общий словник – одноименные ассоциативные поля, полученные от испытуемых Европейской и Сибирской части России; исследование осуществляется на примере 23 слов-стимулов: БЕЛЫЙ, БОГ, БОЯТЬСЯ, ВЕЧЕР, ВОДА, ГЛАЗ, ГОЛОВА, ДВЕРЬ, ЖЕНА, ЗАКОН, МИР, НОГА, НОЧЬ, ПРОЦЕСС, СЛУЧАЙ и др.

Психолингвистическое описание семантики слов предполагало установление общих и регионально-маркированных значений (семем) и семантических компонентов (сем); сравнительный анализ индексов яркости общих для языкового сознания двух групп носителей языка семем и семантических компонентов.

Сопоставительный анализ психолингвистических значений в языковом сознании носителей языка Центра и Сибири и Дальнего Востока показывает, что основными параметрами, по которым наблюдается региональная семантическая дифференциация, являются следующие параметры:

1. Эндемичность значений – выявление эндемичных значений (актуализация значения только в одном регионе): выявлено 17 эндемических значений из 139 выявленных у 23 исследованных слов (12% от исследованных значений), например, ИМЯ – «Репутация» (Центр); «Никнейм» (Сибирь).

2. Эндемичность семантических компонентов – выявление сем, актуализирующихся в том или ином значении только в одном из регионов. В 23 словах выявлено 437 эндемичных сем, актуальных только для одного региона, что составляет 3,1 семы на одно значение, например, МИР – Планета Земля: бесконечный (сема Центра); необъятный, его модель – глобус, по нему путешествуют (семы Сибири).

3. Различия в яркости совпадающих значений – выявление семем, различающихся по СИЯ на 0,06 и более. Различия по яркости выявлены в 88 из 123 совпадающих значений (в 72% значений), например, ЧАС – 1. Мера времени в 60 минут (СИЯ Центр 0,40 и СИЯ Сибирь 0,48); 2. Продолжительность события (СИЯ Центр 0,37 и СИЯ Сибирь 0,45).

4. Различия в яркости совпадающих сем – выявление сем, различающихся по индексу яркости на 0,06 и более. В 67 из 123 совпадающих значений выявлено 247 совпадающих сем, различающихся по яркости, то есть 3,8 семы на значение (в 54% совпадающих семантических компонентах). В Центре ярче 129 сем, в Сибири – 118 сем (в Центре на 9% больше более ярких семантических компонентов): НОЧЬ – темно 0,30 (Центр) и 0,23 (Сибирь); БЕЛЫЙ – цвет 0,05 (Центр) и 0,10 (Сибирь).

5. Коммуникативная востребованность слова – количество готовых фраз со словом, актуализирующихся в эксперименте (отражает востребованность слова в разных значениях, то есть частотность его использования в текстах носителями языка). Всего выявлено 548 готовых фраз; в Центре 304 готовых фразы (13,2 на слово); в Сибири – 274 готовых фразы (11,9 готовых фразы на слово). В Центре коммуникативная востребованность исследуемых слов на 13% выше, чем в Сибири. Таким образом, выявляется яркое различие в коммуникативной востребованности слова в разных регионах. Это отражает различия в региональных коммуникативных ситуациях, в которых используются слова в разных регионах.

6. Индивидуальность восприятия слова – выявление количества субъективных (не интерпретируемых, индивидуальных) реакций. В Центре не интерпретируются 256 реакций – 11,1 на слово, в Сибири – 249 – 10,08 на слово.

7. Семантическая освоенность слова – выявление количества отказов в эксперименте (если отказов нет или мало – слово хорошо семантически освоено языковым сознанием, оно полностью включено в языковую парадигматику и синтагматику; если отказов много, уровень освоенности слова ниже). На 23 слова в Центре 87 отказов (3,8 на слово), в Сибири – 116 отказов (5,04 отказа на слово). Таким образом, исследуемые слова хуже освоены в Сибири, чем в Центре.

8. Полевая организация семантемы – определение уровня дифференциации полевой организации семантемы в разных регионах. Из 23 семантем в 8 семантемах (35%) есть дополнительные эндемичные значения, а в 15 семантемах (65%) полевая структура совпадает. Эндемичные значения при этом относятся к крайней периферии семантем. Региональная специфика полевой организации семантем выявлена в 35% случаев, но проявляется в несовпадениях значений крайней периферии. Число эндемичных семем – в Центре 11, в Сибири – 5.

Таким образом, общие выводы описания региональной специфики значения слова в Центре России и в Сибири и на Дальнем Востоке таковы: в Центре в 2,4 раза больше эндемичных значений, на 10% больше эндемичных сем; на 15% больше более ярких значений, на 9% больше более ярких сем, на 10% больше коммуникативная востребованность слов,

на 10% больше индивидуальное восприятие слова; на 25% больше семантическая освоенность слова; в 2,4 раза больше эндемичных семантем, чем в Сибири.

Анализ семантики слов также показывает, что у слов, относящихся к частотному ядру русского языка, региональная специфика менее заметна, чем у слов регионально маркированных (ТАЙГА, МОРЕ, ПАУК, МЕДВЕДЬ, ШТРАФ и др.).

2.4. Психолингвистическое описание темпоральных различий значения слова

Темпоральная динамика значения слова может быть описана по данным толковых словарей: обращение к толковому словарю русского языка В.И. Даля дает возможность представить значение слова, характерное для языка XIX века; в словаре Д.И. Ушакова отражена языковая ситуация 30-х гг. XX в. (в семантике слова нашли воплощение идеологические черты того времени); первые издания однотомного толкового словаря С.И. Ожегова содержат информацию о семантике слов 50-60-х гг. XX в.; современные представления о значении слов содержатся в толковых словарях Т.Ф. Ефремовой, С.А. Кузнецова и др. Анализ значений слова по данным словарей разных периодов показывает, что наибольшим изменениям обычно подвержена общественно-политическая лексика, дефиниции же значений общеупотребительной лексики чаще всего в таких словарях представлены практически одинаково. Однако значения даже общеупотребительных слов подвержены изменениям при активном употреблении их носителями языка.

Применение методики описания психолингвистического значения слова в экспериментах с носителями языка разных временных периодов позволяет выявить изменения в семантике слова.

Проведение массового ассоциативного эксперимента с большим корпусом слов русского языка в 90-е года XX в. (данные 1988-1998 гг. в РАС) и эксперименты с этим же стимульным списком в десятых годах XXI в. (данные 2012-2020 гг. в ЕВРАС, БАРЕКСИС-1) позволило получить богатый материал для сопоставления семантики слов в языковом сознании двух временных периодов.

Для выявления темпоральной специфики семантики слова в языковом сознании людей конца XX в. и современных носителей языка по предложенной модели были описаны психолингвистические значения 20 слов, относящихся к частотному ядру русского языка: БОЯТЬСЯ, ВОЕННЫЙ, ГАЗЕТА, ДЕНЬГИ, ЖИЗНЬ, ЗЕМЛЯ, КУЛЬТУРА, МАШИНА, НАУКА и др. Экспериментальным материалом для описания семантики одноименных слов стали данные РАС и ЕВРАС.

**Образец сопоставительного психолингвистического описания
значения слова ШТРАФ в темпоральном аспекте**

Ассоциативные поля

РАС ШТРАФ 443: большой 53; деньги 47; 3 рубля 39; платить 29; за проезд 21; три рубля 18; заплатить 15; за нарушение, милиция 12; билет, за безбилетный проезд 10; наказание, 10 рублей 9; денежный, уплатить, 5 рублей 8; небольшой, рубль, уплачен 6; автобус, в автобусе, ГАИ, крупный, нарушение, огромный 5; заплачен, милиционер, наложить, 100 рублей 4; взимать, взят, маленький, машина, плата, шкаф, 50 рублей 3; административный, взять, граф, десять рублей, дорога, за бесплатный проезд, за билет, за обгон, заяц, контролер, налог, нарушитель, не надо, неприятность, несправедливый, обида, отдать, плати, получить, приз, трамвай, транспорт, 10 руб., 3 руб., 30 р. 2 [РАС 2002, с. 736]

ЕВРАС ШТРАФ 438: деньги 82; большой 40; милиция 30; нарушение 29; ГАИ, наказание 24; ГИБДД 13; за нарушение, за парковку 11; за превышение скорости, стоянка 8; квитанция 7; денежный, ДПС, за превышение, машина, мент, оплатить 6; заплатить, менты, платить 5; гаишник, налог, скорость, сто рублей 4; 100 руб., 100 рублей, 500 р., взятка, водителю, долг, за проезд, крупный, милиционер, огромный, ошибка, плата 3; 100 р., 500 руб., 500 рублей, административный, вина, дорога, жалко, за безбилетный проезд, за вождение, за курение, за нарушения, за неуплату, за стоянку, закон, милиции, много, парковка, ПДД, проезд, ремень, санкция, теплый, убытки, убыток 2 [ЕВРАС 2014, с. 274].

Психолингвистическое значение

РАС 2002	ЕВРАС 2014
<p>1. Наказание в виде денежной платы Наказание 0,02; в виде денежной 0,12 платы 0,17; накладывается 0,03 за нарушение 0,04; бывает за безбилетный проезд в автобусе или трамвае 0,14, за нарушение правил дорожного движения 0,02; выписывается сотрудником милиции 0,04, сотрудником ГАИ 0,01; по размеру бывает большой 0,14; <i>небольшой 0,02</i>; например, <i>3 рубля 0,13; 10 рублей 0,03; 5 рублей 0,02; рубль 0,01</i>; вызывает неприятные чувства 0,01; (менее 0,01): накладывается в административном порядке; за несвоевременную уплату; <i>выписывается контролером, бывает несправедливый</i>; например, 100 рублей; <i>50 рублей; 30 рублей</i>. Противоположно: (менее 0,01) <i>приз</i> СИЯ 0,96</p>	<p>1. Наказание в виде денежной платы Наказание 0,06; в виде денежной 0,19 платы 0,04; накладывается в административном порядке 0,01; за нарушение 0,11 правил дорожного движения 0,13, за несвоевременную уплату 0,02; выписывается сотрудником милиции 0,10, сотрудником ГАИ 0,11; <i>содержится в квитанции 0,02</i>; по размеру бывает большой 0,12; например, 100 рублей 0,03; <i>500 рублей 0,02; приносит убытки 0,01</i>; вызывает неприятные чувства 0,01; (менее 0,01): бывает за безбилетный проезд, <i>за нарушение закона, за курение в неположенном месте, за дачу взятки</i>.</p>
<p>2. Наказание за нарушение Наказание 0,03; накладывается за нарушение 0,04; вызывает неприятные чувства 0,01.</p>	<p>2. Наказание за нарушение Наказание 0,06; накладывается за нарушение 0,10; (менее 0,01): вызывает неприятные</p>

СИЯ 0,08	чувства, <i>То же, что: (менее 0,01) санкция</i> СИЯ 0,17
Фразы 0,02: наложить 0,01; (менее 0,01): <i>взимать, взять, получить, не надо</i>	-
3 Не интерпретируются 5: <i>граф 2, шкаф</i> Не актуально 0,01 Индекс освоенности слова 0,99	Не интерпретируются 2: <i>теплый 2</i> Не актуально 0,02 Индекс освоенности слова 0,98

Комментарий

Лексема ШТРАФ в языковом сознании двух групп совпадает по двум значениям: *Наказание в виде денежной платы* и *Наказание за нарушение*.

Эндемичные значения не выявлены.

Значение *Наказание в виде денежной платы*

Оба значения являются актуальными для языкового сознания представителей конца XX в. и начала XXI в. (СИЯ 0,96 и 0,99 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как низкий.

Интегральные семантические компоненты темпоральных значений являются (1,72): *наказание 0,02 – 0,06; в виде денежной 0,12 – 0,19 платы 0,17 – 0,04; накладывается 0,03 за нарушение 0,04 – 0,11; бывает за безбилетный проезд в автобусе или трамвае 0,14 – менее 0,01; за нарушение правил дорожного движения 0,02 – 0,13; выписывается сотрудником милиции 0,04 – 0,10, сотрудником ГАИ 0,01 – 0,11; по размеру бывает большой 0,14 – 0,12; вызывает неприятные чувства 0,01 – 0,01; накладывается в административном порядке менее 0,01 – 0,01; за несвоевременную уплату менее 0,01 – 0,02; например, 100 рублей менее 0,01 – 0,03. Всего 28 сем.*

Наиболее яркие различия отмечены у интегральных сем: *в виде денежной 0,12 – 0,19 платы 0,17 – 0,04; бывает за безбилетный проезд в автобусе или трамвае 0,14 – менее 0,01; за нарушение правил дорожного движения 0,02 – 0,13; выписывается сотрудником милиции 0,04 – 0,10, сотрудником ГАИ 0,01 – 0,11.*

Дифференциальные семы представителей конца XX в. (0,23): *небольшой 0,02; 3 рубля 0,13; 10 рублей 0,03; 5 рублей 0,02; рубль 0,01; (менее 0,01): выписывается контролером, бывает несправедливый; противоположно при; 50 рублей; 30 рублей. Всего 10 сем.*

Дифференциальные семы представителей начала XXI в. (0,06): *содержится в квитанции 0,02; по 500 рублей 0,02; приносит убытки 0,01; (менее 0,01): за нарушение закона, за курение в неположенном месте, за дачу взятки. Всего 6 сем.*

Всего у данной пары совпадающих значений 44 семы, из них 28 интегральных и 16 дифференциальных сем. Индекс семного совпадения значений – 0,64; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,36. Совокупная яркость 28 интегральных сем значений – 1,72, что обеспечивает высокий уровень близости данных значений. У 16 дифференциальных сем индекс совокупной яркости в 6 раз ниже (0,29).

Таким образом, для языкового сознания носителей языка конца XX в. ШТРАФ – это денежная плата за безбилетный проезд, а для представителей начала XXI в. – это денежная плата за нарушение правил дорожного движения. Это связано с изменившимися социальными условиями жизни (увеличилась доля людей, которые ездят на личном автомобиле; повысился размер штрафа; ушли в прошлое контролеры, без оплаты нельзя пройти через турникет; появились другие разновидности штрафов).

Значение *Наказание за нарушение*

Оба значения относятся к периферийной части семантемы каждой группы испытуемых (СИЯ 0,08 и 0,17). Уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как низкий.

Интегральные семантические компоненты темпоральных значений являются (0,24): *наказание 0,03 – 0,06; накладывается за нарушение 0,04 – 0,10; вызывает неприятные чувства 0,01 – менее 0,01*. Всего 6 сем.

Дифференциальные семы у представителей конца XX в. отсутствуют; одна дифференциальная сема у представителей начала XXI в. – *то же, что санкция* (менее 0,01).

Всего у данной пары совпадающих значений 7 сем, из них 6 интегральных и 1 дифференциальная сема. Индекс семного совпадения значений – 0,86; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,14. Совокупная яркость 6 интегральных сем – 0,24, индекс яркости дифференциальных сем – менее 0,01.

Семантические различия в сопоставляемых значениях минимальны.

Индекс психолингвистической темпоральной специфики рассматриваемых лексем – низкий (количество семем совпадает, нет эндемичных значений; уровень семантической близости значений существенный). Есть отличия в параметре «Фразы»: прецедентные и сочетаемостные семы выявлены только у группы конца XX в.

Сопоставительное описание психолингвистических значений слов показало, что за последние 20 лет значения слов претерпели изменения, которые проявляются в исчезновении старых значений, появлении новых, изменении полевой структуры значения (изменении степени актуальности семем и семантических компонентов для носителей языка разных временных периодов).

Не вербализованными современными носителями языка оказались следующие значения слов: **БОЯТЬСЯ** – Переживать за кого-либо; **ДВИЖЕНИЕ** – Форма существования материи, Изменение положения тела или его частей в пространстве и др.; не актуальны для носителей языка конца XX в. значения слов: **ПАРТИЯ** – Женитьба или замужество, Отдельная часть в музыкальном произведении.

Было выявлено новое значение у слова **КУЛЬТУРА** – Телеканал «Культура».

Темпоральная специфика значения слова проявилась наиболее ярко в различиях полевой структуры слова (проявляется при сопоставлении совокупных индексов яркости соответствующих семем одноименного слова):

- большей яркостью в сознании современных носителей стали обладать следующие семемы: **ЖИЗНЬ** – Особая форма существования (0,21 – 0,36); **МАШИНА** – легковой автомобиль (0,34 – 0,52), **ДВИЖЕНИЕ** – Переход из одной стадии развития в другую (0,03 – 0,16); **ПАРТИЯ** – Политическая организация (0,45 – 0,54), Законченная игра (0,05 – 0,15);

- снизилась яркость значений слов: **ГАЗЕТА** – Стенное рукописное издание (0,23 – 0,01); **ЗЕМЛЯ** – Страна, государство (0,13 – 0,08); **ИНСТИТУТ** – Высшее учебное заведение (0,34 – 0,18).

Существенных изменений в семантической структуре семантемы не отмечено у 75% слов (ЖИЗНЬ, ЗЕМЛЯ, НУЖНЫЙ, ДАЛЕКИЙ, НАУКА, КОНЕЦ, ИНСТИТУТ и др.).

Темпоральная специфика значений слов была выявлена и на семном уровне:

- повысилась яркость таких сем, как: ГАЗЕТА – содержит новости (0,02 – 0,07); БОЯТЬСЯ – испытывать страх (0,06 – 0,21); ЗЕМЛЯ – планета (0,06 – 0,14); ПАРТИЯ – например, ЛДПР (0,01 – 0,06) и др.;

- снизилась яркость сем: ГАЗЕТА – например, «Правда» (0,16 – 0,01); ДВИЖЕНИЕ – вперед (0,23 – 0,12); ИНСТИТУТ – бывает педагогический (0,06 – 0,01); ПАРТИЯ – например, КПСС (0,10 – 0,02) и др.;

- актуализировались в языковом сознании только современных носителей языка семы: ГАЗЕТА – предназначена для чтения 0,06; ДЕНЬГИ – хранятся в банке 0,04; КУЛЬТУРА – например, речи 0,16; ИДЕЯ – требует реализации 0,04; ПАРТИЯ – в политике 0,06 и др.;

- не вербализованы в современном языковом сознании семы: ДЕНЬГИ – бывают большие; КУЛЬТУРА – бывает высокого уровня; НУЖНЫЙ – человек; ПОЛИТИЧЕСКИЙ – например, анекдот, скандал и др.

Отметим, что семные темпоральные различия отмечены в семантической структуре всех 20 слов.

Были выявлены и изменения в оценочности значений слов:

- одобрительная оценка усилилась у слов: МАШИНА (5% реакций ассоциативного поля конца XX в. и 10% ассоциатов в XXI в.) и др.;

- одобрительная оценка снизилась у слов: ГАЗЕТА (13% в конце XX в. и 2% в XXI в.); ПОЛИТИЧЕСКИЙ (12% в конце XX в. и 1% в XXI в.); НАРОД (13% в конце XX в. и 7% в XXI в.);

- неодобрительная оценка усилилась у слов: ДЕНЬГИ (9% в конце XX в. и 16% в XXI в.) и др.;

- степень неодобрения понизилась у слов: ВОЕННЫЙ (9% в конце XX в. и 3% в XXI в.); ЖИЗНЬ (18% в конце XX в. и 9% в XXI в.); КОНЕЦ (27% в конце XX в. и 17% в XXI в.); НАРОД (15% в конце XX в. и 6% в XXI в.) и др.

2.5. Психолингвистическое описание значений слов разных частей речи

Объектом семантического анализа чаще всего становятся имена существительные [Калинина 1999; Маклакова 2013; Миклашевский 2018; Павлова 2011 и др.], имена прилагательные [Босова 1998; Ильдарова 2011; Кожемякина 2001; Спиридонова 2000; Терехова 2002 и др.], глагольные формы [Апресян 1965; Галиева 2016; Исаева 2008; Минина 1995;

Скребцова 1996 и др.]. При этом в основном используются традиционные методы исследования значения слов.

В психолингвистических исследованиях также большая часть анализируемых языковых единиц относится к названным трем классам слов, поскольку они входят в ядро частотной лексики и легче «поддаются» психолингвистическому описанию. Однако, как показала практика, разработанная нами психолингвистическая модель описания значения слова может быть с успехом применена для психолингвистического описания семантики слов и других частей речи.

Психолингвистическое описание семантики наречий

Семантика наречий, даже с помощью традиционных методов (компонентный, контекстный и др. анализ), становится объектом исследования ученых достаточно редко. Отметим работы [Егорова 2000; Ивановский 2006; Моисеева 2021; Набатчикова 1997; Панков 2008; Панфилов 2017, 2018; Попов 1984; Савелова 2018; Сидорова 2017; Сурган 2015; Тропинина 2007; Филипенко 2003 и др.].

Семантика наречий может быть описана психолингвистическими методами. Покажем это на примере синонимичных наречий **БЕСПЛАТНО** и **ДАРОМ**.

Ассоциативное поле [РАС 2002]

БЕСПЛАТНО 100: не бывает 5; проезд 4; даром 3, достать 3, ездить 3, ехать 3, получить 3, проехать 3, пройти 3; билет 2, дать 2, на халяву 2, питаться 2, пообедать 2; быстро, в долг, в кино, взять, все, всем, вход, выдано, выдать, где это выдано?, гуманитарная помощь, дар, дают, делать, деньги, для детей, ездить в трамвае, есть, жалко, жить, информация, коммунизм, конец, купить, лечить, лечиться, льготы, могу съесть соль, не знаю, невкусно, недоверие, недорого, ничего, ничего не делается, одеться, отдать, пить, плохо, пожить, получать, право, приобрести, приятно, пройти куда-либо, работать, радость, раздавать, раздают вещи, рублевая банкнота, сходить в кино, уехать, умереть, ура, учиться, халява, хорошо, хотеть, чертить, что? 1; отказ 1.

БЕСПЛАТНО

1. [Без оплаты] получать 0,08, например, право 0,02 проезда в транспорте 0,15; право получать вещи 0,03, информацию 0,01; право посещать что-либо 0,09, возможность питаться 0,05, жить где-либо 0,02, пить 0,01, учиться 0,01, лечиться 0,01, умереть 0,01; предназначено для всех 0,01, для детей 0,01; невысокого качества 0,02; бывает при коммунизме 0,01; вызывает позитивные чувства 0,03, вызывает одобрение 0,02; вызывает недоверие 0,01.

То же, что: даром 0,04, на халяву 0,02, халява 0,01

Противоположно: за деньги 0,01, купить 0,01, приобрести 0,01, в долг 0,01

СИЯ 0,71

2. [Без оплаты] давать 0,07 вещи 0,03, информацию 0,01; предоставлять право 0,02 проезда в транспорте 0,04, посещения чего-либо 0,03; предназначено для детей 0,01, для всех 0,01; невысокого качества 0,02; бывает при коммунизме 0,01; вызывает чувство досады 0,02.

То же, что: даром 0,04

Противоположно: за деньги 0,01, в долг 0,01

СИЯ 0,33

3. [Без оплаты] работать 0,02, например, чертить 0,01, лечить 0,01; некачественно 0,01; вызывает чувство досады 0,02.

То же, что: даром 0,04

Противоположно: за деньги 0,01

СИЯ 0,12

4. Недорого 0,01 купить 0,02.

То же, что: даром 0,03

СИЯ 0,06

Фразы 0,09: бесплатно ничего не делается 0,02, бесплатно не бывает 0,05; бесплатно могу съесть соль 0,01; всё 0,01

Не интерпретируются 0,05: *не знаю, конец, быстро, что?, где это видано?*

Не актуально (отказ 1): 0,01

Ассоциативное поле [РАС 2002]

ДАРОМ 102: не надо 9, отдать 9; взять 6; подарок 5; бесплатно 4; дам 3, деньги 3, не пройдет 3, просто так 3; брать 2, вещь 2, за так 2, на халяву 2, продать 2, просто 2, халява 2; безвозмездно, Винни Пух, возьму, время, вряд ли, все не дается, все прошло, давай, дать, даю, дают, досталось, ерунда, ждать, жизнь, за деньги, зря, и кошки, Лермонтов, миром, не возьму, не дают, никогда, ничего, ничего не дается, ничего не делают, ничего не получить, ничего нет, ничто, отдавать, отдавать бесплатно, отдал, отходы, подарить, поесть, получить, помочь, пропасть, смерть, татарам, транжир, тратить, ударить 1; отказ 0.

ДАРОМ

1. Бесплатно 0,05 давать 0,19 вещь 0,03, кошку 0,01; обычно малоценное 0,02; бесплатно оказывать помощь 0,01; вызывает неодобрение 0,01.

То же, что: в подарок 0,06; просто так 0,03; за так 0,02, безвозмездно 0,01

Противоположно: за деньги 0,04, продать 0,02

СИЯ 0,50

2. Бесплатно 0,04 получать 0,11 вещь 0,03, еду 0,01, кошку 0,01; обычно малоценное 0,02.

То же, что: в подарок 0,06; просто так 0,03; за так 0,02; на халяву 0,02; халява 0,02, безвозмездно 0,01

Противоположно: за деньги 0,04

СИЯ 0,42

3. За [небольшие] деньги 0,04 продать 0,02; вызывает неодобрение 0,01.

То же, что: за так 0,02

СИЯ 0,09

4. Зря 0,01 делать что-то 0,01, например, тратить время 0,02, погибать 0,02, проводить жизнь 0,01.

СИЯ 0,07

Фразы 0,24: даром не надо 0,09; ничто не дается даром 0,06; даром не пройдет 0,03; просто даром 0,02; никогда 0,01; вряд ли 0,01; даром не возьму 0,01; фраза «Безвозмездно, то есть даром!» из сказки о Винни Пухе 0,01

Не интерпретируются 0,04: *ударить, миром, ждать, татарам*

Не актуально (отказ 0): 0

Сопоставительный анализ семантики слов показывает, что лексемы БЕСПЛАТНО и ДАРОМ являются синонимичными по двум значениям: «Получать без оплаты, например, право проезда в транспорте / Получать бесплатно вещи»; «Давать без оплаты вещи / Давать бесплатно вещь», – поскольку лексемы в данных значениях толкуются в эксперименте друг через друга: БЕСПЛАТНО – даром 0,04; ДАРОМ – бесплатно 0,05. Синонимичными словам БЕСПЛАТНО и ДАРОМ являются выражения *за так, на халяву, халява, просто так, в подарок, безвозмездно*, антоним – *за деньги*.

Были выявлены эндемичные значения: БЕСПЛАТНО – 3. *Работать без оплаты* (СИЯ 0,12); 4. *Недорого купить* (СИЯ 0,06); ДАРОМ – 3. *Продать за небольшие деньги* (СИЯ 0,09); 4. *Делать что-то зря* (СИЯ 0,07).

В языковом сознании значения слов ДАРОМ и БЕСПЛАТНО «Получать вещь без оплаты» и «Давать вещь без оплаты» представлены отдельно, тогда как в лексикографических источниках – это одно значение «Предоставлять или получать что-то без оплаты». Выделение двух отдельных значений по результатам психолингвистического анализа связано с тем, что психолингвистические семемы имеют отличные друг от друга коннотативные семы (получать без оплаты – хорошо, приятно, радостно; давать без оплаты – жалко, так делают транжиры), есть отличия и в симилиативных связях (получать без оплаты – на халяву, халява; давать без оплаты – просто так, за так).

Не актуальной для языкового сознания носителей языка оказалась лексикографическая семема «Без затраты сил, без труда; легко» слова ДАРОМ, которая приведена только в БТС.

Отметим, что психолингвистическое описание семантики наречий, которая в лексикографических изданиях представлена очень общо, расплывчато, позволяет уточнить семантическое содержание слов данного класса, сформулировать их дефиниции, выявить актуальные для языкового сознания носителей языка значения.

Психолингвистическое описание семантики имен числительных

Имя числительное занимает особое место в грамматической системе языка и представляет собой группу слов, выделяемую в содержательном и функциональном отношении. Вопрос о семантике числительных долгое время вызывал много дискуссий и решался неоднозначно. Исследование семантики имени числительного традиционными методами проведено в работах [Беловольская 1990; Брусенская 1994; Приемышева 1999; Чеснокова 1997; Шондуг Баясгалан 2006 и др.].

Нами было проведено психолингвистическое описание семантики имен числительных, обозначающих числа первого и второго десятков, и слова НОЛЬ.

На первом этапе исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент со стимулами ОДИН, ДВА, ТРИ, ПЯТЬ, СЕМЬ, ДЕВЯТЬ, ОДИННАДЦАТЬ, ДВЕНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, ПЯТНАДЦАТЬ, ШЕСТНАДЦАТЬ, СЕМНАДЦАТЬ, ВОСЕМНАДЦАТЬ, ДЕВЯТНАДЦАТЬ, ДВАДЦАТЬ. Всего в опросе приняло участие более 500 респондентов; возраст испытуемых – от 17 лет и старше; в основном – жители г. Воронежа. Ассоциативные поля – НОЛЬ, ЧЕТЫРЕ, ШЕСТЬ, ВОСЕМЬ, ДЕСЯТЬ – были взяты из РАС (2002).

Ассоциативные поля стимулов были подвергнуты семантической интерпретации, сформулированы психолингвистические значения имен числительных.

Приведем пример психолингвистических описаний числительных ТРИ и ОДИННАДЦАТЬ.

Ассоциативное поле

ТРИ 100: богатыря 16; поросенка 11; оценка 8; танкиста, товарица («Три товарища») 7; три кота, четыре 6; мушкетера 5; аккорда 3; всадника, года, два, пальца, сестры 2; в ряд, звонка, зачет, недели, книги, попытки, три, трижды три, цифра, ядра 1; отказ 11.

ТРИ

1. [Количество единиц, предметов], например, [три] богатыря 0,16, поросенка 0,11, танкиста 0,07, товарища 0,07, кота 0,06, аккорда 0,03, всадника 0,02; года 0,02; пальца 0,02; сестры 0,02, звонка 0,01, недели 0,01, книги 0,01, попытки 0,01, ядра 0,01; расположены в ряд 0,01.

СИЯ 0,64

У него было всего три рубля. Дом в три этажа.

2. Оценка 0,08 [успеваемости учащегося]; [используется в пятибалльной системе] наряду с четыре 0,06, два 0,02; дает право получить зачёт 0,01 [по сдаваемой дисциплине].

СИЯ 0,17

Получить три по химии.

3. Цифра 0,01; входит в цифровой ряд наряду с четыре 0,06, два 0,02.

СИЯ 0,09

Написать на доске три. Выступить под цифрой три.

4. [Число, состоящее из трех единиц]; входит в числовой ряд наряду с четыре 0,06; два 0,02.

СИЯ 0,08

Три прибавить к четырем.

Фразы 0,59: сказка и мультфильм «Три богатыря» 0,16; сказка «Три поросёнка» 0,11; роман Э.М. Ремарк «Три товарища» 0,07; песня «Три танкиста» 0,07; мультфильм «Три кота» 0,06; роман А. Дюма «Три мушкетера» 0,05; музыкальная телепередача «Три аккорда» 0,03; пьеса А.П. Чехова «Три сестры» 0,02; трижды три 0,01; счет три – три 0,01

Не интерпретируются 0

Не актуально 0,11

Ассоциативное поле

ОДИННАДЦАТЬ 100: лет 14; часов 13; друзей, число 9; друзей Оушена 5; класс, школа 4; барабанные палочки, двенадцать 3; дней, сериал, цифра 2; армян, братьев, вечер, время, день рождения, домов, лото, лун, людей, миллионов, минут пятого, обезьян, повторение, примеров, ребят, рублей, русский язык, свита, стульев, тысяч, футболистов, человек 1; отказ 8.

ОДИННАДЦАТЬ

1. Количество единиц

[*Количество единиц, предметов*], например, [одиннадцать] часов 0,15, лет 0,15, друзей 0,09, человек 0,03, дней 0,02, армян 0,01, братьев 0,01, ребят 0,01, футболистов 0,01, минут 0,01, рублей 0,01, домов 0,01, миллионов 0,01, повторений 0,01, тысяч 0,01, обезьян 0,01, примеров 0,01, стульев 0,01.

СИЯ 0,57

В команде было одиннадцать человек.

2. Число, состоящее из одиннадцати единиц

Число 0,09, [состоящее из одиннадцати единиц]; входит в числовой ряд с двенадцать 0,03.

СИЯ 0,12

К одиннадцати прибавьте два.

3. Номер

Номер, например, класса 0,04, школы 0,04; [бочонка] в лото 0,01, который имеет название «барабанные палочки» 0,03.

СИЯ 0,12

В этом конкурсе школа одиннадцать вырвалась вперед.

4. Цифра

Цифра 0,02.

СИЯ 0,02

Фразы 0,08: американский фильм «Одиннадцать друзей Оушена» 0,05; молодежный сериал «Одиннадцать» (O11CE) 0,02; песня «Одиннадцать лун» Исполнитель Желаний & MAYSON 0,01

Не интерпретируются 0,01: *русский язык*

Не актуально 0,08

Анализ полевой структуры психолингвистических значений имен числительных показал, что у всех лексем, кроме слова НОЛЬ, в ядре находится значение «Количество единиц». Самый высокий показатель индекса яркости этой семемы у числительного ШЕСТНАДЦАТЬ (СИЯ 0,83), ниже – у числительного ТРИНАДЦАТЬ (СИЯ 0,40). Числительное НОЛЬ в языковом сознании носителей языка является двуядерным – в ядре находятся два значения «Цифра 0» (СИЯ 0,18), «Число 0» (СИЯ 0,18).

Анализ структуры ассоциативных полей и психолингвистических дефиниций выявил отсутствие оппозитных связей всех анализируемых слов.

В ассоциативных полях семи стимулов – имен числительных (33% от общего количества исследуемых слов) присутствуют ассоциаты, указывающие на симилиативные связи: ДВА – пара; ЧЕТЫРЕ – хорошо; ПЯТЬ – отлично; ШЕСТЬ – шестерка; ВОСЕМЬ – восьмерка; ДВЕНАДЦАТЬ – дюжина; ТРИНАДЦАТЬ – чертова дюжина. Наибольшее количество ассоциатов-симиларов выявлено у лексем ТРИНАДЦАТЬ и ДВЕНАДЦАТЬ.

Сравнение структуры лексикографических и психолингвистических семантем имен числительных показывает, что полностью совпадают как по структуре, так и по количеству семем лексикографические и психолингвистические семантемы четырех имен числительных: СЕМЬ, ДЕВЯТЬ, ДЕВЯТНАДЦАТЬ и ДВАДЦАТЬ (19% от общего количества исследуемых лексем). Совпадают по структуре семантемы (порядок следования значений), но различаются по количеству семем следующие лексем: ДВА, ШЕСТЬ, ВОСЕМЬ, ДЕСЯТЬ, ОДИННАДЦАТЬ, ДВЕНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, ПЯТНАДЦАТЬ, ШЕСТНАДЦАТЬ, СЕМНАДЦАТЬ, ВОСЕМНАДЦАТЬ – всего 12 лексем (57% от общего количества исследуемых лексем).

Не вербализованы лексикографическая семема лексемы ДВА «Несколько, немного, небольшое число, количество» (*Жить в двух шагах*); лексикографическое значение лексемы ДВЕНАДЦАТЬ – «Высшая отметка об успеваемости в 12-балльной системе» [МАС]; лексикографическое значение лексемы ПЯТНАДЦАТЬ – «Цифра, обозначающая число 15» (БТС, ТСУ).

В эксперименте были выявлены контаминированные значения у числительного ШЕСТЬ: «Человек» (контаминация со словом «шестерка»); «Шерсть» (контаминация по фонетическому признаку).

Не зафиксированы в лексикографических источниках семемы:

- «Номер» – у слов ВОСЕМЬ, ОДИННАДЦАТЬ, ДВЕНАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТЬ, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, СЕМНАДЦАТЬ, ВОСЕМНАДЦАТЬ;

- «Цифра» – у слов ДЕСЯТЬ, ТРИНАДЦАТЬ, ЧЕТЫРНАДЦАТЬ, ПЯТНАДЦАТЬ, ШЕСТНАДЦАТЬ,

Совпадают по количеству семем, но различаются по порядку следования семем семантема лексемы ПЯТЬ: в лексикографическом значении семема «Оценка успеваемости учащегося» приводится после «количественных значений» слова, а в психолингвистической семантеме она занимает место в ближней периферии значения.

Различаются как по структуре, так и по количеству семем следующие лексем: НОЛЬ, ОДИН, ТРИ и ЧЕТЫРЕ. У всех слов оказались не актуальными для языкового сознания носителей языка 1-2 семемы.

Был также проведен анализ параметра «Фразы», который включает прецедентные тексты и примеры сочетаемости имен числительных.

Наибольшая наполняемость параметра отмечена у стимулов СЕМЬ, ТРИ, ДЕВЯТЬ, НОЛЬ, ОДИН.

В качестве примера приведем лексему СЕМЬ 0,63: сеть магазинов «Семь дней» 0,26; сказка братьев Grimm «Белоснежка и семь гномов» 0,11; семь раз отмерь, один отрежь 0,05; семеро одного не ждут 0,02; семь топоров вместе лежат, а две прялки врозь 0,02; американский фильм «Семь» 0,02; семь бед – один ответ 2; семья – это семь «Я» 0,04; семь чудес света 0,04; семь смертных грехов 0,02; семь пядей во лбу 0,02; семь лет в обед 0,01 (*семь лет в обед* – контаминация с выражением «сто лет в обед»).

Ассоциативные поля остальных числительных содержат небольшое количество подобных реакций. Анализ показывает, что чаще всего актуализируются наименования фильмов, художественных произведений, названий песен, музыкальных групп. Отмечены ассоциаты, вербализующие пословичный фонд русского языка, реже встречаются наименования магазинов, возможных фраз и др. Данная информация имеет культурологический характер и интересна, в первую очередь, людям, изучающим русский язык как иностранный.

Психолингвистическое описание семантики местоимений

В современном языкознании не существует единого мнения в отношении семантики местоимений. Основные отличия во мнениях исследователей сводятся к следующим утверждениям; 1) местоимения обладают своим собственным лексическим значением [Вольф 1974; Ревзина 1971; Селиверстова 1988]; 2) местоимения лишены конкретного лексического значения, они обладают обобщенным значением, которое актуализируется в контексте или речевой ситуации [Вейхман 2002; Иванова 1981]; 3) существует особый тип значения – «местоименный» [Смирницкий 1959; Стеблин-Каменский 1974].

Большинство современных исследователей считает, что у местоимений отсутствует конкретное лексическое значение. Это основывается на утверждении, что местоимения не называют предмет, признак, свойство или свойство свойства прямо, а лишь указывают на них. Их значение определяется как общее или обобщенное, конкретизирующееся ситуацией, что позволяет говорить о более абстрактном характере местоимения по сравнению с содержанием имени существительного, имени прилагательного, наречия, которые называют предметы, признаки и свойства.

Продемонстрируем психолингвистическое описание семантики местоимения по разработанной нами модели на примере местоимения МОЙ. Материалом исследования послужили ассоциативное поле стимула МОЙ, представленное в «Русском региональном ассоциативном словаре-

тезаурусе» (свободный ассоциативный эксперимент) [ЕВРАС], а также данные толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова [БТС].

МОЙ

1. Принадлежащий, свойственный 0,08 мне 0,03 [предмет], [животное]; это, например, дом 0,16; телефон 0,03; собственность 0,03;

то же, что свой 0,02; личный 0,02; собственный 0,02;

противоположно твоей 0,06;

менее 0,01: это, например, компьютер, кот, мозг, автомобиль, адрес, вещь, дневник, мяч, номер, язык; авто, айпод, байк, глаз, диплом, диск, документ, игрушка, ключ, комп, конспект, кролик, листик, личность, мотоцикл, окно, палец, паспорт, подарок, попугай, портрет, пульт, сад, самокат, сервачок, стол, студенческий билет, учебник, хомяк, член, штора, щенок; это навсегда, является неприкосновенным, этим можно делиться; бывает общим; нужный мне, к этому испытывают чувство привязанности; то же, что мое, ничей другой, частный; противоположно ничей, ваш, не мой, чужой; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *my*, это местоимение, является показателем рода имени существительного; символическая актуализация – прижать; коммуникативная реакция – не отдаю; вызывает одобрение.

СИЯ 0,53

Принесите мое пальто.

2. Связанный со мной 0,03 отношениями родства 0,02; отношениями дружбы 0,12, любви 0,06;

противоположно твоей 0,06;

менее 0,01: связанный отношениями родства, это, например, брат, сын; отец, папа, ребенок; связанный отношениями дружбы и любви, это, например, муж, человек; мужчина, Бог, герой, дорогой, милый, приятель, бедный, близкий, Вероника, генерал, кумир, молодой человек, ты!!!; связанный деловыми отношениями, например, почтальон; может быть общим; это навсегда; противоположно ваш, не мой, чужой; известно выражение «ты мой герой», известен роман Т. Устиновой и сериал «Мой генерал», песня М. Хлебниковой «Мой генерал»; известна американская комедия «Мой любимый марсианин»; известны стихи Б.Окуджавы «Мой почтальон»; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *my*, местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,30

Мой папа – самый сильный мужчина.

3. Такой, к которому я 0,3 принадлежу; это, например, мир 0,07; город 0,01;

то же, что свой 0,02;

противоположно твоей 0,06;

менее 0,01: это, например, рай, край, класс, народ, род; противоположно ваш, не мой, чужой; это навсегда, близкий мне; известна песня певицы МакСим «Мой рай»; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *my*, местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,22

Моя родина ждет от меня подвиг.

4. Осуществляемый, совершаемый мною 0,04 (объект); это, например, день 0,02;

то же, что свой 0,02; личный 0,02; собственный 0,02;

противоположно твоей 0,06;

менее 0,01: долг, взгляд, ответ, свет, стиль, судьба, язык; вакуум, вечер, вой, вред, выбор, каприз, любимый урок, объятия, план, путь, шанс; бывает общий; то же, что частный; противоположно ваш, не мой, чужой; метаязыковые признаки – есть другая

форма слова – моё; по-английски *tu*, местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,20

Тебе мой совет не нужен.

5. Свойственный мне, характерный для меня 0,03 мне 0,03 [объект];

то же, что свой 0,02; личный 0,02; собственный 0,02;

противоположно твой 0,06;

менее 0,01: это, например, характер; возраст, свет, эгоизм, язык; голос, дух, личность, интеллект, любимый урок, маразм, привязанность; противоположно ваш, не мой, чужой; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *tu*, это местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,17

Вам лучше не знать мой возраст.

6. [Руководимый мною, преданный мне];

то же, что свой 0,02; личный 0,02;

противоположно твой 0,06;

менее 0,01: это, например, класс, личный состав, народ; противоположно ваш, не мой, чужой; метаязыковые признаки – есть другая форма слова – моё; по-английски *tu*, местоимение, является показателем рода имени существительного.

СИЯ 0,09

Как руководитель я заявляю: в моей бригаде никогда не будет воровства.

7. Возлюбленный 0,06;

то же, что любимый 0,03;

менее 0,01: муж; обнимает; это, например, ты, он; то же, что муж, единственный, дорогой, милый.

СИЯ 0,08

Мой вчера не пришел домой.

8. (*менее 0,01*) Очищать [что-либо от грязи], например, посуду; метаязыковые признаки – относится к глаголу, входит в состав слова «Мойдодыр».

СИЯ 0,006

Мой руки перед едой!

Не интерпретируются 5: *мой 3, значит мой, конечно мой*

Не актуально 0,01

Психолингвистический анализ значения местоимения МОЙ показал, что для носителей языка не актуальна лексикографическая семема «Переживаемый, испытываемый мною» (*мои радости; моя скорбь; мои чувства*), она не вербализована в эксперименте. Все остальные лексикографические значения актуальны.

В языковом сознании носителей языка наиболее ярко представлены семемы «Принадлежащий мне» и «Связанный со мной отношениями родства, дружбы». Было отмечено, что значения «Принадлежащий мне» и «Свойственный мне, характерный для меня» в языковом сознании испытуемых представлены отдельно (в лексикографическом значении они не различаются).

Значения слова МОЙ в основном вычлняются по сочетаемости с существительными, семантика которых указывает на значения местоимения.

Анализ экспериментального материала выявил, что в языковом сознании с лексемой МОЙ связаны два значения, которые не соотносятся с лексико-грамматическим значением местоимения, – «Возлюбленный, муж» (субстантивированное слово) и «Очищать» (глагольная категория), что свидетельствует о том, что в языковом сознании местоименные и неместоименные значения слова не разделяются.

Аналогично можно описать психолингвистическое значение и других местоименных слов русского языка.

Психолингвистическое описание семантики фразеологических выражений

Разработанная нами методика психолингвистического описания семантики лексических единиц может быть использована и для исследования значений устойчивых выражений.

Материалом исследования послужили экспериментальные данные, полученные с помощью свободного ассоциативного эксперимента со стимулами – фразеосочетаниями, заимствованных из древнегреческой мифологии с компонентом «имя собственное»: *авгиевы конюшни, ахиллесова пята, вещь Кассандра, дамоклов меч, кануть в Лету, между Сциллой и Харибдой, нить Ариадны, объятия Морфея, пиррова победа, прокрустово ложе, прометеев огонь, сизифов труд, слава Герострата, танталовы муки, троянский конь, узы Гименея, ящик Пандоры*. Всего 17 единиц.

В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие 125 и более испытуемых в возрасте от 15 до 70 лет: среди них две трети – женщины, одна треть – мужчины; студенты Воронежского государственного университета, школьники, инженеры, художники, менеджеры, экономисты и др. Родной язык испытуемых – русский. Форма опроса – письменная. Время проведения эксперимента – 2021-2022 гг.

Затем были сформированы ассоциативные поля стимулов. Приведем ассоциативные поля двух стимулов.

АВГИЕВЫ КОНЮШНИ 125: грязь 13; беспорядок 8; Геракл 6; кони 5; лошадь 4; грязная работа; конь 3; бардак; грязно; конюшни; сильный беспорядок 2; авгиевы; беспорядок/бардак; боги; вода; воняет; греческая культура; грязное; грязные конюшни; грязный; грязь, скот, запущение; дом; загрязненные конюшни из мифологии; закон; запара; запах сена; конек-горбунок; копыта; крайне запущенные; легенда; мифология; много всего, некому ухаживать за этим; навоз; непаханое поле; нет; очень большой беспорядок; очень грязное место; подвиг; подвиги Геракла; рай; река; роскошь; рутина; сарай; сильный беспорядок, запущенность в делах или помещение, в котором царит грязь и беспорядок; скачки; сложная работа; сложное испытание; срач; старинная конюшня; стойла; страна; труд; тяжелая, муторная задача; ужасная, нескончаемая грязь; ферма; хаос; хитрость; хлев и река; царь; что-то грязное; что-то запущенное,

грязное; что-то захламленное, грязное; что-то очень грязное; что-то усложненное, запутанное; шоры 1; отказ 20.

ОБЪЯТИЯ МОРФЕЯ 125: сон 74; спать 5; крепко; сладко спать; смерть 2; благословение; блаженное состояние; Булгаков; глубокий сон; дрема; дурман от любви; наркотик; неощутимые; нет сил бороться со сном; морфин; мутный туман; мягкость, спокойствие, сон; одеяло; пафосное выражение сна; покой; потеря времени; приятно; сладкий сон; сновидения; сонное состояние; сон, небытие; сон, смерть; сон, уютная постель; спокойствие; спокойствие, умиротворение; счастье; удушье; уснуть; фикбук; хороший сон; царство сновидений; эйфория под чем-нибудь 1; отказ 8.

При обработке полученных экспериментальных данных было отмечено большое количество нулевых ответов (отказов), что свидетельствует о малой актуальности отдельных фразеологических единиц для языкового сознания опрошенных, а также о недостаточной сформированности ассоциативных связей фразеологизма с другими единицами ассоциативно-вербальной сети конкретных испытуемых. При личном обращении к испытуемым было выявлено, что фразеологизмы с высоким уровнем нулевых ответов мало знакомы носителям языка или их семантика им мало понятна.

Укажем фразеологизмы с высоким уровнем нулевых ответов: ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ, СЛАВА ГЕРОСТРАТА (30 и более процентов отказов); АВГИЕВЫ КОНЮШНИ, МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ, ПИРРОВА ПОБЕДА, ВЕЩАЯ КАССАНДРА, ТАНТАЛОВЫ МУКИ, УЗЫ ГИМЕНЕЯ (20-30 процентов отказов); ДАМОКЛОВ МЕЧ, НИТЬ АРИАДНЫ, СИЗИФОВ ТРУД (10-20 процентов отказов).

Хорошо освоенным фразеологизмом является устойчивое сочетание АХИЛЛЕСОВА ПЯТА (отказы отсутствуют). Небольшое количество отказов отмечено у таких фразеологических единиц, как КАНУТЬ В ЛЕТУ, ТРОЯНСКИЙ КОНЬ, ОБЪЯТИЯ МОРФЕЯ, ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ, ЯЩИК ПАНДОРЫ.

На следующем этапе исследования ассоциативные поля стимулов были семантически интерпретированы и представлены как семантические компоненты психолингвистических значений соответствующих фразеологических выражений.

Представим психолингвистическое описание семантики выражений.

АВГИЕВЫ КОНЮШНИ

1. [Место], очень грязное 0,25, запущенное, находящееся в беспорядке 0,17, с большим количеством вещей 0,01, например, помещение для людей 0,02, для животных 0,22, неприятно пахнет 0,02. СИЯ 0,71.

Пример употребления: *Она являлась регулярно раз в неделю, чтобы разгрести мои авгиевы конюшни, и мы пили чай-кофе в завалах кухни, ведя долгие-предолгие беседы, пока пыль, медленно плавая, совершала свой естественный кругооборот, укладываясь в нужные ей места* (Васильева С. Триптих с тремя неизвестными // Октябрь. 2001. № 12).

2. В древнегреческой мифологии 0,04 конюшни 0,05 царя Авгия 0,02, были очищены Гераклом 0,06 от грязи 0,25 с помощью реки 0,02. СИЯ 0,44.

Пример употребления: *Геракл, очистив Авгиевы конюшни и победив царя Авгия, учредил Олимпийские игры* (Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. 1998).

3. Крайний беспорядок в делах, запущенность в чем-либо 0,18, например, в домашнем хозяйстве 0,02, в государственных делах 0,02. СИЯ 0,22.

Пример употребления: *В это время в отделение полиции Бейт-Шемеша пришел новый начальник, который разогнал половину подчиненных, набрал своих людей и приказал разгрести до основания авгиевы конюшни этого богоспасаемого полицейского участка* (Рубина Д. Медная шкатулка. 2011-2015).

4. Сложная задача, испытание 0,07, требует больших усилий 0,07 или хитрости 0,02, муторная 0,01. СИЯ 0,17.

Пример употребления: *А не люблю я тех клиентов, которые сначала надуют щеки, что они сами с усам и все знают, напортчат, а потом приходят к нам: разгребите, пожалуйста, авгиевы конюшни* (Мы просто стараемся работать добросовестно в интересах наших клиентов // Управление персоналом. 15.11.2004).

Психолингвистическая семантика фразеологизма АВГИЕВЫ КОНЮШНИ включает четыре семемы (в отличие от лексикографической семантемы, содержащей только два значения).

Ядерную часть семантемы занимает «фразеологическое значение» – семема «Очень грязное, запущенное помещение» (СИЯ 0,71).

К ближней периферийной зоне относится семема «В древнегреческой мифологии конюшни» (СИЯ 0,44), указывающая на источник фразеологизма – древнегреческий миф о подвиге Геракла. К дальней периферийной зоне значения относятся две семемы – «Крайний беспорядок в делах» (СИЯ 0,22; соотносится с лексикографическим «фразеологическим значением») и «Сложная задача» (СИЯ 0,17). Последнее значение выявлено экспериментально. Крайняя периферия значения семемами не представлена.

ОБЪЯТИЯ МОРФЕЯ

1. Сон 0,75, бывает крепкий 0,03, приятный 0,06, спокойный 0,03, долгий 0,01, под одеялом 0,01, в уютной постели 0,01. СИЯ 0,90.

Пример употребления: *Он увидел темное море и не увидел шестикрылых серафимов в блеклом, без звезд небе. Пора было в объятия Морфея. Иные объятия в наши лета, увь, не столь желанны* (Давыдов Ю. Синие тюльпаны. 1988-1989).

2. Состояние 0,01 эйфории 0,03, затуманенное 0,02; под воздействием наркотического вещества 0,03, влюбленности 0,01; приводит к потере чувства времени 0,01. СИЯ 0,11.

Пример употребления отсутствует.

3. Объятия, бывают крепкие 0,02, неощутимые 0,01; вызывают приятные чувства 0,02. СИЯ 0,05.

Пример употребления отсутствует.

4. Смерть 0,04. СИЯ 0,04.

Пример употребления отсутствует.

Психолингвистическая семантика фразеологизма ОБЪЯТИЯ МОРФЕЯ включает четыре семемы (в отличие от лексикографической семантемы, в состав которой входит только одно значение).

В ядре психолингвистического значения находится семема «Сон» (СИЯ 0,90), соответствующая «фразеологическому значению» данного выражения.

По данным ассоциативного эксперимента были выявлены три контаминированные семемы, не отмеченные в словарных источниках и входящие в периферийную зону значения. Дальнюю периферию составляет семема «Состояние эйфории под воздействием чего-либо» (СИЯ 0,11) – контаминация со словом «морфий». К крайней периферии относятся две семемы – «Объятия» (СИЯ 0,05) и «Смерть» (СИЯ 0,04). Ближняя периферия значения фразеологического оборота не представлена.

Среди ассоциатов также была отмечена метаязыковая сема, указывающая на стилистическую окраску фразеологической единицы – пафосное выражение сна.

Сопоставление двух типов значения (лексикографического и психолингвистического) показывает, что психолингвистическое значение значительно шире лексикографического: все лексикографические «фразеологические» значения были актуализированы в ходе эксперимента, в эксперименте выявлены дополнительные семемы, не отмеченные в словарях.

В семантемах практически всех описанных фразеологических единиц выделяется три типа значения: фразеологическое, мифологическое и контаминированное. К ядерной части семантем исследуемых устойчивых выражений относятся «фразеологические значения», только у фразеологизма АХИЛЛЕСОВА ПЯТА отмечено ядро семантемы, в состав которого входят два значения – «фразеологическое» и «мифологическое». Яркой особенностью семантики фразеологических выражений в языковом сознании носителей языка является то, что, кроме «фразеологических значений», в состав семантем проанализированных выражений входят «мифологические» значения (у фразеологизмов УЗЫ ГИМЕНЕЯ и ОБЪЯТИЯ МОРФЕЯ отсылка к древнегреческим преданиям имеет неявный характер). Также в структуре семантем большинства исследуемых фразеологизмов было вербализовано контаминированное значение (объективация значения одного из компонентов устойчивого сочетания; близость по фонетическому или семантическому признакам).

Психолингвистическое описание семантики междометий

Достаточно часто морфологи отказывают в «полноценной» семантике словам, относящимся к незначаменательным частям речи: предлогам, союзам, частицам, междометиям.

Психолингвистические методы позволяют описать семантику слов, которые традиционно считаются семантически неполноценными, и слов с размытой семантикой. К указанной группе единиц относят и такой класс слов, как междометия.

К исследованию семантики междометий обращались многие ученые [Вежицкая 1999; Глухов 2003; Гордей 1992; Иомдин 2006; Коминэ 1999; Леденев 1974; Николаева 2006; Пахолкова 1998; Пузиков 1988; Шаронов 2008; Яковлева 2013, 2017 и др.].

Интересное исследование семантики междометий осуществляется Ю.А. Цофиной. Исследователь описывает значение данного класса слов с помощью применения трехэтапного алгоритма с применением комплекса методов – лексикографического, контекстуального и психолингвистического [Стернин 2017; Цофина 2017, 2019].

Мы применили к описанию семантики междометий разработанную нами методику описания психолингвистического описания значения слова.

На первом этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент. В эксперименте приняли участие 43 студента 1-2 курсов Воронежского государственного университета (из них 28 женщин и 15 мужчин; родной язык респондентов – русский). В качестве стимулов выступили междометия *АХ*, *УВЫ*, *ФУ* и *ЭЙ*. На втором этапе полученные в ходе эксперимента поля были семантически интерпретированы и представлены как семантические компоненты значения слов. Приведем два примера описания психолингвистических значений междометий.

Ассоциативное поле

АХ 43: ох 11; ты 7; вздох, восторг, восхищение, и ох, как жалко, как красиво, как прекрасно, как упительны в России вечера, как я устала, какая женщина, какая погода, какой негодяй, мамочка, не успел, простор, ты гад, удивление 1; отказ 7.

АХ

1. Выражение восхищения 0,61, удивления 0,02; сопровождается вздохом 0,02; то же, что ох 0,26; известны слова песни группы «Фристайл» «Ах, какая женщина, какая женщина! Мне б такую...» 0,02.

Неоценочное 0,91; одобрительное 0,02

Неэмоциональное 0,28, позитивно-эмоциональное 0,65

СИЯ 0,93

Ах, как красиво!

2. Возглас, усиливающий эмоциональное содержание высказывания 0,28; сопровождается вздохом 0,02; то же, что ох 0,26.

Неоценочное 0,48, неодобрительное 0,06, одобрительное 0,02

Неэмоциональное 0,45, негативно-эмоциональное 0,09, позитивно-эмоциональное 0,02

СИЯ 0,56

Ах ты, обжора!

3. Выражение сожаления, возмущения 0,26, усталости 0,02; сопровождается вздохом 0,02; то же, что ох 0,26.

Неоценочное 0,14; неодобрительное 0,42

Неэмоциональное 0,21, негативно-эмоциональное 0,35

СИЯ 0,56

Ах, как я устала! Ах, опять не успел!

4. Выражение испуга 0,28; сопровождается вздохом 0,02; то же, что ох 0,26.

Неодобрительное 0,56

Негативно-эмоциональное 0,56

СИЯ 0,56

Ах, остановите! Упадет!

Не интерпретируются 0

Не актуально 0,16

Индекс освоенности слова 0,84

Ассоциативное поле

ФУ 43: бяка, ужас, фу-ты ну-ты 3; блин, вонь, гадость, отвращение, что это? 2; бе, гадко, жижга, запах, как некультурно, как противно, какая гадость, на шкафу, неприятность, нет, отстать, первая пара, противно, радость, слон, таким быть, ты, убери 1; отказ 6.

ФУ

1. Выражение досады 0,02, презрения, отвращения 0,19, например, при неприятном запахе 0,07, грязи 0,05, некультурном поведении 0,05, нежелании делать или видеть что-либо 0,05; то же, что фу-ты ну-ты 0,07, бяка 0,07, ужас 0,07, гадость 0,05, бе 0,02, фу-ты 0,02.

Неоценочное 0,08, неодобрительное 0,65

Неэмоциональное 0,21, негативно-эмоциональное 0,52

СИЯ 0,73

Фу, как ты меня испугал! Фу, мерзость какая!

2. [Выражение чувства облегчения], радости 0,02.

Одобрительное 0,02

Позитивно-эмоциональное 0,02

СИЯ 0,02

Фу, упарился! Фу, отмаялся!

Не интерпретируются 0

Не актуально 0,14

Индекс освоенности слова 0,86

Психолингвистическое описание слова АХ демонстрирует, что в языковом сознании носителей языка первое лексикографическое значение «Выражает испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление, возмущение и т.п.» представлено дифференцированно – выделяются три отдельных значения: 1. Выражение испуга. 2. Выражение удивления, восхищения. 3. Выражение сожаления, возмущения. В эксперименте

вербализовано значение «Возглас, усиливающий эмоциональное содержание высказывания» (в функции частицы).

Лексикографическое значение слова УВЫ включает только одно значение – «Выражение горького сожаления по какому-либо поводу». В эксперименте было выявлено индивидуальное контаминированное значение «Выражение сомнения».

Психолингвистическое описание семантики слова ФУ показало, что не актуальными для языкового сознания испытуемых оказались два лексикографических значения: 1. Ерунда; то, что не стоит внимания. 2. Запретительная команда собаке: не брать. Наиболее ярким в языковом сознании опрошенных является значение «Выражение досады, презрения, отвращения», семема «Выражение чувства облегчения, радости» мало актуальна для испытуемых.

Психолингвистическое описание семантики междометия Эй почти полностью совпадает с лексикографическим представлением значения слова. В эксперименте были актуализированы прецедентные тексты, в которые входит слово Эй.

Проведенное исследование показывает, что разработанный алгоритм описания может быть применен и для исследования значений слов незнаменательной части речи, что еще раз подтверждает, что психолингвистическая модель описания значения слова имеет универсальный характер.

Психолингвистическое описание семантики предлогов

Опираясь на опыт зарубежных лингвистов и в сотрудничестве с ними, ведущие отечественные специалисты (О.Н. Селиверстова, Г.Е. Крейдлин, Е.В. Рахилина, В.А. Плунгян и др.) предприняли ряд описаний, в которых продемонстрированы основные идеи и методики исследования лексического значения предлогов [Крейдлин 1997; Маляр 1998; Пайар 2000; Плунгян 1996, 2000; Селиверстова 2004; Филипенко 2000 и др.]. Однако эта работа далека от завершения, необходимым остается этап семантического портретирования практически каждого из русских предлогов, т.к. опубликованные работы по преимуществу выполнены в сопоставительном с иностранными языками плане и касаются, как правило, отдельных групп предлогов.

Нам была предпринята попытка психолингвистического описания семантики предлогов. Исследование показало, что предложенная нами модель может быть применена и для описания значений данного класса слов. Покажем это на примере предлога «С».

Материалом исследования послужило ассоциативное поле стимула «С», представленное в «Русском ассоциативном словаре-тезаурусе» [РАС

2002], а также данные толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова [БТС, с. 1138-1139].

С

1. [Указывает] на лицо 0,12, [предмет], участвующие во взаимном или совместном действии 0,08; это, например, [делать] с ним 0,16, с другом 0,05, с парнем 0,01, с подругой 0,01, с козой 0,01, с головой 0,01, [купить] со столом 1 0,01, [испытывать] с чувством 0,01, с горем 0,01, с этим 0,01;

противоположно без 0,01, нет 0,03;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,58

Дочь с мамой пошли гулять.

2. [Указывает на что-то], лицо 0,13, [на которые направлено действие]; это, например, [познакомить] с ним 0,14, с другом 0,03, с парнем 0,01, с подругой 0,01, [поздравить] с праздником 0,01, [играть] с козой 0,01, с головой 0,01, [бороться] с чувством 0,01, с горем 0,01, [помочь] с этим 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,47

Играть с собакой было весело.

3. [Указывает] на кого-либо 0,12, [что-либо], [находящемся в каком-либо состоянии, положении]; это, например, [беда] с ним 0,14, с другом 0,05, с парнем 0,01, с подругой 0,01, с козой 0,01, с головой 0,01, с этим 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,42

С другом вчера приключилось странное.

4. [Указывает] на место 0,01, предмет 0,01, [откуда направлено движение или действие];

противоположно в 0,04, к 0,03, до 0,01;

это, например, [вернуться] с вокзала 0,01, [взять] с елки на полку 0,01, с окна 0,01, со стола 0,01, с чего 0,01, [сойти] с начала 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,21

Возьми книгу с полки.

5. [Указывает] на место 0,03 возникновения чего-либо; например, [ехать] с вокзала 0,01, [начать] с начала 0,01, с окна, со стола 0,01, с чего 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,13

С мероприятия все шли веселые.

6. [Указывает на наличие чего-либо у кого-либо]; например, [человек] с головой 0,01, с чувством 0,01, [комната] со столом 0,01, с этим 0,01;

противоположно нет 0,03, без 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

Оценочная характеристика: неоценочное 0,13; неодобрительное 0; одобрительное 0

СИЯ 0,13

Покупатели с большими деньгами сейчас редкость.

7. [Указывает на средство, способ осуществления действия]; например, [уйти] с головой 0,01, [делать] с чувством 0,01, с этим 0,01, [жить] с праздником 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,09

Он жил с праздником в душе.

8. [Буква русского алфавита], наряду с другими буквами 0,09.

СИЯ 0,09

Здесь надо писать «с».

9. [Согласный звук], наряду с другими звуками 0,09.

СИЯ 0,09

Она отчетливо произнесла «с».

10. [Указывает] на приблизительную меру 0,01 чего-либо; то же, что до 0,01, около 0,01, по 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,08

Буду отдыхать примерно с неделю.

11. [Указывает на время осуществления действия]; например, [жить] с начала 0,01, с 7 0,01, с 8-ми 0,01;

метаязыковые признаки – предлог 0,01; метаязыковые признаки – является словом 0,01; относится к служебным частям речи, как и союз, 0,01.

СИЯ 0,08

Начать нужно с семи утра.

12. [Условное сокращение слова «страница»]; то же, что [по-английски] «р.» 0,01; это, например, страница №7 0,01;

метаязыковые признаки – является словом 0,01.

СИЯ 0,04

Смотрите на с. 157.

13. [У наречия вносит значение образа действия, места, направления, причины]; например, сначала 0,01, слева 0,01.

СИЯ 0,02

Слева был большой дом.

Не интерпретируются 3: с 2, ого!

Не актуально 0,12

Не актуализированные в эксперименте лексикографические семемы [БТС]:

1. **Предлог.** Указывает на причину, основание, источник какого-л. действия, состояния. *Устать с дороги. Умереть с голоду. Сделать что-л. со зла. Сгореть со стыда. Покатиться со смеху. Беситься с жиру. Разозлиться ни с того ни с сего. Напечатать интервью с согласия автора. Жениться с благословения родителей. Красный с мороза. Трудно с непривычки. Критиковать с позиций материализма.*

2. **Предлог.** Указывает на цель действия. *Прийти с отчётом. Обратиться с просьбой. Явка с повинной. Ухаживать с серьезными намерениями.*

3. **Предлог.** Указывает на меру, служащую дополнительной к основной. *Взыскать долг с процентами. Отсутствовать двое с половиной суток. Заплатить два с половиной. Отъехать семь вёрст с саком.*

4. **Предлог.** В составе сложных предлогов и предложно-падежных сочетаний: рядом с, начиная с, вровень с. *Жить рядом с заводом. Болеть начиная с весны. Берёза вровень с избушкой.*

5. **Частица** (после любого сл. в речи). Употр. для придания речи оттенка почтительного подобострастия или для выражения шутки, иронии. *Слышишь меня? – Да-с. Кому всё это нужно-с, извольте спросить?*

6. **Приставка.**

Анализ психолингвистического значения предлога «С» показывает, что для носителей языка актуальна большая часть значений слова «С» как предлога (кроме четырех значений). Наиболее ярко представлены семемы «Указывает на лицо, предмет, участвующие во взаимном или совместном действии» и «Указывает на то, на что направлено действие». Значения слова «С» в основном вычлняются по сочетаемости с существительными и глаголами, семантика которых указывает на значения предлога.

В языковом сознании опрошенных представлены также «непредложные» значения «Буква» и «Звук русского языка»; не представлены значения слова «С» в качестве приставки и частицы.

Все психолингвистические значения слова «С» являются неоценочными, неэмоциональными.

Таким образом, психолингвистическое описание семантики предлога «С» показало, что предлог имеет семантическое наполнение, которое «понятно» носителям языка и может быть описано по предложенной нами универсальной модели. Было выполнено аналогичное описание и других предлогов русского языка.

2.6. Выводы

Разработанная нами методика описания психолингвистического значения слова имеет универсальный характер.

Психолингвистическое описание семантики имен собственных показывает, что отличительной чертой семантики онимов является неактуальность для носителей языка таких семантических параметров, как «симиляры» и «оппозиты», незначимость метаязыкового компонента значения онима.

Сопоставительное психолингвистическое описание семантики слов, близких по значению, позволяет дифференцировать их значения в языковом сознании носителей языка, уточнить словарное представление синонимов в традиционных лексикографических изданиях. Методика психолингвистического описания значения слова позволяет определить степень семантической близости синонимичных единиц в языковом сознании носителей языка.

Значение слова в языковом сознании носителей разных групп имеет свою специфику, которая может быть выявлена и дифференцированно описана по психолингвистической модели. Групповая специфика описания семантики лексических единиц проявляется в наличии совпадающих, но различающихся по степени яркости значений и семантических компонентов слова, наиболее ярко – в наличии эндемичных значений и семантических компонентов семем в языковом сознании определенной группы носителей языка. Описание групповой специфики значения слова показывает, что наиболее ярко на семемном уровне проявляются гендерные особенности значения слова, возрастные и региональные отличия наиболее ярко проявляются на семном уровне.

Методика психолингвистического описания значения слова позволяет проследить изменения в семантике лексической единицы, выявить наиболее яркие семантические признаки, актуальные для носителей языка конкретного временного периода; определить вектор развития значения слова; выявить причины изменений в его семантике.

Психолингвистическое описание значений слов разных частей речи показало, что методика описания психолингвистического значения применима к любым словам русского языка, специфика проявляется только в наполнении компонентов значения слова: вербализуются все три макрокомпонента у слов знаменательных частей речи, у слов служебных частей речи наиболее ярко проявляется метаязыковой макрокомпонент значения.

ГЛАВА 3

Проблемы лексикографической фиксации психолингвистического значения слова

В современной лексикографии заметно возрос интерес к словарям, описывающим языковое сознание носителей языка. Словарные издания, фиксирующие результаты психолингвистических экспериментов, мы предлагаем называть *психолингвистическими словарями*.

«На современном этапе своего развития лексикография переходит от процесса “наделения” рядовых носителей русского языка языковым сознанием профессионального лингвиста к фиксации ровно той информации и в том виде, в которой она имеется, хранится в обыденном сознании носителей языка. В период антропоцентризма в лексикографии происходит обращение к человеку как носителю языка, причем он из пассивной роли адресата переходит в активную роль автора» [Дударева 2017, с. 155]. «Словари, представляющие результаты такой формы метаязыковой деятельности, как обыденное лексикографирование, репрезентируют те рефлексии, которые порождает слово, вне оценок их на шкале правильности/неправильности» [Голев 2010, с. 219]. Тем самым, психолингвистическая лексикография (в отличие от традиционной лексикографии) из предписательной переходит в разряд описательных направлений.

Психолингвистические словари представлены двумя типами: 1) ассоциативные словари; 2) семантические словари.

3.1. Ассоциативные словари

Первые словари, описывающие языковое сознание носителей языка, появились уже в начале XX в. (первый свободный ассоциативный эксперимент был проведен американскими психологами Х.Г. Кентом и А.Дж. Розановым; основные цели эксперимента – изучение природы психических ассоциаций и рассмотрение лексических ассоциаций как показателя лингвистического развития и формирования понятий у англоязычных испытуемых). Позднее появились одноязычные ассоциативные словари, такие как: «Полные Миннесотские нормы» (1952), «Коннектикутские нормы» (1953), польские ассоциативные нормы (1967), болгарские (1984), голландские (1973), украинские (1979), латышские (1989), узбекские (1971), киргизские (1975), казахские (1998). Многие современные экспериментальные исследования выполнены на материале нескольких языков: на базе казахского и русского языков [Дмитрюк 1998; Титова 1975, 1977 и др.]; на базе хакасского, русского и английского языков [Боргоякова 2002] и др. В секторе психолингвистики Института

языкознания РАН ученые исследуют ассоциативные нормы восточных языков (вьетнамский, китайский) и редких языков народов Севера (бурятский, якутский, эвенский).

Первый «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева [САНРЯ 1977] содержит около 200 слов-стимулов, в 90-е гг. XX в. был опубликован «Ассоциативный тезаурус современного русского языка», в двухтысячных годах – его вариант «Русский ассоциативный словарь», который включает около 7000 стимулов [РАС 2002]. В 2014 г. в электронном виде появились три региональные ассоциативные базы – ЕВРАС, УрРАС и СИБАС, отражающие языковое сознание носителей языка Центральной части России, Урала и Сибири. Все три ассоциативных словаря имеют общий список, включающий 1000 стимулов.

«Ассоциативный словарь представляет собой некую упорядоченную последовательность (совокупность) ассоциативных полей (норм), полученных в результате проведения свободного ассоциативного словаря» [Горошко 2001а, с. 35]. Обычно ассоциативные словари фиксируют ассоциативные нормы, под которыми понимаются коллективные ассоциативные поля соответствующих стимулов («совокупность реакций, собранная от группы информантов 1000 человек и более, иногда этот объем может быть «сужен» и до 500-700 человек, а при некоторых исследовательских задачах – допускаются ассоциативные поля объемом и до 100 единиц» [Горошко 2001б]).

Ассоциативные словари относятся к словарям описательного (дескриптивного) типа: они не являются предписывающими или нормативными словарями.

Назначение ассоциативных словарей достаточно многообразно. По мнению А.А. Леонтьева, «они дают результаты не избирательного, а массового эксперимента, что позволяет их использовать как источник уникальной лингвистической и паралингвистической информации. Ассоциативные нормы легко поддаются математической обработке, являясь уникальным материалом для выдвижения и проверки статистических гипотез. Кроме того, ассоциативные нормы помогают выявить ассоциативное значение слова» [САНРЯ, с. 10], закономерности механизмов ассоциирования, определить типологии реакций, отражают актуальные для сознания носителей языка семантические компоненты значения слова-стимула.

В настоящее время существует достаточно большое количество ассоциативных словарей. Типология ассоциативных словарей представлена в монографии Е.И. Горошко «Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента» [Горошко 2001б] и в учебном пособии В.Е. Гольдина и А.П. Сдобновой «Русская ассоциативная

лексикография» [Гольдин 2008]. Приведем параметры классификации ассоциативных словарей:

1. Количество входов в словарь

Большинство ассоциативных словарей относится к словарям прямого типа. В таких словарях ассоциативная информация дается от стимула к реакции [САНРЯ 1977; АСУРЛ 2011], однако некоторые словари имеют по два входа. Например, «Русский ассоциативный словарь» и ЕВРАС состоят из двух частей – прямого (от стимула к реакции) и обратного (от реакции к стимулу) словаря [РАС 2002; ЕВРАС 2014 и др.].

Стандартная структура словарной статьи прямого ассоциативного словаря включает стимул, ассоциаты, расположенные по мере убывания их частоты, которая указывается в конце ряда одночастотных реакций. Реакции с одинаковой частотой упорядочиваются по алфавитному признаку. Указываются общее число реакций, число разных реакций, число отказов от реагирования и количество единичных реакций.

2. Количество языков, на основе которых были собраны нормы

Одноязычные ассоциативные словари включают ассоциативные поля, созданные на материале внутриязыковых ассоциативных норм [РАС, ЕВРАС, СИБАС и др.], однако словарь может включать и ассоциативные нормы, собранные на базе нескольких языков, например, Сектором психолингвистики ИЯ РАН подготовлен «Славянский ассоциативный словарь» (2004), включающий результаты экспериментов с носителями нескольких славянских языков (белорусского, болгарского, русского и украинского языка). При проведении эксперимента использовался единый список стимульных слов, включающий 112 единиц, входящих в ядро языкового сознания носителей русского языка [Уфимцева 2000, с. 211-215]. В настоящий момент появляется большое количество работ, посвященных экспериментальному исследованию этих единиц в языковом сознании носителей других языков, которые впоследствии ложатся в основу двуязычных и многоязычных ассоциативных словарей [АСРН 2004; Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков 2017; Голикова 2004; Ульянов 1988; Федченко 2006 и др.].

3. Объем списка стимульных слов (по степени полноты отражения ассоциативно-вербальной сети)

В зависимости от объема списка стимульных слов выделяют частичные ассоциативные словари, включающие в свой словник ограниченное количество ассоциативных полей (100-300 словарных статей), и тезаурусные (полные) словари, созданные на достаточно обширной экспериментальной базе (более 1000 ассоциативных полей).

Большая часть современных ассоциативных словарей содержат в своей базе от 100 до 300 ассоциативных полей. Это словари, созданные отдельными исследователями для конкретных исследовательских целей: например, для изучения отдельной лексико-семантической группировки

[Алымова 2007; Кузина 2006; Шишканов 2002 и др.]; для изучения языкового сознания отдельной группы носителей языка; для изучения языкового ядра русского языка, или наоборот, лексики ограниченного употребления (этнонимы, архаизмы, устаревшая лексика).

Более трудоемки в создании ассоциативные словари, включающие 1000 и более ассоциативных полей. Чаще всего они отражают результаты работы целого коллектива ученых. Например, 1000 и более ассоциативных статей включают АСУРЛ, ЕВРАС, УрРАС, СИБАС. Около 7000 ассоциативных полей представлено в РАС.

4. Форма существования словаря

В зависимости от формы существования ассоциативные словари делятся на рукописные, печатные и электронные издания. Большинство ассоциативных словарей до 2005 г. имеют печатную форму, в настоящий момент некоторые словари создаются только в электронном варианте (ЕВРАС) или в виде электронных баз данных, которые постоянно пополняются (БАРЭКСИС-1, СИБАС и др.).

Некоторые словари существуют только в рукописном варианте и малодоступны для других ученых: обычно они являются приложением диссертационных и иных научных работ [Одинокова 2004, 2007 и др.].

К достоинствам электронной версии ассоциативного словаря можно отнести его постоянную динамичность; современность экспериментальной информации (быстрое внесение информации); возможность формирования различных выборок; возможность поиска анкет по конкретным реакциям; возможность обращения к индивидуальным анкетам; доступность экспериментальной информации и др.

5. Структура ассоциативной статьи (количество реакций, входящих в ассоциативное поле, и способы их упорядочения)

В зависимости от объема ассоциативного поля ассоциативные словари делятся на словари, содержащие данные сравнительно небольшого количества опрошенных (100-300 человек) и основанные на данных достаточно значительного числа испытуемых (500 и более человек). Считается, что ассоциативные поля, включающие 500 и более реакций, отражают ассоциативные нормы носителей языка, тогда как поля, включающие 100-300 реакций, – языковое сознание отдельной языковой группы (что не уменьшает их научную ценность).

Ассоциативные словари, статьи которых вмещают более 500 реакций, редки – это в основном общенародные базы данных (РСРАС, ЕВРАС, УрРАС, СИБАС). Остальные словари состоят из ассоциативных полей меньшего объема.

Обычно ассоциативные поля включают в свой состав все реакции, полученные в ходе эксперимента (неединичные, единичные, «нулевые»). Но иногда встречаются словарные источники, ассоциативные поля в которых состоят только из неединичных реакций и др. Это характерно для

словарей, созданных отдельными исследователями, которые не учитывали единичные реакции или ограничивали материал анализа (например, анализировались реакции с частотностью 5 и более и др.).

Обычной практикой при составлении текста ассоциативного поля стимула является количественно-алфавитный характер (по убыванию частотности реакций в алфавитном порядке), однако встречаются базы данных, в которых способ представления ассоциатов – алфавитный с указанием частотности реакции.

6. Содержательная характеристика лексических единиц, формирующих список стимульных слов, частотность их употребления

Большинство русских ассоциативных словарей описывают наиболее частотную лексику (например, ассоциативный словарь ядра языкового сознания), однако существуют и аспектные ассоциативные словари, где списки стимульных слов отбирались с учетом исследовательской задачи (словари, посвященные отдельным сторонам ассоциативно-вербальной сети).

Так, «Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики» М.Х. Манликовой отражает систему знаний о специфической культуре русского народа как историко-этнической общности русской и киргизской групп испытуемых (включает такие стимулы, как *армяк, алтын, горница, девица, молодец, тридевятый, губернёр, лакей, сторонушка, судьбина* и др.) [Манликова 1989, с. 9-17].

«Русский ассоциативный словарь информационных технологий» [РАСИТ 2002] является изданием, стимульный ряд которого образуют термины информационных технологий: *база данных, байт, бейсик, бит, брендмауэр, векторизатор, верификация, видеоадаптер* и др. К аспектным относится и «Ассоциативный словарь терминов» О.В. Ивановой [Иванова 1998].

В отдельных аспектных словарях содержательные и структурные ограничения могут накладываться как на стимулы (слова определенной части речи, форм слов), так и на представляемые в словаре реакции, как это сделано, например, в «Ассоциативном фразеологическом словаре русского языка» [Добровольский 1994], задача которого – выделить на материале большого ассоциативного словаря корпус «живых» русских фразеологизмов.

7. Социобиографические данные информантов (возраст, пол, профессия, родной язык и др.)

По отражаемому в описании языковому сознанию выделяют общенародные (общие) словари (они фиксируют общее языковое сознание носителей языка без какой-либо групповой дифференциации, или языковое сознание «усредненных языковых личностей») и групповые

ассоциативные словари (в них представлено языковое сознание отдельных групп испытуемых – по полу, возрасту, региону, профессии и др.).

В последнее время большое внимание уделяется созданию групповых словарей (например, возрастных, гендерных, профессиональных, региональных, словарей ассоциаций на неродном языке и др.).

С 2014 г. активно разрабатываются региональные ассоциативные словари – ЕВРАС, УрРАС и СИБАС.

Детское языковое сознание отражено в «Ассоциативном словаре ребенка» (ассоциативный тезаурус детей 3-7 лет) [Соколова 1996], в «Ассоциативном словаре детей от шести до десяти лет» [Береснева 1995]; в «Ассоциативном словаре подростка» [Гуц 2004]; в «Русском ассоциативном словаре: ассоциативные реакции школьников I-XI классов» [Гольдин 2011] и др. Были собраны и описаны детские ассоциативные нормы на различном возрастном онтогенетическом материале как русского языка [Гасица 1990], так и на материале экспериментов с билингвами [Салихова 2015]. Многие исследователи обращаются к изучению семантики отдельных лексем или групп лексем в языковом сознании детей [Кленова 2007; Сдобнова 2004; Тимошина 2013б и др.].

Особенности профессионального языкового сознания отражены в приложении диссертационного исследования Н.Ю. Одиноквой, в нем предложены варианты *профессиональных ассоциативных словарей* русского и английского языков медиков, математиков и филологов. По мнению Н.О. Одиноквой, «принципиальное различие между материалами традиционных ассоциативных тезаурусов и материалами профессиональных ассоциативных словарей заключается в том, что фиксировались реакции не усредненных носителей языка, а респондентов, которых объединяет принадлежность к одной социальной группе, что отражается в языковом сознании представителей данной группы» [Одинокова 2007, с. 103-105].

В настоящий момент проводятся и другие исследования профессионального языкового сознания, например, языкового сознания военных [Битюцких 2015; Кафтанов 2020; Колпакова 2016], медицинских работников [Вилисова 2012; Одинокова 2015] и др.

К предложенной типологии ассоциативных словарей нами были добавлены еще три параметра.

8. Тип представленной информации

По возможности сопоставить представленную в ассоциативном словаре информацию выделяют два вида словарей – интегративные и сопоставительные (дифференциальные).

Классический ассоциативный словарь содержит однотипную информацию (только одной группы испытуемых, только одного эксперимента и др.). Это словари интегрального типа, они описывают

обобщенное языковое сознание носителей языка по объединенным результатам экспериментов.

Дифференциальный (сопоставительный) ассоциативный словарь включает два и более типа информации, характерной для данного издания: например, одноименные ассоциативные поля мужчин и женщин; одноименные ассоциативные поля школьников и студентов; одноименные ассоциативные поля филологов и «нефилологов» и др.

В 2008 г. появился «Русский сопоставительный ассоциативный словарь» [Черкасова 2008], включающий 253 слова-стимула, которые повторяются в трех словарях («Славянский ассоциативный словарь», «Русский ассоциативный словарь» и «Словарь ассоциативных норм русского языка»).

Наличие трех региональных ассоциативных баз (ЕВРАС, УрРАС, СИБАС) делает возможным создание сопоставительного регионального ассоциативного словаря, в котором могут быть представлены варианты ассоциативных полей одной и той же языковой единицы, основанные на экспериментальных данных трех региональных баз.

Вариантом подобного словаря может служить ассоциативная часть «Материалов к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска» Л.О. Бутаковой, в который включены ассоциативные поля школьников и студентов [Бутакова 2012].

«Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов» В.Е. Гольдина, А.П. Сдобновой, А.О. Мартянова содержит ассоциативные поля четырех групп школьников [Гольдин 2011]).

Сопоставительные ассоциативные словари могут иметь и комплексный характер, например, содержать информацию по двум и более параметрам (например, дифференциация по гендерному и профессиональному, возрастному и территориальному критериям).

Отдельную группу составляют ассоциативные словари индивидуального языкового сознания, когда содержанием ассоциативных полей становятся множественные ассоциации одного испытуемого, полученные на одни и те же стимулы в разные временные периоды его жизни [Розенфельд 2018; Фаустов 2016 и др.]. Они фиксируют результаты лонгитюдных индивидуальных экспериментов, актуализирующих динамику языкового сознания личности во времени.

9. Тип экспериментальной базы

В зависимости от типа ассоциативного эксперимента, данные которого размещены в словаре, выделяют следующие виды ассоциативных словарей: 1) моноэкспериментальные словари – содержат данные только одного эксперимента; 2) полиэкспериментальные словари – включают в словарную статью данные нескольких экспериментов. В полиэкспериментальном словаре словарная статья может содержать как

отдельные ассоциативные поля, так и интегрированные (результаты нескольких экспериментов, объединенных в одно ассоциативное поле).

В классическом варианте современные ассоциативные словари базируются на данных свободного ассоциативного эксперимента, однако возможно создание словарей на базе иных ассоциативных экспериментов, например, направленного эксперимента (различных его видов), свободного и направленного экспериментов. Варианты подобных словарей сейчас создаются [Виноградова 2015; Коваленко 2016 и др.]. Представленные в словаре материалы в дальнейшем можно сопоставлять между собой, а также интегрировать и рассматривать в совокупности при семантическом и ассоциативном анализе.

10. Временные срезы, отраженные в ассоциативном словаре

В зависимости от темпорального признака возможно выделение ассоциативных словарей, отражающих данные ассоциативных экспериментов разных временных пластов.

Обычно ассоциативные словари отражают языковое сознание носителей языка определенного временного периода («срез языкового сознания»), поэтому при создании словаря необходимо указывать временной промежуток, в который проводились психолингвистические эксперименты. Например, САНРЯ – данные экспериментов относятся к 1969 и 80-м гг. XX в.; РАС – с 1988 г. по 1998 г.; САС – в 1998-1999 гг.; АСУРЛ – в 2010-2011 гг.; ЕВРАС – в 2008-2012 гг. и др.

Темпоральный ассоциативный словарь отражает данные двух и более временных «срезов», поэтому его создание требует значительного временного промежутка между получением данных экспериментов. Кроме того, эксперименты должны проводиться с одним и тем же стимульным материалом, что позволяет в дальнейшем проводить сопоставительную работу данных словаря. С этой точки зрения интерес представляют электронные базы данных, которые позволяют хранить результаты экспериментов, полученные на протяжении большого временного промежутка. Примером может служить электронная база данных БАЭКСИС-1, в которой аккумулируются результаты различных экспериментов, проведенных разными исследователями в течение 10 лет. Темпоральные характеристики ассоциативной семантики слов содержатся в ассоциативных полях советизмов [Алексеева 2016; Князев 2018; Розенфельд 2017 и др.].

Сферы применения ассоциативных словарей весьма разнообразны.

По мнению Н.В. Уфимцевой, «ассоциативные словари адресованы, прежде всего, тем, кому интересны вопросы, связанные с исследованием особенностей русского менталитета. Философ или культуролог может попытаться, исходя из анализа ассоциативных полей, определить и проследить развитие элементов, входящих в “наивную картину мира” русского человека, выявить структуру этой картины» [Уфимцева 1996, с. 151].

Социологи, политологи и культурологи, изучающие проблемы проникновения культурных феноменов в обыденное сознание носителей русского языка, будут рассматривать подобный словарь в качестве широкомасштабного социологического опросника, который позволит «восстанавливать мозаичную картину распределения знаний классического и массового искусства», и на этой основе понять восприятие и отношение русских к явлениям своей культуры или же какой-либо из субкультур» [Караулов 1994, с. 214]. По мнению А.А. Залевской, «ассоциативный материал создает основу для межкультурных и междисциплинарных исследований, помогая выявить как “общечеловеческие” характеристики свободных ассоциаций, так и ту неповторимость, которую им придает та или иная культура» [Залевская 1978, с. 57].

«Анализ языковых норм для разных языков и ассоциативных свойств языковой единицы помогает изучить структуру памяти и внутреннего лексикона, того множества номинаций, которые упорядочивают знания человека о мире. Это направление особенно актуально, поскольку позволяет изучать особенности языкового мышления, а также моделировать искусственный интеллект. Проблема ассоциаций, их классификации и механизмов ассоциирования напрямую связана с изучением хранения знаний о мире и устройства памяти человека» [Залевская 2007, с. 87].

Психологи и психиатры, используя данные ассоциативно-вербальной сети, смогут оценить наличие / отсутствие патологии, степень ее проявления, характер измененных состояний сознания, а также дать определенную диагностическую информацию об этой патологии.

Материалы ассоциативных словарей могут быть использованы в рекламном бизнесе, в работе спичмейкеров, людей, профессионально занимающихся воздействием слова на массовое сознание.

«Словарь, содержащий ассоциативные поля, будет интересен и для лингвокриминалистов, при проведении судебно-автороведческих экспертиз, при проведении сопоставительного анализа ассоциативных полей словаря с индивидуальным ассоциативным словарем лиц, причастных к составлению того или иного документа; создании социально-биографического портрета автора анонимного документа» [Горошко 2001а, с. 431].

Ассоциативные словари нужны преподавателям русского языка и русского как иностранного, редакторам и корректорам. По данным ассоциативного поля возможно определение значения того или иного многозначного стимула, его синонимических, антонимических, паронимических и омонимических отношений, семантической сочетаемости, способности входить в состав устойчивых выражений и прецедентных текстов.

«Информация, содержащаяся в ассоциативных словарях, имеет ценность и для лингвистов, так как отражает интуитивное знание носителей языка, дает доступ к их языковому сознанию» [Караулов 1994, с. 191].

Представим **общий алгоритм создания ассоциативных словарей** любого вида.

1. Составление словника словаря: отбор стимулов в соответствии с задачами исследования.

2. Отбор группы испытуемых: определение количества испытуемых (обычно 100 и более человек), учет социальных характеристик группы испытуемых в соответствии с задачами исследования.

3. Проведение ассоциативного эксперимента(-ов): стимулы предъявляются устно или письменно, за один сеанс рекомендуется проводить эксперимент не более чем с 20-30 стимулами.

4. Обработка полученных результатов: подсчет частотности каждой реакции.

5. Построение ассоциативного поля стимула: ассоциации приводятся по убыванию частотности в той языковой форме, в которой они приведены испытуемыми; реакции с одинаковой частотностью приводятся по алфавиту; указывается число опрошенных, число отказов, общее число реакций и число разных реакций, число единичных реакций.

6. Оформление ассоциативного словаря: указываются сведения об испытуемых, способе получения экспериментального материала, описывается структура словаря и словарной статьи, общий список стимульных слов, приводятся ассоциативные поля стимулов.

По данной модели могут быть созданы ассоциативные словари отдельных групп лексики (стилистических, тематических и др.). Подобные словари еще не получили достаточно широкого распространения, но, как показывает наше исследование семантики слова, они необходимы для разных научных целей.

Членами исследовательской группы Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета подготовлено несколько ассоциативных словарей:

- Ассоциативный словарь употребительной русской лексики [АСУРЛ 2011] – в рамках гранта «Русское обыденное языковое сознание» (экспериментальное исследование), Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», государственный контракт №16.740.11.0118 от 02.09.2010 (2010-2012);

- Гендерный и Возрастной ассоциативные словари (электронный текст; Е.И. Колесникова, Т.В. Растегаева) – в рамках гранта РГНФ №12-04-00128а от 14.03.2012 «Теоретические проблемы разработки и создания

«Психолингвистического толкового словаря современного русского языка»» (2012-2014);

- Ассоциативный словарь собственных имен (Коваленко С.В., 2017-2018; электронный текст) и Ассоциативный словарь оппозигов (Пономаренко И.В., 2019; электронный текст) – в рамках гранта РГНФ № 15-04-00250 «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка (проблема теоретического и лексикографического описания)» (2015-2017);

- Ассоциативный гендерный словарь лексического ядра русского языка (В.И. Соломатина; Воронеж, 2020) и Ассоциативный словарь синонимов русского языка (электронный текст; Е. Кабардина) – в рамках гранта РФФИ № 20-012-00013а «Дифференциальное описание семантики слова в русском языковом сознании и проблема его лексикографической фиксации» (2020-2023).

Рассмотрим эти словари.

Ассоциативный словарь употребительной русской лексики

«Ассоциативный словарь употребительной русской лексики» [АСУРЛ 2011] (авторский вклад: 10% при проведении экспериментов и первичной обработке анкет; отбор словника; общее редактирование текста словаря и его компьютерная верстка) предназначен для специалистов-филологов, психолингвистов, лингвистов-экспертов, изучающих современное языковое сознание и нуждающихся в психологически реальных дефинициях языковых единиц русского языка.

Критерии отбора единиц словника «Ассоциативного словаря употребительной русской лексики» были следующими: 1) актуальная и коммуникативно релевантная лексика современного русского языка; 2) лексика, представляющая интерес для лингвокриминалистического анализа текста – часто становящаяся предметом лингвистической экспертизы по искам об оскорблении, унижении чести и достоинства, умалении деловой репутации, но недостаточно четко описанная в словарях либо представленная устаревшими описаниями, не отвечающими реальностям современного языкового сознания; 3) новые слова, часто используемые в современных текстах; 4) слова, получившие в последнее время новые значения, в том числе изменившие оценочность; 5) эмоционально-оценочная, разговорная, сниженная лексика, денотативные значения которой нечетко определены в современных толковых словарях; 6) лексика, описывающая чувства, эмоции, психологические состояния человека, а также морально-этическая лексика, которая недостаточно четко описана в толковых словарях; 7) конкретно-предметная и терминологическая лексика, имеющая социально-культурную «нагруженность» или содержащая часто актуализируемые

переносные значения, часто оценочно актуализируемая в тексте с участием периферийных сем значения.

Словарь содержит результаты свободного ассоциативного эксперимента с 1080 стимулами. Каждый стимул был предложен 100 и более испытуемым. В словаре отражено преимущественно молодежное языковое сознание (как и в РАС под ред. Ю.Н. Караулова): испытуемыми явились в основном молодые люди, студенты и школьники. Время опроса – 2010-2011 гг., опрашивались жители г. Воронежа, Воронежской области и некоторых близлежащих городов. Одна треть испытуемых – мужчины и женщины в возрасте 25-60 лет.

Стимулы расположены в алфавитном порядке. **Словарная статья** имеет стандартную структуру для словарей данного типа: заголовочное слово, общее количество опрошенных респондентов; список реакций на стимул, количество отказов испытуемых от ответов.

При каждой реакции (или группе ассоциаций, разделяемых запятой) дается цифра, указывающая на частоту ее (их) появления в ответах испытуемых. Реакции расположены по мере убывания частоты их употребления.

Реакции, содержащие орфографические или грамматические ошибки, были заменены на правильные варианты. Только в некоторых случаях реакции (ошибочное написание, связанное с языковой игрой) были оставлены в авторской редакции.

Основные тематические группы словника «Ассоциативного словаря употребительной русской лексики»: 1) наименования лиц – *адвокат, алкаш, бабник, врач, гастарбайтер, герой, гримза, гигант, дикарь, дылда* и др.; 2) наименования эмоций и эмоциональных состояний – *любовь, страсть, волноваться, депрессия, обида* и др.; 3) общественно-политическая лексика – *суд, политика, государство, свобода, либерал, либеральный, демократия, порядок, инаугурация* и др.; 4) морально-этическая лексика – *справедливость, честь, долг, добро, достоинство, закон, измена* и др.; 5) лексика, связанная с рыночными отношениями, экономикой, бизнесом – *шопинг, бизнес, бизнесмен, акция, денежный, доллар* и др.; 6) эмоционально-экспрессивная, бранная лексика – *дерьмовый, мымра, тварь, гнида, бяка, дурак* и др.; 7) конкретно-предметная лексика – *баня, бахилы, инкубатор, метла, макулатура, баклажка, бандура* и др.; 8) абстрактная лексика – *развод, успех, роскошь, конец, дело, глушь, комфорт, уют* и др.; 9) лексика, связанная с областью медицины – *геморрой, дебил, адреналин, вирус, реанимировать* и др.; 10) лексика, обозначающая явления культуры – *басня, лирика, классика, кино, культура* и др.; 11) животные – *ворона, лошадь, саранча, рыба, дятел, жаба, змея* и др.; 12) растения и плоды – *трава, клубничка, лопух, малина, перец* и др.; 13) пища, напитки – *водка, жареный, шоколадный* и др.; 14) физическая деятельность, действия – *грести, грузить, рожать*,

дрессировать, дать и др.; 15) абстрактные действия, деятельность – *отдыхать, развлекаться, гастролировать, разбираться* и др.; 16) интеллектуальная деятельность – *выступать, сообразить, общение, рекламировать* и др.; 17) социально-психологическая лексика – *наивный, амбициозный* и др.; 18) информационные технологии – *интернет, блог, форум, чат* и др.

В Словаре довольно много сниженной лексики – как в составе стимулов, так и в составе реакций, встречаются и нецензурные реакции, в связи с чем по этическим соображениям издание словаря осуществлено авторами ограниченным тиражом под грифом *Для служебного пользования*.

Структура Словаря – вступительное слово составителей (методика проведения экспериментов, предназначение словаря и др.), общий список словарных статей, 1080 словарных статей – ассоциативных полей.

Характеристика словаря: «Ассоциативный словарь употребительной русской лексики» относится к словарям прямого типа (от стимула к реакции), является одноязычным, общенародным (в качестве испытуемых были люди разных возрастов, пола, профессий), по объему тезаурусным (более 1000 ассоциативных полей), групповым (ассоциативные поля содержат от 100 до 250 ассоциатов), интегративным, существует в печатной форме, включает в свой словник частотную лексику, содержит результаты одного ассоциативного эксперимента, одного временного среза.

Ассоциативные групповые словари

В рамках исследований проблемной группы Центра коммуникативных исследований были подготовлены групповые ассоциативные словари, входящие в базу данных БАРЕКСИС-1. Цель группового ассоциативного словаря – представить ассоциативные поля одноименных стимулов в языковом сознании различных групп носителей языка. Подобный словарь позволяет получить представление о реальной групповой дифференциации языкового сознания.

Групповые ассоциативные словари необходимы для лингвистов, психолингвистов, лингвокультурологов, исследователей текста и системных отношений в лексике.

При составлении словаря используется общий алгоритм создания ассоциативных словарей, однако есть некоторые специфические черты: 1) эксперимент проводится с одинаковым или близким количеством испытуемых в каждой группе; если количество испытуемых различается, то частотность реакций приводится в относительных показателях (указываются индексы яркости ассоциатов, а не количество человек, указавших данную реакцию); 2) используются одинаковые типы экспериментальных процедур (одинаковые типы экспериментов, в

одинаковых условиях); 3) приводятся последовательно ассоциативные поля одноименных стимулов с указанием принадлежности поля к конкретной группе носителей языка.

По способу представления информации групповые ассоциативные словари могут быть интегральными и дифференциальными. Интегральные групповые ассоциативные словари содержат ассоциативные поля только одной группы, например, Женский ассоциативный словарь, Ассоциативный словарь медицинских работников, Ассоциативный словарь школьников и др.

Дифференциальные групповые ассоциативные словари содержат данные экспериментов, проведенных в двух и более однотипных группах, например, Профессиональный дифференциальный ассоциативный словарь, Гендерный дифференциальный ассоциативный словарь, Возрастной дифференциальный ассоциативный словарь и др.

С научной точки зрения более ценными являются групповые ассоциативные словари сопоставительного типа, так как информация, представленная в них, может быть интегрирована, сопоставлена в соответствии с целями и задачами исследования.

В настоящий момент в электронном виде существуют Гендерный дифференциальный ассоциативный словарь (Е.И. Колесникова, В.И. Соломатина, Е.С. Исакова, И.А. Стернин, А.В. Рудакова), Возрастной дифференциальный ассоциативный словарь (Т.В. Растегаева, И.А. Стернин, А.В. Рудакова). Данные словари входят в базу данных БАРЭКСИС-1.

Структура словарной статьи группового дифференциального ассоциативного словаря включает следующие компоненты:

1. Заголовочное слово (имя стимула)
2. Ассоциативные поля каждой группы (структура ассоциативного поля – по общему принципу описания ассоциативных реакций)
3. Общие реакции (в контрастивно-табличной форме, в алфавитном порядке):
  - 1) совпадающие или незначительно различающиеся по частотности реакции (не более чем на 5 пунктов);
  - 2) существенно различающиеся по частотности реакции (более чем на 5 пунктов)
4. Различные реакции (в контрастивно-табличной форме, в алфавитном порядке): специфичные реакции для каждой группы с указанием частотности

Приведем пример словарной статьи Гендерного ассоциативного словаря.

БАБУШКА

Мужчины 100: старая 14; дедушка 11; семья 10; старость 8; деревня, пирожки 7; старенькая, мамина мама 5; родственник 4; родня, старуха, мать моей мамы 3; близкий человек, деньги, доброта, забота, любовь 2; блинчики, далеко, мудрость, покушать, родное, уважение 1; отказы 4.

Женщины 100: дедушка 21; семья 14; старушка 11; родная 9; старая 6; добрая 4; платок, пирожки, старенькая, старость 3; в платочке, дом, любимая, тепло 2; блинчики, варенье, корова, ласковая, мать, милая, моя, Надя, пожилая, родня, сметана, с палочкой, уют, яблочный пирог 1; отказы 0.

Сопоставительная таблица

Мужчины	Женщины
Общие реакции	
Совпадающие или незначительно различающиеся по частоте реакции (не более чем на 5 пунктов)	
<i>блинчики 1 – 1; пирожки 7 – 2; родня 3 – 1; семья 10 – 14; старенькая 5 – 3; старость 8 – 3</i>	
Существенно различающиеся по частоте реакции (более чем на 5 пунктов)	
<i>дедушка 11 – 21; старая 14 – 6</i>	
Различные реакции	
Чисто мужские реакции	Чисто женские реакции
<i>деревня 7; мамина мама 5; родственник 4; старуха, мать моей мамы 3; близкий человек, деньги, доброта, забота, любовь 2; далеко, мудрость, покушать, родное, уважение 1; отказы 4</i>	<i>старушка 11; родная 9; добрая 4; платок 3; в платочке, дом, любимая, тепло 2; варенье, корова, ласковая, мать, милая, моя, Надя, пожилая, сметана, с палочкой, уют, яблочный пирог 1</i>

Структура группового дифференциального ассоциативного словаря – вступительное слово составителей (методика проведения эксперимента, предназначение словаря и др.); общий список стимулов; словарные статьи в двух вариантах (линейном и сопоставительном).

Характеристика словаря: групповой дифференциальный ассоциативный словарь относится к словарям прямого типа (от стимула к реакции), является одноязычным, групповым (в качестве испытуемых две и более группы), по объему частичным, дифференциальным, электронным, включает в свой словник частотные слова русского языка и группово-маркированные лексемы, содержит результаты свободных ассоциативных экспериментов, одного временного среза.

Ассоциативный словарь собственных имен

Электронная версия «Ассоциативного словаря антропонимов» имеет ту же структуру, что и «Ассоциативный словарь употребительной русской лексики», размещена в БАРЕКСИС-1, частями входит в состав четырех выпусков «Психолингвистического толкового словаря русского языка».

Антропонимы», опубликованных в 2018-2020 гг. (размещены на сайте Воронежского государственного университета, (сайт Центра коммуникативных исследований, раздел «Публикации» [<https://www.vsu.ru/ru/university/structure/communicate/digest.html>]).

Словарь предназначен для специалистов-филологов, психолингвистов, лингвистов-экспертов, изучающих современное языковое сознание.

Словник ассоциативного словаря собственных имен включает 200 словарных статей – антропонимов (фамилий и имен широко известных людей): *АЙСЕДОРА ДУНКАН, БРЕЖНЕВ, БЕЗРУКОВ, МОЦАРТ, ДАРВИН, ДИОР* и др.

Каждый стимул предъявлялся 100 или 200 испытуемым разных городов, разных возрастных и гендерных групп (мужчины и женщины, 17-70 лет) в период 2016-2018 гг. Словарь содержит результаты трех психолингвистических экспериментов: свободного ассоциативного эксперимента и двух направленных ассоциативных эксперимента (N – КАКОЙ? и N – ЧТО ДЕЛАЕТ?).

Основными принципами формирования словника словаря антропонимов являются широкая популярность и употребительность имени собственного современными носителями языка (первоначально проводился пилотажный эксперимент по определению публичных имен, которые широко известны).

Структура словарной статьи: заголовочное слово; общее количество испытуемых, принявших участие в экспериментах; ассоциативные поля с указанием частотности ассоциатов, количество отказов.

Структура Словаря – вступительное слово составителей (методика проведения экспериментов, терминологический аппарат словаря, предназначение словаря и др.); общий список стимулов; 200 словарных статей, каждая из которых включает по три ассоциативных поля.

Характеристика словаря: «Ассоциативный словарь антропонимов» относится к словарям прямого типа (от стимула к реакции), является одноязычным, общенародным (в качестве испытуемых были люди разных возрастов, пола, профессий), по объему частичным (200 словарных статей), интегративным, электронным, включает в свой словник широко известные антропонимы, содержит результаты трех ассоциативных экспериментов, одного временного среза.

Только в электронном виде существует «Ассоциативный словарь топонимов», который включает словарные статьи – наименования городов, стран, водоемов (2010-2018). На данный момент в нем более 50 словарных статей (постоянно пополняется).

Структура словарной статьи: заголовочное слово; общее количество испытуемых, принявших участие в эксперименте;

ассоциативное поле с указанием частотности ассоциатов, количество отказов.

Структура Словаря – вступительное слово составителей (методика проведения эксперимента, предназначение словаря и др.); общий список стимулов; словарные статьи – ассоциативные поля стимулов.

Характеристика словаря: «Ассоциативный словарь топонимов» относится к словарям прямого типа (от стимула к реакции), является одноязычным, общенародным (в качестве испытуемых были люди разных возрастов, пола, профессий), по объему частичным, интегративным, электронным, включает в свой словник широко известные топонимы, содержит результаты одного свободного ассоциативного эксперимента, разных временных срезов.

Анализ существующих ассоциативных словарей показывает, что перед исследователями, изучающими результаты ассоциативных экспериментов, встает ряд проблем, решение которых поможет в будущем создать более представительные и совершенные словари. Укажем отдельные проблемы современной ассоциативной лексикографии.

На этапе организации эксперимента могут возникнуть проблемы с отбором участников эксперимента, отбором стимульных единиц, их количеством в пределах одной анкеты и др.

Одной из важных проблем при проведении эксперимента является отбор участников (их количества, необходимого для репрезентативности результатов эксперимента, а также качественного состава). Для повышения репрезентативности результатов эксперимента количество участников должно быть значительным (1000 и более человек), однако это не всегда бывает возможно по ряду причин. В одной из своих работ Г.А. Черкасова отмечает, что уже при 200 испытуемых в ассоциативном поле проявляются основные тенденции – первые пять частотных реакций обязательно будут входить в одноименные ассоциативные поля с большим количеством участников, количество же малочастотных и единичных реакций будет увеличиваться [Черкасова 2005, с. 237]. Поэтому для описания психолингвистического анализа значения слова достаточно 100-200 испытуемых.

Важным является и вопрос, встающий перед исследователем при анализе ассоциатов стимула, о том, что именно «овнешняет» ассоциативное поле – индивидуальное, групповое или общенародное языковое сознание. Данный вопрос пока не имеет однозначного ответа. По мнению Е.Ф. Тарасова, «ассоциативное поле овнешняет знания, ассоциированные со словом-стимулом в данной конкретной национальной культуре в данной конкретной группе» [Тарасов 2000, с. 25]. Если же речь идет об «Ассоциативном тезаурусе современного русского языка» (авторы Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева,

Г.А. Черкасова), то можно утверждать, что «слова-реакции – это те слова, которые, вероятно, непосредственно связаны в ассоциативной вербальной сети, охватывающей с определенной полнотой весь лексикон современного среднестатистического носителя русского языка, другие слова этой сети, связаны со словом-стимулом уже опосредовано» [Тарасов 2000, с. 25-26].

Идеальным вариантом является возможность провести эксперимент с испытуемыми, в число которых входит одинаковое количество женщин и мужчин, представлены все возрастные категории, есть большое разнообразие по профессиональному, образовательному, территориальному и другим критериям. Это даст возможность судить о результатах эксперимента как овнешненном языковом сознании среднестатистического носителя языка. Однако в основном ассоциативные нормы «собираются» в студенческой аудитории (если перед экспериментатором не стоит специальная цель собрать данные онтогенеза или какой-либо отдельной социальной группы). Обычно студенты – это самая доступная группа испытуемых для исследователя. По мнению Ю.Н. Караулова, ассоциативные нормы студентов можно относить к достаточно репрезентативным, так как к 17-21 годам формирование языковой способности уже в основном завершается. «Содержательное наполнение языковой способности (словарный запас, иерархическая структура ценностей, прагматические установки) и ее формально-комбинаторные возможности у большинства людей остаются относительно стабильными на протяжении всей жизни» [Караулов 1994, с. 192-193].

По мнению Е.И. Горошко, «при собирании ассоциативных норм важен также широкий территориальный и профессиональный “охват”». Анализ влияния некоторых социальных и биологических характеристик личности на ее вербальное поведение показал, что некоторые факторы (половозрастная принадлежность информанта, условия его жизни, уровень образования и прочее) оказывают сильнейшее влияние, как на содержательное наполнение ассоциативных полей, так и на их структуру» [Горошко 2001б, с. 283-284]. Действительно, исследователи обычно ограничены территориально – один населенный пункт, одно образовательное учреждение и т.д. Поэтому при описании условий проведения эксперимента необходимо точное указание места, времени, условий проведения эксперимента, а также качественного состава испытуемых. Это дает возможность другим исследователям сравнивать данные словаря с результатами своих экспериментов.

На данный момент мало исследовано влияние на содержание ассоциативного поля испытуемых такого фактора, как профессиональная сфера деятельности испытуемых (см. работы Н.О. Одиноквой и др.).

Однако исследователи убедительно доказывают, что различия в профессиональных языковых картинах мира наблюдаются.

Аналізу факторов, влияющих на изменения в ассоциативных полях, посвящен ряд работ Е.В. Старостиной [Старостина 2008, 2010, 2016, 2017а, 2017б].

Важным на этапе подготовки эксперимента является и определение содержания анкет, точности инструкции, предлагаемой участникам. При составлении анкет нужно учитывать состав стимульных единиц. Включение в одну анкету слов одной тематической группы может «натолкнуть» испытуемого на «правильный» ответ, что делает эксперимент нерепрезентативным. Для устранения этой проблемы в состав анкеты включает так называемый «семантический шум» (стимулы, исследование которых не входят в зону исследования), при формировании анкеты также может быть использован метод случайного генератора.

На качество эксперимента может оказать воздействие и объем анкеты: при включении в стимульный список большого количества единиц качество реагирования снижается, появляется большое количество отказов (причиной является усталость участников эксперимента и др.).

Влияние на результаты эксперимента может оказать и грамматическая форма стимула. Чаще всего в качестве стимулов испытуемым предлагается слово в начальной форме, однако уже замечено, что ассоциативные поля стимулов – разных форм одного и того же слова (например, СЕРЫЙ и СЕРАЯ, ФРАНЦУЗ, ФРАНЦУЖЕНКА и ФРАНЦУЗЫ и др.) будут различаться. Открытым остается и вопрос об объединении лексико-семантических вариантов. Например, в словниках, отражающих ядро языкового сознания один из стимулов – «есть (кушать)» – ограничивает испытуемых в реагировании, поскольку заранее предопределяется семема, интересующая исследователя, тогда как носитель языка обычно не различает многозначность и омонимию слова, реагируя на то, что является для него в данный момент наиболее актуальным или является ядренным для его языкового сознания.

На этапе проведения эксперимента важными проблемами, которые встают перед экспериментатором, являются условия проведения эксперимента.

Обычно ассоциативный эксперимент проводится в устной или письменной форме, с одним испытуемым или небольшой группой. Для того чтобы данные эксперимента считались репрезентативными, необходимо ограничение времени проведения эксперимента, отсутствие помех во время опроса, ограниченное количество стимулов в анкете и т.д.

По мнению Е.В. Старостиной, на результаты исследования может оказать влияние поведение экспериментатора, его индивидуальные характеристики, даваемая экспериментатором установка и др.; погодные условия в день эксперимента; предшествующие эксперименту события и

др. Все эти факторы являются практически неизученными. Поэтому важным является подробное описание условий проведения эксперимента [Старостина 2016].

Методика подготовки и проведения свободного ассоциативного и анализа данных, используемая затем при составлении ассоциативных словарей, может быть выделена в отдельную исследовательскую задачу, требующую своего настоящего и более глубокого освещения.

На этапе обработки результатов эксперимента важными оказываются качество их обработки и фиксации в словаре.

При обработке анкет исследователь встречается с такой проблемой, как неразборчивый почерк или неправильно написанное слово. В результате неправильной «расшифровки» ассоциата в ассоциативное поле попадают реакции, которые не относятся к данному стимулу и не могут быть в дальнейшем интерпретированы. Обычно это выявляется только на стадии семантической интерпретации ассоциатов.

При обработке анкет важной проблемой является и степень корректировки экспериментального материала составителем словаря. Ассоциативные словари являются первичным научным источником и должны предоставлять пользователям материал, подвергшийся минимальной обработке экспериментатором.

В 2001 г. Е.И. Горошко были выделены ***перспективные направления в развитии ассоциативной лексикографии***: изучение ассоциативного значения слова; изучение влияния различных факторов на ассоциативное поведение испытуемых (профессиональные характеристики, возраст, пол); измерение семантической близости между словами и степени вхождения этих слов в единое семантическое поле; исследования ассоциативной памяти и организации внутреннего лексикона человека; исследования ассоциативного процесса в связи с процессами порождения и восприятия речи; использование метода свободных ассоциаций в психодиагностике или при изучении афазий, измененных состояний сознания; изучение особенностей протекания ассоциативного процесса в условиях билингвизма и полилингвизма и приложение полученных результатов к методологической сфере преподавания иностранного языка и др. [Горошко 2001б]. На данный момент они практически все реализуются российскими исследователями. Все это позволяет говорить об ассоциативной лексикографии как самостоятельном научном направлении, лежащем на стыке психолингвистических и лексикографических исследований.

3.2. Психолингвистические семантические словари

Появление большого количества исследований языкового сознания на материале психолингвистических экспериментов и самих ассоциативных лексикографических источников обусловило переход лингвистического анализа на новый уровень – от формального описания исследователи обратились к семантическому анализу экспериментальных данных, что привело к появлению нового вида психолингвистических словарей, а именно семантических. Это стало следующим этапом в развитии психолингвистической лексикографии.

Данные ассоциативного словаря используются для формулирования определенных выводов о семантике слова-стимула (по количеству, качеству реакций, типам ассоциаций, оценочности слова). Многие исследователи рассматривают такой анализ как семантический и на данном этапе останавливаются, считая анализ значения слова завершенным. Хотя целесообразнее в таком случае говорить о фиксации ассоциативного значения слова, а не о лексическом значении языковой единицы.

Сделанные на основе экспериментального материала выводы без их семантической интерпретации обычно носят предварительный характер, поскольку они не предполагают разграничения и описания всех значений семантемы, вербализованных в эксперименте, а в рамках отдельного значения – описания конкретного семного наполнения каждой семемы.

Психолингвистическое описание значения слова может быть зафиксировано в психолингвистических семантических словарях. Ассоциативный же словарь становится материалом (базой) для содержательного психолингвистического описания семантики слова.

Под *психолингвистическим семантическим словарем* понимается словарь, содержащий перечисление сем и/или семем, актуализованных в ходе психолингвистических экспериментов в виде ассоциатов, субъективных дефиниций или материалов лингвистических опросов.

Могут быть выделены следующие разновидности психолингвистических семантических словарей: ассоциативные семантические словари и собственно психолингвистические словари.

Ассоциативные семантические словари

Ассоциативные семантические словари стоят на стыке ассоциативных и семантических словарей и являются словарями переходного типа.

Под *ассоциативными семантическими словарями* мы понимаем словари, которые описывают семантику слова в самом общем виде, только на базе ассоциаций, без семантической интерпретации ассоциаций как объективации отдельных семем и сем и без формулирования значений

слов. Ориентиром при описании выступают формулировки лексикографических семем и сем. Выводы о семантике слова делаются читателем словаря самостоятельно.

«Ассоциативные семантические словари – это словари, в которых представлена семантическая информация в виде обобщения экспериментальных данных по семному или семемному принципу. Словари подобного типа в настоящий момент только разрабатываются и обычно существуют в виде отдельных словарных статей или материалов к ассоциативно-семантическому словарю» [Гуц 2004].

Первый вид ассоциативно-семантического словаря – **ассоциативный семемный словарь**. Такой словарь позволяет верифицировать системные (лексикографические) значения. Ассоциаты подвергаются семемной интерпретации. Психолингвистические значения семем не формулируются интерпретатором: используются интегрированные лексикографические дефиниции, сформулированные исследователем или составителем традиционного словаря. В ассоциативном семемном словаре фиксируются ассоциации, актуализирующие лексикографическое значение; выявляются не подтверждаемые экспериментом значения; фиксируются значения, не отраженные в лексикографических источниках. Выявляется реальная полевая организация семантемы, для чего используется определение совокупного индекса яркости семемы.

Вторая разновидность ассоциативного семантического словаря – **ассоциативный семный словарь**, который позволяет верифицировать системные (лексикографические) семы лексической единицы. Семы не формулируются интерпретатором: используются их лексикографические варианты. В Ассоциативном семном словаре фиксируются ассоциации, актуализирующие конкретную сему; выявляются не подтвержденные экспериментом семы; фиксируются семы, не отраженные в лексикографических источниках (они формулируются с учетом реакций участников эксперимента и лексикографического опыта исследователя). Семы перечисляются в соответствии с полевой организацией семантики (по убыванию яркости / частотности ассоциатов, вербализующих отдельную сему). Для определения яркости семы вычисляется индекс яркости семы. Отличительной особенностью такого словаря является то, что распределение по семемам не является обязательным, может выполняться только полевое перечисление актуализированных сем.

Оба вида ассоциативных семантических словарей имеют определенную научную ценность, являясь базой для исследований разного типа. Например, попытку семантической обработки ассоциатов стимула из подобного словаря предпринимает в своем исследовании М. Патсис [Патсис 2005].

Ассоциативные семантические словари позволяют определить, какие, по мнению носителей языка, семантические компоненты являются

важными для описания семантики конкретного слова, актуальными для носителей языка, а также выявить новые, не зафиксированные лексикографическими источниками семантические признаки (например, семы новой семемы; семы, «пропущенные» лексикографом и др.).

Алгоритм создания Ассоциативного семантического словаря предполагает следующие действия:

1. Проведение ассоциативного эксперимента(-ов). Обработка результатов психолингвистического эксперимента(-ов). Формирование ассоциативного(-ых) поля(-ей) стимула (свободный и направленный ассоциативные эксперименты). Формирование дефиниционного поля стимула (метод субъективных дефиниций).

2. Фиксация словарных толкований слова по одному или нескольким лексикографическим источникам и формулирование интегрированного лексикографического значения лексемы. Составление списка лексикографических семем и сем исследуемого слова.

3. Семантическая интерпретация ассоциатов.

В Ассоциативном семемном словаре: семемная интерпретация ассоциатов (атрибуция ассоциатов отдельным семемам исследуемой лексемы); определение ядерных и периферийных семем лексемы (в соответствии с совокупным индексом яркости семемы).

Ассоциативном семном словаре: семная интерпретация ассоциатов (атрибуция ассоциатов отдельным лексикографическим семам исследуемой лексемы); подсчет индекса яркости отдельной семы; определение ядерных и периферийных сем лексемы в соответствии с полевым принципом – по убыванию ИЯс; разграничение сем по семемам (необязательный этап).

4. Оформление словарной статьи словаря.

Структура словарной статьи Ассоциативного семемного словаря: 1) заголовочное слово (имя стимула); 2) ассоциативное поле стимула; 3) список семем: а) лексикографические семемы и ассоциаты, вербализующие их в эксперименте (с указанием лексикографического источника, совокупного индекса яркости семемы, примера употребления семемы); б) семемы, не зафиксированные в лексикографических источниках, но актуализованные в ассоциативном эксперименте (их дефиниция формулируется исследователем и отмечается в словарной статье пометой «экспериментально выявленное»; указываются совокупный индекс яркости семемы, пример употребления); 4) количество нулевых ответов (отказы в ассоциативном поле стимула; указывается как *Не актуально*); 5) количество неинтерпретированных реакций (с перечислением; указывается как *Не интерпретируются*).

Структура словарной статьи Ассоциативного семного словаря:

- 1) заголовочное слово (имя стимула);
- 2) ассоциативное поле стимула;

3) список сем психолингвистической семемы: а) лексикографические семы с ассоциатами, актуализирующими их в эксперименте (с указанием индекса яркости семы); б) семы, не зафиксированные в лексикографических источниках (с указанием индекса яркости семы; формулировки сем осуществляются исследователем); в) лексикографические семы, не актуализированные в эксперименте;

4) совокупный индекс яркости семемы;

5) пример употребления семемы;

б) не зафиксированные в лексикографических источниках семемы и их семы (формулировки сем осуществляются исследователем; указываются индексы яркости сем, подсчитывается совокупный индекс яркости семемы, приводится пример употребления);

7) количество нулевых ответов (отказы в ассоциативном поле стимула; указывается как *Не актуально*);

8) количество неинтерпретированных реакций (с перечислением; указывается как *Не интерпретируются*).

Порядок семем дается по убыванию СИЯ (в соответствии с полевым принципом). Отдельным списком приводятся значения, зафиксированные в лексикографических источниках, но не актуализированные в эксперименте.

Приведем пример словарной статьи КЛЯЧА Ассоциативного семемного словаря.

Ассоциативное поле

КЛЯЧА 100: лошадь 26; старая 25; кобыла, старая женщина, старость, старуха, старый 2; бабка, гнедая, карга, кляча, когда женщина что-то просит, корова, лошадь дряхлая, лошадь старая, машина, медленная, негодная, неспособный, Паша, подкова, развалюха, сестра, слабая старая лошадь, старая лошадь, старить, старое, старушка, телиться, тетка, хлипкий, хомут, хромяя, хромяя лошадь, человек, что-то старое 1; отказы 10.

КЛЯЧА

1. Плохая, измученная, заморенная, слабая, больная, тощая, обычно старая лошадь (*разг., пренебр.*): лошадь 26; старая 25; кобыла 2, старость 2, старый 2; гнедая, корова, лошадь дряхлая, лошадь старая, медленная, негодная, неспособный, подкова, развалюха, слабая старая лошадь, старая лошадь, старить, старое, старушка, телиться, хлипкий, хомут, хромяя, хромяя лошадь, что-то старое.

СИЯ 0,77

На этой кляче далеко не уедешь.

2. Пожилая, измученная женщина: старая 25; старая женщина 2, старость 2, старуха 2, старый 2; бабка, карга, развалюха, сестра, старить, старое, старушка, тетка, хлипкий, человек, что-то старое.

СИЯ 0,44

Через несколько лет мать превратилась в клячу.

Значения, не зафиксированные в лексикографических источниках:

3. Старое, хромое, ни на что негодное животное (*экспериментально выявленное*): старая 25; старость 2, старый 2; корова, медленная, негодная, неспособный, развалюха, старить, старое, старушка, телиться, хлипкий, хромая, что-то старое.

СИЯ 0,41

Наш дворовый пес уже давно кляча.

4. Старый, плохой автомобиль (*экспериментально выявленное*): старая 25; старость 2, старый 2; машина, медленная, негодная, неспособный, развалюха, старить, старое, старушка, телиться, хлипкий, что-то старое.

СИЯ 0,40

На эту клячу больше не сяду – она больше бензина жрет, чем дорогой лимузин.

5. Старый человек (*экспериментально выявленное*): старая 25; старость 2, старый 2; Паша, развалюха, слабая, старить, старое, хлипкий, человек, что-то старое.

СИЯ 0,37

Иван Семенович в старости стал клячей: все забывал, часто стал останавливаться и надолго замолкать.

6. Женщина, которая что-то клянчит, просит (*экспериментально выявленное*): когда женщина что-то просит, сестра, человек.

СИЯ 0,03

Пример употребления – отсутствует (контаминация со словом «клянчить»)

Значения, не актуализованные в эксперименте:

7. Усталый, изнуренный, физически слабый, большой человек как рабочая сила (*разг.-сниж., фам.*).

Не интерпретируются 0,01 (*кляча*)

Не актуально 0,10

5. Подготовка текста словаря (приведение полного списка словарных статей, описание методики создания словаря, его предназначения, правила пользования словарем и др.).

Отметим, что Ассоциативный семемный словарь описывает общезыковое сознание, однако возможно создание Ассоциативного дифференциального семемного словаря, включающего данные семемной интерпретации разных групп испытуемых, например, Ассоциативный возрастной дифференциальный семемный словарь. В этом случае словарная статья имеет контрастивно-табличную форму.

Подобный вариант словаря будет интересен как исследователям (возможен анализ материала, собранного другим исследователем и сравнение со своими данными), так и рядовым носителям языка.

Одним из вариантов ассоциативного семантического словаря являются «Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска» Л.О. Бутаковой [Бутакова 2012]. В экспериментах приняли участие две группы испытуемых: учащиеся школ, колледжей 10-18 лет и студенты разных вузов г. Омска от 18 до 25 лет. Словарь содержит

50 словарных статей. Каждая статья включает два ассоциативных поля (студентов и школьников); два семантических поля (студентов и школьников), которые являются результатом семантической обработки данных, полученных методом дефиниционного семантического эксперимента, а также сводную таблицу, отражающую информацию об эмотивно-чувственном значении слова-стимула, полученного с помощью метода семантического дифференциала. Список стимулов данного словаря: *борьба, верность, вина, воля, гнев, горе, грех, деньги, доверие, дом, друг, дружба, душа, жизнь, зависть, закон* и др. При описании значения слова используется полевой принцип описания, делается попытка представления материала в виде связной дефиниции. Словарь Л.О. Бутаковой занимает промежуточное положение между названными выше типами психолингвистических семантических словарей: в силу того, что данный словарь содержит ассоциативные и семантические поля слов-стимулов, а также эмотивно-чувственное значение слова его можно отнести как к ассоциативным, так и ассоциативным семантическим словарям семного типа.

В основу экспериментальной базы семантического словаря могут лечь данные, полученные и другими психолингвистическими методами, например, методом субъективной дефиниции.

Образцом подобного психолингвистического лексикографического издания может служить опубликованный в 2004 г. «Толковый словарь русского языка глазами детей» А.Д. Палкина [Палкин 2004], позднее автор дополнительно обработал текст этого словаря и выпустил учебное пособие «Практикум по возрастной психолингвистике», который включает в себя переработанные словарные статьи первого варианта словаря [Палкин 2010].

Данный словарь представляет собой один из вариантов возрастного психолингвистического толкового словаря. В качестве испытуемых выступают шестиклассники – дети 11-12 лет. Материалом исследования служат 11 тысяч детских дефиниций. Словарь содержит 113 словарных статей, стимулами в эксперименте выступили слова, относящиеся к ядру языкового сознания носителей русского языка. Сопоставление значений слов в детском языковом сознании и их лексикографическое представление позволяют автору выделить наиболее часто встречающиеся значения. Структурно словарная статья состоит из следующих частей: 1) заголовочное слово; 2) указание на «ближайшее значение» (наиболее актуальное по данным эксперимента); 3) лексикографическая словарная статья данного слова (источник – ТСОШ), жирным шрифтом выделены значения, наиболее частотные по данным эксперимента; 4) детская словарная статья в виде таблицы (с разграничением способа толкования слова детьми); 5) комментарий автора словаря [Палкин 2010].

Данный словарь можно отнести к ассоциативным семантическим словарям семемного типа условно, так как проводится семантический анализ данных не ассоциативных экспериментов, однако субъективные дефиниции рассматриваются исследователем нерасчлененно, без выделения отдельных компонентов значения в каждой дефиниции, что воспринимается как некая единая «ассоциация» на заданную тему.

В принципе к психолингвистическим семантическим словарям ассоциативно-семантической разновидности можно также отнести фоносемантические словари, описывающие фонетическое значение слов по результатам психолингвистических экспериментов (например, словарь в приложении к книге В.А. Ивашко «Как выбирают имена» [Ивашко 1980]).

Психолингвистические толковые словари

Значение слова, реально существующее в языковом сознании носителей языка (психолингвистическое значение), может быть описано и зафиксировано в психолингвистическом толковом словаре.

Психолингвистический толковый словарь по характеру отражения семантической информации относится к словарям семно-семемного типа, так как в нем представлена как семная структура отдельного значения, так и семантема лексемы в целом.

По характеру описания семантики слова выделяют словари общезыкового типа (описывают обобщенное языковое сознание носителей языка) и групповые (описывают групповое языковое сознание). Возможно составление психолингвистического толкового словаря индивидуального языкового сознания (конкретного носителя языка) [Караулов 1993; Сдобнова 2004].

Словари, которые не содержат сопоставления, можно назвать описательными (общими). Для описательных словарей характерна фиксация психолингвистического значения без сопоставления и учета дифференциации семантики по группам, такое описание «усредняет» данные разных групп испытуемых, представляет значение, актуальное для языкового сознания целого этноса.

В 2012 г. был опубликован «Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы» (далее – СОТРС). По мнению его создателей (Н.Д. Голев, Л.Г. Ким, С.В. Стеванович и др.), данное издание является описательным толковым словарем, в котором предписательная (нормативная) составляющая редуцирована до минимума.

Интерес представляет и «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов». Для его создания был сформирован международный научный коллектив составителей, которые собрали и обработали материалы из казахского, китайского, русского, сербского и

французского языков. Общее руководство проекта осуществляет Н.Д. Голев.

Собранные материалы получили лексикографическую обработку в пробном варианте разноязычного словаря обыденной семантики бионимов.

На начальном этапе работы над словарем был сформирован словник из 50 лексем, составленный из бионимов, соотносимых с «сильным» для данных языков концептным содержанием. Принципы формирования словника, критерии отбора слов описаны в работах [Голев 2015а, 2016б].

Описание семантики бионимов основано на четырех видах психолингвистических методов: 1) свободный ассоциативный эксперимент; 2) метод субъективных дефиниций (задание представлялось в форме типа *волк – это...*); 3) метод дополнительности (задание в виде заполнения пропуска в предложении типа *они ... как волки*); 4) лингвистическое интервьюирование (задание – записать фразу с указанным словом). Выбор подобного типа заданий обусловлен намерением составителей охватить разные слои обыденной семантики: чувственно-ассоциативной, понятийной, концептной, отражаемой в прецедентных фразах и типовых сравнениях. Предлагаемая учеными методика заключается в сопоставлении объема семантики эквивалентных слов в трех аспектах: системно-языковом, функциональном и когнитивном.

Словарная статья бионима имеет параметрическую структуру. Анализируемый психолингвистический словарь – это первая попытка создания семантического параметрического описания семантики бионима в языковом сознании носителя языка. Он включает большое количество как собственно лингвистической, так и экстралингвистической информации и интересен, прежде всего, исследователям языкового сознания представителей разных культур.

С 2015 г. воронежскими исследователями разрабатываются принципы лексикографической фиксации психолингвистического значения слова в **Психолингвистическом толковом словаре**.

Психолингвистический толковый словарь является первой попыткой создания словаря, в котором отражается реальное обыденное языковое сознание носителей русского языка.

Необходимость создания Психолингвистического толкового словаря определяется наличием в современном русском языке большого пласта лексических единиц, которые нуждаются в частом объяснении их значений и правил употребления при отсутствии достаточно полного отражения их семантики в имеющихся толковых словарях (*блог, форум, инновация, гламур, глянецовый, креативный* и др.); слов, которые нуждаются в дифференциации их значений от сходных по семантике слов – синонимов,

толкуемых в словарях друг через друга (*вежливый – культурный – тактичный, врач – доктор* и др.).

Кроме того, Психолингвистический толковый словарь необходим для:

- для описания значений, оценочности, эмоциональности, функциональных характеристик слов с нечеткой (недифференцированной, размытой) семантикой – это «лозунговые» слова (*свобода, демократия, порядок, демократ, либерал, модернизация, оптимизация* и др.), морально-оценочная лексика (*достоинство, добро, честь, правда, оскорбить* и др.), «рекламная» мелиоративная лексика (*успех, престиж, стильный, роскошь, выгодный, эксклюзивный* и др.), экспрессивно-эмоциональная лексика, в том числе и бранная (*умник, урод, гнида, тварь, быдло, дерьмо, жлоб, дурак, дебил* и др.), наименования эмоций (*любовь, счастье, горе* и др.);
- установления и дифференциации научных (специальных, терминологических) и обыденных значений в семантике слова (*оскорбление, достоинство, честь, неприличный, культурный, скачать, зависть* и др.);
- разграничения оценочных значений в смысловой структуре разнооценочных слов (*гибкий, амбициозный, умник, дипломат, доступный, пробивной, творить, энергичный* и др.);
- определения групповой (возрастной, гендерной, социальной) специфики значений (*прогресс, учитель, артист, немец, русский* и др.);
- определения стереотипной символической (мифологической) составляющей семантики слов (*бюджетник, бабочка, интеллигент, немец, француз* и др.);
- определения значений слов высокого уровня обобщенности значения (*вещь, дело, штука, причиндалы, выделяться* и др.).

Данные Психолингвистического толкового словаря русского языка позволяют выявить: 1) уровень знания значений коммуникативно релевантных слов современным языковым сознанием; 2) реальный объем значений этих слов в современном языковом сознании носителей языка; 3) тенденции развития современной семантики, тенденции развития языкового сознания на современном этапе.

Психолингвистические толковые словари нужны для описания не всей лексики языка. Это не нормативные, а, в первую очередь, справочные издания. В отличие от традиционного словаря, в психолингвистическом толковом словаре не указывается информация «нелексического» характера (особенности произношения, грамматическая характеристика слова и др.), если она не актуализирована испытуемыми.

Важным вопросом при создании психолингвистического толкового словаря является критерий отбора его единиц. Предлагаем следующие **принципы для отбора единиц словника** данного типа словарей:

- 1) частотность слова: частотные слова;

2) социальная значимость: культурно-, общественно- и/или политически значимые лексемы;

3) семантическая нестабильность: активно семантически развивающиеся, изменяющиеся на современном этапе; единицы с нечеткой семантикой (разговорные, сленговые, оценочные); новые единицы языка (с еще не устоявшейся семантикой);

4) семантическая дифференциация: трудно семантически дифференцируемые синонимы; слова, имеющие групповые семантические различия (гендерные, возрастные, региональные, профессиональные и др.);

5) частеречная принадлежность: слова разных частей речи (как знаменательных, так и служебных).

Общий алгоритм фиксации психолингвистического значения в Психолингвистическом толковом словаре включает ряд последовательных действий:

1. Определение словника будущего словаря в соответствии с задачами исследования. Определение типа словарных единиц, которые лягут в основу словаря. Критериями могут служить частотность единиц, их стилистический характер, отнесенность к какой-либо семантической группе и др.

2. Проведение психолингвистического эксперимента(-ов). Обработка результатов психолингвистического эксперимента(-ов). Формирование ассоциативного(-ых) поля(-ей) стимула (свободный и направленный ассоциативные эксперименты). Формирование дефиниционного поля стимула (метод субъективных дефиниций).

3. Анализ словарных толкований слова по одному или нескольким лексикографическим источникам; формулирование интегрированного лексикографического значения лексемы.

4. Семантическая интерпретация ассоциативного поля стимула.

Семная интерпретация ассоциатов. Выделение актуализованных носителями языка семем рассматриваемой лексемы: атрибуция ассоциатов отдельным семемам исследуемой лексемы. Подсчет совокупного индекса яркости отдельной семемы. Определение ядерных и периферийных семем лексемы.

Семная интерпретация ассоциатов. Выделение актуализованных носителями языка сем рассматриваемой лексемы: атрибуция ассоциатов отдельным лексикографическим семемам исследуемой лексемы. Подсчет индекса яркости отдельной семы. Определение ядерных и периферийных сем лексемы. Порядок сем приводится в соответствии с семантическими параметрами и по убыванию яркости сем (в соответствии с полевым принципом).

6. Формулирование связной дефиниции. Порядок сем дается в соответствии с психолингвистической моделью описания значения слова.

7. Оформление словарной статьи словаря (предисловие от составителей, комментариев составителя словаря).

Психолингвистический толковый словарь – это своеобразный словарь семантических трудностей языка. Он анализирует обыденное языковое сознание, реально сложившееся употребление слов в современном русском языке, выявляя состояние, проблемы и тенденции развития семантики коммуникативно активной части лексики. Подчеркнем еще раз, что данный словарь не относится к изданиям нормативного типа, а имеет, прежде всего, справочный и описательный характер.

По содержащейся информации психолингвистический толковый словарь может быть представлен двумя разновидностями:

1. Интегральный толково-психолингвистический словарь

В таком словаре приводятся все значения – интегрированные лексикографические значения (современные и устаревшие); значения, дополненные коммуникативным анализом, и значения, дополненные психолингвистическими экспериментами. В словарную статью включаются как экспериментально верифицированные значения, так и значения, не верифицированные психолингвистическими экспериментами. Значения располагаются по убыванию индекса яркости.

Такой словарь нужен, прежде всего, таким специалистам, как лингвисты, лингвокультурологи, историки языка. Интегральный толково-психолингвистический словарь является комплексным справочным изданием, учитывает реальную многозначность слова, динамику его семантического развития; вышедшие из употребления, устаревающие и новые значения; представленность значений в языковом сознании, их актуальность для носителей языка на данном этапе развития языка.

2. Собственно психолингвистический толковый словарь (словарь языкового сознания)

В данном словаре приводятся только выявленные и верифицированные психолингвистическими экспериментами значения, включая индивидуальные, рецептивные (контаминированные, ложные). Значения располагаются по убыванию индексов яркости семем.

Такой словарь нужен лингвистам, психолингвистам, преподавателям русского языка, в том числе русского как иностранного, создателям учебных пособий для обучения языку, лингвокультурологам. Он является словарем реального языкового сознания на данном этапе развития общества, показывает яркость и иерархию в семантеме отдельных значений, актуальность и неактуальность для народа отдельных значений на конкретном этапе развития общества. Психолингвистический толковый словарь будет интересен и обычным носителям языка.

Опыт почти 20-летней работы в рамках научного проекта «Значение как феномен актуального языкового сознания (психолингвистическое

исследование)» показывает целесообразность создания серии психолингвистических словарей на базе частотного ядра русского языка.

За частотное ядро предлагается принять первые 500 самых частотных слов современного русского языка по словарю С.А. Шарова и О.Н. Ляшевской [Ляшевская 2009]. Однако данный список нуждается в модификации с учетом целей и задач психолингвистической лексикографии. Целесообразно остановиться на анализе знаменательных частей речи, поскольку с точки зрения отражения действительности в обыденном языковом сознании именно они определяют основу языкового сознания. Кроме того, для психолингвистической лексикографии представляют интерес, прежде всего, слова полнозначные, имеющие системное лексическое значение, а также слова автосемантические, минимально семантически зависимые от контекста.

На этом основании нами были исключены из словника слова служебных частей речи (в группах перечислены в порядке убывания частотности): союзы 17: *и, что, а, но, как, или, если, когда, чтобы, то, чем, хотя, ни, однако, пока, даже, ведь*; предлоги 30: *в, на, с, по, к, из, у, за, от, о, для, до, при, во, со, под, после, без, через, об, перед, между, над, кроме, среди, из-за, ко, против, около, про*; частицы 18: *не, же, только, бы, вот, даже, ну, ли, ни, да, просто, нет, лишь, именно, ведь, это, уж, все-таки*.

Также из словника были исключены некоторые слова знаменательных частей речи: местоимения 64: *я, он, это, она, этот, они, мы, который, то, свой, что, весь, так, ты, все, тот, вы, такой, его, себя, один, как, сам, другой, наш, мой, кто, ее, где, там, какой, их, самый, потом, ничто, сейчас, тут, каждый, теперь, тогда, здесь, потому, какой-то, что-то, всегда, никто, ваш, почему, все, поэтому, некоторый, любой, никогда, оно, никакой, всякий, твой, куда, иной, многих, кто-то, как-то, зачем, данный*; наречия и предикативы 45: *еще, уже, очень, можно, надо, нет, тоже, более, конечно, также, вдруг, почти, сразу, хорошо, сегодня, совсем, вообще, больше, вместе, например, нужно, опять, снова, нельзя, особенно, рядом, назад, совершенно, значит, давно, действительно, наконец, часто, быстро, долго, правда, иногда, чуть, затем, слишком, вполне, далее, может, впрочем, наверное*; числительные 13: *первый, два, несколько, три, второй, один, много, пять, третий, сколько, оба, четыре, больше*; вспомогательные и модальные глаголы 9: *быть, мочь, смочь, стать, оказаться, бывать, прйтись, хотеться, становиться*; имена существительные 2: *раз, тысяча*; прилагательное 1: *должен*.

Таким образом, в словник вошли имена существительные (171 единица), глаголы (84 единицы) и имена прилагательные (46 единиц) – всего 301 лексема.

Психолингвистический толковый словарь дает богатый материал для исследований в области лингвокогнитологии, лингвокультурологии, лексикографии языкового сознания, обыденной лексической семантики,

психолингвистики. Круг его потенциальных пользователей достаточно широк. Это и специалисты по русскому языку, изучающие особенности владения русским языком; и специалисты по когнитивной лингвистике, анализирующие ментальные формы существования русского языка; и преподаватели русского языка как родного, так и иностранного; журналисты, редакторы, переводчики и специалисты, связанные с созданием текстов; лингвокриминалисты, социологи, историки, психологи, спичрайтеры, а также все носители языка, интересующиеся знаниями в области семасиологии.

Психолингвистический толковый словарь не является словарем «литературного языка», поэтому в статьи вносятся все значения, объективированные реакциями на слово-стимул. В некоторых статьях встречаются индивидуальные и ложные с традиционной лингвистической точки зрения значения.

Вследствие большого объема подобного словаря имеет смысл серийный выпуск частей словаря – отдельными выпусками. На данный момент в электронном варианте подготовлено более 500 словарных статей.

Представим *структуру словарной статьи* Психолингвистического толкового словаря.

1. Заголовочное слово

Заголовочное слово (имя стимула) приводится в начале статьи и выделяется полужирным шрифтом: например, ГЛАЗ.

2. Ассоциативное поле стимула

Приводится экспериментальный материал (ассоциативное поле, полученное по результатам свободного или направленного эксперимента; данные, полученные методом субъективной дефиниции), семантическая интерпретация которого осуществляется при формулировании значения слова; указывается тип эксперимента, количество испытуемых и год проведения эксперимента. В качестве примера приведем ассоциативное поле стимула ГЛАЗ (ЕВРАС 2014; 538 ии):

ГЛАЗ 538: алмаз 58; око 56; зрение 31; голубой 24; зеленый 20; видеть 16; карий 15; зрачок 13; красивый 12; зоркий, лицо, нос 11; большой, очки, ресницы 10; орган, смотреть 9; красный 8; веко, синий, яблоко 6; взгляд, острый 5; всевидящий, линза, один, стеклянный, шоколадный 4; бровь, долгой, зеркало, красота, круглый, орлиный, ресница, роговица 3; вид, видит, выколоть, косой, левый, наметан, наметанный, орла, открытый, очи, подбитый, правый, серый, третий, ухо, фильм, человек, человека, черный 2; Амир, анализаторы, болит, больной, бояться, в голове, в ночи, Вероны ... ясно 1; отказ 2.

Приведение в психолингвистическом толковом словаре экспериментального материала повышает научную ценность словарного источника.

3. Краткая дефиниция значения

Приводится краткое психолингвистическое толкование каждого значения с опорой на 3-4 яркие семы (для краткого наименования семемы при анализе структуры значения слова):

ГЛАЗ. 1. Орган зрения с голубым, зеленым зрачком.

Краткая психолингвистическая дефиниция обязательно включает в свой состав архисему и яркие дифференциальные семы, выявленные в ходе анализа экспериментального материала и сформулированные методом семантической интерпретации.

4. Развернутая психолингвистическая дефиниция слова

Приводится развернутое связное психолингвистическое толкование значения слова по результатам экспериментов с указанием индекса яркости каждого семантического компонента; перечисляются денотативные семы по психолингвистической модели, представленной ранее.

В основной части толкования приводятся семы с индексом яркости, равным 0,01 и более. Отдельными списками приводятся семы с индексом яркости менее 0,01. При количестве испытуемых более 100 человек индексы сем, вербализованных единичными и неединичными ассоциатами, могут быть округлены до 0,01. Индексы яркости менее 0,01 указываются более мелким шрифтом, приводятся общим списком (без ранжирования), например,

ГЛАЗ

1. Орган зрения с голубым, зеленым зрачком

Орган 0,02 зрения 0,12; на лице 0,02 человека 0,01; так же, как нос 0,02, уши 0,01; имеет зрачок 0,03 с роговицей 0,01, глазное яблоко 0,01; круглый 0,01; красивый 0,03, голубой 0,05, зеленый 0,04, карий 0,03, большой 0,02, синий 0,01, серый 0,01, открыт 0,01, выбит 0,01; стеклянный 0,01, один 0,01;

(менее 0,01) на голове, как рот; у собаки, совы; располагается в глазнице; имеет анализаторы, хрусталик; принимает образ; бывает левый, правый, маленький, косой, больной; имеет цвет, чёрный, шоколадный; является парным органом; между ними находится нос; его рисуют; может быть выколот; требует защиты; движется; у пирата один отсутствует; лечится офтальмологом, окулистом; находится на лбу у циклопа; управляется мозгом.

Отдельной строкой указываются симилиативные и оппозитивные связи слова (графа *То же, что...* и графа *Противоположно...*) с указанием индекса яркости каждой семы:

ГЛАЗ

То же, что: око 0,10

ВАЖНЫЙ

То же, что: главный 0,01; (менее 0,01) глобальный, значительный, основной, important, первостепенный

Противоположно: (менее 0,01) бесполезный, ненужный, незначительный, неважный, необязательный, побочный

5. Эмоционально-оценочный и метаязыковой компоненты

Оценочные и эмоциональные семы приводятся с указанием их индекса яркости после денотативных сем. Они формулируются на основе реакций, вербализующих общую оценку или эмоцию. Если семантическая интерпретация позволяет сформулировать конкретную эмоцию, то она указывается отдельно (*вызывает жалость, вызывает удивление* и др.). Семы эмоционально-оценочного компонента указываются после всех денотативных и метаязыковых сем. Например,

АВТОР. Писатель, ... вызывает неодобрение.

БОЛЬШОЙ. [Значительный] по размерам, объему; ... вызывает удивление; вызывает испуг.

При наличии после денотативных сем указываются метаязыковые семы, включающие указание на признаки лексемы как единицы языка (происхождение слова, частеречную принадлежность, особенности употребления и др.), например, ЧАТ – сема «буквы слова, записанные в обратном порядке» – слово *тач*».

6. Совокупный индекс яркости семемы

Приводится совокупный индекс яркости отдельного значения как сумма индексов яркости всех семантических компонентов данной семемы.

ГЛАЗ

1. Орган зрения с голубым, зеленым зрачком. СИЯ 0,68

2. Зрение. СИЯ 0,29

3. Взгляд. СИЯ 0,07

Семемы многозначного слова перечисляются в соответствии с полевым принципом описания – в порядке убывания совокупного индекса яркости.

При одинаковом СИЯ нескольких значений они приводятся в словаре в произвольном порядке, поскольку их иерархия в языковом сознании не выявляется.

7. Рецептивные значения (контаминированные и ложные значения)

Отдельно указываются ложные значения (не соответствующие действительности) и контаминированные значения (семемы близких по фонетическому облику или семантическому содержанию слов).

ГЛАЗ

1. Голос (контаминация «глаз» – «глас», «голос»)

(*менее 0,01*) [Голос], например, правосудия, правды, в голове.

СИЯ 0,01

Пример употребления отсутствует

2. Мировоззрение (контаминация «глаз» – «взгляды»)

То же, что: (*менее 0,01*) мировоззрение.

СИЯ – менее 0,01

Пример употребления отсутствует

3. Отверстие в двери (контаминация «глаз» – «глазок»)

(*менее 0,01*) [Отверстие], например, в двери.

СИЯ – менее 0,01

Пример употребления отсутствует

Рядом приводится комментарий, объясняющий (если возможно) появление рецептивного значения.

8. Пример употребления семемы

Приводятся примеры слова с конкретным значением:

ГЛАЗ

1. Орган зрения с голубым, зеленым зрачком. *У него были карие глаза. Изучать анатомию глаза. Лишиться глаз.*

2. Зрение. *Верный глаз охотника. Подметить острым глазом. Жаловаться на плохие глаза.*

3. Взгляд. *Проводить глазами кого-либо. Пожирать, испепелять глазами.*

4. Участок вокруг зрачка с веком и ресницами. *Красить, подводить глаза. Тереть, промывать глаз.*

5. Светящаяся точка. *В темноте светился только глаз телевизора.*

Источниками примеров могут стать тексты из лексикографических изданий, данные Национального корпуса русского языка, открытых Интернет-источников, фразы, сформулированные составителем словаря и др.

9. Фразы

После всех семем в конце словарной статьи в графе *Фразы* приводятся устойчивые фразы, прецедентные тексты и типичные сочетания, в состав которых входит слово-стимул, с указанием индекса яркости каждого компонента и совокупного индекса яркости всех типов фраз. Например,

ГЛАЗ

Фразы 0,25: глаз – алмаз 0,11; красные глаза 0,02; острый глаз 0,01; всевидящее око (глаз) 0,01; стеклянные глаза 0,01; не в бровь, а в глаз 0,01; с глаз долой – из сердца вон 0,01; глаза – зеркало души 0,01; сделать круглые глаза 0,01; глаз наметан(ный) 0,01; орлиный глаз 0,01; третий глаз 0,01;

(менее 0,01) глазное дно; меткий глаз; глаз бури (*область прояснения и относительно тихой погоды в центре тропического циклона*); американский триллер «Глаз»; сайт телевизионного «Пятого канала» – glaz.tv; глаз да глаз; камень «кошачий глаз»; амулет «глаз Гора»; международная организация «Пять глаз».

9. Информация о неинтерпретируемых реакциях

В конце психолингвистического описания значения слова в графе *Не интерпретируются* приводится список неинтерпретируемых ассоциаций. Указывает их общее количество.

ГЛАЗ. *Не интерпретируются* 5: Амир, какой, намечен, рука, худой

ГОЛОВА. *Не интерпретируются* 3: мясо, ход, бинокль

Данный список обычно включает ассоциации, которые не поддаются однозначной интерпретации, требуют дополнительного исследования с целью определения связи стимула с реакцией.

10. Информация об отказах

Данный пункт содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости, который высчитывается как отношение числа отказов к общему количеству опрошенных людей, например,

ГЛАЗ. Не актуально (отказ 2): 0,004

В отдельных словарях структура словарной статьи психолингвистического толкового словаря может варьироваться в зависимости от вида словаря, целей и задач исследователя.

Данный Словарь является словарем языкового сознания (включает описание только психолингвистического значения слова без указания лексикографической информации); по типу представляемой информации – прямой, одноязычный; базируется на данных свободного ассоциативного эксперимента [РАС 2002; ЕВРАС 2014; АСУРЛ 2011 и др.]; 60% словарных статей сформулировано по данным ассоциативных полей, включающих 500 и более реакций.

Структура словарной статьи интегрального толково-психолингвистического словаря похожа на структуру словарной статьи психолингвистического толкового словаря языкового сознания. Однако словарная статья интегрального словаря содержит ряд дополнительной информации, предназначенной, в первую очередь, для исследователей. Укажем эти отличия (пункты), которые в основном касаются дефиниционной части словарной статьи.

Если словарная статья словаря языкового сознания состоит только из значений, выявленных в ходе эксперимента, то дефиниционная часть словарной статьи интегрального словаря включает три части:

1) значения, которые зафиксированы в лексикографических источниках и выявлены в ходе эксперимента (актуальны для языкового сознания носителей языка);

2) значения, не зафиксированные в лексикографических источниках, но актуальные для языкового сознания носителя языка;

3) значения, зафиксированные в лексикографических источниках, но не выявленные в экспериментальном материале (не актуальные для языкового сознания опрошенной группы испытуемых).

Первая группа семем указывается в начале дефиниционной части словарной статьи. Кроме краткого и развернутого психолингвистического толкования, каждая семема содержит интегрированный вариант лексикографической дефиниции с указанием словарей, в которых данное значение приведено. Это позволяет читателю сравнить лексикографическое представление значения и его психолингвистическую актуализацию в сознании носителей языка.

Вторая группа семем состоит из значений слова, актуальных для языкового сознания носителей языка (выявленных по данным эксперимента), но отсутствующих в толковых словарях по разным причинам. В связи с их отсутствием лексикографическая информация у данных семем не указывается.

В третью группу семем включаются лексикографические семемы, не актуальные для языкового сознания испытуемых (в силу разных причин). В данной части указывается только лексикографическая информация.

У семем первой и второй группы приводятся также совокупный индекс яркости каждого значения, у семем третьей группы – лексикографический индекс яркости семемы.

Внутри первой и второй групп семемы приводятся в соответствии с полевым принципом. Третья группа включает лексикографические семемы, перечисленные в порядке убывания лексикографического индекса яркости семемы.

В конце словарной статьи после графы *Не актуально* указывается индекс освоенности слова:

БОЛЬШОЙ

Не актуально (отказ 7) 0,01

Индекс освоенности слова 0,99

Словарная статья может содержать комментарий составителя, поясняющий отдельные аспекты семантики описываемого слова.

Интегральный толково-психолингвистический словарь содержит широкий спектр информации как лексикографического, так и психолингвистического характера, однако достаточно трудоемок при создании и объеме для издания в печатном варианте, поэтому, как нам представляется, эффективным является создание отдельных словарных статей (для определенных исследовательских целей), а не полноценного словарного издания.

Отдельную группу составляют психолингвистические сопоставительные толковые словари, которые содержат параллельные дифференциальные описания семантики одного слова по какому-либо параметру, определяемому различным составом испытуемых, временем и местом проведения экспериментов. Такие словари мы называем ***дифференциальными психолингвистическими толковыми словарями***.

В настоящее время ученые большое внимание уделяют сопоставительным исследованиям в различных областях языка. Однако если изучение межъязыковых соответствий стало уже достаточно привычным [Контрастивная лексикология и лексикография 2006 и др.], то исследование внутриязыкового материала с опорой на языковое сознание носителей языка в современных лингвистических исследованиях представлено небольшим количеством работ. Чаще всего исследователи останавливаются на описании языковых особенностей какой-либо группы людей, не проводя сопоставительного анализа полученного материала с результатами исследования других групп.

Поэтому особый интерес представляет использование сопоставительного метода при изучении языкового сознания различных групп одного этноса для выявления «универсальных» семантических зон (общих для всех носителей языка) и «дифференциальных» составляющих (характерных только для отдельных групп людей); для сопоставительного описания языковой картины отдельных групп носителей языка; для

описания методов и приемов обучения языку представителей разных групп этноса; для совершенствования и уточнения семантической информации в традиционных лексикографических источниках и др.

Результатом применения сопоставительного метода может быть создание серии дифференциальных семантических словарей. Можно говорить о создании такого направления, как **психолингвистическая сопоставительная лексикография**, в основе которого лежит сопоставительный метод.

Нами была разработана методика сопоставительного описания семантики, сформулированы принципы составления статей сопоставительных словарей разных видов.

Среди семантических сопоставительных словарей возможно выделение следующих видов:

- гендерные семантические психолингвистические словари (содержат сопоставительное описание мужского и женского языкового сознания);
- возрастные семантические психолингвистические словари (содержат сопоставительное описание языкового сознания носителей языка разных возрастных групп, например, школьников и студентов, молодежи и взрослых и др.; школьников разных возрастных категорий и др.);
- профессиональные семантические психолингвистические словари (содержат сопоставительное описание языкового сознания представителей разных профессий и сфер деятельности);
- региональные семантические психолингвистические словари (содержат сопоставительное описание языкового сознания людей, говорящих на одном языке, но проживающих на разных территориях);
- темпоральные семантические психолингвистические словари (содержат сопоставительное описание языкового сознания носителей языка разных временных пластов);
- психолингвистические семантические словари индивидуального языкового сознания (содержат сопоставительное описание языкового сознания двух и более носителей языка).

Возможно создание специальных сопоставительных семантических психолингвистических словарей лексики, ограниченной какими-либо параметрами, например, психолингвистический семантический словарь собственных имен, психолингвистический семантический словарь синонимов, психолингвистический семантический словарь оппозитивов и др.

Психолингвистические семантические сопоставительные словари создаются по тому же алгоритму, что и общие. Дополнительными процедурами являются:

1. Описание экспериментального материала в словаре осуществляется двумя способами: линейным (составление отдельных одноименных групповых полей, полей синонимических единиц) и сопоставительным

(представление результатов экспериментов в табличной форме с указанием общих и различных зон поля сравниваемых по семантике лексем).

2. Установление групповых маркированных семантических компонентов, эндемичных семем и сем.

3. Представление психолингвистических значений двумя способами: линейным (последовательное описание психолингвистического значения каждого слова) и сопоставительным (представление семантической информации в контрастивно-табличной форме).

Совпадающие значения и семантические компоненты в таблице приводятся напротив друг друга, при отсутствии соответствующей семемы или семы ставится прочерк или знак «0».

Структура словарной статьи дифференциального психолингвистического словаря состоит из трех частей:

1) описательная часть – последовательное (линейное) описание психолингвистических значений слова в групповом языковом сознании;

2) сопоставительная часть – параллельное сопоставительное описание значений слов в табличной форме;

3) объяснительная часть – комментарий составителей словаря, касающийся семантической структуры слова в сознании двух групп носителей языка.

Качественная шкала различий помогает определить степени специфики сопоставляемых значений, за основу берется уровень выявленных различий значений [Стернин 2020б, с. 3-11] (*Таблица 11*).

Таблица 11

Шкала определения уровня различий значений

Степень специфики сопоставляемых значений	Границы различий между совокупными индексами яркости семем
отсутствие различий	0
минимальный уровень различий	0,01-0,04
заметный уровень различий	0,05-0,25
существенный уровень различий	0,26-0,50
высокий уровень различий	0,51-0,70
гипервысокий уровень различий	0,71 и выше

В комментариях к словарным статьям используются только обобщенные качественные формулировки степени различий значений: минимальное различие; заметное различие; существенное различие; высокий уровень различия; гипервысокий уровень различия.

В Дифференциальном психолингвистическом словаре используются следующие **общие количественные показатели**:

- *индекс яркости семантического компонента* (ИЯс) отражает относительную яркость семы в структуре значения (вычисляется как отношение количества испытуемых, актуализировавших данный семантический компонент в эксперименте, к общему числу испытуемых);

- *индекс совокупной яркости значения* (СИЯ) отражает яркость отдельного значения в языковом сознании (вычисляется как сумма индексов яркости отдельных семантических компонентов, образующих структуру значения; при расчете СИЯ значения не учитываются фразы, неинтерпретированные реакции и отказы);

- *индекс семного совпадения* значений – доля совпадающих (интегральных) сем сравниваемых значений от общего количества сем в обоих сравниваемых значениях;

- *индекс семной дифференциации* значений – доля несовпадающих сем двух сопоставляемых значений;

- *совокупная яркость интегральных сем* вычисляется как совокупность индексов яркости отдельных интегральных сем;

- *совокупная яркость дифференциальных сем* сравниваемых слов вычисляется аналогично.

К дифференциальным семантическим психолингвистическим словарям относится и словарь синонимов.

Дифференциальный психолингвистический словарь синонимов не имеет аналогов как в психолингвистической, так и в лексикографической практике: дифференциальная психолингвистическая фиксация семантики синонимичных языковых единиц до сих пор не предпринималась.

Лингвистическая информация в предлагаемом словаре имеет описательный характер. Словарь необходим специалистам самого разного профиля: лингвистам (для уточнения критериев понятия синонимии, определения степени близости синонимов и др.), психолингвистам (для разработки экспериментальных методик описания семантики слов), лингвокриминалистам (как источник психолингвистической информации о семантике слов при написании экспертных и иных заключений), методистам, преподавателям русского языка и русского языка как иностранного (для разработки методик обучения, а также как «справочник» языкового сознания носителей языка), специалистам в области коммуникации (рекламистам, спичрайтерам и др.), всем, интересующимся проблемами русского языка.

Данные Дифференциального психолингвистического словаря синонимов позволяют: 1) выявить реальный объем значения каждого синонима в языковом сознании; 2) определить, воспринимаются ли языковым сознанием носителей языка сравниваемые единицы как синонимичные; 3) определить, все ли семемы сравниваемых слов вступают в синонимические отношения; 4) определить степень синонимической близости сравниваемых языковых единиц; 5) унифицировать способы представления синонимов в лексикографических источниках.

Предполагается, что в словник Дифференциального психолингвистического словаря синонимов на первом этапе будут входить не синонимические ряды, а синонимические пары. Такой подход позволит ярче представить различия в семантике слова. Анализ научной литературы по проблемам синонимии показывает, что несмотря на то, что многие ученые обращаются к исследованию синонимических рядов, при изучении степени близости синонимов ряда проводят исследование попарно. Впоследствии возможна разработка методики психолингвистического дифференцированного представления синонимического ряда.

Основными **критериями отбора единиц словаря** Дифференциального психолингвистического словаря синонимов являются следующие: 1) высокая частотность слов-синонимов или одного представителя синонимической пары (определяется по существующим на данный момент частотным словарям); 2) «размытое» описание семантики в современных толковых словарях и словарях синонимов; 3) отсутствие описания семантического содержания синонимов в специальных словарях; 4) актуальность леммы для современного носителя языка.

Словарь содержит синонимические пары разного типа: 1) синонимы, определяемые в традиционных лингвистических работах как абсолютные; 2) квазисинонимы (или неполные синонимы, вступающие в синонимические связи только в отдельных контекстах); 3) симилары (слова, близкие по значению с точки зрения носителей языка).

В словник Словаря входят синонимичные пары, члены которых относятся к именам существительным и именам прилагательным, реже – к другим частям речи (глаголам, наречиям, предлогам и др.). На данный момент опубликованы два выпуска Словаря:

✓ Психолингвистический толковый словарь русского языка. Вып. 8/1: Синонимы / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – 140 с.

✓ Дифференциальный психолингвистический словарь синонимов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2021. – 162 с.

Словари содержат описание семантики синонимов в объеме языкового сознания носителей современного русского языка. В психолингвистический словарь синонимов намеренно не включаются лексикографические данные, так как его основная задача – отразить представления носителей языка о семантике симилиативных единиц, а не научные знания, сформулированные учеными.

Словарные статьи отражают информацию, которая является результатом семантической интерпретации данных свободного ассоциативного эксперимента – ассоциативных полей, включенных в электронную базу данных БАРЕКСИС-1, в некоторых случаях – ассоциативных полей, представленных в ассоциативных словарях [АСУРЛ 2011; ЕВРАС 2014; РАС 2002]. Психолингвистическое описание каждого

слова осуществляется по психолингвистической модели, приведенной ранее.

Структура словарной статьи Дифференциального психолингвистического словаря синонимов состоит из трех частей: последовательное (линейное) описание психолингвистического значения синонимов; параллельное сопоставительное описание значений синонимов в табличной форме; комментарий составителей словаря о специфике семантической структуры синонимов. Представим подробно структуру словарной статьи этого словаря.

I. Описательная часть словарной статьи

1. Заголовок

Приводится заголовочная пара синонимов (выделяется полужирным шрифтом), например, **ВРАЧ – ДОКТОР**.

2. Ассоциативные поля стимулов

В словарную статью включаются ассоциативные поля стимулов с указанием количества реакций, количества испытуемых и источника экспериментального материала. Например,

Ассоциативные поля (АСУРЛ 2011, 209 ии)

ВРАЧ 109: доктор 30; хирург 9; лечить, терапевт 6; больница 5; профессия 4; боль, лекарь, стоматолог, Эскулап 3; болезнь, лечащий 2; Айболит, белый ... халтура 1; отказ 2.

ДОКТОР 100: врач 25; наук 6; болезнь, больница 5; Хаус 4; Айболит, белый, стоматолог, халат, хирург 3; здоровье, лечит, медицина, человек, который лечит 2; бедный, больной, добрый доктор, доктор, друг, Дуллил, извращенец ... шприц 1; отказ 9.

3. Дефиниционная часть словарной статьи

Описание психолингвистического значения синонимов осуществляется в двух вариантах: описательном и сопоставительном.

Описательная часть содержит краткое и развернутое толкование значения синонимичной пары.

Краткая дефиниция значения формулируется на базе архисемы и 3-4 ярких сем, выделенных в ходе анализа экспериментального материала. Краткая дефиниция используется при сопоставлении значений синонимов в комментариях.

Развернутое толкование содержит связное описание психолингвистического значения слова по результатам экспериментов с указанием индекса яркости каждого семантического компонента, в скобках – обобщенные соответствующей семой реакции с указанием их частотности в абсолютных цифрах (для наглядности и проверяемости семантической интерпретации). В сопоставительном описании все семы приводятся в правильной орфографической форме, а реакции приводятся в той форме и орфографии, которые использовали испытуемые.

Семантические компоненты, сформулированные в результате семной интерпретации ассоциативных реакций, приводятся в следующей последовательности:

- архисема (с реальным индексом яркости; если ее нет среди реакций, она формулируется исследователем и приводится в квадратных скобках), например, [человек]; [животное] и др.;

- дифференциальные семы по убыванию индекса яркости; они отделяются друг от друга точкой с запятой; если в значении выявляются разные варианты сем, относящиеся к одному семантическому параметру, такие вариантные семы приводятся через запятую по убыванию их индекса яркости (например, *большой, маленький; зеленый, красный, синий; дает свободу, независимость*);

- общеоценочные семы (это *хорошо, плохо, зло* и под.) приводятся в конце дефиниции в обобщенном виде – *вызывает неодобрение, вызывает одобрение*;

- эмоциональные семы приводятся после оценочных сем также в обобщенном виде (*вызывает позитивные эмоции, вызывает негативные эмоции*) или в виде указания на конкретную эмоцию (*вызывает чувство страха, вызывает восхищение, вызывает удивление* и др.).

Единицы метаязыка, необходимые для формулирования связной дефиниции значения, если они не выявляются непосредственно из реакций в эксперименте, формулируются исследователем и приводятся в квадратных скобках, например, денежная единица [государства]; [живет] в зоопарке и под. Семы с одинаковым индексом яркости приводятся в виде перечисления в произвольном порядке, определяемом исследователем, поскольку их иерархия в языковом сознании не выявляется. В качестве примера приведем описание психолингвистических значений синонимичных лексем ВРАЧ и ДОКТОР.

ВРАЧ

Профессиональный работник медицины, лечит болезни, например, хирург

Профессиональный работник 0,05 (*профессия 4, профессиональная*) медицинской сферы 0,03 (*здравоохранение, медицина, медик*); лечит болезни 0,11 (*лечить 6, болезнь 2, лечащий 2, лечение, здоровье*), [спасает] жизнь 0,01 (*жизнь*); работает в больнице 0,06 (*больница 5, работник больницы*); например, хирург 0,08 (*хирург 9*), терапевт 0,06, стоматолог 0,03, гинеколог 0,01, дерматолог 0,01, педиатр 0,01; [работает] вместе с медбратом 0,01, лаборантом 0,01; ходит в белом халате 0,02 (*халат, белый*); устраняет боль 0,04 (*боль 3, снимает боль*), пахнет лекарствами 0,01 (*запах лекарств*), дает таблетки 0,01; [ставит] градусник 0,01 (*градусник*); [использует] мензурку 0,01, стетоскоп 0,01, скальпель 0,01; имеет призвание к профессии 0,01 (*призвание*); женщина 0,01 (*врачиха*); берет взятки 0,01 (*взятки*); плохо выполняет свою работу 0,02 (*плохой, халтура*); приносит зло 0,01 (*зло*); вызывает неодобрение 0,01 (*оборотень*).

ДОКТОР

1. Человек в белом халате, который лечит людей

Человек 0,02 (*человек, который лечит 2*), который лечит людей 0,13 (*болезнь 5; человек, который лечит 2; лечит 2, здоровье 2, пациенты, больной*), в белом халате 0,07 (*белый 3, халат 3, человек в белом*), работает в медицинской сфере 0,02 (*медицина 2*), работает в больнице 0,05, поликлинике 0,01; делает уколы 0,02 (*укол, шприц*); дает лекарство 0,01, таблетки 0,01; спасает 0,02 (*спасает, помощь*); например, стоматолог

0,03, хирург 0,03; лор 0,01, терапевт 0,01; друг 0,01; бедный 0,01, добрый 0,01 (*добрый доктор*), хороший 0,01, извращенец 0,01.

2. Человек с ученой степенью доктора наук

[Человек с ученой степенью доктора] наук 0,06; читает лекции 0,01 (*лектор*).

4. Симилиативные и оппозитные семы

В графах *То же, что* и *Противоположно* приводятся симиляры и оппозиты слова. Например,

ВРАЧ. *То же, что*: доктор 0,28; лекарь 0,03; эскулап 0,03

ДОКТОР. *То же, что*: врач 0,25, лекарь 0,01

5. Совокупный индекс яркости (СИЯ)

Приводится совокупный индекс яркости каждого значения. Если у слова-стимула несколько значений, то они приводятся в порядке убывания совокупного индекса яркости каждого значения. При одинаковом СИЯ нескольких значений они приводятся в словаре в произвольном порядке, например,

ВРАЧ. Профессиональный работник медицины, лечит болезни, например, хирург. СИЯ 1,01.

ДОКТОР. 1. Человек в белом халате, который лечит людей. СИЯ 0,75. 2. Человек с ученой степенью доктора наук. СИЯ 0,07.

6. Пример употребления слов

Приводятся примеры употребления слов, близких по семантике:

ВРАЧ

Профессиональный работник медицины, лечит болезни в больнице, например, хирург. *В больнице работает более ста врачей.*

ДОКТОР

1. Человек в белом халате, который лечит людей. *Не лечись сам, сходи к доктору.*

2. Человек с ученой степенью доктора наук. *В прошлом году он стал доктором наук.*

7. Фразы

После всех семем в конце словарной статьи в графе *Фразы* приводятся устойчивые фразы, прецедентные тексты, типичные сочетания, в состав которых входит слово-стимул, коммуникативные реакции на стимул, с указанием индекса яркости каждого компонента и совокупного индекса яркости всех типов фраз. Например,

ВРАЧ

Фразы 0,03: главный врач 0,01; врач от бога 0,01 (*от бога*); сказка К. Чуковского «Доктор Айболит» 0,01 (*Айболит*)

ДОКТОР

Фразы 0,09: американский телесериал «Доктор Хаус» 0,04 (*Хаус 4*); сказка К. Чуковского «Доктор Айболит» 0,03 (*Айболит 3*); фильм «Доктор Дулиттл» 0,01; не хочу 0,01

8. Неинтерпретированные реакции

Список неинтерпретированных составителями словаря реакций приводится в графе *Не интерпретируются*. Указывается их общее количество.

ВРАЧ. *Не интерпретируются* 0

ДОКТОР. *Не интерпретируются* 2: доктор, сомнение

9. Отказы

Графа *Не актуально* содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости, например,

ВРАЧ. *Не актуально* (отказ 2): 0,02

ДОКТОР. *Не актуально* (отказ 9): 0,09

10. Индекс освоенности слова

Приводится индекс освоенности слова, который высчитывается как отношение «ненулевых» ответов (все реакции, кроме отказов) к общему количеству опрошенных, например,

ВРАЧ. Индекс освоенности слова 0,98

ДОКТОР. Индекс освоенности слова 0,91

11. Рецептивные значения

При наличии отдельно указываются рецептивные значения: ложные (не соответствующие действительности) и контаминированные (близкие по фонетическому облику или семантике), например,

РОДИНА. Большая родинка на теле человека (контаминация со словом «родинка»).

ОТЕЧЕСТВО. Отчество человека (контаминация со словом «отчество»)

II. Сопоставительная часть словарной статьи

Сопоставительное описание психолингвистических значений синонимов для наглядности осуществляется в табличной форме. В таблице приводятся только семы значений без конкретизации обобщенных семей реакций испытуемых с указанием индекса яркости каждой семы в форме десятичной дроби. Фиксация значений синонимов в виде таблицы позволяет унифицировать метаязыковые наименования семантических компонентов синонимических единиц (в таком случае сразу обнаруживается разная метаязыковая формулировка одного и того же семантического признака или параметра). При отсутствии соответствующего семантического компонента (семемы или семы) ставится прочерк или знак «0» (Таблица 12).

Таблица 12

Сопоставительное описание психолингвистических значений слов

ВРАЧ	ДОКТОР
Профессиональный работник медицины, лечит болезни в больнице, например, хирург Профессиональный работник 0,05 - медицинской сферы 0,03; - лечит болезни 0,11, спасает жизнь 0,01; работает в больнице 0,06; - [работает] вместе с медбратом 0,01,	1. Человек в белом халате, который лечит людей - Человек 0,02, работает в медицинской сфере 0,02, - лечит людей 0,13, - работает в больнице 0,05, работает в поликлинике 0,01; -

<p>[работает] вместе с лаборантом 0,01; ходит в белом халате 0,02; устраняет боль 0,04, пахнет лекарствами 0,01, - - дает таблетки 0,01; ставит градусник 0,01; использует мензурку 0,01, использует стетоскоп 0,01, использует скальпель 0,01; имеет призвание к профессии 0,01; - например, хирург 0,08, терапевт 0,06, стоматолог 0,03 гинеколог 0,01, дерматолог 0,01, педиатр 0,01, - женщина 0,01; - берет взятки 0,01; плохо выполняет свою работу 0,02; приносит зло 0,01; вызывает неодобрение 0,01; - - - - то же, что доктор 0,28; - то же, что лекарь 0,03; то же, что эскулап 0,03; СИЯ 1,01.</p>	<p>- в белом халате 0,07, - - делает уколы 0,02; дает лекарство 0,01, дает таблетки 0,01; - - - - - спасает 0,02; например, хирург 0,03; терапевт 0,01; стоматолог 0,03 - - - лор 0,01, - друг 0,01; - - - - бедный 0,01, добрый 0,01, хороший 0,01, извращенец 0,01. - то же, что врач 0,25, то же, что лекарь 0,01; - СИЯ 0,75</p>
<p style="text-align: center;">0</p>	<p>2. Человек с ученой степенью доктора наук [Человек с ученой степенью доктора] наук 0,06; читает лекции 0,01. СИЯ 0,07</p>
<p><i>Фразы 0,03:</i> главный врач 0,01; врач от бога 0,01; сказка К. Чуковского «Айболит» 0,01</p>	<p><i>Фразы 0,09:</i> американский телесериал «Доктор Хаус» 0,04; сказка К. Чуковского «Айболит» 0,03; фильм «Доктор Дулиттл» 0,01; не хочу 0,01</p>
<p>Не интерпретируются 0 Не актуально (отказ 2): 0,02 Индекс освоенности слова 0,98</p>	<p>Не интерпретируются 2: <i>доктор, сомнение</i> Не актуально (отказ 9): 0,09 Индекс освоенности слова 0,91</p>

III. Объяснительная часть словарной статьи

Третья часть словарной статьи содержит комментарий составителей словаря, который в основном предназначен для тех, кто хочет углубленно определить степень синонимической близости описываемых языковых единиц.

После табличного сопоставления приводятся комментарии, которые позволяют более наглядно представить семантическое сходство и различие значений соответствующей пары синонимов:

1. Совпадающие значения (с указанием для каждой пары совпадающих значений):

- интегральные семы, различающиеся по индексу яркости, с указанием ИЯс,
- дифференциальные семы, фиксируемые только в одном из сравниваемых значений, с указанием индекса яркости.

2. Несовпадающие (эндемичные) значения – формулировка и СИЯ.

В словаре используются следующие **общие количественные показатели** (*индекс яркости семантического компонента, индекс совокупной яркости значения, индекс семного совпадения значений, индекс семной дифференциации значений, совокупная яркость интегральных сем, совокупная яркость дифференциальных сем*) и **специальный показатель**: *индекс синонимичности лексем* – это показатель, представляющий отношение числа выявленных синонимичных значений двух сравниваемых лексем к общему количеству семем синонимичной пары.

В конце комментария делается вывод о наиболее существенных различиях в значении синонимов. Например, комментарий к статье ВРАЧ – ДОКТОР.

Лексемы являются синонимичными по значениям:

ВРАЧ – *Профессиональный работник медицины, лечит болезни в больнице, например, хирург;*

ДОКТОР – *Человек в белом халате, который лечит людей,*

поскольку лексемы в данных значениях толкуются в эксперименте друг через друга: ВРАЧ – *доктор* 0,28; ДОКТОР – *врач* 0,25.

Совокупная яркость значения лексемы ВРАЧ – 1,01, ДОКТОР – 0,75, значение лексемы ВРАЧ содержит больше семантических компонентов, оно более конкретно; значение лексемы ДОКТОР содержит меньше семантических компонентов, оно более широкое, абстрактное.

Интегральными семантическими компонентами синонимических значений являются (0,59): *работник медицинской сферы* 0,03 – 0,02; *работает в больнице* 0,06 – 0,05; *лечит болезни* 0,11 – 0,13; *дает таблетки* 0,01 – 0,01; *спасает жизнь* 0,01 – 0,02; *например, стоматолог* 0,03 – 0,03; *то же, что лекарь* 0,03 – 0,01; *сказка К. Чуковского «Айболит»* 0,1 – 0,03. Всего 16 сем.

Наблюдаются существенные различия некоторых интегральных сем по яркости:

	ВРАЧ	ДОКТОР
<i>хирург</i>	0,08	0,03
<i>терапевт</i>	0,06	0,01
<i>в белом халате</i>	0,02	0,07

Дифференциальные семантические компоненты значения лексемы ВРАЧ (0,29): *профессиональный работник 0,05; работает вместе с медбратом 0,01, лаборантом 0,01; устраняет боль 0,04, пахнет лекарствами 0,01; ставит градусник 0,01; использует мензурку 0,01, стетоскоп 0,01, скальпель 0,01; имеет призвание к профессии 0,01; например, гинеколог 0,01, дерматолог 0,01, педиатр 0,01; женщина 0,01; берет взятки 0,01; плохо выполняет свою работу 0,02; приносит зло 0,01; вызывает неодобрение 0,01; то же, что эскулап 0,03. Всего 19 сем.*

Дифференциальные семантические компоненты значения лексемы ДОКТОР (0,10): *работает поликлинике 0,01; делает уколы 0,02; дает лекарство 0,01; например, лор 0,01, друг 0,01; бедный 0,01, добрый 0,01, хороший 0,01, извращенец 0,01. Всего 9 сем.*

Индекс семного совпадения значений ВРАЧ – ДОКТОР – 0,36 (из 44 совокупных сем, выявленных в синонимической паре, 16 являются интегральными: $16/44 = 0,36$).

Индекс семной дифференциации значений, соответственно – 0,64.

Однако при этом совокупная яркость 16 интегральных сем значений – 0,59, что обеспечивает высокий уровень синонимичности данных значений. Дифференциальные семы при своей многочисленности (28) имеют более низкий уровень совокупной яркости (0,39).

Значение лексемы ВРАЧ более конкретно, противопоставлено другим медработникам – лаборанту, медбрату. Оно содержит указание на конкретные медицинские манипуляции врача, в нем больше сем, характеризующих конкретную специализацию врача, и многие из этих сем являются яркими. Значение содержит указание на пол врача. Врач в основном работает в больнице, воспринимается как негативный работник (*плохой, зло, взятки, халтура, оборотень*). Индекс яркости значения очень высокий – 1,01. В целом слово семантически хорошо освоено языковым сознанием.

Значение лексемы ДОКТОР менее конкретно по содержанию, отражает меньше конкретных манипуляций медицинского работника, более положительно-оценочное. Параметр *Фразы* представлен достаточно ярко (ссылки на фильмы, художественные произведения, сочетания). Значение менее ярко представлено в языковом сознании – индекс яркости 0,75. Слово освоено языковым сознанием носителей языка достаточно хорошо – индекс освоенности 0,81.

Оба слова совсем не идентифицируются с реальными врачами в сознании испытуемых – например, возможные варианты – *мой, наш, участковый* и под.

У слова ДОКТОР выявлено эндемичное значение – *Человек с ученой степенью доктора наук* (СИЯ 0,07).

Индекс синонимичности лексем ВРАЧ – ДОКТОР – 0,67 (два синонимичных значения из трех общих).

Представленная методика лексикографической фиксации синонимических единиц может быть применена и к другим лексическим группировкам, например, оппозирам, омонимам, паронимам и др.

Семантика слов в языковом сознании мужчин и женщин может быть зафиксирована в **гендерном психолингвистическом толковом словаре**. Такой словарь содержит описание психолингвистического значения слова в языковом сознании одной из гендерных групп: «Психолингвистический гендерный словарь. Женское языковое сознание» и

«Психолингвистический гендерный словарь. Мужское языковое сознание».

Однако наиболее ярко гендерная специфика семантики слов в языковом сознании носителей языка может быть отражена в Гендерном дифференциальном психолингвистическом словаре, который включает сопоставительное описание психолингвистического значения в языковом сознании двух групп носителей языка.

На данный момент опубликованы два выпуска Словаря:

✓ Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 10/1: Гендерные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – 175 с.

✓ Гендерный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – 198 с.

Предлагаемый Словарь будет интересен как для лингвистов (как источник лингвистической информации о семантике слова, для уточнения семантической структуры слова), психолингвистам (для разработки экспериментальных методик описания групповой специфики семантики слова), лингвокриминалистам (как источник психолингвистической информации о семантике слов в языковом сознании мужчин и женщин, определения гендерного «портрета» носителя языка), методистам, преподавателям русского языка и русского языка как иностранного (для разработки методик обучения русскому языку, а также в качестве «справочника» языкового сознания мужчин и женщин), психологам и гендерологам, специалистам в области коммуникации (рекламистам, спичрайтерам и др.), всем, интересующимся проблемами русского языка (как источник представлений о гендерной специфике семантики слова).

Данные Гендерного дифференциального психолингвистического словаря позволяют: 1) выявить реальный объем значения слова в мужском и женском языковом сознании; 2) определить реальную степень различия представлений о семантике слова в языковом сознании мужчин и женщин; 3) уточнить семантическую информацию о слове для внесения дополнений в общие толковые словари.

Основными *критериями отбора единиц словника* Словаря являются следующие: 1) высокая частотность слов – вхождение в лексическое ядро языкового сознания носителей языка (определяется по существующим на данный момент частотным словарям); 2) «размытое» описание семантики в современных толковых словарях; 3) наличие предполагаемой гендерной специфики значения слова (выявляется пилотажным опросом испытуемых и личным опытом лексикографа).

Словарь содержит описание гендерной специфики семантики слов в языковом сознании носителей современного русского языка.

Словарные статьи отражают информацию, которая является результатом семантической интерпретации данных свободного ассоциативного эксперимента – ассоциативных полей, включенных в

электронную базу данных [БАРЭКСИС-1]. Психолингвистическое описание каждого слова осуществляется по психолингвистической модели, приведенной ранее.

Алгоритм создания Гендерного дифференциального психолингвистического словаря – стандартный для словарей подобного типа (описан выше).

Структура словарной статьи Гендерного дифференциального психолингвистического словаря включает последовательное (линейное) описание психолингвистических значений слова в мужском и женском языковом сознании; параллельное сопоставительное описание значений слова в табличной форме; комментарий составителей словаря о гендерной специфике значения слова. Рассмотрим подробно структуру словарной статьи такого словаря.

I. Описательная часть словарной статьи

1. Заголовок

Приводится заголовочное слово (выделено полужирным шрифтом), например, **ИЗМЕНА**.

2. Ассоциативные поля одноименного стимула

Приводятся ассоциативные поля одноименного стимула с указанием группы испытуемых, их количества и источника экспериментального материала:

Ассоциативные поля (БАРЭКСИС-1, 2018 г.)

Мужчины

ИЗМЕНА 100: Родине 7; верность, женщина, подлость, стерва 6; обман, предательство, противна, раскаяние 5; конец, любовь, отношения, провал, с другой 4; бывает, нормально, по любви, сука, тяжесть, уничтожает 3; грех, на расстоянии, непростительна 2; а что поделает?, жаль, крах, ну а что поделает, расставание 1; отказ 0.

Женщины

ИЗМЕНА 100: предательство 20; мужа 13; не прощается 7; парня 6; простить, удар 5; ненависть, норма, разочарование, упрек 4; выбор, конец, обида, подлость, слезы 3; крик, любимому, ради любви 2; близкие, депрессия, не первая, ничего удивительного, одна, сволочь, убила бы 1; отказ 0.

3. Дефиниционная часть словарной статьи

Описание психолингвистического значения слова осуществляется в двух вариантах: описательном и сопоставительном.

Описательная часть содержит краткое и развернутое толкование значения слова в мужском и женском языковом сознании.

Краткая дефиниция значения формулируется на базе архисемы и 3-4 ярких сем, выделенных в ходе анализа экспериментального материала, используется при сопоставлении групповых значений слов в комментарии.

Развернутое толкование содержит связное описание психолингвистического значения слова по результатам экспериментов с указанием индекса яркости каждого семантического компонента, в скобках приводятся обобщенные соответствующей семой реакции с указанием их

частотности в абсолютных цифрах (для наглядности и проверяемости семантической интерпретации). Например,

ИЗМЕНА (мужчины)

1. Нарушение верности в любви, подлый поступок женщины, приводит к концу отношений

[Нарушение] верности 0,06 (*верность б*) в любви 0,07 (*любовь 4, по любви 3*), обман 0,05 (*обман 5*), подлый поступок 0,06 (*подлость б*), женщины 0,15 (*женщина б, стерва б, сука 3*), мужчины 0,04 (*с другой 4*); приводит к концу 0,13 (*конец 4, провал 4, уничтожает 3, крах, расставание*) отношений 0,04 (*отношения 4*), вызывает раскаяние 0,05 (*раскаяние 5*), вызывает сожаление 0,03 (*жаль, ну а что поделатъ, а что поделатъ?*); является грехом 0,02 (*грех 2*), нельзя простить 0,02 (*непростительна 2*); вызывает негативные эмоции 0,08 (*противна 5, тяжесть 3*); это нормально 0,03 (*нормально 3*).

2. Предательство Родины, приводит к тяжким последствиям

Предательство 0,05 (*предательство 5*) Родины 0,07 (*Родине 7*); приводит к тяжким последствиям 0,15 (*конец 4, провал 4, уничтожает 3; тяжесть 3, крах*); нельзя простить 0,02 (*непростительна 2*); вызывает раскаяние 0,05 (*раскаяние 5*); вызывает негативные эмоции 0,16 (*подлость б, противна 5, сука 3, грех 2*).

ИЗМЕНА (женщины)

Предательство мужчины, которое нельзя простить

[Нарушение верности] в любви 0,02 (*ради любви 2*), подлый поступок 0,03 (*подлость 3*) мужчины 0,19 (*мужа 13; парня б*), женщины 0,02 (*любимому 2*), близкого человека 0,01 (*близкие*); выражается в выборе для отношений другого человека 0,03 (*выбор 3*); нельзя простить 0,07 (*не прощается 7*), можно простить 0,05 (*простить 5*); вызывает ненависть 0,04 (*ненависть 4*), разочарование 0,04 (*разочарование 4*), обиду 0,03 (*обида 3*); приводит к концу отношений 0,03 (*конец 3*); приводит к депрессии 0,01 (*депрессия*); это больно 0,05 (*удар 5*), из-за нее упрекают 0,04 (*упрек 4*), плачут 0,03 (*слезы 3*), кричат 0,02 (*крик 2*); оценивается крайне неодобительно 0,02 (*сволочь, убила бы*); это нормально 0,05 (*норма 4, ничего удивительного*).

4. Симилятивные и оппозитные семы

В графах *То же, что* и *Противоположно* приводятся симиляры и оппозиты слова, например,

ИЗМЕНА (мужчины)

То же, что: предательство 0,05 (*предательство 5*)

Противоположно: верность 0,06 (*верность б*)

ИЗМЕНА (женщины)

То же, что: предательство 0,20 (*предательство 20*)

5. Совокупный индекс яркости (СИЯ)

Приводятся совокупные индексы яркости значений. Семемы слов перечисляются в порядке убывания индекса яркости семем, например,

ИЗМЕНА (мужчины)

1. Нарушение верности в любви, подлый поступок женщины, приводит к концу отношений. СИЯ 0,88

2. Предательство Родины, приводит к тяжким последствиям. СИЯ 0,56

ИЗМЕНА (женщины)

Предательство мужчины, которое нельзя простить. СИЯ 0,98

6. Примеры употребления слов

Приводятся примеры употребления слов во всех вербализованных в эксперименте значениях (кроме рецептивных значений):

ИЗМЕНА

1. Нарушение верности в любви, подлый поступок женщины, приводит к концу отношений. *Супружеская измена является тяжким грехом.*

2. Предательство Родины, приводит к тяжким последствиям. *Патриота нельзя склонить к измене Родине.*

7. Фразы

После всех семем в графе *Фразы* приводятся прецедентные и сочетаемостные семы (устойчивые фразы, прецедентные тексты, типичные сочетания, в состав которых входит слово-стимул), с указанием индекса яркости каждого компонента и совокупного индекса яркости всех типов фраз, например,

ИЗМЕНА (мужчины)

Фразы 0,04: на расстоянии 0,02 (*на расстоянии 2*), бывает 0,02 (*бывает 2*)

ИЗМЕНА (женщины)

Фразы 0,02: не первая 0,01 (*не первая*), одна 0,01 (*одна*)

8. Неинтерпретируемые реакции

Приводится список не интерпретированных составителями Словаря реакций. Указывает их общее количество:

ИЗМЕНА (мужчины). Не интерпретируются 0

ИЗМЕНА (женщины). Не интерпретируются 0

9. Отказы

Пункт *Не актуально* содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости:

ИЗМЕНА (мужчины). Не актуально 0

ИЗМЕНА (женщины). Не актуально 0

10. Индекс освоенности слова

Приводится индекс освоенности слова, например,

ИЗМЕНА (мужчины). Индекс освоенности слова 1,00

ИЗМЕНА (женщины). Индекс освоенности слова 1,00

11. Рецептивные значения

При наличии отдельно указываются рецептивные значения (ложные и контаминированные).

II. Сопоставительная часть словарной статьи

Сопоставительное описание гендерных психолингвистических значений слов для наглядности осуществляется в табличной форме. В таблице приводятся только семы значений без конкретизации обобщенных семой реакций испытуемых с указанием индекса яркости каждой семы в форме десятичной дроби. При отсутствии соответствующего семантического компонента (семемы или семы) ставится прочерк или знак «0» (Таблица 13).

Таблица 13

**Сопоставительное психолингвистическое описание
гендерных значений слова ИЗМЕНА**

Мужчины	Женщины
<p>1. Нарушение верности в любви, подлый поступок женщины, приводит к концу отношений [Нарушение] верности 0,06 в любви 0,07, обман 0,05, подлый поступок 0,06, совершается женщиной 0,15, совершается мужчиной 0,04; - - приводит к концу 0,13 отношений 0,04, - нельзя простить 0,02; - вызывает раскаяние 0,05, вызывает сожаление 0,03; - - - является грехом 0,02, - - - -</p>	<p>Предательство мужчины, которое нельзя простить [Нарушение верности] в любви 0,02, - подлый поступок 0,03 совершается женщиной 0,02, совершается мужчиной 0,19, совершается близким человеком 0,01; выражается в выборе для отношений другого человека 0,03; приводит к концу отношений 0,03; приводит к депрессии 0,01; нельзя простить 0,07, можно простить 0,05; - - вызывает ненависть 0,04, вызывает разочарование 0,04, вызывает обиду 0,03; - это больно 0,05, из-за нее упрекают 0,04, из-за нее плачут 0,03, из-за нее кричат 0,02</p>
<p>1. Нарушение верности в любви, подлый поступок женщины, приводит к концу отношений - вызывает негативные эмоции 0,08; это нормально 0,03. То же, что предательство 0,05 СИЯ 0,88</p>	<p>Предательство мужчины, которое нельзя простить оценивается крайне неодобрительно 0,02; - это нормально 0,05. То же, что предательство 0,20 СИЯ 0,98</p>
<p>2. Предательство Родины, приводит к тяжким последствиям Предательство 0,05 Родины 0,07; приводит к тяжким последствиям 0,15; нельзя простить 0,02; вызывает раскаяние 0,05; вызывает негативные эмоции 0,16. <i>Противоположно:</i> верность 0,06 СИЯ 0,56</p>	<p>0</p>
<p><i>Фразы 0,04:</i> на расстоянии 0,02, бывает 0,02</p>	<p><i>Фразы 0,02:</i> не первая 0,01, одна 0,01</p>
<p>Не интерпретируются 0 Не актуально 0</p>	<p>Не интерпретируются 0 Не актуально 0</p>

III. Объяснительная часть словарной статьи

Третья часть словарной статьи содержит комментарий составителей словаря, в котором приводится следующая информация: совпадающие значения; чисто женские значения; чисто мужские значения; для каждой пары совпадающих значений приводятся интегральные семы с индексом яркости; отдельно указываются интегральные семы, значимо различающиеся по индексу яркости (минимум на 5 пунктов); приводятся мужские и женские дифференциальные семы с индексом их яркости; описывается индекс семного совпадения значений: количество интегральных сем / общее количество совокупных сем двух значений; описывается индекс групповой семной дифференциации значений по яркости.

В конце обобщаются выявленные различия и сходства мужских и женских значений; делается вывод о степени преобладания по яркости мужского или женского значений, а также о наличии/отсутствии гендерной асимметрии слова (преобладания по яркости отдельных мужских и отдельных женских значений); сравнивается иерархия семем в структуре семантемы и полевая организация семем: приводится иерархия мужских и женских значений по убыванию их совокупного индекса яркости и определяется их полевой статус (ядро, ближняя и дальняя периферия, крайняя периферия), устанавливаются различия в иерархии и полевой принадлежности отдельных гендерных значений.

Определяется семная специфика каждого значения: сравнивается яркость интегральных сем в женском и мужском значениях. При сопоставлении сем по яркости квалифицируются только значимые различия (то есть такие, которые могут рассматриваться как неслучайные – различия на 5 пунктов и более); выделяются самые яркие женские и мужские дифференциальные семы; приводятся наиболее интересные с точки зрения содержания и отражения гендерного менталитета и культуры женские и мужские дифференциальные семы; комментируется наличие/отсутствие гендерных дифференциальных сем.

В словаре используются следующие **общие количественные показатели**: *индекс яркости семантического компонента, индекс совокупной яркости значения, индекс семного совпадения значений, индекс семной дифференциации значений, совокупная яркость интегральных сем, совокупная яркость дифференциальных сем.*

Выделяется также **специальный показатель** – *уровень семного гендерного совпадения/различия совпадающих семем*, который вычисляется по шкале существенности гендерных различий как разница между индексами яркости интегральных и дифференциальных сем и характеризует степень сходства или различия в языковом сознании мужчин и женщин (Таблица 14).

Таблица 14

Шкала степени существенности гендерных различий сем

Уровень семного гендерного совпадения / различия совпадающих семем	Количественный показатель разницы между индексами яркости интегральных и дифференциальных сем совпадающих семем
несущественный	0,01-0,04
низкий	0,05-0,10
заметный	0,11-0,25
существенный	0,26-0,50
высокий	0,51-0,70
очень высокий	>0,70

Приведем пример Комментария:

Лексема ИЗМЕНА в мужском и женском языковом сознании совпадает по значениям: *Нарушение верности в любви, подлый поступок женщины, приводит к концу отношений / Предательство мужчины, которое нельзя простить.*

В мужском языковом сознании выявляется эндемичное значение – *Предательство Родины, приводит к тяжким последствиям* (СИЯ 0,56).

Оба совпадающих значения являются актуальными для языкового сознания как мужчин, так и женщин (СИЯ 0,88 и 0,98 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней гендерной яркости оценивается как *низкий*.

Гендерной асимметрии значений по яркости, таким образом, не наблюдается: яркость всех мужских и женских значений примерно совпадает.

Интегральными семантическими компонентами мужского и женского значений являются (1,20): *то же, что предательство 0,05 – 0,20, в любви 0,07 – 0,02; совершена мужчиной 0,04 – 0,19, совершена женщиной 0,15 – 0,02, нельзя простить 0,02 – 0,07, приводит к концу отношений 0,17 – 0,03, нормально 0,03 – 0,05, подлый поступок 0,06 – 0,03.* Всего 16 сем.

Наблюдаются существенные различия некоторых интегральных сем по яркости:

	Мужчины	Женщины
то же, что предательство	0,05	0,20
в любви	0,07	0,02
совершена мужчиной	0,04	0,19
совершена женщиной	0,15	0,02
нельзя простить	0,02	0,07
приводит к концу отношений	0,17	0,03

Дифференциальные мужские семы (0,29): *[нарушение] верности 0,06; обман 0,05, вызывает раскаяние 0,05; вызывает сожаление 0,03; является грехом 0,02, вызывает негативные эмоции 0,08.* Всего 6 сем.

Дифференциальные женские семы (0,37): *[нарушение верности] близкого человека 0,01; выражается в выборе для отношений другого человека 0,03; приводит к депрессии 0,01; можно простить 0,05; вызывает ненависть 0,04, вызывает разочарование 0,04, вызывает обиду 0,03; это больно 0,05, из-за нее упрекают 0,04, из-за нее плачут 0,03, из-за нее кричат 0,02; оценивается крайне неодобрительно 0,02.* Всего 12 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 34 семы, из них 16 интегральных и 18 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,47; индекс семной дифференциации

значений соответственно – 0,53.

Однако при этом совокупная яркость 16 интегральных сем значений – 1,20, что обеспечивает достаточно высокий уровень синонимичности данных значений. Дифференциальные семы (18) имеют уровень совокупной яркости в 2 раза ниже (0,66).

По яркости преобладают семантические сходства: показатель преобладания гендерного сходства (0,54) по шкале уровня различий оценивается как высокий.

Индекс психолингвистической гендерной специфики рассматриваемых лексем – 0,67. Гендерная специфика наблюдается (существенный уровень).

Таким образом, для мужского языкового сознания ИЗМЕНА – это нарушение верности женщины в любви, обман, которые приводят к разрыву отношений, последствия измены – раскаяние, чувство сожаления; измена вызывает негативные эмоции, у мужчин они не конкретизированы. Для женщин ИЗМЕНА – это, прежде всего, предательство мужчины, которое трудно простить, но можно; известие об измене сопровождается слезами, криком, упреками; измена вызывает разные негативные чувства – ненависть, обиду, разочарование; может привести к депрессии.

Сравнение с лексикографическими значениями слова ИЗМЕНА показывает, что не актуальным для мужского и женского языкового сознания оказалось значение «Отказ от своих убеждений, взглядов, разделявшихся прежде, уклонение от чего-либо» (*измена идеалам, принципам; измена своему долгу*); не актуально для женского языкового сознания значение «Предательство Родины».

Психолингвистический словарь гендерной специфики значения слова демонстрирует наличие чисто мужских и чисто женских значений; различия в совокупном индексе яркости совпадающих мужских и женских значений; наличие чисто мужских и чисто женских семантических компонентов; различия в индексе яркости совпадающих мужских и женских семантических компонентов. При этом наибольшие гендерные различия отмечаются на уровне сем, актуализация семем в языковом сознании женщин и мужчин в большинстве случаев совпадает.

Особенности семантики слова в разные периоды развития человека могут быть отражены в **Возрастном психолингвистическом толковом словаре**. Возможно создание психолингвистических толковых словарей разных возрастных групп: Психолингвистический толковый словарь дошкольника, Психолингвистический толковый словарь подростка, Психолингвистический толковый словарь молодежного языкового сознания, Психолингвистический толковый словарь людей старшего возраста и др. Попытки создания подобных словарей только начинают появляться в лексикографической практике исследований [Гуц 2012; Палкин 2004].

Наиболее ярко возрастная специфика семантики слов в языковом сознании носителей языка может быть представлена в Возрастном дифференциальном психолингвистическом словаре, который включает сопоставительное описание психолингвистического значения в языковом сознании двух и более возрастных групп носителей языка, например, молодежи (18-30 лет) и взрослых носителей языка (старше 30 лет); в

языковом сознании школьников младших, средних и старших классов, в языковом сознании молодежи и людей старшего возраста и др.

Нами была разработана методика описания возрастных особенностей психолингвистического значения слова и определены принципы их лексикографической фиксации в специальном словаре.

На данный момент опубликованы два выпуска Словаря:

✓ Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 9/1: Возрастные значения (с комментариями) / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – 178 с.

✓ Возрастной дифференциальный психолингвистический словарь русского языка / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – 158 с.

Предлагаемый Словарь предназначен для широкого круга специалистов: для лингвистов Словарь послужит источником лингвистической информации о семантике слова, позволяет уточнить семантический объем и структуру слова; психолингвисты получают экспериментальный и лингвистический материал для разработки методик описания групповой специфики семантики слова; лингвокриминалисты смогут воспользоваться данными словаря для поиска информации о психологически реальном значении слов в языковом сознании представителей разных возрастных групп, определяют специфические черты возрастного «портрета» носителя языка (для диагностической экспертизы); методисты и преподаватели русского языка и русского языка как иностранного смогут получить материал для разработки методик обучения русскому языку; для специалистов в области коммуникации. Словарь послужит базой возрастных стереотипных представлений о семантике слова, поэтому будет интересен и обычным носителям языка.

Данные Возрастного дифференциального психолингвистического словаря позволяют: 1) выявить реальный объем значения слова в языковом сознании отдельных возрастных групп; 2) определить реальную степень различия представлений о семантике слова в языковом сознании представителей разных возрастных категорий; 3) уточнить семантическую информацию о слове для внесения дополнений в общие толковые словари.

Основными критериями отбора единиц словника Словаря являются следующие: 1) высокая частотность слов – вхождение в лексическое ядро языкового сознания носителей языка (определяется по существующим на данный момент частотным словарям); 2) «размытое» описание семантики слова в современных толковых словарях; 3) наличие предполагаемой возрастной специфики значения слова (выявляется опросом испытуемых и личным опытом лексикографа).

Представим список словарных статей Словаря (часть слов входят в лексическое ядро языкового сознания, часть – включены по данным пилотажного эксперимента): БОЛЬШОЙ, ВЕЛИКИЙ, ВОЕННЫЙ, ВОЙНА, ВОПРОС, ВЫСОКИЙ, ГЛАВНЫЙ, ГЛАЗ, ГОД, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ, ДЕНЬ, ДЕНЬГИ, ДОМ, ДРУГ, ДУМАТЬ, ЖИЗНЬ, ЗНАТЬ, КНИГА, ЛИЦО, ЛЮБИТЬ,

МАЛЕНЬКИЙ, МЕСТО, МОЛОДОЙ, НАСТОЯЩИЙ, НОВЫЙ, ОБЩИЙ, ОСОБЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ПОЛНЫЙ, ПОЛУЧИТЬ, ПОМНИТЬ, ПОСЛЕДНИЙ, ПРАВО, ПРОБЛЕМА, РАБОТА, РЕБЕНОК, РОССИЙСКИЙ, РУКА, РУССКИЙ, СИЛА, СИЛЬНЫЙ, СИСТЕМА, СЛОВО, СОВЕТСКИЙ, СОВРЕМЕННЫЙ, СОЦИАЛЬНЫЙ, ХОРОШИЙ, ХОТЕТЬ, ЧЕЛОВЕК, ЭКОНОМИЧЕСКИЙ.

Словарь содержит описание возрастной специфики значения слов в языковом сознании носителей современного русского языка.

Словарные статьи отражают информацию, которая является результатом семантической интерпретации данных свободного ассоциативного эксперимента – ассоциативных полей, включенных в электронную базу данных [БАРЭКСИС-1]. Психолингвистическое описание каждого слова осуществляется по психолингвистической модели, приведенной выше.

Алгоритм создания Возрастного дифференциального психолингвистического словаря стандартный для словарей подобного типа (описан выше).

Структура словарной статьи Возрастного дифференциального психолингвистического словаря включает последовательное (линейное) описание психолингвистических значений слова в молодежном и взрослом языковом сознании; параллельное сопоставительное описание значений слов в табличной форме; комментарий составителей словаря о возрастной специфике значения слова. Представим подробнее структуру словарной статьи.

I. Описательная часть словарной статьи

1. Заголовок

Приводится заголовочное слово (выделено полужирным шрифтом), например, **ДЕНЬГИ**.

2. Ассоциативные поля одноименных стимулов

Экспериментальной базой являются данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в период 2015-2018 гг. В ходе исследования было опрошено 200 и более человек: из них 100 и более испытуемых от 18 до 30 лет (группа «Молодежь») и 100 и более испытуемых старше 30 лет (группа «Взрослые»). В массиве испытуемых были представлены студенты, рабочие, служащие и пенсионеры. Данные эксперимента были обработаны, сформированы «молодежные» и «взрослые» ассоциативные поля, которые имеют стандартную структуру (БАРЭКСИС-1, 2016 г.), например,

Молодежь

ДЕНЬГИ 108: работа 10; власть 9; много 6; грязь, зло 4; возможности, богатство, мало, нужны, счастье 3; банк, бумага, доллар, достаток, отсутствие, покупки, проблема, решают, рубли, средство 2; алчность, бабло, безысходность, бесценны ... экономика 1; отказ 0.

Взрослые

ДЕНЬГИ 108: зло 12; много 5; богатство, большие, достаток, зарплата, мало 4; возможности 3; в долг, власть, нал, нужны, работа, рубль, свобода 2; акции, бабки, благо, благополучие, благосостояние, в банке, в кассе, валюта ... хрень 1; отказ 2.

Экспериментальная ассоциативная информация может быть дифференцированно представлена и в табличной форме – в виде групп ассоциатов: 1) общих для молодежной и взрослой групп и 2) характерных только для одной из групп (только для молодежи или только для взрослых испытуемых) с указанием степени различия (Таблица 15).

Таблица 15

**Сопоставление ассоциативных полей стимула ДЕНЬГИ
в языковом сознании молодежи и взрослых**

Молодежь	Взрослые
Общие реакции	
Совпадающие или незначительно различающиеся по частоте реакции (не более чем на 5 пунктов)	
<i>богатство 3 – 4; большие 1 – 4; в долг 1 – 2; вода 1 – 1; возможности 3 – 3; грязь 4 – 1; достаток 2 – 4; зарплата 1 – 4; кошелек 1 – 1; купить 1 – 1; курорты 1 – 1; легкие 1 – 1; мало 3 – 4; много 6 – 5; нужны 3 – 2; покупки 2 – 1; проблема 2 – 1; рубль 2 – 1; сила 1 – 1; средства 1 – 1</i>	
Существенно различающиеся по частоте реакции (более чем на 5 пунктов)	
<i>власть 9 – 2; зло 4 – 12; работа 10 – 2</i>	
Различные реакции	
Чисто молодежные реакции	Чисто взрослые реакции
<i>счастье 3; банк, бумага, доллар, отсутствие, решают, средство 2; алчность, бабло, безысходность, бесценны, быстрые, займы, взнос, девчонки, доход, жадность, за проезд, карта, карьера, компании, крутость, монеты, на ветер, не мои, не пахнут, необходимость, нехватка, печаль, потребность, путешествиие, сбережения, слава, трава, туманность, условие, экономика 1</i>	<i>нал, рубль, свобода 2; акции, бабки, благо, благополучие, благосостояние, в банке, в кассе, валюта, время, главное, денежный, долг, желания, заработать, заработок, знаки, золото, иметь, капитал, карты, кредитный, кризис, мелочь, мои, наличие, наличка, не хватает, обеспечение, оклад, подарки, покупка, получать, прибыль, сумма, счет, товар, трата, тратить, тугрики, убыток, хрень 1; отказ 2</i>

3. Дефиниционная часть словарной статьи

Описание психолингвистического значения слова осуществляется в двух вариантах: описательном и сопоставительном.

Описательная часть содержит краткое и развернутое толкование значения слова в молодежном языковом сознании и языковом сознании взрослых.

Краткая дефиниция значения формулируется на базе архисемы и 3-4 ярких сем, выделенных в ходе анализа экспериментального материала, используется при сопоставлении групповых значений слов в комментарии.

Развернутое толкование содержит связное описание психолингвистического значения слова по результатам экспериментов с

указанием индекса яркости каждого семантического компонента, в скобках приводятся обобщенные соответствующей семье реакции с указанием их частотности в абсолютных цифрах (для наглядности и проверяемости семантической интерпретации), например,

ДЕНЬГИ (молодежь)

1. Сбережения, средства

Сбережения 0,02 (*средства, сбережения*), хранятся в банке 0,02 (*банк 2*), на карте 0,01 (*карта*); дают власть 0,08 (*власть 9*), возможности решить проблемы 0,10 (*возможности 3, решают 2, средство 2, проблема 2, условие, сила*); приносят счастье 0,03, славу 0,01 (*слава*); дают возможность делать покупки 0,04 (*покупки 2, купить, взнос*), путешествовать 0,01 (*путешествие*), производить время с девушками 0,01 (*девочки*); их получают за работу 0,12 (*работа 10, компании, карьера, зарплата*); их дают в долг 0,01, берут займы 0,01; бывает много 0,08 (*много 6, богатство 3*), бывает мало 0,04 (*мало 3, нехватка*), их отсутствие 0,01 (*отсутствие*) приводит к безысходности 0,01 (*безысходность*), печали 0,01 (*печаль*); нужны 0,06 (*нужны 3, потребность, необходимость*); это зло 0,04, грязь 0,04; они развивают алчность 0,01, жадность 0,01; демонстрируют значимость человека 0,01 (*крутость*).

2. Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках

Бумажные 0,03 (*бумага 2, купюры*) и металлические 0,01 (*монеты*) знаки, например, рубли 0,02, доллары 0,02, хранятся в банке 0,02 (*банк*), на карте 0,01, в кошельке 0,01.

3. Капитал

[Капитал], принадлежит компании 0,01 (*компания*); [является основой] экономики 0,01 (*экономика*).

ДЕНЬГИ (взрослые)

1. Сбережения, средства

Средства 0,02 (*средства, благосостояние*); дают возможности решить проблемы 0,06 (*возможности 3, обеспечение, проблема, сила*); дают власть 0,02 (*власть 2*), свободу 0,02 (*свобода 2*), благополучие 0,01 (*благополучие*); дают возможность покупать товар 0,04 (*покупка, покупки, товар, купить*), исполнять желания 0,01 (*желания*), дарить подарки 0,01 (*подарки*); хранятся в банке 0,02 (*в банке, счет*), на карте 0,01 (*карты*); их получают за работу 0,08 (*зарплата 4, работа 2, заработать, заработок, вклад*); их дают в долг 0,03 (*в долг 2, долг*), нужны 0,03 (*нужны 2, главное*); бывает много 0,08 (*много 5; богатство 4*), бывает мало 0,06 (*мало 4, не хватает, убыток, кризис*); это зло 0,11 (*зло 12*); грязь 0,01 (*грязь*); вызывает неодобрение 0,01 (*урень*); вызывает одобрение 0,01 (*благо*).

2. Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках

Бумажные 0,03 (*купюры*) или металлические 0,01 (*мелочь*) знаки 0,01 (*знаки*), например, рубли 0,03 (*рубль 2, рубли*), валюта 0,01, наличные 0,03 (*нал 2, наличка*), которые хранятся в банке 0,02 (*в банке, счет*), в кошельке 0,01, на карте 0,02 (*карты, кредитный*), в кассе 0,01.

3. Капитал

Капитал 0,01 (*капитал*), акции 0,01 (*акции*), прибыль 0,01 (*прибыль*); золото 0,01 (*золото*).

4. Симилятивные и оппозитные семы

В графах *То же, что* и *Противоположно* приводятся симиляры и оппозиты слова:

ДЕНЬГИ (молодежь). *То же, что*: бабло 0,01

ДЕНЬГИ (взрослые). *То же, что*: бабло 0,01, бабки 0,01, тугрики 0,01

5. Совокупный индекс яркости (СИЯ)

Приводится совокупный индекс яркости каждого значения. Семемы слов перечисляются в порядке убывания индекса яркости семем:

ДЕНЬГИ (молодежь)

1. Сбережения, средства. СИЯ 0,83
2. Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках. СИЯ 0,13
3. Капитал. СИЯ 0,02

ДЕНЬГИ (взрослые)

1. Сбережения, средства. СИЯ 0,69
2. Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках. СИЯ 0,21
3. Капитал. СИЯ 0,04

6. Примеры употребления слов

Приводятся примеры употребления слов во всех вербализованных в эксперименте значениях (кроме рецептивных значений):

ДЕНЬГИ

1. Сбережения, средства. *Раз купил новую квартиру, значит, у него есть деньги.*
2. Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках. *Деньги в бумажнике на столе.*
3. Капитал. *Он вложил свои деньги в строительство.*

7. Фразы

После всех семем в конце словарной статьи в параметре *Фразы* приводятся прецедентные и сочетаемостные семы (устойчивые фразы, прецедентные тексты, типичные сочетания, в состав которых входит слово-стимул), с указанием индекса яркости каждого компонента:

ДЕНЬГИ (молодежь)

Фразы 0,09: большие деньги 0,01 (*большие*); деньги бесценны 0,01; деньги за проезд 0,01, быстрые деньги 0,01 (*быстрые*), деньги – вода 0,01 (*вода*), легкие деньги 0,01 (*легкие*), деньги не пахнут 0,01 (*не пахнут*); деньги на ветер 0,01 (*на ветер*); не мои 0,01

ДЕНЬГИ (взрослые)

Фразы 0,14: большие деньги 0,04 (*большие*); тратить 0,02 (*трата, тратить*), иметь 0,01, наличие 0,01, мои 0,01, сумма денег 0,01 (*сумма*), получать 0,01; легкие деньги 0,01 (*легкие*); деньги – вода 0,01 (*вода*); деньги – время 0,01 (*время*)

8. Неинтерпретируемые реакции

Приводится список не интерпретированных составителями Словаря реакций. Указывает их общее количество:

ДЕНЬГИ (молодежь). Не интерпретируются 2: *туманность, трава*

ДЕНЬГИ (взрослые). Не интерпретируются 1: *денежный*

9. Отказы

Пункт *Не актуально* содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости:

ДЕНЬГИ (молодежь). Не актуально 0

ДЕНЬГИ (взрослые). Не актуально 0,02

10. Индекс освоенности слова

Приводится индекс освоенности слова:

ДЕНЬГИ (молодежь). Индекс освоенности слова 1,00

ДЕНЬГИ (взрослые). Индекс освоенности слова 0,98

11. Рецептивные значения

При наличии отдельно указываются рецептивные значения (ложные и контаминированные), например,

СОВЕТСКИЙ (взрослые). [Относящийся к эпохе Советского Союза]; ложная сема – например, городской 0,01 (*относится к другой исторической эпохе*).

II. Сопоставительная часть словарной статьи

Сопоставительное описание возрастных психолингвистических значений слов для наглядности осуществляется в табличной форме. В таблице приводятся только семы значений без конкретизации обобщенных семей реакций испытуемых с указанием индекса яркости каждой семы в форме десятичной дроби. При отсутствии соответствующего семантического компонента (семемы или семы) ставится прочерк или знак «0» (Таблица 16).

Таблица 16

Сопоставительное психолингвистическое описание
возрастных значений слова ДЕНЬГИ

Молодежь	Взрослые
<p>1. Сбережения, средства Сбережения 0,02, хранятся в банке 0,02, на карте 0,01; дают власть 0,08, дают возможность решить проблемы 0,10; - - приносят счастье 0,03, приносят славу 0,01; дают возможность делать покупки 0,04, дают возможность путешествовать 0,01, дают возможность производить время с девушками 0,01; - - их получают за работу 0,12; их дают в долг 0,01, их берут займы 0,01; нужны 0,06; бывает много 0,08, бывает мало 0,04, их отсутствие 0,01 приводит к безысходности 0,01, приводят к печали 0,01; это зло 0,04, это грязь 0,04;</p>	<p>1. Сбережения, средства Средства 0,02; хранятся в банке 0,02; на карте 0,01; дают власть 0,02, дают возможность решить проблемы 0,06; дают свободу 0,02, дают благополучие 0,01; - - дают возможность покупать товар 0,04, - - - дают возможность исполнять желания 0,01, дают возможность дарить подарки 0,01; их получают за работу 0,08; их дают в долг 0,03, - нужны 0,03; бывает много 0,08, бывает мало 0,06; - - это зло 0,11; это грязь 0,01;</p>

<p>развивают в человеке алчность 0,01, развивают в человеке жадность 0,01; демонстрируют значимость человека 0,01.</p> <p>- - <i>То же, что:</i> достаток 0,02; бабло 0,01; доход 0,01 - СИЯ 0,83</p>	<p>- - -</p> <p>вызывает неодобрение 0,01; вызывает одобрение 0,01.</p> <p><i>То же что:</i> достаток 0,04, - - бабки 0,01 СИЯ 0,69</p>
<p>2. Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках Бумажные знаки 0,03 металлические знаки 0,01, например, рубли 0,02, доллары 0,02, - - хранятся в банке 0,02, хранятся на карте 0,01, хранятся в кошельке 0,01. - <i>То же, что:</i> бабло 0,01 - - СИЯ 0,13</p>	<p>2. Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках Бумажные знаки 0,03 металлические 0,01 знаки 0,01, например, рубли 0,03, - валюта 0,01, наличные 0,03, хранятся в банке 0,02, хранятся на карте 0,02, хранятся в кошельке 0,01, хранятся в кассе 0,01. <i>То же, что:</i> бабло 0,01, бабки 0,01, тугрики 0,01 СИЯ 0,21</p>
<p>3. Капитал - - - - принадлежит компании 0,01; [является основой] экономики 0,01. СИЯ 0,02</p>	<p>3. Капитал Капитал 0,01, акции 0,01, прибыль 0,01; золото 0,01. - - СИЯ 0,04</p>
<p><i>Фразы 0,09:</i> большие деньги 0,01; деньги – вода 0,01, легкие деньги 0,01, быстрые деньги 0,01, деньги бесценны 0,01; деньги за проезд 0,01, деньги не пахнут 0,01; деньги на ветер 0,01; не мои 0,01 -</p>	<p><i>Фразы 0,14:</i> большие деньги 0,04; деньги – вода 0,01; легкие деньги 0,01; - тратить 0,02, иметь 0,01, наличие 0,01, мои 0,01, сумма денег 0,01, получать 0,01; деньги – время 0,01</p>
<p>Не интерпретируются 2: <i>туманность, трава</i> Не актуально 0</p>	<p>Не интерпретируются 1: <i>денежный</i> Не актуально 0,02</p>

III. Объяснительная часть словарной статьи

Третья часть словарной статьи содержит комментарий составителей словаря, в котором приводится следующая информация: совпадающие значения; молодежные значения; взрослые значения; для каждой пары совпадающих значений приводятся интегральные семы с индексом яркости; отдельно указываются интегральные семы, значимо различающиеся по индексу яркости (минимум на 5 пунктов); приводятся молодежные и взрослые дифференциальные семы с индексом их яркости; описывается индекс семного совпадения значений: количество интегральных сем / общее количество совокупных сем двух значений; описывается индекс групповой семной дифференциации значений по яркости.

В конце обобщаются выявленные различия и сходства молодежных и взрослых значений; делается вывод о степени преобладания по яркости молодежного или взрослого значений, а также о наличии/отсутствии возрастной асимметрии слова (преобладания по яркости отдельных молодежных и отдельных взрослых значений); сравнивается иерархия семем в структуре семантемы и полевая организация семем: приводится иерархия молодежных и взрослых значений по убыванию их совокупного индекса яркости и определяется их полевой статус (ядро, ближняя и дальняя периферия, крайняя периферия), устанавливаются различия в иерархии и полевой принадлежности отдельных гендерных значений.

Определяется семная специфика каждого значения: сравнивается яркость интегральных сем в молодежных и взрослых значениях. При сопоставлении сем по яркости квалифицируются только значимые различия (то есть такие, которые могут рассматриваться как неслучайные – различия на 5 пунктов и более); выделяются самые яркие возрастные дифференциальные семы; приводятся наиболее интересные с точки зрения содержания и отражения возрастного менталитета молодежные и взрослые дифференциальные семы; комментируется наличие/отсутствие возрастных дифференциальных сем.

В словаре используются следующие **общие количественные показатели**: *индекс яркости семантического компонента, индекс совокупной яркости значения, индекс семного совпадения значений, индекс семной дифференциации значений, совокупная яркость интегральных сем, совокупная яркость дифференциальных сем.*

Выделяется также **специальный показатель** – *уровень семного возрастного совпадения/различия совпадающих семем*, который вычисляется аналогично по шкале существенности гендерных различий и характеризует степень сходства или различия в языковом сознании молодых и взрослых людей (см. Таблицу 14).

Приведем пример Комментария:

Лексема ДЕНЬГИ в молодежном языковом сознании и языковом сознании взрослых людей совпадает по трем значениям: *Сбережения, средства; Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках; Капитал.*

Эндемичных для молодежного и взрослого языкового сознания значений нет.

Значение Сбережения, средства

Оба значения являются актуальными для языкового сознания молодых и взрослых носителей языка (СИЯ 0,83 и 0,69 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней возрастной яркости оценивается как *заметный*.

Интегральными семантическими компонентами молодежного и взрослого значений являются (1,29): *сбережения 0,02 – средства 0,02; хранятся в банке 0,02 – 0,02; на карте 0,01 – 0,01; дают власть 0,08 – 0,02; дают возможность решить проблемы 0,10 – 0,06; дают возможность делать покупки 0,04 – 0,04; их получают за работу 0,12 – 0,08; их дают в долг 0,01 – 0,03; нужны 0,06 – 0,03; бывает много 0,08 – 0,08, бывает мало 0,04 – 0,06; это зло 0,04 – 0,11, это грязь 0,04 – 0,01; то же, что достаток 0,02 – 0,04.* Всего 28 сем.

Наблюдаются существенные различия некоторых интегральных сем по яркости:

	Молодежь	Взрослые
дают власть	0,08	0,02
это зло	0,04	0,11

Дифференциальные молодежные семы (0,15): *приносят счастье 0,03, приносят славу 0,01; дают возможность путешествовать 0,01, дают возможность производить время с девушками 0,01; их берут взаймы 0,01; их отсутствие 0,01 приводит к безысходности 0,01, приводит к печали 0,01; развивают в человеке алчность 0,01, развивают в человеке жадность 0,01; демонстрируют значимость человека 0,01; то же, что бабло 0,01; то же, что доход 0,01.* Всего 13 сем.

Дифференциальные взрослые семы (0,08): *дают свободу 0,02, дают благополучие 0,01; дают возможность исполнять желания 0,01, дают возможность дарить подарки 0,01; вызывает неодобрение 0,01; вызывает одобрение 0,01; то же что бабки 0,01.* Всего 7 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 48 общих сем, из них – 28 интегральных и 20 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,58; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,42.

Однако при этом совокупная яркость 28 интегральных сем значений – 1,29, что обеспечивает достаточно высокий уровень совпадения данных значений. Дифференциальные семы (20) имеют уровень совокупной яркости в 6 раз ниже (0,23).

По яркости преобладают семантические сходства, показатель преобладания возрастного сходства (1,06) по шкале уровня различий оценивается как очень высокий.

Значение

Бумажные и металлические знаки, используемые при покупках

Оба значения являются актуальными для языкового сознания молодых и взрослых носителей языка (СИЯ 0,13 и 0,21 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней возрастной яркости оценивается как *низкий*.

Интегральными семантическими компонентами молодежного и взрослого значений являются (0,25): *бумажные знаки 0,03 – 0,03; металлические знаки 0,01 – 0,02; например, рубли 0,02 – 0,03; хранятся в банке 0,02 – 0,02; хранятся на карте 0,01 – 0,02; хранятся в кошельке 0,01 – 0,01; то же, что бабло 0,01 – 0,01.* Всего 14 сем.

Существенные различия интегральных сем по яркости не наблюдаются.

Дифференциальные молодежные семы (0,02): *доллары 0,02.* Всего 1 сема.

Дифференциальные взрослые семы (0,07): *валюта 0,01, наличные 0,03, хранятся в кассе 0,01; то же, что бабки 0,01; то же, что тугрики 0,01*. Всего 5 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 20 общих сем, из них – 14 интегральных и 6 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,70; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,30.

Совокупная яркость 14 интегральных сем значений – 0,25, что обеспечивает достаточно высокий уровень совпадения данных значений. Дифференциальные семы (6) имеют уровень совокупной яркости в 2,5 раза ниже (0,09).

По яркости преобладают семантические сходства, показатель преобладания возрастного сходства (0,14) по шкале уровня различий оценивается как низкий.

Значение *Капитал*

Оба значения являются мало актуальными для языкового сознания молодых и взрослых носителей языка (СИЯ 0,02 и 0,04 соответственно).

Интегральные семантические компоненты молодежного и взрослого значений отсутствуют.

Дифференциальные молодежные семы (0,02): *принадлежит компании 0,01; является основой экономики 0,01*. Всего 2 семы.

Дифференциальные взрослые семы (0,04): *капитал 0,01, акции 0,01, прибыль 0,01; золото 0,01*. Всего 4 семы.

Всего у данной пары совпадающих значений 6 общих сем, из них – 0 интегральных и 6 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0; индекс семной дифференциации значений соответственно – 1.

По яркости наблюдаются семантические различия, показатель преобладания возрастного различия (0,14) по шкале уровня различий оценивается как очень высокий.

Таким образом, для молодежного языкового сознания ДЕНЬГИ – это, прежде всего, средства, которые позволяют решить жизненные проблемы, дают возможность почувствовать власть, приносят счастье, их можно не только давать в долг, но и брать займы. Для взрослых людей ДЕНЬГИ – это средства, которые зарабатывают, их дают в долг, они являются злом.

Возрастной дифференциальный психолингвистический словарь демонстрирует: 1) наличие чисто групповых значений; 2) различия в совокупном индексе яркости совпадающих возрастных значений; 3) наличие возрастных семантических компонентов; 4) различия в индексе яркости совпадающих возрастных семантических компонентов. При этом наибольшие возрастные различия отмечаются на уровне сем, актуализация семем в языковом сознании разных по возрасту носителей языка в большинстве случаев совпадает и различается незначительно.

Перейдем к рассмотрению еще одного типа дифференциальных словарей – **Темпоральному дифференциальному психолингвистическому словарю**.

В настоящий момент существуют специальные лексикографические источники, отражающие динамику семантических изменений языковых единиц.

В «Кратком понятийно-терминологическом справочнике по этимологии и исторической лексикологии» отмечаются два вида лексикографических изданий, содержащих сведения об изменении семантики слова:

1. *«Историко-этимологический словарь»* – разновидность этимологического словаря, в котором кроме сведений об этимологии слова – его происхождении и первоначальном значении – содержится основная информация о биографии слов: прослеживание всех этапов истории слов, изменений в его фонетическом облике, морфологии и, главным образом, семантике от возникновения до современного состояния.

В русской этимологической лексикографии этим жанровым требованиям в наибольшей мере отвечает «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных (Т. I–II. М., 1993), включающий сведения о 13560 словах, рассматриваемых в статьях, построенных на гнездовом принципе.

2. *«Исторический словарь»* – лексикографическое издание, ставящее своей целью отражение истории слов одного языка на всем протяжении их существования в данном языке – со времени его образования (первых письменных памятников) до современности либо же ограничиваясь определенным значительным историческим периодом. В историческом словаре регистрируются фонетическая, графическая, морфологическая вариантность слова, основные изменения в его семантике и прагматических характеристиках (степень употребительности, распространенность в разных языковых подсистемах, стилистическая принадлежность и проч.)» [Краткий понятийно-терминологический справочник ... 1998, с. 19-21].

Авторы справочника отмечают, что жанр собственно исторического словаря в русской лексикографии до сих пор отсутствует: словари, которые условно называют «историческими» – «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» (под ред. Р.И. Аванесова), «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (под ред. Ф.П. Филина и Г.А. Богатовой) и др., таковыми в сущности не являются, поскольку представляют собою статическое описание лексики и семантики, хотя и совмещающее лексический материал разных временных срезов; они дают сведения, которые должны быть положены в основу диахронического исследования, но самой динамики лексического состава не предъявляют.

До некоторой степени исключение составляет «Словарь русского языка XVIII века» (под ред. Ю.С. Сорокина), публикуемый выпусками с 1984 г., в котором исторический анализ присутствует в виде помет, проясняющих разные моменты эволюции отдельных слов (вхождение слова в лексикон, рост употребительности, ее угасание, исчезновение

слова, семантические и стилистические изменения), но этот словарь ограничен узкими хронологическими рамками.

Динамические изменения в лексическом значении языковых единиц носители языка могут проследить самостоятельно по толковым словарям, принадлежащим разным временным периодам. Однако для сравнения изменений, произошедших в семантике слов за определенный период, им придется обратиться к нескольким словарным источникам. Например, достаточно серьезные изменения значения отдельных слов можно увидеть, если сравнить данные толковых словарей русского языка В.И. Даля (ТСД), Д.Н. Ушакова (ТСУ) и современных толковых словарей Т.Ф. Ефремовой (ТСЕ), С.А. Кузнецова (БТС) и др.

Исторические, историко-этимологические, этимологические словари и большинство толковых словарей созданы на базе письменных источников – контекстуальных употреблений языковой единицы. Словарей же, описывающих динамику семантики лексических единиц в языковом сознании носителей языка, в настоящий момент не существует. Это связано, прежде всего, с тем, что в психолингвистике не был накоплен в необходимом объеме экспериментальный материал (современный экспериментальный материал есть, но нет данных экспериментов, проведенных с одноименными стимулами 20 и более лет назад, или качество экспериментального материала не соответствует современным данным). Необходимо также отметить, что ранее отсутствовала методика описания как психолингвистического значения слова вообще, так и методика дифференцированного описания семантики слова в разные временные периоды.

Предлагаемый нами Темпоральный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка представляет собой лексикографическое издание справочного типа.

Словарь является результатом семантической интерпретации данных ассоциативных экспериментов двух временных периодов:

- первый период – ассоциативные поля, сформированные по данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 1988-1998 гг. [РАС 2002];

- второй период – ассоциативные поля, составленные на основе данных экспериментов, проведенных в 2008-2012 гг. [ЕВРАС 2014]; в некоторых случаях используются данные ассоциативного словаря 2011 г. [АСУРЛ 2011].

Выбор экспериментальной базы связан с тем, что оба словаря в основном содержат результаты опроса молодых людей (студентов) двух периодов, что устраняет социальный, возрастной и другие факторы, которые могли бы серьезно повлиять на содержание ассоциативных полей.

Кроме того, выбор данных ассоциативных изданий в качестве экспериментального материала обусловлен схожим словником, а также

примерно одинаковой методикой проведения ассоциативных экспериментов.

В среднем временной разрыв между экспериментальными данными, представленными в данных словарных изданиях, составляет 20 лет.

Выбор в качестве экспериментального материала данных указанных ассоциативных словарей связан с тем, что многие исследователи отмечают, что значительные изменения в содержательной части ассоциативного поля происходят примерно каждые 20 лет («поколенческий» период – термин Н.В. Уфимцевой). Появление изменений в структуре ассоциативного поля может быть связано и с существенными социально-политическими изменениями в обществе, что отражается в психолингвистической структуре описываемых слов. В этом случае временной разрыв между ассоциативными полями одноименных стимулов может быть сокращен до 5-10 лет.

Данные Темпорального дифференциального психолингвистического словаря позволяют: 1) выявить реальный объем значения слова, актуальный для языкового сознания носителей языка, относящихся к разным поколениям; 2) определить реальную степень различия представлений о семантике слова в языковом сознании представителей разных поколений; 3) уточнить семантическую информацию о слове для внесения дополнений в общие толковые словари.

Укажем общие принципы отбора единиц словаря: 1) актуальность языковой единицы для современного носителя языка; 2) высокая частотность употребления слова в определенный временной период; 3) наличие предполагаемых изменений в смысловой структуре слова; 4) наличие прецедентных текстов, отражающих разные временные периоды; 5) вхождение в словники обоих ассоциативных словарей – ЕВРАС и РАС.

Представим список словарных статей Словаря (часть из них входят в лексическое ядро языкового сознания, часть включены по данным пилотажного эксперимента): АРМИЯ, БОГ, БОЯТЬСЯ, ВЕК, ВЛАСТЬ, ВОЕННЫЙ, ГАЗЕТА, ДАЛЕКИЙ, ДВИЖЕНИЕ, ДЕНЬГИ, ДУША, ЖИЗНЬ, ЗЕМЛЯ, ИДЕЯ, ИНСТИТУТ, КОНЕЦ, КРАСНЫЙ, КУЛЬТУРА, МАШИНА, НАРОД, НАУКА, НУЖНЫЙ, ПАРИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ, ШТРАФ. Всего 25 словарных статей.

Темпоральный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка будет интересен самому широкому кругу читателей – от специалистов до носителей языка.

Дифференциальное описание психолингвистического значения лексем, представленное в Словаре, позволит лингвистам исследовать их смысловой объем в разные временные периоды, определить направления развития новых компонентов семантики и значений слова, унифицировать способы их представления в лексикографических источниках.

Словарь также будет интересен лингвокультурологам, так как содержит информацию для сравнения представлений о семантике слова разных хронологических периодов; преподаватели русского языка как иностранного смогут воспользоваться данными Словаря, чтобы уточнить произошедшие изменения в семантической структуре слов, необходимые для эффективной коммуникации на русском языке.

Содержащаяся в Словаре семантическая информация будет интересна не только исследователям, занимающимся проблемами изучения изменений в значении слов, но и носителям языка. Носители языка смогут узнать, какие семантические компоненты были актуальны для представителей предыдущих поколений.

Словарь содержит описание темпоральной специфики семантики слов в языковом сознании носителей современного русского языка.

Словарные статьи отражают информацию, которая является результатом семантической интерпретации данных свободного ассоциативного эксперимента – ассоциативных полей, включенных в электронные базы данных РАС и ЕВРАС. Психолингвистическое описание каждого слова осуществляется по модели, приведенной ранее.

Алгоритм создания Темпорального дифференциального психолингвистического словаря стандартный для словарей подобного типа (описан выше).

Структура словарной статьи Темпорального дифференциального психолингвистического словаря включает ассоциативные поля стимулов, сопоставительное описание значений слов; комментарий составителя словаря о темпоральной специфике значения слова. Остановимся подробнее на структуре словарной статьи темпорального словаря.

I. Описательная часть словарной статьи

1. Заголовочное слово

Приводится заголовочное слово – одноименный стимул (выделено полужирным шрифтом), например, **АРМИЯ**.

2. Ассоциативные поля одноименного стимула

В словарную статью включаются данные свободных ассоциативных экспериментов, приведенные в РАС и ЕВРАС. Ассоциативные поля приводятся отдельно с указанием источника и количества опрошенных.

АРМИЯ

Ассоциативные поля

РАС 588: Советская 67; Красная 46; солдат 28; война 12; наша, флот 11; дедовщина, родная 10; красная, любовников, сильная 9; наемная, Трясогузки 8; сила, солдаты 7; большая, войско, дурдом, народ, народная 6; дураков, любви, служба, спасения, труда 5; ... 2 года 1; отказ 4 [РАС 2002, с. 39].

ЕВРАС 541: солдат 40; война 29; служба 28; солдаты 18; сила 17; защита 13; дедовщина 11; России 10; военные, Красная 9; долг, зло, сапоги 7; форма 6; плохо, РФ, флот 5; ... ярость 1; отказ 3 [ЕВРАС 2014, с. 4-5].

II. Сопоставительная часть словарной статьи

Описание психолингвистического значения слова представлено в дефиниционной части словарной статьи и имеет сопоставительный вид (в табличной форме): содержит краткое и развернутое толкование значения слова в языковом сознании представителей конца XX в. и начала XXI в.

Краткая дефиниция значения формулируется на базе архисемы и 3-4 ярких сем, выделенных в ходе анализа экспериментального материала, используется при сопоставлении групповых значений слов в комментарии.

Развернутое толкование содержит связное описание психолингвистического значения слова по результатам экспериментов с указанием индекса яркости каждого семантического компонента, в скобках приводятся обобщенные соответствующей семой реакции с указанием их частотности в абсолютных цифрах (для наглядности и проверяемости семантической интерпретации).

В таблице приводятся только семы значений без конкретизации обобщенных семой реакций испытуемых с указанием индекса яркости каждой семы в форме десятичной дроби. Если семантический компонент вербализован только одной группой испытуемых, то он выделяется полужирным курсивом. Отдельно указываются семы с индексом яркости менее 0,01 и индивидуальные семы. При отсутствии соответствующей семемы ставится прочерк или знак «0» (Таблица 17).

4. Симилятивные и оппозитные семы

В графах *То же, что* и *Противоположно* приводятся симиляры и оппозиты слова:

АРМИЯ (РАС)

1. Вооруженные силы страны

То же, что: войско 0,01; менее 0,01 – войска

Противоположно: индивидуальные семы – гражданка

АРМИЯ (ЕВРАС)

1. Вооруженные силы страны

То же, что: (индивидуальные семы) войско, войска

2. Большое скопление людей

То же, что: полк 0,01

5. Совокупный индекс яркости (СИЯ)

Приводится совокупный индекс яркости каждого значения. Семемы слов перечисляются в порядке убывания индекса яркости семем, например,

АРМИЯ (РАС)

1. Вооруженные силы страны. СИЯ 0,58

2. Большое скопление людей. СИЯ 0,05

АРМИЯ (ЕВРАС)

1. Вооруженные силы страны. СИЯ 0,87

2. Большое скопление людей. СИЯ 0,04

Таблица 17

**Сопоставительное описание психолингвистического значения
слова АРМИЯ по данным РАС и ЕВРАС**

РАС 2002	ЕВРАС 2014
<p>1. Вооруженные силы страны Вооруженные силы страны 0,02; участвуют в военных действиях 0,04; защищают граждан 0,04; включают в себя флот 0,02; призывают на службу 0,01 солдат 0,09; которые носят кирзовые сапоги 0,01; в ее ряды призывают мужчины 0,03; есть дедовщина 0,02; бывает сильная 0,07, наемная 0,02; большая 0,01; вызывает неодобрение 0,08;</p> <p>(менее 0,01): охраняет; отстывает во время поражения; имеет знамя; имеет специальную форму защитного цвета, состоящую из мундира с погонами, пилотки с кокардой; отличается мужеством, особым кодексом поведения, жесткой дисциплиной и особыми правилами; является школой жизни; призывники служат два года; нужна; например, российская; ВВС США; ассоциируется с красной звездой;</p> <p>(индивидуальные семы): участвует в переворотах; участвует в параде; в бой идет с криком «ура»; состоит из отдельных частей; включает в себя пехоту, ГРУ, стройбат; солдаты живут в казарме; бывает надежная, дружественная, профессиональная, ударная, запаса; призывники служат один раз.</p>	<p>1. Вооруженные силы страны Вооруженные силы страны 0,05; например, российские 0,04; участвуют в военных действиях 0,10; защищают граждан 0,05; включают в себя ВМФ 0,02; призывают на службу 0,06 солдат 0,11, которые носят кирзовые сапоги 0,01; имеют специальную форму 0,02 защитного цвета 0,01; бывает сильная 0,06, большая 0,01; в ее ряды призывают мужчины 0,07; есть дедовщина 0,02; отличаются особым кодексом поведения 0,01, жесткой дисциплиной 0,01; является школой жизни 0,01; призывники служат один год 0,01; нужна 0,01; ее можно избежать 0,01; вызывает неодобрение 0,15;</p> <p>(менее 0,01) например, США; бывает слабая, контрактная; состоит из отдельных частей; включает в себя ВДВ; призывники служат два года; солдаты живут в казарме; наносит вред здоровью; военные имеют лысину; служба отличается особыми правилами; ассоциируется с красной звездой; вызывает одобрение;</p> <p>(индивидуальные семы): например, Китая; охраняет; имеет знамя; в бой идет с криком «ура»; включает в себя ВВС, ракетные войска, стройбат, автомобильную часть; имеет форму с портянками, с погонами, с пилоткой, фуражкой, с каской; отличается мужеством; бывает добровольная; доблестная; вызывает интерес; имеет главнокомандующего.</p>
<p>2. Большое количество людей Большое количество людей 0,01, [объединенных чем-либо общим]; например, армия дураков 0,01;</p> <p>(менее 0,01) бывает армия безработных, армия акселератов, армия беглецов, армия бюрократов, насекомых, нахлебников, невежд, рабов, рабочих, студентов, тружеников, юных.</p>	<p>2. Большое количество людей Большое количество людей 0,02, [объединенных чем-либо общим];</p> <p>(менее 0,01) бывает, например, грызунов, лилипутов, мумий, муравьев, поклонников, сатаны.</p>

6. Примеры употребления слов

Приводятся примеры употребления слов во всех вербализованных в эксперименте значениях (кроме рецептивных значений):

АРМИЯ

1. Вооруженные силы страны. *Каждый мужчина должен служить в армии.*

2. Большое скопление людей. *С каждым годом армия безработных растет на 10-15%.*

7. Фразы

После всех семем в конце словарной статьи в графе *Фразы* приводятся прецедентные и сочетаемостные семы, с указанием индекса яркости каждого компонента и совокупным индексом яркости всех типов фраз, например,

АРМИЯ (РАС)

Фразы 0,35: Советская армия 0,14; Красная армия 0,10; наша 0,04; *Народная армия 0,01⁴; советский кинофильм «Армия "Тресогузки"» 0,01*; шведская музыкальная группа «Армия любовников» 0,03; благотворительная организация «Армия спасения» 0,01;

(менее 0,01) трудовая армия; например, Белая армия; *противника; армия – наш оплот; стихотворение В. Маяковского «Приказ №2 армии искусств»;*

(индивидуальные семы) песни об армии; например, *Наполеона, Колчака*

АРМИЯ (ЕВРАС)

Фразы 0,05: Красная армия 0,03;

(менее 0,01) Советская армия, наша; шведская музыкальная группа «Армия любовников»; благотворительная организация «Армия спасения»;

(индивидуальные семы) Белая армия; трудовая; великая; песни об армии; *армия будущего*

8. Неинтерпретируемые реакции

Приводится список неинтерпретированных составителями Словаря реакций. Указывает их общее количество, например,

АРМИЯ (РАС). Не интерпретируются 16: *ария, окно, он, футбол, город, искусств, сидеть, ведет, век, делает, чернила, любовь, земное, все, безмолвия, упряжка*

АРМИЯ (ЕВРАС). Не интерпретируются 3: *деревушка, плоти, темно*

9. Отказы

Пункт *Не актуально* содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости:

АРМИЯ (РАС). Не актуально менее 0,01

АРМИЯ (ЕВРАС). Не актуально менее 0,01

10. Индекс освоенности слова

Приводится индекс освоенности слова:

АРМИЯ (РАС). Индекс освоенности слова 0,99

АРМИЯ (ЕВРАС). Индекс освоенности слова 0,99

11. Рецептивные значения

⁴ Полу жирным шрифтом выделены эндемичные прецедентные семы.

При наличии отдельно указываются рецептивные значения (ложные, не соответствующие действительности, и контаминированные, близкие по фонетическому облику или семантике).

III. Объяснительная часть словарной статьи

Третья часть словарной статьи содержит комментарий составителей словаря, в котором приводится следующая информация: совпадающие значения; значения представителей конца XX в.; значения представителей XXI в.; для каждой пары совпадающих значений приводятся интегральные семы с индексом яркости; отдельно указываются интегральные семы, значимо различающиеся по индексу яркости (минимум на 5 пунктов); приводятся групповые дифференциальные семы с индексом их яркости; описывается индекс семного совпадения значений: количество интегральных сем / общее количество совокупных сем двух значений; описывается индекс групповой семной дифференциации значений по яркости.

В конце обобщаются выявленные различия и сходства темпоральных значений; делается вывод о степени преобладания по яркости значений в языковом сознании носителей языка каждого временного периода, а также о наличии/отсутствии темпоральной асимметрии слова (преобладания по яркости отдельных значений в сознании группы); сравнивается иерархия семем в структуре семантемы и полевая организация семем: приводится иерархия темпоральных значений по убыванию их совокупного индекса яркости и определяется их полевой статус (ядро, ближняя и дальняя периферия, крайняя периферия), устанавливаются различия в иерархии и полевой принадлежности отдельных групповых значений.

Определяется семная специфика каждого значения: сравнивается яркость интегральных сем в значениях представителей каждого временного периода. При сопоставлении сем по яркости квалифицируются только значимые различия (то есть такие, которые могут рассматриваться как неслучайные – различия на 5 пунктов и более); выделяются самые яркие темпоральные дифференциальные семы; приводятся наиболее интересные с точки зрения содержания и отражения временной специфики дифференциальные семы; комментируется наличие/отсутствие групповых дифференциальных сем.

В Словаре используются следующие **общие количественные показатели**: *индекс яркости семантического компонента, индекс совокупной яркости значения, индекс семного совпадения значений, индекс семной дифференциации значений, совокупная яркость интегральных сем, совокупная яркость дифференциальных сем.*

Приведем пример комментария:

Лексема АРМИЯ в языковом сознании двух групп совпадает по двум значениям: **Вооруженные силы страны; Большое скопление людей.**

Эндемичные значения не выявлены.

Значение Вооруженные силы страны

Оба значения являются актуальными для языкового сознания представителей конца XX в. и начала XXI в. (СИЯ 0,58 и 0,87 соответственно). Данный уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как существенный.

Наиболее яркими интегральными семантическими компонентами темпоральных значений являются: *участвуют в военных действиях 0,04 – 0,10; вызывает неодобрение 0,08 – 0,15*. Обе семы более ярко представлены в языковом сознании представителей начала XXI в. Остальные интегральные семы различаются меньше, чем на 4 пункта (всего 72 семы с общим индексом яркости, равным 1,32).

Дифференциальные семы представителей конца XX в. (0,04): *наемная 0,02; (менее 0,01): отступает во время поражения; имеет форму, состоящую из мундира с кокардой; (индивидуальные семы): участвует в переворотах; участвует в параде; включает в себя пехоту, ГРУ; бывает надежная, дружественная, профессиональная, ударная, запаса; призывники служат один раз; противоположно – гражданка*. Всего 15 сем.

Дифференциальные семы представителей начала XXI в. (0,04): *ее можно избежать 0,01; (менее 0,01): бывает слабая, контрактная; включает в себя ВДВ; наносит вред здоровью; военные имеют лысину; (индивидуальные семы): например, Китая; включает в себя ВВС, ракетные войска, автомобильную часть; имеет форму с портянками, фуражкой, с каской; бывает добровольная; вызывает интерес; имеет главнокомандующего*. Всего 16 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 103 семы, из них 72 интегральные и 31 дифференциальная сема.

Индекс семного совпадения значений – 0,71; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,29.

Совокупная яркость 72 интегральных сем значений – 1,32, что обеспечивает достаточно высокий уровень близости данных значений. У 31 дифференциальной семы индекс совокупной яркости в 16 раз ниже (0,08).

Таким образом, для языкового сознания носителей языка конца XX в. АРМИЯ – это вооруженные силы, которые защищают страну, воспринимается как надежная, сильная, большая. Для представителей начала XXI в. АРМИЯ – это вооруженные силы страны, которые ведут военные действия; воспринимается более неодобрительно. У носителей языка начала XXI в. это значение представлено более конкретно (выделяется больше сем), в значении группы XX в. выявлена оппозитивная сема – *гражданка*.

Значение Большое скопление людей

Оба значения относятся к периферийной части семантемы каждой группы испытуемых (СИЯ 0,05 и 0,04). Уровень различий по шкале уровней яркости оценивается как низкий.

Ярких интегральных семантических компонентов темпоральных значений нет; выявлены 4 интегральные семы с общим индексом яркости, равным 0,03.

Дифференциальные семы представителей XX в. (0,02): *менее 0,01 – бывает армия безработных, армия акселератов, армия беглецов, армия бюрократов, насекомых, нахлебников, невежд, рабов, рабочих, студентов, тружеников, юных*. Всего 12 сем.

Дифференциальные семы представителей начала XXI в. (0,01): *менее 0,01 – бывает (армия) грызунов, лилипутов, мумий, муравьев, поклонников, сатаны*. Всего 6 сем.

Всего у данной пары совпадающих значений 22 семы, из них 4 интегральные и 18 дифференциальных сем.

Индекс семного совпадения значений – 0,18; индекс семной дифференциации значений соответственно – 0,72.

Совокупная яркость 4 интегральных сем и 18 дифференциальных сем значений совпадает (0,03).

Данное значение более конкретизировано у группы конца XX в. (выделяется больше сем).

Индекс психолингвистической темпоральной специфики рассматриваемых лексем – низкий (количество семем совпадает, уровень семантической близости значений очень высок). Есть яркие отличия только в параметре «Фразы»: более представлен у группы конца XX в. (СИЯ 0,35; разнообразие информации – наименования фильмов, стихов, разновидности армии; отсылка к советской армии), для носителей языка начала XXI в. этот вид сем мало актуален. Групповая асимметрия не наблюдается: оба значения актуальны для сознания обеих групп, полевая структура симметричная.

Описание значения слова в Темпоральном дифференциальном психолингвистическом словаре содержит ценную информацию культурологического, социального характера, которую трудно найти в традиционных словарных изданиях.

Рассмотрим еще один тип дифференциального словаря – **Территориальный дифференциальный психолингвистический словарь.**

Особенности семантики слов, характерных для отдельных регионов в пределах одного языка, обычно представлены в специальных словарях – диалектных (или областных).

Диалектные толковые словари представлены несколькими разновидностями:

- дифференциальные (включают специфичные диалектные слова и так называемые семантические диалектизмы, которые отличаются по смыслу от слов литературного языка) и полные (помещается вся лексика говора, а также включаются слова, общие для диалекта и литературного языка);
- однодиалектные (отражают лексическую систему одного говора) и многодиалектные (отражают словарный состав группы говоров);
- синхронные (фиксируют лексику говора в ее современном состоянии) и диахронные (описывают диалектную лексику в ее историческом развитии) и др.

Одним из первых диалектных словарей стал словарь В.И. Даля (по типу полный, многодиалектный, диахронный) [ТСД].

При выборе словника диалектного словаря ученые в первую очередь, опираются на эндемичные (специфичные) для отдельного региона языковые единицы. Исследование семантики таких слов осуществляется с помощью опроса местных жителей (лингвистическое интервьюирование) и семантического анализа текстов (устных и письменных), включающих интересующие ученых языковые единицы. Приведем примеры некоторых диалектных словарей конца XX – начала XXI в.: Словарь русских говоров северных районов Красноярского края (Красноярск, 1992); Полный словарь сибирского говора (в 3 т.; Томск, 1993); Войтенко А.Ф. Словарь говоров Подмосковья (М., 1995); Словарь русских говоров Алтая (Барнаул,

1997); Материалы к словарю воронежских говоров (Воронеж, 1998); Архангельский областной словарь (Под ред. О.Г. Гецово́й. М., 1999) и др.

Традиционные толковые словари, в отличие от диалектных, содержат описание семантики общеупотребительных слов, которая, по мнению лексикографов, одинакова для всех говорящих на данном языке как на родном независимо от места проживания, принадлежности к группе и др. С одной стороны, это обеспечивает возможность эффективного общения, с другой – в этом проявляется нормализаторский характер лексикографических изданий.

Исследование семантики общеупотребительных слов в языковом сознании представителей разных регионов показало, что значение одной и той же языковой единицы в сознании жителей одного региона может несколько отличаться от семантического содержания одноименной лексемы в сознании жителей другой территории. Это приводит к мысли о возможности создания региональных психолингвистических словарей, в которых будет представлено описание региональной специфики значения общенародного слова в языковом сознании жителей разных регионов. До настоящего момента подобных словарей не существовало.

Наиболее ярко специфика регионального языкового сознания может быть описана в словаре сопоставительного типа – Территориальном дифференциальном психолингвистическом словаре русского языка, в котором наглядно могут быть представлены психолингвистические значения одноименного слова в языковом сознании жителей разных регионов.

В 2021 г. был опубликован первый выпуск подобного регионального словаря: Территориальный дифференциальный психолингвистический словарь русского языка / Науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2021. – 172 с.

При описании регионального психолингвистического значения слова материалом для семантической интерпретации послужили одноименные ассоциативные поля, сформированные по данным свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в одно и то же время в разных регионах РФ: данные ЕВРАС и СИБАС (2014), в которых представлено языковое сознание жителей Европейской части России и жителей Сибири. Данные словари имеют одинаковые словники, примерно одинаковые по объему поля. Схожей является и методика проведения эксперимента.

Данные Территориального дифференциального психолингвистического словаря позволяют: 1) определить реальный объем значения слова, актуальный для языкового сознания представителей разных регионов; 2) определить степень различия представлений о семантике слова в языковом сознании жителей разных регионов; 3) уточнить семантическую информацию о слове для внесения дополнений в общие толковые словари.

Укажем общие принципы отбора единиц словника Словаря: 1) актуальность языковой единицы для современного носителя языка (вхождение в языковое ядро русского языка); 2) наличие предполагаемых различий в смысловой структуре слова в языковом сознании носителей языка разных регионов (определяется пилотажным экспериментом); 3) наличие прецедентных текстов, принадлежащих авторам, относящихся к разным регионам, и отражающих различия в семантике одноименных лексем; 4) вхождение в словники обоих ассоциативных словарей – ЕВРАС и СИБАС.

Словарь, отражающий региональную специфику значения слова, представляет интерес для самого широкого круга читателей.

Лингвисты смогут исследовать смысловый объем лексем в языковом сознании представителей Европейской части и представителей Сибири; проследить направления развития новых компонентов семантики и значений слова, унифицировать способы их представления в лексикографических источниках.

Специалисты (социологи, географы, культурологи и др.) найдут в словаре материал для изучения специфики обыденных представлений о семантике слова, вербализованных в языковом сознании жителей разных регионов.

Содержащаяся в словаре семантическая информация будет интересна не только исследователям, занимающимся проблемами изучения значения слов, но и носителям языка, которые смогут узнать, какие семантические компоненты актуальны для представителей других регионов страны.

Словник Территориального дифференциального психолингвистического словаря включает 20 словарных статей: БЕЛЫЙ, БОГ, БОЯТЬСЯ, ВЕЧЕР, ВОДА, ГЛАЗ, ГОЛОВА, ГОЛОС, ДВЕРЬ, ЖЕНА ЗАКОН, ЗЕМЛЯ, ИМЯ, ИНТЕЛЛИГЕНТ, МИР, МНЕНИЕ, НОГА, НОЧЬ, ПИСАТЬ, ПРОЦЕСС, СЛУЧАЙ, СТОЛ, ЧАС. Все слова, представленные в словаре, кроме лексемы ИНТЕЛЛИГЕНТ, принадлежат частотному ядру русского языка.

Словарь содержит описание региональной специфики семантики слов в языковом сознании носителей современного русского языка.

Алгоритм создания Территориального дифференциального психолингвистического словаря стандартный для словарей подобного типа (описан ранее).

Структура словарной статьи Территориального дифференциального психолингвистического словаря включает ассоциативные поля одноименных стимулов; параллельное сопоставительное описание значений слов в табличной форме; комментарий составителей словаря о региональной специфике значения слова. Опишем более подробно структуру словарной статьи.

I. Описательная часть словарной статьи

1. Заголовочное слово

Приводится заголовочное слово – одноименный стимул (выделено полужирным шрифтом), например, ТАЙГА.

2. Ассоциативные поля одноименного стимула

В словарную статью включаются данные свободных ассоциативных экспериментов, приведенные в СИБАС (Сибирь) и ЕВРАС (Центр). Ассоциативные поля приводятся отдельно с указанием источника и количества опрошенных (приведены все неединичные ассоциаты), например,

ТАЙГА

Ассоциативные поля

ЦЕНТР 436: лес 180; Сибирь 24; холод 18; непроходимая 16; далеко 13; степь 9; медведь, тундра 8; большая, глушь, зеленая, снег 7; глухая, ель, природа, сказочная, суровая, холодно 6; бескрайняя, густая 5; вьюга, далекая, дремучая, сосна, холодная 4; дебри, деревья, елки, комары, красиво, непролазная, пустота, север, сосны 3; в Сибири, кедры, кругом, леса, место, необъятная, огромная, пустыня, северная, снежная, ссылка, страх, страшная, страшно, темная, тигр, тишина, чукчи 2; отказ 3 [ЕВРАС 2014, с. 243].

СИБИРЬ 417: лес 200; медведь 16; зеленая 11; глухая; деревья; непроходимая 9; дремучая; Сибирь; тундра 7; густая; тигр 6; большая; охота; природа; сосны; хвойная 5; деревья; ель; зверь; кедр; комары; сосна; темная; холод 4; волк; глушь; дикая; елка; зелень; родина; степь; тишина 3; дерево; ели; елки; животные; звери; зима; красиво; кругом; лось; медведи; непролазная; пустота; роща; свежесть; сибирская; сказочная; снег; снежная; темнота; холодная; холодно; чаща; шишка 2; отказ 3 [СИБАС 2014, с. 457-458].

II. Сопоставительная часть словарной статьи

Сопоставительное описание региональных психолингвистических значений слов для наглядности представлено в дефиниционной части словарной статьи в табличной форме: содержит краткое и развернутое толкование значения слова в языковом сознании представителей двух регионов.

Краткая дефиниция значения формулируется на базе архисемы и 3-4 ярких сем, выделенных в ходе анализа экспериментального материала, используется при сопоставлении групповых значений слов в комментарии.

Развернутое толкование содержит связанное описание психолингвистического значения слова по результатам экспериментов с указанием индекса яркости каждого семантического компонента, в скобках приводятся обобщенные соответствующей семей реакции с указанием их частотности в абсолютных цифрах (для наглядности и проверяемости семантической интерпретации).

В таблице приводятся только семы значений без конкретизации обобщенных семей реакций испытуемых с указанием индекса яркости каждой семы в форме десятичной дроби. Если семантический компонент вербализован только одной группой испытуемых, то он выделяется полужирным курсивом. Отдельно указываются семы с индексом яркости

менее 0,01 и индивидуальные семы. При отсутствии соответствующей семемы ставится прочерк или знак «0» (Таблица 18).

Таблица 18

Сопоставительное психолингвистическое значение слова ТАЙГА

Центр (ЕВРАС 436)	Сибирь (СИБАС 417)
<p>Хвойный лес в Сибири Хвойный 0,04 лес 0,45; является природной зоной 0,01; расположен в Сибири 0,06, <i>на Севере 0,01</i>; находится в регионе с низкими зимними температурами 0,06, зимой выпадает много снега 0,03; <i>находится далеко 0,05</i>; непроходимый 0,06, бескрайний 0,04, глухой 0,04, зеленый 0,02, <i>суровый 0,01</i>, густой 0,01; сказочно-красивый 0,02; в нем водятся медведи 0,02; отличается от степной зоны 0,02, отличается от тундры 0,02; <i>вызывает страх 0,02</i>;</p> <p>(менее 0,01): в нем водятся комары, в нем водятся тигры; темный; там тихо; <i>ложная сема – в этой зоне живут чукчи.</i></p> <p>СИЯ 0,99</p>	<p>Хвойный лес Хвойный 0,07 лес 0,54; является природной зоной 0,01; расположен в Сибири 0,02; находится в регионе с низкими зимними температурами 0,02, зимой выпадает много снега 0,01; непроходимый 0,04, бескрайний 0,02, глухой 0,02, зеленый 0,03, густой 0,01, темный 0,01; сказочно-красивый 0,01; <i>в нем водятся животные 0,02</i>, например, медведи 0,04, комары 0,01, тигры 0,01; <i>является местом охоты 0,01</i>; отличается от тундры 0,02; <i>рядом есть деревни 0,01</i>;</p> <p>(менее 0,01): отличается от степной зоны; там тихо; <i>в нем свежий воздух; в нем водятся волки; в нем водятся лоси; является родиной.</i></p> <p>СИЯ 0,99</p>

4. Симилятивные и оппозитные семы

В графах *То же, что* и *Противоположно* приводятся симиляры и оппозиты слова, например,

ТАЙГА (Центр)

То же, что: дебри (менее 0,01)

ВОДА (Сибирь)

То же, что: влага (менее 0,01)

Противоположно: огонь 0,02

5. Совокупный индекс яркости (СИЯ)

Приводится совокупный индекс яркости каждого значения. Семемы слов перечисляются в порядке убывания индекса яркости семем:

ГОЛОВА (Центр / Сибирь)

1. Часть тела на плечах, с волосами. СИЯ 0,35 – 0,34

2. Черепная коробка с мозгом. СИЯ 0,28 – 0,30

3. Способность мыслить. СИЯ 0,25 – 0,22

4. Умный человек. СИЯ 0,21 – 0,19

5. Волосы. СИЯ 0,08 – 0,10

6. Глава. СИЯ 0,02 – 0,02

7. Предмет в виде шара. СИЯ 0,01 – менее 0,01

6. Примеры употребления слов

Приводятся примеры употребления слов во всех вербализованных в эксперименте значениях (кроме рецептивных значений), например,

ТАЙГА (Центр / Сибирь)

Хвойный лес в Сибири. *Все животные, обитающие в тайге, хорошо адаптированы к холодному климату этой природной зоны.*

ГОЛОВА (Центр / Сибирь)

1. Часть тела на плечах, с волосами. *У мальчика была большая голова.*

2. Черепная коробка с мозгом. *У жены часть болит голова.*

3. Способность мыслить. *У него отличная голова – быстро соображает!*

4. Умный человек. *Ну ты голова!*

5. Волосы. *У меня сегодня голова невымытая.*

6. Глава. *Голова отдал распоряжение своим подчиненным.*

7. Предмет в виде шара. *Купила голову сыра.*

7. Фразы

После всех семем в конце словарной статьи в графе *Фразы* приводятся прецедентные и сочетаемостные семы с указанием индекса яркости каждого компонента и совокупного индекса яркости всех типов фраз, например,

ГОЛОВА (Центр)

Фразы: иметь свою голову на плечах 0,03; светлая голова 0,02; перекладывать с больной головы на здоровую 0,01; хлеб – всему голова 0,01; роман А. Беляева «Голова профессора Доуля» (менее 0,01).

8. Неинтерпретируемые реакции

Приводится список не интерпретированных составителями Словаря реакций, указывает их общее количество:

ГОЛОВА (Центр). Не интерпретируются 3: *мясо, ход, бинокль*

ГОЛОВА (Сибирь). Не интерпретируются 5: *трава, будущее, пар, танцуля, хаки*

9. Отказы

Пункт *Не актуально* содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости:

ГОЛОВА (Центр). Не актуально 0,01

ГОЛОВА (Сибирь). Не актуально 0,01

10. Индекс освоенности слова

Приводится индекс освоенности слова, например,

ГОЛОВА (Центр). Индекс освоенности слова 0,99

ГОЛОВА (Сибирь). Индекс освоенности слова 0,99

11. Рецептивные значения

При наличии отдельно указываются рецептивные значения (ложные, не соответствующие действительности, и контаминированные, близкие по фонетическому облику или семантике):

ТАЙГА (Центр). Ложная сема – в этой зоне живут чукчи (*менее 0,01*)

III. Объяснительная часть словарной статьи

Третья часть словарной статьи содержит комментарий составителей словаря, в котором приводится следующая информация: совпадающие значения; значения, вербализованные в эксперименте испытуемыми Центра; значения, представленные в языковом сознании жителей Сибири;

для каждой пары совпадающих значений приводятся интегральные семы с индексом яркости; отдельно указываются интегральные семы, значимо различающиеся по индексу яркости (минимум на 5 пунктов); приводятся дифференциальные семы двух регионов с индексом их яркости; описывается индекс семного совпадения значений: количество интегральных сем / общее количество совокупных сем двух значений; описывается индекс групповой семной дифференциации значений по яркости.

В конце обобщаются выявленные различия и сходства региональных значений; делается вывод о степени преобладания по яркости значений Центра и Сибири, а также о наличии/отсутствии региональной асимметрии слова (о преобладании по яркости эндемичных региональных значений); сравнивается иерархия семем в структуре семантемы и полевая организация семем: приводится иерархия значений у жителей Центра и Сибири по убыванию их совокупного индекса яркости и определяется их полевый статус (ядро, ближняя и дальняя периферия, крайняя периферия), устанавливаются различия в иерархии и полевой принадлежности отдельных региональных значений.

Определяется семная специфика каждого значения: сравнивается яркость интегральных региональных сем. При сопоставлении сем по яркости квалифицируются только значимые различия (то есть такие, которые могут рассматриваться как неслучайные – различия на 5 пунктов и более); выделяются самые яркие региональные дифференциальные семы; приводятся наиболее интересные с точки зрения содержания и отражения региональной специфики дифференциальные семы; комментируется наличие/отсутствие региональных дифференциальных сем.

В словаре используются следующие **общие количественные показатели**: *индекс яркости семантического компонента, индекс совокупной яркости значения, индекс семного совпадения значений, индекс семной дифференциации значений, совокупная яркость интегральных сем, совокупная яркость дифференциальных сем.*

В комментариях к словарным статьям содержится информация о коммуникативной востребованности значения в языковом сознании испытуемых – информация о количестве готовых фраз, актуализированных в эксперименте. Приведем пример Комментария:

Совпадают значения (Центр – Сибирь)

1. Хвойный лес в Сибири / Хвойный лес (СИЯ 0,99 – 0,99)

Совпадающие семы, различающиеся по яркости (Центр – Сибирь): хвойный 0,04 – 0,07; лес 0,45 – 0,54; расположен в Сибири 0,06 – 0,02, находится в регионе с низкими зимними температурами 0,06 – 0,02, зимой выпадает много снега 0,03 – 0,01; непроходимый 0,06 – 0,04, бескрайний 0,04 – 0,02, глухой 0,04 – 0,02, зеленый 0,02 – 0,03, сказочно-красивый 0,02 – 0,01; в нем водятся медведи 0,02 – 0,04; отличается от степной зоны 0,02 – менее 0,01.

Семы, фиксируемые только в Центре: на Севере 0,01; находится далеко 0,05; суровый 0,01.

Семы, фиксируемые только в Сибири: в нем водятся животные 0,02, является местом охоты 0,01; рядом есть деревни 0,01.

Эндемические значения – не выявлены

Фразы – нет

Не актуальны для языкового сознания обоих регионов сочетаемостные возможности слова, нет вербализации прецедентных текстов.

Отказы

Центр – 0,01, Сибирь – 0,01.

Количество отказов невелико, что позволяет сделать вывод о том, что слово ТАЙГА хорошо освоено языковым сознанием в обоих регионах.

Были выявлены только совпадающие значения, эндемичные семемы отсутствуют. Совпадающие значения заметных различий по яркости не обнаруживают, их яркость совпадает.

Таким образом, для языкового сознания жителей Центра ТАЙГА – это непроходимый бескрайний лес в Сибири, находится далеко от центра России, для жителей Сибири – это лес, в котором обитает много животных, является местом охоты; рядом в деревнях живут люди; это родное место для многих. Свидетельством того, что в сознании жителей Центра ТАЙГА представляется достаточно схематично, является наличие ложной семы (*там живут чукчи*), а также небольшой набор семантических компонентов по сравнению со значением в сознании жителей Сибири.

Образцы словарных статей Территориального дифференциального психолингвистического словаря приведены в *Приложении 23*.

Особый интерес представляют **психолингвистические словари собственных имен**. На данный момент имеется опыт создания словарей антропонимов и топонимов.

Словарь содержит описание семантики имен собственных в языковом сознании носителей современного русского языка.

Словарь не имеет аналогов в психолингвистической, так и лексикографической практике: психолингвистическое описание семантики имен собственных до сих пор не осуществлялось.

Содержащаяся в Словаре семантическая информация будет интересна не только исследователям, занимающимся проблемами изучения имен собственных, но и лексикографам: в Словаре представлена модель лексикографического описания психолингвистического значения онима.

Методика описания психолингвистического значения онимов, представленная в Словаре, позволит психолингвистам разработать модель психолингвистического описания имен собственных разных видов (гидронимов, ойконимов, оронимов, астронимов, антропонимов, коммерческих наименований и др.), исследовать их смысловой объем, унифицировать способы их представления в лексикографических источниках.

Преподаватели русского языка как иностранного смогут воспользоваться данными Словаря, чтобы уточнить методику обучения

иностранцев русскому языку с учетом тех семантических компонентов, которые необходимы для адекватного употребления имен собственных в речи: изучающие русский язык смогут получить актуальный для современного носителя русского языка минимум знаний о личности известного человека, наименованиях объектов материальной и духовной культуры, что позволит им осуществлять эффективную коммуникацию с представителями русской культуры.

Словарь также будет интересен лингвокультурологам для сравнения представлений об имени собственном представителей разных культур, возрастных, гендерных, социальных групп одного этноса, выявления универсальных и национальных компонентов семантики имен собственных.

Общие принципы отбора единиц словника Словаря: 1) известность имени собственного для современного носителя языка; 2) значительная роль личности / топонима, обозначаемых онимом, в исторической и культурной жизни общества; 3) возможная неоднозначность отношения к личности / топониму в обществе; 4) предполагаемый значительный смысловой объем имени собственного; 5) наличие прецедентных текстов, связанных с онимом.

При отборе единиц словника Словаря учитывалось также мнение носителей языка: были проведены опросы, в ходе которых участникам предлагалось назвать значимое для них имя собственное (наименования городов, рек, публичных людей) или отметить в предлагаемом списке имен собственных те, которые они считают значимыми для русского человека. Полученные данные обобщались, составлялся первичный список онимов.

Словарь является результатом семантической интерпретации данных ассоциативных экспериментов.

Данный Словарь представляет собой образцы практического применения разработанных принципов лексикографической фиксации семантики имени собственного как явления языкового сознания и отражает конкретный этап развития исследований.

Психолингвистический толковый словарь собственных имен состоит из нескольких частей – выпусков, посвященных отдельным группам собственных имен. Издание отдельными выпусками связано, прежде всего, с большим объемом материала, а также возможностью дальнейшего пополнения Словаря.

На данный момент подготовлен электронный вариант Психолингвистического словаря топонимов (БАРЭКСИС-2); опубликованы четыре выпуска словаря антропонимов:

✓ Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 1: Антропонимы / Науч. ред. А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 136 с.

✓ Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 2: Антропонимы / Науч. ред. А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 127 с.

✓ Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 3: Антропонимы / Науч. ред. А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 108 с.

✓ Психолингвистический толковый словарь русского языка: Вып. 4: Антропонимы / Науч. ред. А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – 126 с.

Каждый выпуск включает по 50 словарных статей, расположенных в алфавитном порядке.

Словарь содержит два вида информации: 1) ассоциативные поля стимулов – собственных имен и 2) психолингвистическое описание их значений.

Рассмотрим подробнее **Психолингвистический толковый словарь антропонимов**.

Лексикографическая фиксация психолингвистического значения антропонима в Словаре включала несколько этапов.

На первом этапе были проведены опросы по выявлению наиболее известных современному носителю русского языка антропонимов. Испытуемым предлагалось назвать по одному широко известному публичному имени (фамилии), относящемуся к отдельным сферам общественной жизни: политика, спорт, наука, шоу-бизнес, история, литература, искусство и др. Эти антропонимы представляют наибольший интерес для исследования.

По результатам опроса был составлен список стимулов для эксперимента – всего было выделено 150 антропонимов: а) политические деятели, правители: *Андропов, Брежнев, Ельцин; Аракчеев, Сперанский, Екатерина II, Крупская, Саркози* и др.; б) писатели и поэты: *Ахматова, Есенин, Некрасов, Татьяна Толстая, Тургенев, Шекспир, Солженицын, Рылеев* и др.; в) художники: *Айвазовский, Дали, Пикассо, ван Гог, Малевич* и др.; г) музыканты и певцы: *Бах, Бетховен, Моцарт, Гребеничиков, Мацуев* и др.; д) артисты: *Безруков, Джеки Чан, Джим Керри, Райкин, Чаплин* и др.; е) ученые, философы: *Дарвин, Ломоносов, Диоген, Мария Кюри, Ницше, Сартр* и др.; ж) спортсмены: *Кабаева, Исинбаева, Мохаммед Али* и др.; з) модельеры: *Диор, Шанель, Юдашкин, Зайцев* и др. Затем были добавлены еще 50 имен.

На втором этапе были проведены ассоциативные эксперименты с выбранными стимулами: свободный ассоциативный эксперимент и два направленных ассоциативных эксперимента («N – какой?» и «N – что делает?»). Каждый стимул предъявлялся 100 или 200 испытуемым. После обработки анкет были сформированы три одноименных ассоциативных поля.

На третьем этапе было описано психолингвистическое значение каждого имени: была осуществлена семантическая интерпретация ассоциативных полей каждого стимула. Для этого ассоциаты всех трех полей объединялись в одно интегрированное ассоциативное поле. Затем каждый ассоциат интерпретировался как вербализация конкретного семантического признака слова-стимула. Описание психолингвистического значения слова осуществлялось по психолингвистической модели, описанной в Главе I.

Структура словарной статьи *Словаря* включает следующую информацию.

1. Заголовочное слово

Приводится заголовочное слово – одноименный стимул (выделено полужирным шрифтом). Указывается краткая информация о человеке (имя, отчество, годы жизни, сфера деятельности – из официальных справочников); прилагается фотография лица, именованного антропонимом, например,

АРАКЧЕЕВ Алексей Андреевич (1769 – 1834) – русский государственный и военный деятель

САРКОЗИ Николя (1955) – французский государственный и политический деятель, 23-й президент Французской республики

2. Ассоциативные поля одноименного стимула

В словарной статье приведены три ассоциативных поля, количество опрошенных (от 100 до 200 человек).

ЕКАТЕРИНА II 100: императрица 16; царица 9; великая, фавориты 5; немка, Просвещение 4; королева 3; конь, реформа 2; абсолютизм ... 1; отказ 3.

ЕКАТЕРИНА II – КАКАЯ? 100: великая 24; властная 7; императрица, любвеобильная 5; мудрая, сильная, толстая, умная 2; белобрысая ... 1; отказ 3.

ЕКАТЕРИНА II – ЧТО ДЕЛАЕТ? 100: правит 23; управляет 9; реформирует 4; пишет 3; царит 2; Аляску продала ... 1; отказ 9.

3. Психолингвистическая дефиниция слова

Психолингвистические значения формулируются как упорядоченная совокупность сем с указанием индекса яркости каждой семы.

В основной части приводятся семы с индексом яркости, равным 0,01 и более. Отдельными списками приводятся неединичные семы с индексом яркости менее 0,01; индивидуальные семы, ложные семы (семы, не соответствующие действительности). Данный вид информации приводится 12 шрифтом.

ДИОГЕН 600

1. Философ

Философ 0,29; существует версия, что он жил в бочке 0,06; жил в Древней Греции 0,05; жил много лет назад 0,03; умный 0,05, мудрый 0,01; высказывал умные мысли 0,01; странный 0,01;

Менее 0,01: учил людей; искал смысл жизни; писал философские работы; пил вино; ел виноград; вел аскетичный образ жизни, великий, загадочный, сумасшедший, известный, старый; ничего не делал; сидел с умным видом; имя оканчивается на «ген»;

Индивидуальные семы: автор известных выражений, смотрел на мир не так, как все люди; спорил с Платоном; большой, бранный, веселый, красивый, красноречивый, кудрявый, лишний, начитанный, очередной, рассудительный, самодостаточный, серьезный, скучный, смелый, старший, страшный, темный, уставший, хмурый; спасает, умер; вызывает интерес; имя образовано по схеме «ди – два, ген – род»;

Ложные семы: математик 0,01; основатель школы киников (менее 0,01; был представителем школы киников); житель Древнего Рима, персонаж мифов Древней Греции, убивал.

Выявленные по результатам эксперимента отдельные значения слова-стимула формулируются исследователем и отражаются в описании слова как многозначного, например,

ДИОГЕН 600

2. Конкретный человек

Менее 0,01: человек

Индивидуальные семы: это, например, Дмитриевич; Гена; староста Гена; получает автомат

...

4. Компьютерная игра – Кубок Диогена 2010

Менее 0,01: [компьютерная] футбольная игра

Описание психолингвистического значения осуществляется не по убыванию яркости сем, а по предложенной нами в Главе II структуре представления семантической информации по параметрам:

1. Денотативные семы – актуализируют следующие параметры: сфера деятельности; выполняемые функции; результаты деятельности; исторический период жизни и деятельности лица; локация, место деятельности лица; общественная значимость и общественное признание; степень известности; степень одаренности; национальность, раса, гражданство; имя, отчество лица, фамилия, псевдоним; внешность человека; возрастная характеристика; особенности характера, поведения; интеллектуальные способности; эстетическая оценка; отношение к религии; типичный индивидуальный признак; бытие/небытие лица; мифы (слухи, версии) о лице; символическая актуализация; вызываемые чувства, эмоции; идентификационные семы.

Семы, характеризующие разные параметры значения, перечисляются через точку с запятой. В скобках в составе дефиниции приводятся семантические компоненты, добавленные исследователем для обеспечения связности дефиниции.

2. Метаязыковые семы

3. Оценочные семы (*неоценочное, одобрительное, неодобрительное*)

4. Эмоциональные семы (*неэмоциональное, позитивно-эмоциональное, негативно-эмоциональное*)

Если оценочные семы (*одобрительное и неодобрительное*), вербализованные ассоциатами с оценочным компонентом, или эмоциональные семы (*позитивно-эмоциональное и негативно-эмоциональное*), вербализованные ассоциатами с эмоциональным

компонентом, не представлены в структуре значения, то указывается – *неоценочное, неэмоциональное*.

При наличии в словарной статье указываются оценочные и эмоциональные семы с индексом яркости, равным 0,01 и более. Семы с индексом яркости менее 0,01 не включаются в словарную статью и указываются как *неоценочное, неэмоциональное*, например,

ДИОГЕН 600

Семема 1. Философ

Одобрительное 0,08; неодобрительное 0,02

Неэмоциональное

Семема 2. Конкретный человек

Неоценочное

Неэмоциональное

4. Совокупный индекс яркости (СИЯ)

Приводится совокупный индекс яркости каждого значения. Семемы многозначного слова перечисляются в соответствии с полевым принципом описания:

ДИОГЕН

Семема 1. Философ. СИЯ 0,65

Семема 2. Конкретный человек. СИЯ 0,01

5. Ложные и контаминированные значения

Отдельно указываются ложные значения (не соответствующие действительности) и контаминированные значения (семемы близких по фонетическому облику слов), например,

ДИОГЕН 600

3. Бог вина Дионис (контаминированное значение)

Менее 0,01: бог вина, сделанного из винограда

Индивидуальные семы: веселый; известна чаша Диониса

Неоценочное

Неэмоциональное

СИЯ 0,01

6. Неинтерпретируемые реакции

Приводится список неинтерпретированных составителями Словаря реакций, указывается их общее количество, например,

ПУШКИН. Не интерпретируются 4: *пушка 2, мамин, хасл*

7. Не актуально

Данный пункт содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости:

ЕЛЬЦИН. Не актуально 0,08

ПУШКИН. Не актуально 0

8. Индекс освоенности слова

Приводится индекс освоенности слова, например,

ЕЛЬЦИН. Индекс освоенности слова 0,92

ПУШКИН. Индекс освоенности слова 1,00

В психолингвистическом словаре антропонимов отсутствуют такие части словарной статьи, как пример употребления, симилары, оппозиты и параметр «Фразы».

Образцы словарных статей Психолингвистического толкового словаря антропонимов приведены в *Приложении 24*.

Что касается ***Психолингвистического толкового словаря топонимов***, как отмечалось выше, он будет выходить отдельными выпусками по мере подготовки материалов. Каждый выпуск будет включать примерно по 50 словарных статей. Опишем этапы работы по созданию Психолингвистического толкового словаря топонимов.

На первом этапе был проведен опрос по выявлению наиболее известных современным носителям русского языка топонимов (наименований городов и рек). Испытуемым предлагалось назвать три наиболее известных с их точки зрения наименования российских городов и три наименования российских рек. Эти собственные имена представляют наибольший интерес для исследования. Всего было опрошено 34 респондента.

По полученным результатам опроса было выделено 39 наименований городов (*Астрахань, Великий Новгород, Владивосток, Владимир, Волгоград, Вологда, Воронеж, Выборг, Дмитров, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Кострома, Курск, Липецк, Москва, Мурманск, Новгород, Новороссийск, Новосибирск, Новочеркасск, Омск, Орел, Петропавловск-Камчатский, Ростов, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Севастополь, Сочи, Тамань, Тамбов, Тула, Уфа, Хабаровск, Челябинск, Ялта, Ярославль*) и 11 наименований рек (*Ангара, Волга, Ворона, Днепр, Дон, Енисей, Которосль, Лена, Обь, Ока, Хопер*). Затем этот список был пополнен 41 наименованием городов (*Алеппо, Анкара, Афины, Барселона, Батуми, Берлин, Борисоглебск, Брно, Брюгге, Брюссель, Варшава, Вашингтон, Венеция, Дамаск, Каир, Киев, Краков, Лас-Вегас, Liverpool, Лондон, Мадрид, Мехико, Минск, Мюнхен, Ницца, Нью-Йорк, Одесса, Олессун, Осло, Париж, Пекин, Прага, Пуэбла, Рим, Рио-де-Жанейро, Салоники, Стамбул, Тбилиси, Цюрих, Шанхай, Шарм-эш-Шейх*), 20 наименованиями стран (*Англия, Бельгия, Бразилия, Германия, Греция, Грузия, Египет, Испания, Италия, Китай, Мексика, Норвегия, Польша, Сирия, США, Турция, Украина, Франция, Чехия, Швейцария*) и 9 наименованиями рек и озер (*Амазонка, Амур, Байкал, Битюг, Дунай, Миссисипи, Нил, Рейн, Темза*). На данный момент общий список топонимов и гидронимов составил 120 наименований (100 названий городов и стран и 20 названий рек и озер).

На втором этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент с выбранными стимулами. Каждый стимул предъявлялся 100 и более испытуемым. После обработки анкет были сформированы

одноименные ассоциативные поля. Результаты экспериментов размещены в электронной базе экспериментальных данных БАРЭКСИС-1.

Затем была осуществлена семантическая интерпретация ассоциативных полей: каждый ассоциат поля интерпретировался как вербализация конкретного семантического признака слова-стимула. Описание психолингвистического значения топонимов осуществлялось по психолингвистической модели, описанной в Главе I.

Опишем *структуру словарной статьи* словаря топонимов:

1. Заголовочное слово

Приводится заголовочное слово – одноименный стимул (выделено полужирным шрифтом). Указывается краткая информация о топониме или гидрониме (место расположения – из официальных справочников):

ЛОНДОН – столица Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии

НИЛ – река в Африке

2. Ассоциативное поле одноименного стимула

Приводится ассоциативное поле стимула, указывается количество опрошенных, например,

ВОЛГОГРАД 235: город-герой 29; Мамаев Курган, Сталинград 19; Волга 15; Родина-мать 14; город 13; город на Волге 10; война 6; герой, Сталинградская битва 5; стоит на Волге 4; арбузы, Великая Отечественная война, юг 3; град, град на Волге, Ирина Дубцова, областной центр, река 2; ... отказ 20.

3. Психолингвистическая дефиниция слова

Психолингвистические значения формулируются как упорядоченная совокупность сем с указанием индекса яркости каждой семы. В основной части приводятся семы с индексом яркости, равным 0,01 и более. Отдельными списками приводятся неединичные семы с индексом яркости менее 0,01; индивидуальные семы; ложные семы (семы, не соответствующие действительности). Данный тип информации приводится 12 шрифтом, например,

ШВЕЙЦАРИЯ 103

Государство на территории Альп

[Государство, на территории которого находятся] горы Альпы 0,09; обладает нейтралитет в конфликтных ситуациях 0,02; является страной с высоким уровнем жизни 0,03; известны горнолыжные курорты 0,02; является местом производства часов 0,48, в нем расположены безопасные банки 0,15; является местом производства шоколада 0,07, является местом производства сыра 0,06.

Индивидуальные семы: на флаге изображен крест; название страны схоже со словом «Швеция»; стоит в одном ряду со Швецией.

Ложные семы: известен литературный герой швейцарского автора – Карлсон 0,02 (автор – шведская писательница Астрид Линдгрен); жители носят клетчатые юбки, граничит с Австралией (граничит с Австрией).

Выявленные по результатам эксперимента отдельные значения слова-стимула формулируются исследователем и отражаются в описании слова как многозначного, например,

ВОРОНА 214

1. Птица. СИЯ 0,61

2. Река в Воронежской области. СИЯ 0,27

Описание психолингвистического значения осуществляется не по убыванию яркости сем, а по предложенной нами структуре представления семантической информации по параметрам в следующей последовательности:

1. Денотативные семы:

Для топонимов: вид топонима (государство, город и др.); локация; государственные символы (флаг, герб, гимн и др.); административный статус; управляющее лицо, глава; составные части объекта; однопорядковые объекты; физические характеристики (величина, протяженность и др.); качественные характеристики (чистота, степень озеленения, уровень жизни и др.); природные условия; производимая продукция; население; достопримечательности; отличительный признак; эстетическая оценка; общественная значимость; степень опасности; традиции; символическая актуализация; важные события; исторические реалии; связь с носителем языка; вызываемые эмоции, чувства; симилятивные связи; актуализация прецедентных текстов; актуализация устойчивых выражений.

Для гидронимов: вид гидронима; локация, место расположения объекта; составные части объекта; физические характеристики объекта (величина, протяженность, глубина, сила течения, характер дельты и др.); вхождение в другой объект; качественные характеристики (чистота, судходность и др.); степень опасности; обитатели водоема; окружающие материальные объекты; население; эстетическая оценка; общественная значимость; исторические реалии; связь с носителем языка; символическая актуализация; вызываемые эмоции, чувства; мифы, версии, слухи; однопорядковые объекты; симилятивные связи; актуализация прецедентных текстов; актуализация устойчивых выражений.

Семы, характеризующие разные параметры значения, перечисляются через точку с запятой. В квадратных скобках в составе дефиниции приводятся семантические компоненты, добавленные исследователем для обеспечения связности дефиниции.

2. Метаязыковые семы

3. Оценочные семы (*неоценочное, одобрительное, неодобрительное*)

4. Эмоциональные семы (*неэмоциональное, позитивно-эмоциональное, негативно-эмоциональное*)

Если оценочные и эмоциональные семы, вербализованные ассоциатами с оценочным или эмоциональным компонентом, не

представлены в структуре значения, то указывается – *неоценочное, неэмоциональное*. При наличии оценочных и эмоциональных сем указывается их индекс яркости. В словарной статье указываются оценочные и эмоциональные семы с индексом яркости, равным 0,01 и более. Семы с индексом яркости менее 0,01 не включаются в словарную статью и указываются как *неоценочное, неэмоциональное*, например,

ЛОНДОН 234

Столица Англии

Одобрительное 0,03; неодобрительное 0,03

Неэмоциональное

БАЙКАЛ 135

1. Озеро

Одобрительное 0,04

Неэмоциональное

2. Напиток

Одобрительное 0,02

Неэмоциональное

4. Совокупный индекс яркости семемы (СИЯ)

Приводится совокупный индекс яркости каждого значения. Семемы многозначного слова перечисляются в соответствии с полевым принципом описания:

ЛОНДОН 234

Столица Англии. СИЯ 0,93

БАЙКАЛ 135

1. Озеро. СИЯ 0,84

2. Напиток. СИЯ 0,23

5. Ложные и контаминированные значения

Отдельно указываются ложные и контаминированные значения:

ЕНИСЕЙ 125

2. Герой сказок Елисей. СИЯ 0,8.

3. Имя мужчины. СИЯ 0,03.

6. Неинтерпретируемые реакции

Приводится список неинтерпретированных составителями Словаря реакций, указывает их общее количество, например,

ЛОНДОН 234. Не интерпретируются 2: *железо, пропили*

7. Не актуально

Данный пункт содержит информацию о «нулевых» ответах – отказах и их индексе яркости:

ЛОНДОН. Не актуально 0,06.

8. Индекс освоенности слова

Приводится индекс освоенности слова:

ЛОНДОН. Индекс освоенности слова 0,94.

9. Параметр «Фразы»

После всех семем в конце словарной статьи в графе *Фразы* приводятся прецедентные и сочетаемостные семы с указанием индекса яркости

каждого компонента и совокупного индекса яркости всех типов фраз, например,

ДОН

Фразы: роман М. Шолохова «Тихий Дон» 0,10; Дон-батюшка 0,03;

Индивидуальные семы: Дон-дедушка; «Донские рассказы» М. Шолохова.

10. Симиляры и оппозиты

При наличии указываются симиляры (графа *То же, что*) и оппозиты топонима или гидронима (графа *Противоположно*), например,

ВОРОНЕЖ. То же, что столица Черноземья 0,01.

Приведем пример психолингвистического описания топонима ДОН.

Ассоциативное поле

ДОН 278: река 34; казак 22; казаки 14; Ростов 13; пиво, «Тихий Дон», Шолохов 9; бабушка, Ростов-на-Дону, тихий 8; Воронеж 7; комбайн 6; великий 5; мощь, Россия, рыба, рыбка, сом, Украина 3; главный мафиози, глубоко, глубокий, донские казаки, красота, Лиски, пианино, Семилуки, Хопер 2; Азовское море, анатомия, белые холмы, берег, большая река, большой, большой простор, много воды, бурный, вода, Волго-Донской канал, воля, глубина, дедушка, Дмитрий Донской, дно, дол-дон, дом, дон Карлос, дон-дон, «Донские рассказы», дорога через мост, Жуан, К-701, кавалер, казачество, Корлеоне, картон, катер, комбайнер, корабль, Кортес, красивые пейзажи, закат, Кубань, Куликовская битва, купи; место, где живут казаки; могучий, монастырь, мост, огромный, отец, Педро, пляж; приятно купаться, мечтать; произведение, простор, пространство, равнина, развлечение, река в России, речка, родина, родина родителей, рожь, Ростов-на-Дону (дядя), Ростовская область, русский, сильное течение, сон, «Сталинград на Дону», степь, Танаис, теплый, неглубокий, течет, теща, ужас, федеральная трасса, фильм, Хуан, что-то глубокое (дно), чудесно, широкий, Шолоховский Дон 1; отказ 14.

Психолингвистическое значение

1. Река 0,14; в России 0,02; протекает через Воронежскую область 0,03; через Ростовскую область 0,10; раньше по территории Украины 0,01; является местом поселения казаков 0,14; в ней много рыбы 0,03; большая 0,02; глубокая 0,01; красивая 0,01; великая 0,02; имеет сильное течение 0,02;

(*менее 0,01*) имеет приток Хопер; судоходная; по берегам белые холмы; является родной; является местом, где живут родственники; является местом Куликовской битвы;

(*индивидуальные семы*) протекает через Кубань; впадает в Азовское море; соединена с рекой Волгой Волго-Донским каналом; течет по равнине; течет по степи; неглубокая, теплая, широкая, полноводная; на ее берегах выращивают рожь; на ее берегу много монастырей; через нее наведены мосты; есть много пляжей; является местом отдыха; являлась местом битвы во время Великой Отечественной войны под Воронежем; за победу Дмитрий Донской получил свое прозвище; ассоциируется с вольным духом; в древнегреческой культуре называлась Танаис; изображен в художественных фильмах; вызывает ужас, нравится.

Одобрительное 0,10;

Неэмоциональное

СИЯ 0,68

2. Комбайн 0,03;

(*индивидуальные семы*) есть разновидность К-701; можно купить; используется для сбора урожая ржи.

Неоценочное

Неэмоциональное

СИЯ 0,04

3. Это, например, дон Корлеоне 0,01;

(*индивидуальные семы*) мужчина; это, например, дон Карлос, Дон Жуан, Кортес, дон Педро, Хуан.

Неоценочное

Неэмоциональное

СИЯ 0,03

4. (*менее 0,01*) Звук.

Неоценочное

Неэмоциональное

СИЯ менее 0,01

Фразы 0,18: роман М. Шолохова «Тихий Дон» 0,10; Дон-батюшка 0,03; пиво «Дон» 0,03; фирма «Дон Картон» 0,01;

(*менее 0,01*) пианино «Дон»;

(*индивидуальные семы*) Дон-дедушка; «Донские рассказы» М. Шолохова.

Не интерпретируются 2: *сон, анатомия*

Не актуально 0,05

Индекс освоенности слова 0,95

Аналогично возможно создание Фразеологического психолингвистического толкового словаря (далее – ФПТС). Определим его тип и назначение.

По характеру отражения семантической информации ФПТС относится к толковым словарям семно-семемного типа, так как в нем представлена как семная структура отдельного значения, так и семантема фразеологического оборота в целом. По характеру описания семантики слова ФПТС является словарем общезыкового описательного типа (описывает обобщенное языковое сознание носителей языка – опрошены испытуемые разного возраста и пола, разных сфер деятельности). ФПТС относится к комплексным словарным изданиям, так как включает в свой состав информацию разного типа – ассоциативные поля стимулов, толкования фразеологических единиц. ФПТС является одноязычным словарем – в нем представлены данные только одного языка (русского).

Необходимость создания ФПТС определяется наличием в современном русском языке большого пласта фразеологических единиц, которые нуждаются в частом объяснении их значений и правил

употребления при отсутствии достаточно полного отражения их семантики в имеющихся словарных изданиях.

Данные ФПТС позволяют выявить: 1) уровень знания значений коммуникативно релевантных фразеосочетаний современным языковым сознанием; 2) реальный объем значений этих слов в современном языковом сознании носителей языка; 3) тенденции развития современной семантики, тенденции развития языкового сознания на современном этапе.

ФПТС относится к справочным изданиям. В отличие от традиционного фразеологического словаря, в нем не указывается информация «нелексического» характера (особенности произношения, грамматическая характеристика фразеологизма и др.), если она не актуализирована испытуемыми.

ФПТС будет интересен лингвистам, психолингвистам, преподавателям русского языка, в том числе русского как иностранного, создателям учебных пособий для обучения языку, лингвокультурологам, обычным носителям языка. Он является словарем реального языкового сознания на данном этапе развития общества, показывает яркость и иерархию в семанте отдельных значений, актуальность и неактуальность для народа отдельных значений на конкретном этапе развития общества.

Представим основные структурные части Словаря: 1) предисловие (включает информацию о предназначении словаря, методику описания психолингвистических значений фразеологических выражений, информацию об отличительных особенностях словарного издания от подобных традиционных фразеологических словарей, описание структуры словарной статьи, используемые в словаре количественные показатели и др.); 2) общий список словарных статей с указанием их авторов; 3) словарные статьи; 4) список научной литературы, посвященной проблемам описания семантики фразеологических единиц.

Опишем структуру словарной статьи Фразеологического психолингвистического толкового словаря: 1) интегрированное лексикографическое значение фразеологизма; 2) историческая справка; 3) ассоциативные поля фразеологических выражений, полученные свободным ассоциативным экспериментом, с указанием источника ассоциативного материала, количества испытуемых и года проведения эксперимента; 4) краткое психолингвистическое толкование каждого значения (с опорой на 3-5 наиболее ярких сем); 5) развернутое психолингвистическое толкование значения по результатам экспериментов с указанием индекса яркости каждого семантического компонента; 6) симилары: *то же, что...* (если есть); 7) оппозиты: *противоположно...* (если есть); 8) «фразы», в состав которых входит стимул-фразеологизм (типовая сочетаемость, прецедентные тексты, коммуникативные реакции на стимул и др.); 9) совокупный индекс яркости

каждого значения; 10) пример употребления фразеосочетания в данном значении (если это возможно); 11) комментарий автора словаря.

Если у фразеосочетания несколько значений, то они приводятся в порядке убывания совокупного индекса яркости каждого значения (СИЯ). При одинаковом СИЯ нескольких значений они приводятся в словаре в произвольном порядке, поскольку их иерархия в языковом сознании не выявляется.

В конце психолингвистического описания значения фразеосочетания приводятся неинтерпретированные реакции (*не интерпретировано*) и число отказов испытуемых (*не актуально*).

При описании психолингвистического значения фразеологизма приводятся сформулированные исследователем семы, а в скобках – обобщенные соответствующей семой реакции с указанием их частотности в абсолютных цифрах.

Семантические компоненты, сформулированные в результате семной интерпретации ассоциативных реакций, приводятся в следующей последовательности:

- архисема (с реальным индексом яркости; если ее нет среди реакций, она формулируется исследователем и приводится курсивом в скобках);

- дифференциальные семы по убыванию индекса яркости; они отделяются друг от друга точкой с запятой; семы с одинаковым индексом яркости приводятся в виде перечисления в произвольном порядке, определяемом исследователем, поскольку их иерархия в языковом сознании не выявляется;

- единицы метаязыка, необходимые для формулирования связной дефиниции значения, если они не выявляются непосредственно из реакций в эксперименте, формулируются исследователем и приводятся в квадратных скобках;

- общеоценочные и эмоциональные семы приводятся в конце дефиниции в обобщенном виде (*вызывает неодобрение, вызывает одобрение; вызывает негативные чувства, вызывает позитивные чувства*).

В словаре используются следующие количественные показатели:

- индекс яркости семантического компонента (ИЯ) отражает относительную яркость семантического компонента в структуре значения; вычисляется как отношение количества испытуемых, актуализировавших данный семантический компонент в эксперименте, к общему числу испытуемых;

- совокупный индекс яркости значения (СИЯ) отражает яркость отдельного значения в языковом сознании; вычисляется как сумма индексов яркости отдельных семантических компонентов, образующих структуру значения фразеологизма (при расчете СИЯ значения не учитываются фразы, не интерпретированные реакции и отказы).

Образец словарной статьи

ДАРЫ ДАНАЙЦЕВ

Интегрированное лексикографическое значение

1. *Книжн.* Дар, причиняющий зло, несущий опасность, гибель кому-либо.
2. *Книжн.* Лесть, лживое заискивание.

Историческая справка

Из выражения в «Энеиде» Вергилия: «Боюсь данайцев, даже когда они приносят дары» – слова троянца Лаокоона, убеждавшего своих сограждан не ввозить в Трою оставленного данайцами, т.е. греками, громадного деревянного коня, в котором, как оказалось после, скрыты были вооруженные воины.

Ассоциативное поле

ДАРЫ ДАНАЙЦЕВ 125: подарки 7; подарок; предательство 6; обман; опасность 5; опасный подарок; подвох 4; подношения 3; бойтесь данайцев, дары приносящих; коварные дары; подношение; фрукты 2; бабки; безудержное веселье; благо; взятка; делать что-то во благо, но получить отрицательный результат; еда; земля, лягушка, стрелы; золото на подносе; золото, сокровище; Илиада, Гомер; какие-то блага, которые вам подарили; какие-то дары; коварные дары с целью предательства; коварные подарки; коварство; Коринф; красивые; лор (как элемент истории вымышленного мира); лучше не брать; младенец; неодобрение; неприятности; нечто безвозмездное; овощи; опасение; опасная интрига; опасный подхалим; осторожно; подарки комиссии на госах; подарки просто так; подарки старой империи; подарок несущий опасность; подаяние; подлог; подстава; помощь, которая в итоге обернется проблемами или бедой; правда; предупреждение об обмане; приз; радость; рыба; страшная еда; Троянская война, Одиссей; троянский конь; удача; урожай; фразеологизм; хитрость; хитрые люди; хорошие подарки; хрень какая-то; ценное; что-то дали, подарок; чукчи; шкуры; яблоки 1; отказ 20.

*Психолингвистическое значение***1. Опасный подарок**

Подарок 0,31 (подарки 7; подарок 6; опасный подарок 4; подношения 3; коварные дары 2; подношение 2; взятка; какие-то блага, которые вам подарили; какие-то дары; коварные дары с целью предательства; коварные подарки; нечто безвозмездное; подарки комиссии на госах; подарки просто так; подарки старой империи; подарок несущий опасность; подаяние; приз; хорошие подарки; что-то дали, подарок), **в виде денег 0,02** (бабки; взятка), **золота 0,02** (золото; золото на подносе), **помощь 0,01** (помощь, которая в итоге обернется проблемами или бедой), **опасный 0,14** (опасность 5; опасный подарок 4; лучше не брать; опасение; опасная интрига; опасный подхалим; осторожно; подарок несущий опасность; страшная еда; делать что-то во благо, но получить отрицательный результат); **приносит неприятности 0,02** (неприятности; помощь, которая в итоге обернется проблемами или бедой); **[со стороны дарителя] предполагает предательство, коварство 0,11** (предательство 6; коварные дары 2; коварные дары с целью предательства; коварные подарки; коварство; опасный подхалим; хитрые люди; хитрость), **преподносится с целью ввести в заблуждение 0,10** (обман 5; подвох 4; подлог; подстава; предупреждение об обмане); **вызывает неодобрение 0,02** (неодобрение; хрень какая-то).

То же, что троянский конь 0,01 (троянский конь)

СИЯ 0,76

2. Подарок (контаминация со словом «дары»)

Подарок 0,30 (подарки 7; подарок 6; опасный подарок 4; подношения 3; коварные дары 2; подношение 2; какие-то блага, которые вам подарили; какие-то дары;

коварные дары с целью предательства; коварные подарки; нечто безвозмездное; подарки комиссии на госах; подарки просто так; подарки старой империи; подарок несущий опасность; подаяние; приз; хорошие подарки; что-то дали, подарок), **бывает ценный 0,02** (ценное, сокровище), **красивый 0,01** (красивые); например, **золото 0,02** (золото, золото на подносе сокровище), **деньги 0,01** (бабки); **шкура зверя 0,01** (шкурры), **еда 0,06** (фрукты 2; еда; овощи; рыба; страшная еда; урожай; яблоки); **вызывает радость 0,02** (безудержное веселье; радость), **приносит удачу 0,01** (удача), **вызывает одобрение 0,02** (благо; хорошие подарки).

СИЯ 0,48

3. В древнегреческой мифологии дары

В древнегреческой мифологии 0,03 (Коринф; Илиада, Гомер; лор (как элемент истории вымышленного мира); Троянская война, Одиссей) **дар 0,30** (подарки 7; подарок 6; опасный подарок 4; подношения 3; коварные дары 2; подношение 2; какие-то блага, которые вам подарили; какие-то дары; коварные дары с целью предательства; коварные подарки; нечто безвозмездное; подарки просто так; подарки старой империи; подарок несущий опасность; подаяние; помощь, которая в итоге обернется проблемами или бедой; приз; хорошие подарки; что-то дали, подарок), **в виде коня 0,01** (троянский конь), **преподнесенный греками троянцам 0,01** (Троянская война, Одиссей), **по совету Одиссея 0,02** (Троянская война, Одиссей; хитрость).

СИЯ 0,37

Фразы 0,02: цитата из поэмы Вергилия «Энеида» – «бойтесь данайцев, дары приносящих» 0,02 (бойтесь данайцев, дары приносящих 2)

Метаязыковая сема: является фразеологизмом 0,01 (фразеологизм)

Не интерпретируются 4: земля, лягушка, стрелы; младенец; правда; чукчи

Не актуально (отказ 20): 0,16

Комментарий

Психолингвистическая семантема фразеологизма ДАРЫ ДАНАЙЦЕВ включает три семемы (в отличие от лексикографической семантемы, состоящей из двух значений).

В ядре психолингвистического значения находится семема «Опасный подарок» (СИЯ 0,76), соответствующая «фразеологическому значению» данного выражения. Она содержит симилятивную сему – троянский конь. К ближней периферийной зоне относится семема «Подарок» (СИЯ 0,48), представляющая собой контаминированное значение (реакция на слово «дары»). Дальнюю периферию составляет семема «В древнегреческой мифологии дары» (СИЯ 0,37), указывающая на источник фразеологического оборота – древнегреческую мифологию. Крайняя периферия значения отсутствует.

Вторая лексикографическая семема «Лесть, лживое заискивание» в эксперименте не вербализована, что свидетельствует о ее малой актуальности для современного языкового сознания носителя языка.

Представления о семантике устойчивых выражений в языковом сознании обычных людей обычно не совпадают с информацией, представленной в лексикографических источниках, что требует внимательного анализа специалистами, разрабатывающими методы обучения носителей русского языка как родного и русского языка как иностранного.

Разработанная нами методика позволяет создать и иные тематические психолингвистические словари (словарь наименований лиц по какому-либо признаку, словарь наименований цвета, словарь сниженной и грубой лексики, словарь жаргонной лексики, словарь новых слов, словарь иностранных слов, словарь терминов и др.). Лексикографическое описание психолингвистического значения слов позволяет представить реальный семантический объем слова в языковом сознании носителей языка.

3.3. Выводы

Исследование показывает, что на сегодняшний день активно формируется новое направление в лексикографии – психолингвистическая лексикография, которая фиксирует семантику языковых единиц, представленную в языковом сознании носителей языка, по результатам экспериментальных исследований.

Основные отличия психолингвистических и традиционных толковых словарей:

1. Словари содержат разные типы значений: в толковом словаре традиционного типа представлено лексикографическое значение слова, в психолингвистическом толковом словаре – психолингвистическое значение.

В толковом словаре представлен лексикографический конструкт (лексикографическое значение слова, которое составлено по личному опыту лексикографа и соответствует речевому употреблению, обычно письменному, литературно-художественному), психолингвистический словарь содержит психологически реальное значение данного слова (семантический конструкт; психолингвистическое значение).

2. Существующие на данный момент толковые словари представляют ограниченный по какому-либо критерию словник и семемы лексем (обычно нормированные лексические единицы и их семемы), в психолингвистическом словаре данное ограничение устранено – лексемы описаны с теми семемами, которые являются актуальными для носителей русского языка, в словаре приводятся также индивидуальные и «ложные» (с точки зрения лингвиста) семы и семемы.

3. Словарная статья психолингвистического словаря содержит дополнительную информацию, важную для носителя языка, но по каким-либо причинам (объем словаря, этические требования и др.) отсутствующую в «обычном» толковом словаре: релятивную, коннотативную, метаязыковую части.

4. Базой для формулирования психолингвистического значения являются результаты свободного ассоциативного эксперимента. Базой

традиционного толкового словаря обычно являются текстовые примеры словоупотребления, а также личный лингвистический опыт лексикографа.

Психолингвистические словари могут быть классифицированы по следующим критериям:

I. По типу представленной информации:

1. *Ассоциативные словари* – словари, описывающие ассоциативно-вербальную сеть какой-либо группы носителей языка.

2. *Психолингвистические семантические словари* – словари, содержащие перечисление сем и/или семем, актуализованных в ходе психолингвистических экспериментов в виде ассоциатов, субъективных дефиниций или материалов лингвистических опросов:

1) *ассоциативные семантические словари* (словари, описывающие ассоциативно-вербальную сеть носителей языка с минимальной – по некоторым основаниям – семантической классификацией реакций):

- ассоциативные семные словари;

- ассоциативные семемные словари;

2) *психолингвистические толковые словари* (словари, основывающиеся на материале психолингвистических экспериментов и содержащие перечисление сем и/или семем исследованных слов-стимулов); подобные словари также можно назвать семно-семемными словарями.

II. По отражаемому в описании языковому сознанию:

1. *Психолингвистические общие (общенародные) словари* – словари, фиксирующие общее языковое сознание носителей языка без какой-либо групповой дифференциации.

2. *Психолингвистические групповые словари* – словари, фиксирующие языковое сознание отдельных групп испытуемых (по полу, возрасту, территории и др.).

III. По характеру описания семантики слова:

1. *Психолингвистические интегральные (описательные) словари* – словари, описывающие обобщенное языковое сознание носителей языка, объединяющие результаты экспериментов с представителями разных групп.

2. *Психолингвистические дифференциальные (сопоставительные) словари* – словари, содержащие параллельные дифференциальные описания семантики одного слова в разных группах носителей языка: гендерный психолингвистический словарь, возрастной психолингвистический словарь, региональный психолингвистический словарь, профессиональный психолингвистический словарь, темпоральный психолингвистический словарь и др.

IV. По типу положенного в основу словаря экспериментального материала:

1. *Психолингвистические моноэкспериментальные словари* – словари, основанные на материале одного психолингвистического эксперимента (например, только свободного ассоциативного эксперимента).

2. *Психолингвистические комплексные (полиэкспериментальные) словари* – словари, в основе которых лежат материалы двух и более экспериментов (например, словари, включающие данные свободного и направленного ассоциативных экспериментов, свободного ассоциативного эксперимента и метода субъективных дефиниций и др.).

V. По полноте представленной лексикографической информации:

1. *Интегральный толково-психолингвистический словарь* – словарь, который содержит наиболее полное описание значения слова (все три типа значения: лексикографическое, контекстуальное, психолингвистическое).

2. *Словарь языкового сознания (собственно психолингвистический толковый словарь)* – словарь, в котором приводятся только выявленные и верифицированные психолингвистическими экспериментами значения, включая индивидуальные и рецептивные.

VI. По типу лексики, представленной в словарном источнике:

1. *Психолингвистические словари онимов* – словарь содержит описание семантики собственных имен

2. *Психолингвистический словарь апеллятивов* – словарь содержит описание семантики нарицательных имен.

VII. По типу представленной в словарном источнике хронологической информации:

1. *Психолингвистический статический словарь* – словарь содержит описание языкового сознания носителей языка одного временного периода.

2. *Психолингвистический динамический (темпоральный) словарь* – словарь содержит описание языкового сознания носителей языка двух и более временных периодов.

Разработан и апробирован общий алгоритм создания психолингвистического семантического словаря и структура его словарной статьи, показаны вариативные возможности построения словарной статьи дифференциальных психолингвистических словарей.

Заключение

Накопление большого количества работ, изучающих семантику слова экспериментальными методами, дало толчок к появлению психолингвистического направления в лингвистике.

Представленная в монографии семантико-психолингвистическая концепция описания семантики слова позволила обосновать новое направление лингвистики – психолингвистическую семасиологию. В исследовании определены основные отличительные черты психолингвистической семасиологии, сформулированы методы и принципы психолингвистического описания значения слова, предложена психолингвистическая модель описания значения слова.

Выделение психолингвистической семасиологии как отдельного направления обосновано наличием у него существенных отличий от традиционной семасиологии: собственный терминологический инструментарий, особые принципы и методы в описании структуры и содержания значения слова в языковом сознании носителей языка, иные способы лексикографического представления. Традиционная семантика в основном базируется на выделении семантических компонентов значения из речевых употреблений, формулировании их исследователями и лексикографами. Определение сем и семем в рамках психолингвистической семасиологии на метаязыковом уровне представляет собой интерпретацию результатов психолингвистических экспериментов и лингвистического интервьюирования, что позволяет, с одной стороны, адаптировать психолингвистическую семантику к традиционным семантическим представлениям о значении слова, с другой – объективно отразить наиболее глубокое семантическое содержание лексической единицы в языковом сознании носителя языка.

Основным понятием психолингвистической семасиологии является понятие психолингвистического значения слова. В работе уточнено данное понятие: психолингвистическое значение слова понимается как упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка на определенном этапе развития общества, в определенный временной период, и которые выявляются и описываются по результатам психолингвистических экспериментов. Психолингвистическое значение в максимально полном объеме отражает реально представленное в сознании носителей языка значение слова.

Отличительными чертами психолингвистического значения являются изменчивый характер семантического содержания, его более глубокий объем, полевая структура значения, наличие внешней периферии значения как его отдельной семантической области.

В рамках психолингвистической семасиологии эффективна двухуровневая модель описания психолингвистического значения: семемный и семный уровни описания, в отличие от традиционных семасиологических исследований, в которых обычно используется один из уровней. Психолингвистическое описание позволяет рассматривать значение слова комплексно, сочетая оба подхода (семно-семемный).

Психолингвистика выступает в работе как наука, позволяющая приблизить описание семантики слова к психологической реальности, описать психологически реальное значение языковой единицы в единстве его ядра и обширной периферии. Психолингвистические методы дают возможность получить доступ к периферийной части значения слова.

Психолингвистическое описание значения слова предполагает полевое представление семантемы в единстве ядерных и периферийных семем многозначного слова и полевое представление каждой описываемой семемы. Психолингвистическое описание семантики слова позволяет объективно выявить наиболее актуальные, менее актуальные и неактуальные для языкового сознания значения и его семантические компоненты.

Психолингвистическое описание позволяет выявить степень яркости семем в семантеме и степень яркости сем в структуре значения. Психолингвистическая семасиология полностью подтверждает полевую организацию семантики слова, которая распространяется на семантему и семему. При этом периферийные значения и периферийные компоненты семантики слова оказываются обязательной и неотъемлемой частью значения в языковом сознании носителя языка.

Периферия значения слова играет особую роль в значении, она интегрирует значение со знанием; интегрирует семантику языковых единиц с содержанием номинируемых ими концептов; в значительной степени интегрирует значение с культурой; обеспечивает основной потенциал семантического варьирования слова в речи как в синхронии, так и в перспективе семантического развития; обеспечивает семантическую дифференциацию многих близких по семантике лексических единиц; содержит семантические компоненты, обеспечивающие системные отношения единицы в языке и др.

Психолингвистический подход к значению подтверждает единство и распределение функций языкового, энциклопедического и коммуникативного в слове:

- ядро семантики слова содержит общеизвестные семантические компоненты с высоким индексом яркости и образует общезыковое, системное значение слова;

- периферия семантики слова содержит семантические компоненты с разной степенью актуальности и известности для носителей языка, групповые и индивидуальные семантические компоненты,

энциклопедическую, культурную, групповую и индивидуальную информацию.

Психолингвистическое описание семантики слова подтверждает единство семантики и знания о предмете. Эти компоненты в семантике слова неразделимы.

Доступ к языковому сознанию носителей языка может быть получен с помощью психолингвистических экспериментов, результаты которых и становятся объектом исследования и обобщения ученых.

Практика психолингвистического описания семантики слова показывает, что наиболее эффективными психолингвистическими методами получения экспериментальных данных для исследования психолингвистического значения слова являются свободный ассоциативный эксперимент, направленный ассоциативный эксперимент и метод субъективных дефиниций.

Для исследования значения слова в рамках психолингвистической семасиологии возможно использование данных как одного из экспериментальных методов, так и их сочетания. Результаты нескольких экспериментальных методик могут быть интегрированы в единое психолингвистическое описание значения слова.

Каждая экспериментальная методика позволяет получить определенный вид семантической информации о слове, использование разных методик дополняет и уточняет психолингвистический материал.

Основной метод психолингвистической семасиологии – метод семантической интерпретации результатов экспериментов. Он позволяет соотнести экспериментальные данные с системой понятий традиционной семасиологии. Метод семантической интерпретации может быть применен к экспериментальному материалу, полученному любым психолингвистическим методом.

Семантическую интерпретацию предваряет метод обобщения экспериментальных реакций, который предполагает объединение разных ассоциатов (ответов), вербализующих один семантический признак или семему: близкие по семантике ассоциативные реакции, по-разному называющие один и тот же семантический компонент, объединяются, формулируется метаязыковое обозначение соответствующей семы, а их частотность суммируется и указывается как частотность актуализации в эксперименте данной семы. При использовании результатов нескольких психолингвистических методов используется метод интеграции данных разных экспериментов, при этом данные разных экспериментов, вербализующие один семантический признак, рассматриваются как объективации одного семантического компонента.

Метод семантической интерпретации экспериментальных данных реализуется в двух разновидностях – на уровне семем (семемная интерпретация) и на уровне сем (семная интерпретация). Семемная

интерпретация заключается в объединении ассоциативных реакций, объективирующих отдельные значения в семантеме слова-стимула, и установлении отдельных значений слова, актуализованных в эксперименте. Семемная интерпретация позволяет определить количество разных семем, реально представленных в материалах эксперимента. Семная интерпретация полученных реакций предполагает осмысление полученных ассоциаций как языковых репрезентаций семантических компонентов слова-стимула.

Для описания значения слова в языковом сознании носителей языка был разработан алгоритм психолингвистического описания значения слова, который включает в себя ряд процедур: 1) определение экспериментального материала, на базе которого будет осуществлено описание психолингвистического значения (проведение эксперимента, формирование ассоциативного поля стимула); 2) семемная дифференциация ассоциативных реакций; 3) семная интерпретация ассоциатов; 4) параметрическое описание семем психолингвистического значения слова по психолингвистической модели; 5) полевая стратификация семем в рамках исследуемой семантемы.

Разработана психолингвистическая модель описания значения, в соответствии с которой в семной структуре каждой отдельной описываемой семемы выявляются и фиксируются все актуализированные типы сем в установленном данной моделью порядке. Дефиниция семемы представляется в связной формулировке с учетом яркости каждой отдельной семы.

Создание психолингвистической модели описания значения слова позволило разработать типологию психолингвистических сем. При описании психолингвистического значения слова используются как типы сем, применяемые в традиционной семасиологии (архисема, денотативные дифференциальные семы, коннотативные семы и др.), так и типы психолингвистических сем (констатирующие, символические, мифологические, системообразующие, типизированные, прецедентные, идентификационные, сочетаемостные, коммуникативные, метаязыковые).

Для представления психолингвистических значений слов могут быть использованы вариативные виды модели, смоделированные для отдельных классов языковых единиц с учетом их специфики (слов отдельной части речи, ЛСГ в пределах одной части речи, синонимических рядов, тематических групп и др.).

Установлено, что психолингвистическому описанию доступны как знаменательные части речи, так и служебные.

В монографии сформулирован *принцип субъективности семантической интерпретации ассоциаций* (принцип ситуативной зависимости семантической интерпретации экспериментального материала). Верификационные эксперименты снижают долю

субъективности при интерпретации экспериментальных данных. Для повышения объективности психолингвистического описания значения в работе предложен ряд верификационных процедур.

Психолингвистическое описание значений подтверждает, что существует реальная семантическая специфика в гендерном, возрастном и региональном аспектах семантики слова. Групповая специфика значений – семантическая реальность, которая определяется на уровне семем и сем: есть гендерные семы и семемы, возрастные семы и семемы, территориальные семы и семемы. Эти виды специфики семантики слова являются реальностью языкового сознания и могут быть описаны в рамках семно-семемной семасиологии, в том числе и в словарной форме.

Яркой отличительной чертой психолингвистической семасиологии является возможность выделения и описания контаминированных значений, которые в традиционной лингвистике рассматриваются как ложные, не соответствующие реальности. Контаминированные значения могут иметь как групповой, так и индивидуальный характер.

При психолингвистическом подходе к значению слова любопытно раскрывается проблема оценочности. Важным признаком психолингвистического значения является возможный амбивалентный характер оценочности: в значении могут сочетаться положительная и отрицательная оценки одновременно, оценочность слова может различаться по яркости в структуре значения, один вид оценки может преобладать. Психолингвистические методы позволяют достаточно точно определить оценочность значения через фиксацию оценочности ассоциативных реакций. Также в психолингвистическом значении могут одновременно присутствовать антонимичные семы (обычно в периферийной зоне значения). Возможность сосуществования в психолингвистическом значении противоположных оценок и антонимических сем может быть названа *семантической амбивалентностью психолингвистического значения*.

Установлено, что для носителя обыденного языкового сознания в языке омонимия отсутствует. Ассоциативные реакции испытуемых на многозначность и омонимичность в ходе экспериментов никак не дифференцируются. Это свидетельствует о том, что испытуемые, очевидно, считают все значения проявлением многозначности звуковой оболочки слова. Таким образом, понятие омонимии является чисто интерпретационным филологическим понятием, у которого в языковом сознании отсутствует реальная база.

Психолингвистическое описание дает возможность семантически дифференцировать трудно различимые синонимы, описать семантику собственных имен.

Психолингвистическое описание значения позволяет также получить дополнительные данные о некоторых традиционно выделяемых

семантических компонентах слова. Так, архисема часто не осознается языковым сознанием, она для сознания не является яркой и в эксперименте далеко не всегда выявляется. Это говорит о том, что для языкового сознания архисема может не быть главной, опорной семой значения (в отличие от традиционной семасиологии). Что касается дифференциальных сем, то, как показывает анализ, они могут быть не только периферийными, но и ядерными.

Функциональные компоненты семантики слова далеко не всегда осознаются носителями языка и редко актуализируются в эксперименте. Это говорит о том, что функциональные семы в большинстве случаев менее осознаваемая часть семантики слова, ее периферийная часть. Функциональный компонент – особый компонент семантики, формирующийся особыми языковыми механизмами (практикой употребления, коммуникации), эти семы, очевидно, хранятся в сознании отдельно от денотативной и коннотативной семантики слова и могут в актуальном языковом сознании носителя языка отсутствовать или оставаться периферийными. Можно предположить, что периферийный статус функциональных компонентов значения слова обусловлен низкой культурой речи носителей языка – функциональные компоненты ими не осознаются, люди их не знают, не чувствуют и поэтому не актуализируют в эксперименте и не опираются на них в речи.

При описании психолингвистического значения слова в монографии предложен ряд количественных показателей: индекс яркости семантического компонента, индекс совокупной яркости значения, индекс семного совпадения значений, индекс семной дифференциации значений, совокупная яркость интегральных сем, совокупная яркость дифференциальных сем, индекс синонимичности лексем. Предложенные для анализа индексы шкалы позволяют качественно интерпретировать полученные количественные показатели.

В рамках психолингвистической семасиологии возможно построение психолингвистической лексикографии, отражающей в виде словарных статей психолингвистических словарей разных типов результаты семантической интерпретации экспериментальных данных.

Принципы подачи семантического материала в психолингвистических лексикографических источниках имеют ряд отличительных черт по сравнению с ассоциативными и иными словарями, основное из которых – указание степени яркости отдельных семантических признаков и отдельных значений.

В рамках психолингвистической лексикографии возможно создание как общего психолингвистического словаря, отражающего общенародное языковое сознание, так и групповых психолингвистических словарей, включающих данные о специфике языкового сознания отдельных групп носителей языка (гендерных, возрастных, профессиональных,

региональных и др.). Возможно также создание психолингвистических словарей собственных имен и темпоральных словарей.

Дифференцированное описание психолингвистического значения слова может стать предметом сопоставительной психолингвистической лексикографии.

В монографии представлена разработанная автором классификация психолингвистических словарей; сформулированы общие принципы лексикографической фиксации психолингвистического значения слова; разработаны принципы лексикографической фиксации значения слова в психолингвистических семантических словарях разного типа (гендерных, возрастных, профессиональных, региональных, динамических и др.); представлены образцы словарных статей таких психолингвистических словарей, как психолингвистический толковый словарь частотной лексики, гендерный психолингвистический словарь, возрастной психолингвистический словарь, региональный психолингвистический словарь, психолингвистический словарь собственных имен, психолингвистический словарь синонимов, психолингвистический темпоральный словарь, фразеологический психолингвистический словарь.

Основной целью исследования являлась попытка показать, что лексическое значение нужно и можно изучать как феномен языкового сознания с использованием психолингвистических методов как особый тип значения – психолингвистическое значение, и его можно представить в словарной форме в виде психолингвистических словарей разных типов, что существенно обогатит наши представления о слове и его функционировании.

Выдвинутая гипотеза исследования о том, что *семантика слова в языковом сознании носителей языка существенно объемней и глубже, чем она отражается в традиционных лексикографических описаниях и фиксируется в текстах и может быть описана в виде упорядоченной совокупности семем и семантических компонентов с использованием комплекса психолингвистических методов, что позволяет представить значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка и зафиксировать его в словарях нового типа – психолингвистических семантических словарях*, по итогам проведенного исследования полностью подтвердилась.

Список использованной литературы

Абдуллаева Ф.Э. Проявление эмотивности в семантике бионимов (на материале русского и китайского языков) / Ф.Э. Абдуллаева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – Т. 13. – № 4. – С. 37-43.

Аверкова О.В. Семантика слова «баба» в сознании носителя русского языка в начале XXI века / О.В. Аверкова, А.А. Хромых // Вклад современных молодых ученых в науку будущего: сборник трудов Международной молодежной мультидисциплинарной научно-практической конференции (Международный исследовательский центр «Научное сотрудничество»; Под общ. ред. О. П. Чигишевой. – Ростов-на-Дону: Науч. сотрудничество, 2015. – С. 7-16.

Агапова В.В. Ассоциативный эксперимент в рамках исследования публичной политики: теоретический аспект и опыт пилотажного применения / В.В. Агапова, А.Д. Гаврилов // Мир современной науки. – 2017. – № 6 (46). – С. 45-47.

Адамова З.Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. ... канд. филол. наук / З.Г. Адамова. – Тверь, 2006. – 212 с.

Адонина Л.В. Концепт «Женщина» в русской языковой сознании: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Адонина. – Воронеж, 2007. – 246 с.

Акимов А.И. Лексическая и словообразовательная синонимия (на материале суффиксальных отсубстантивных глаголов): дис. ... канд. филол. наук / А.И. Акимов. – Бийск, 2002. – 182 с.

Акованцева Н.В. Интегральное ассоциативное поле «Отдых» в русском языке / Н.В. Акованцева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 8-11.

Акованцева Н.В. О понятии ассоциативного кластера / Н.В. Акованцева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: материалы IV Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 26-27 октября 2018 г.) / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО Издательство РИТМ, 2018. – С. 3-5.

Акованцева Н.В. Психолингвистическое значение лексемы отдых / Н.В. Акованцева // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 2. – С. 118-130.

Акованцева Н.В. Разграничение близких значений экспериментальными методами / Н.В. Акованцева, И.А. Стернин, Т.В. Тимошина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – №2. – С. 5-8.

Алаа Э.Б. Толерантность. Субъективное дефинирование термина / Э.Б. Алаа // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2015. – №3 (19). – С. 1-6.

Алексеева В.Н. Ассоциативное поле советизмов 1920-1930-х гг. (на материале англоязычных изданий романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова): дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Алексеева. – Ярославль, 2016. – 170 с.

Алимжанова Т.В. Ассоциативный эксперимент как начальный этап проектирования работы по гражданско-патриотическому воспитанию школьников / Т.В. Алимжанова, Е.А. Полева // Наука и образование. – 2013. – С. 21-26.

Алымова Е.Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Алымова. – СПб., 2007. – 17 с.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. I: Лексическая семантика (синонимические средства языка). – 2-е изд., испр. и доп. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола: монография / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1965. – 256 с.

Арутюнова К.Р. Психофизиологический анализ закономерностей актуализации индивидуального опыта при моральной оценке действий: автореф. дис. ... канд. психол. наук / К.Р. Арутюнова. – М., 2017. – 28 с.

Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова; Отв. ред. Г.В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

Атланова Е.О. Экспериментальное исследование значения слова гламурный в языковом сознании носителей русского языка / Е.О. Атланова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – №5. – С. 82-83.

Ахметзянова Л.М. Антропонимы в художественных текстах Д. Хармса: структурно-семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Л.М. Ахметзянова. – Казань, 2009. – 21 с.

Ахметзянова Л.М. Проблема семантики имени собственного / Л.М. Ахметзянова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – №1. – С. 50-56.

Ахметова Л.А. Глагольный способ репрезентации концепта «Движение» в языковом сознании носителей немецкого языка (по материалам направленного ассоциативного эксперимента) / Л.А. Ахметова // Филология и культура. – 2015. – № 4 (42). – С. 29-34.

Ахметьев И.А. Использование семантического дифференциала в маркетинговых исследованиях / И.А. Ахметьев // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. – 2015. – № 3. – С. 28-33.

Баженова И.В. Актуальные проблемы лингвистической безопасности [Текст] / И.В. Баженова, В.А. Пищальникова. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2015. – 150 с.

Балашова Е.А. Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов (социолингвистический подход): дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Балашова. – Пермь, 2005. – 266 с.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ред. Р.А. Будагов. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

Балясникова О.В. «Конфликтотенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии / О.В. Балясникова, Н.В. Уфимцева // Вестник

Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 28-40.

Балясникова О.В. Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтогенного текста / О.В. Балясникова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – Т. 13. – №4. – С. 22-27.

Балясникова О.В. Языковое сознание: региональный аспект / О.В. Балясникова, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Н.Л. Чулкина // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2018. – №2. – С. 232-250.

Баранова О.Н. Субъективное значение слов, обозначающих морально-нравственные ценности: психолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.Н. Баранова. – Москва, 2015. – 241 с.

Баркова Т.П. Текстовое ассоциативное поле и моделирование структуры концепта (на материале рассказа Т. Толстой «Круг») / Т.П. Баркова // Концепт. – 2015. – №11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekstovoe-assotsiativnoe-pole-i-modelirovanie-struktury-kontsepta/viewer>.

Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов: на материале существительных: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Барсук. – Тверь, 1991. – 190 с.

Басовская Е.Н. Политическая терминология в языковом сознании семнадцатилетних (по материалам ассоциативных экспериментов 1991, 1995 и 2004 гг.) / Е.Н. Басовская // Политическая лингвистика. – 2005. – № 16. – С. 12-19.

Батурин Н.А. Психология оценки: общие представления, дифференциация понятий и области изучения / Н.А. Батурин // Психология. Психофизиология. – 20008. – №31 (131). – С. 17-31.

Бахтина Е. В. Концепт «женщина» в языковой картине мира китайцев // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – Т. 20. – С. 1071-1075. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2014/54478.htm>.

Белов В.А. Об иерархическом и неиерархическом строении синонимических рядов / В.А. Белов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – №1. – С. 5-10.

Белов В.А. Семантико-когнитивные основания семантической близости имен существительных в лексиконе носителей русского языка: автореф. дис. ... доктора филол. наук / В.А. Белов. – СПб., 2020. – 48 с.

Беловольская, Л.А. Семантика и синтаксические функции количественно-именных словосочетаний со значением меры (на материале современного русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Беловольская. – Ростов-на-Дону, 1990. – 25 с.

Бережан С.Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц [Текст] / С.Г. Бережан; АН МССР. Ин-т яз. и литературы. – Кишинев: Штиинца, 1973. – 372 с.

Березовская Я.Л. Организационный дискурс коммерческих фирм: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я.Л. Березовская. – Челябинск, 2011. – 22 с.

Береснева Н.И. Ассоциации детей от шести до десяти лет: Ассоциативное значение слова в онтогенезе / Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, И.Г. Овчинникова. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. – 254 с.

Бирюкова Н. С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной политической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Бирюкова. – Екатеринбург, 2005. – 197 с.

Битюцких К.В. Отражение корпоративной культуры военных в языковом сознании курсантов: дис. ... канд. филол. наук / К.В. Битюцких. – Челябинск, 2015. – 338 с.

Блинова Ю.А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Блинова. – Самара, 2007. – 23 с.

Болотов В.И. К вопросу о значении имен собственных / В.И. Болотов // Восточнославянская ономастика: [сборник статей] / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания, Ин-т русского яз., Польская акад. наук, Ком. славистов; [редкол.: А. В. Суперанская (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1972. – С. 333-346.

Болотов В.И. Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». – Вып. 15: Ономастика. Кн. 1, ч. 1: Имя и культура. – М., 1993. – С. 37-46.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания): дис. ...канд. филол. наук / А.П. Боргоякова. – М., 2002. –181 с.

Боргоякова Т.Г. Антонимические отношения в ассоциативно-вербальной репрезентации носителей хакаского, русского и английского языков / Т.Г. Боргоякова, К.А. Покоякова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №2(28). – С. 72-87.

Босова Л.М. Соотношение семантических и смысловых полей качественных прилагательных: психолингвистический аспект: дис. ... доктора филол. наук / Л.М. Босова. – Барнаул, 1998. – 283 с.

Брагина А.А. Синонимы или quasi-синонимы / А.А. Брагина // Вопросы языкознания. – 1976. – №1. – С. 62-73.

Брусенская Л.А. Семантический и синтаксический аспекты интерпретации категории числа в русском языке: автореф. дис. ... доктора филол. наук / Л.А. Брусенская. – Краснодар, 1994. – 43 с.

Букаренко С.Г. Влияние формы числа стимула-подлежащего на сочетаемость с ним реакции-сказуемого в условиях направленного ассоциативного эксперимента / С.Г. Букаренко // Universum: филология и искусствоведение. – 2016. – № 8 (30). – С. 30-33.

Букаренко С.Г. К проблеме влияния стимула с НЕ на реакцию (по данным направленного ассоциативного эксперимента) / С.Г. Букаренко // Universum: филология и искусствоведение. – 2015а. – № 12 (24). – С. 3.

Букаренко С.Г. Образы дробности в русской языковой картине мира (по данным направленного ассоциативного эксперимента) / С.Г. Букаренко //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015б. – № 10-2 (52). – С. 42-44.

Бурмистрова Е.А. Названия произведений искусства как объект ономастики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Бурмистрова. – Волгоград, 2006. – 24 с.

Бутакова Е.С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города: дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Бутакова. – Томск, 2013а. – 225 с.

Бутакова Л.О. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц // Вопросы психолингвистики. – 2013б. – №18. – С. 158-173.

Бутакова Л.О. Восприятие официально-делового текста как предмет психолингвистического исследования / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц // Слово и текст: психолингвистический подход. – 2014. – № 14. – С. 180-184.

Бутакова Л.О. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций [Текст] / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Е.А. Козловская. – Омск: Издательский дом «Наука», 2018г. – 446 с.

Бутакова Л.О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: региональное экспериментальное исследование: монография / Л.О. Бутакова; Российская Федерация, М-во образования и науки, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского», Науч.-исслед. лаб. когнитивных антропологических исследований. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2011. – 155 с.

Бутакова Л.О. Комплексность психолингвистических исследований пожилого человека: Целесообразность vs мода? / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц // Методология современного языкознания – 3: Порождение и понимание речи. Значение и смысл. Виртуальная коммуникация. – М.: Р. Валент, 2021. – С. 31-48.

Бутакова Л.О. Общение государства с людьми пожилого возраста (на материале сайтов Пенсионного Фонда Российской Федерации, общественной организации «Союз пенсионеров России», регионального социального центра) / Л.О. Бутакова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – Вып. 4 (210). – С. 163-173.

Бутакова Л.О. От старика Хоттабыча до Хемингуэя: возможности психолингвистического портретирования «возрастной» лексики / Л.О. Бутакова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. – 2018а. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-starika-hottabycha-do-hemingueya-vozmozhnosti-psiholingvisticheskogo-portretirovaniya-vozzrastnoy-leksiki/viewer>.

Бутакова Л.О. Проект «региональное языковое сознание»: возрастной аспект / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова // Вопросы психолингвистики. – 2018б. – № 2 (36). – С. 146-168.

Бутакова Л.О. Психолингвистический эксперимент: к проблеме верификации результатов / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1 (75). – С. 203-207.

Бутакова Л.О. Самопрезентация пожилого возраста в режиме социально-коммуникативных и смысловых характеристик определенной возрастной группы / Л.О. Бутакова // *Этнопсихоллингвистика*. – 2019. – №2. – С. 188-204. – Режим доступа: <https://epi-inion.org/article.php?id=33>.

Бутакова Л.О. Старость как концептуальный феномен: региональный и возрастной аспекты ассоциативной семантики / Л.О. Бутакова // *Psycholinguistics. Series: Philology*. – Переславль-Залесский. – 2018в. – № 23 (2). – С. 25-39. – Режим доступа: <https://psycholing-journal.com/index.php/journal/issue/view/5>.

Ваганова Е.В. Языковое сознание студентов технических и гуманитарных специальностей как представителей различных корпоративных культур: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Ваганова. – Челябинск, 2008. – 22 с.

Вальтер Н.В. Психолингвистическое значение лексемы «семья» в русском языке / Н.В. Вальтер // *Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова*. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 2. – С. 130-134.

Вальтер Н.В. Семантика синонимичных имен прилагательных в русском языке (на примере лексем контактный и общительный) / Н.В. Вальтер, А.В. Рудакова // *Психолингвистика и лексикография: сб. научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова*. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 3. – С. 44-49.

Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

Васильева С.П. Изучение динамических процессов внутреннего лексикона школьника методом свободного ассоциативного эксперимента / С.П. Васильева, Т.М. Низамутинова // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева*. – 2020. – №3(53). – С. 204-210.

Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста / Н.В. Васильева. – Изд. 2, испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 223 с.

Ваулина И.А. Ангел или херувим? Фоносемантический фактор восприятия лексического значения / И.А. Ваулина // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: Труды Уральского психолингвистического общества / Ред. Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова*. – Екатеринбург, 2015. – С. 249-255.

Вежбицкая А. Семантика междометия / А. Вежбицкая // *Семантические универсалии и описание языков / [под ред. Т.В. Булыгиной]*. – М.: Язык русской культуры, 1999. – 780 с.

Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: [пер. с англ.] / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. – М.: Русские словари, 1996. – 411 с.

Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка / Г.А. Вейхман. – М.: Астрель, 2002. – 543 с.

Вилисова Е.В. Ассоциативный эксперимент как метод изучения языкового сознания медиков / Е.В. Вилисова // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. – 2012. – № 25. – С. 124-125.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография [Текст]: Избр. труды / В.В. Виноградов; [Отв. ред. В.Г. Костомаров; АН СССР, Отд-ние литературы и яз.]. – М.: Наука, 1977. – 312 с.

Виноградова М.В. Гендерный аспект процесса идентификации значения нового слова носителями языка: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Виноградова. – Курск, 2009. – 196 с.

Виноградова О.Е. Интегральная методика углубленного описания семантики слова: на материале семантического описания слов разных частей речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Е. Виноградова. – Воронеж, 2016. – 20 с.

Виноградова О.Е. Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова / О.Е. Виноградова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013а. – № 161. – С. 66-73.

Виноградова О.Е. Психолингвистические методы в описании семантики слова: монография / О.Е. Виноградова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2016. – 160 с.

Виноградова О.Е. Психолингвистическое значение слова: экспериментальный метод исследования и описания (на примере семантики слова «женщина») // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 3 (31). – С. 200-206.

Виноградова О.Е. Сопоставление результатов исследования семантики слова разными методами (на материале лексемы «нужный») / О.Е. Виноградова // Известия Сочинского государственного университета. – 2015. – № 1 (34). – С. 225-231.

Виноградова О.Е. Экспериментальный анализ сочетаемости слова как метод описания лексической семантики / О.Е. Виноградова // European Social Science Journal. – 2013б. – № 9-3 (36). – С. 264-271.

Виноградова Т.Б. Экспериментальное исследование субъективной оценки близости значения слов / Т.Б. Виноградова // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: межвуз. темат. сборник / Отв. ред. А.А. Залевская. – Калинин: КГУ, 1981. – С. 12-16.

Воздвиженская А.В. Гиперо-гипонимические системы в составе ассоциативных полей: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Воздвиженская. – Саратов, 2016. – 23 с.

Волобуева Ю.С. Формы репрезентации обыденной семантики бионимической лексики (на материале метаязыковых рефлексий и ассоциаций рядовых носителей русского языка) / Ю.С. Волобуева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – №2. – С. 145-149.

Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений [Текст] / Е.М. Вольф. – М.: Высшая школа, 1974. – 165 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф; Отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Воронин С.В. Основы фоносемантики / С.В. Воронин. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 244 с.

Врублевская О.В. Языковая мода в русской ономастике: дис. ... доктора филол. наук / О.В. Врублевская. – Волгоград, 2017. – 430 с.

Высочина О.В. Понимание значения иноязычного слова (психолингвистическое исследование): дис. ... канд. филол. наук / О.В. Высочина. – Воронеж, 2001. – 183 с.

Габдуллина В.Р. Возрастная динамика развития значения слова и пути ее формализации: дис. ... канд. филол. наук / В.Р. Габдуллина. – Уфа, 2013. – 182 с.

Гаврикова Э.О. Формирование антропонимии в детском речевом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.О. Гаврикова. – Тюмень, 2005. – 22 с.

Гаврилина М.В. Образ женщины в языковом сознании русских и башкир, проживающих на территории Челябинской области / М.В. Гаврилина // Ватандаш. – 2001. – № 5. – С. 170-174.

Галиева Р.Р. Семантико-когнитивный анализ деструктивных глаголов в современном русском языке (на материале произведений русской литературы конца XX – начала XXI в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Р. Галиева. – Уфа., 2016. – 25 с.

Гаранович М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Гаранович. – Пермь, 2011. – 272 с.

Гарбар И.Л. Специфика языкового сознания носителей русского языка разных поколений: на материале ядра языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук / И.Л. Гарбар. – М., 2010. – 278 с.

Гарипова Р.Н. Особенности ассоциирования в условиях патологии / Р.Н. Гарипова // Вестник Уфимского государственного авиационного технического университета. – 2006. – №4. – С. 152-160. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-assotsirovaniya-v-usloviyah-patologii/viewer>.

Гасица Н.А. Ассоциативная структура значения слова в онтогенезе: автореферат дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Гасица. – М., 1990. – 15 с.

Герасименко И.Е. Коннотативная семантика единиц языка в аспекте гендерной лингвистики: автореф. дис. ... доктора филол. наук / И.Е. Герасименко. – М., 2009. – 47 с.

Гетте Е.Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания: дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Гетте. – Воронеж, 2004. – 248 с.

Гируцкий А.А. Введение в языкознание: учебник / А.А. Гируцкий. – М.: Тетра-Системс, 2003. – 288 с.

Глухов Г.В. Отношение междометия к значению и понятию / Г.В. Глухов // Вестник Самарской гос. эконом. академии. – 2003. – №2. – С. 324-328.

Глущенко О.А. Стереотипные образы женщины и мужчины в зеркале русской языковой культуры: монография / О.А. Глущенко, Е.С. Прудникова. – Петропавловск-Камчатский: КамГУ, 2013. – 208 с.

Голев Н.Д. «Разноязычный словарь обыденной семантики бонимов» как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков / Н.Д. Голев, Л.Г. Ким, С.В. Стеванович // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015а. – Т. 13. – №2(41). – С. 9-35.

Голев Н.Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 3: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2010. – С. 219-251.

Голев Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание как онтолого-гносеологический феномен (к поискам лингвогносеологом) / Н.Д. Голев // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово-Барнаул, 2009. – 532 с.

Голев Н.Д. Разноязычный словарь как отражение славянского ментально-языкового единства и межкультурных различий / Н.Д. Голев, Л.Г. Ким, С.В. Стеванович // Русин. – 2015б. – №3(41). – С. 39-54.

Головашина О.В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности / О.В. Головашина // Социологические исследования. – 2015. – №7 (375). – С. 64-71.

Голубева О.В. Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход: дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Голубева. – Тверь, 2016. – 345 с.

Голубенко Е.А. Полевая организация концептов «война» и «мир» в современной языковой картине мира / Е.А. Голубенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – № 1. – С. 197-212.

Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка (на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»): монография / В. Б. Гольдберг. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – 232 с.

Гольдин В.Е. Русская ассоциативная лексикография и исследование возрастной динамики ассоциативных полей / В.Е. Гольдин // Вопросы психолингвистики. – 2006. – №4. – С. 148-154.

Гольдин В.Е. Русская ассоциативная лексикография: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова. – Саратов: Научная книга, 2008. – 77 с.

Гольдин В.Е. Семантически неадекватные ассоциативные реакции и ядро языкового сознания / В.Е. Гольдин // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №2(24). – С. 218-225.

Гольдин В.Е. Личная сфера школьника по данным ассоциативного словаря / В.Е. Гольдин // Вопросы психолингвистики. – 2007. – №5. – С. 94-99.

Горбаневский М.В. В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. – М.: Знание, 1983. – 192 с.

Горбачкая О.Ю. Отражение гендерно-родовых отношений в системе языка и метаязыковом сознании носителей: дис. ... канд. филол. наук / О.Ю. Горбачкая. – Комсомольск-на-Амуре, 2013. – 229 с.

Гордеева З.А. Исследование ассоциативного поля зоонима на примере направленного ассоциативного эксперимента «Кошка какая?» / З.А. Гордеева // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2015. – № 1 (5). – С. 33-35.

- Гордей А.Н. Междометие как минимальная коммуникативная единица: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Гордей. – Минск, 1992. – 23 с.
- Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике [Текст] / И.Н. Горелов. – М.: Лабиринт, 2003. – 317 с.
- Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. – Изд. 4. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009а. – 112 с.
- Горелов И.Н. Основы психолингвистики [Текст] / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Лабиринт, 2009б. – 304 с.
- Горошко Е.И. Ассоциативная парадигма: дис. ... доктора филол. наук / Е.И. Горошко. – М., 2001а. – 287 с.
- Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: монография / Е.И. Горошко. – Харьков; М.: Изд. группа «РА-Каравелла», 2001б. – 320 с.
- Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е.И. Горошко. – М.-Харьков: Институт языкознания РАН и ИД ИНЖЭК, 2003. – 450 с.
- Гридина Т.А. Потенциальная семантика детских словотворческих инноваций в свете экспериментальных данных: методика прямого толкования / Т.А. Гридина // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2013. – № 4. – С. 5-18.
- Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): дис. ... доктора филол. наук / Т.А. Гридина. – М., 1996. – 566 с.
- Гриценко Е.С. Гендер в британской и американской лингвокультурах: монография / Е.С. Гриценко, А.О. Лалетина, А.А. Бодрова, Л.Г. Дуняшева. – М.: Наука, 2011. – 220 с.
- Гришук Е.И. Абстрактная лексика в языковом сознании школьников (экспериментальное исследование языкового сознания старшеклассников): дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Гришук. – Воронеж, 2002. – 248 с.
- Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... доктора филол. наук / Д. Б. Гудков. – М., 1999. – 400 с.
- Гуз Ю.В. Исследование коннотативного значения цвета методом семантического дифференциала на примере русского, китайского, немецкого и английского языков / Ю.В. Гуз // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №4. – С. 41-44.
- Гундэгмаа Баттулга Образ осла в наивном языковом сознании носителей монгольского языка / Б. Гундэгмаа // Вопросы психолингвистики. – 2017. – №3 (33). – С. 170-183.
- Гурская Ю.А. Имя собственное: этимология, национально-культурный потенциал, концептуализация: автореф. дис. ... доктора филол. наук / Ю.А. Гурская. – Минск, 2009. – 46 с.
- Гуз Е.Н. Ассоциативно-семантический словарь как модель языкового сознания жителей региона (на материале языкового сознания жителей г. Омска) / Е.Н. Гуз // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 13-18.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка: монография / Е.Н. Гуц. – Омск: Вариант-Омск, 2005. – 260 с.

Дайдаева М.В. Особенности формирования языкового сознания детей с нарушением интеллекта (на материале абстрактной лексики) / М.В. Дайдаева // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – №6 (91). – С. 531-534. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-yazykovogo-soznaniya-detey-s-narusheniem-intellekta-na-materiale-abstraktnoy-leksiki/viewer>.

Дамбаева Э.А. Психосемантические методы исследования гендерных стереотипов / Э.А. Дамбаева // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин: материалы Международного научно-методического семинара; Бурятский государственный университет. – 2017. – С. 113-117.

Даминова Р.А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук / Р.А. Даминова. – Уфа, 2010. – 200 с.

Данилова О.А. Направленный ассоциативный эксперимент: от теории к практике / О.А. Данилова // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2015. – № 4. – С. 71-75.

Дашинимаева П.П. Теория значения как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости: автореф. дис. ... доктора филол. наук / П.П. Дашинимаева. – Иркутск, 2010. – 46 с.

Дебрэнн М. Собственные имена во французском ассоциативном словаре / М. Дебрэнн // Вопросы психолингвистики. – 2010а. – №12. – С. 176-183.

Демидова К.И. Лексическая семантика в региональном аспекте / К.И. Демидова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2014. – №3. – С. 35-39.

Денисов Ю.Н. Синонимия и семантическая структура слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Денисов. – Тамбов, 2000. – 22 с.

Денисова Н.В. К вопросу о значении имени собственного в современной лингвистике / Н.В. Денисова // Молодой ученый. – 2015. – № 8 (88). – С. 1116-1118.

Дервяго А.Н. Имя собственное в художественном тексте / А.Н. Дервяго. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2008. – 239 с.

Детская речь: психолингвистические исследования: сборник статей / Отв. ред. Т.Н. Ушакова, Н.В. Уфимцева. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 224 с.

Диз Дж. Структура ассоциаций в языке и мысли [Текст] / Дж. Диз. – М., 1965. – 216 с.

Доржиева Т. С. Семантика топонимов чайного пути на территории Бурятии: ассоциативный эксперимент: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Доржиева. – Элиста, 2013. – 23 с.

Дударева Я.А. Возможности использования «неймингового словаря русского языка» в исследовании синонимии / Я.А. Дударева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – №1 (69). – С. 154-158.

Дударева Я.А. Номинативные единицы с близким значением как компоненты ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я.А. Дударева. – Кемерово, 2012. – 23 с.

Дьяконова Е.А. Россия, Российская Федерация, Русь, Раса, Раша: когнитивная интерпретация результатов сопоставительного психолингвистического исследования / Е.А. Дьяконова // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Вып. 7. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. – С. 12–27.

Дьяконова Е.А. Сопоставительный анализ психолингвистических значений топонимических вариантов (Санкт-Петербург, Петербург, Петроград, Питер, Ленинград) / Е.А. Дьяконова // Сопоставительные исследования 2018: материалы IV Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2–3 февраля 2018 г.) / Науч. ред. М.А. Стернина. – Вып. 15. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – С. 149-155.

Дьяконова Е.А. Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Дьяконова. – Воронеж, 2022. – 26 с.

Егорова Б.Н. Семантика наречий современного русского языка в аспекте их сочетаемости с глаголами: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б.Н. Егорова. – Уфа, 2000. – 19 с.

Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование [Текст] / Т.И. Ерофеева. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. – 240 с.

Ефремов В.А. Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «мужчина-женщина»: автореф. дис. ... доктора филологических наук / В.А. Ефремов. – СПб., 2010. – 40 с.

Жалсанова Ж.Б. Образ жены в языковом сознании русских и бурят / Ж.Б. Жалсанова // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №320. – С. 7-10.

Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике: (Избр. тр.) / Н.И. Жинкин. – М.: Лабиринт, 1998. – 364.

Журавлев А.П. Фонетическое значение [Текст] / А.П. Журавлев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 159 с.

Журавлева И.В. Проблемы взаимоотношения гендерных характеристик интервьюера и ответов респондентов / И.В. Журавлева, И.А. Курочкина // Материалы междунар. науч. конф. «Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе». Ч. 2: История, социология, язык, культура (Иваново, 25-26 июня 2002 г.). – Иваново: Изд-во ИвГУ, 2002. – С. 142-145.

Завьялова М.В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) / М.В. Завьялова // Вопросы языкознания. – 2001. – №5. – С. 60-85.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. – 2 изд., испр. и доп. / А.А. Залевская. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

Залевская А.А. Вопросы организации лексикона человека в лингвистических и психолингвистических исследованиях [Текст] / А.А. Залевская. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1978. – 88 с.

Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 144 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента [Текст]: монография / А. А. Залевская. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 239 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1992. – 134 с.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход: монография / А.А. Залевская. – London: IASHE, 2014. – 179 с.

Залевская А.А. Текст и его понимание: монография / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 177 с.

Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2003. – №1. – С. 30-34.

Захарова Т.Н. Семiotические средства выражения гендера в тексте на электронном носителе (на материале немецких чатов): дис. ... канд. филол. наук / Т.Н. Захарова. – М.: МГЛУ, 2006. – 137 с.

Зинченко В.П. Сознание / В.П. Зинченко // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Под. ред. И.Т. Касавина. – М.: «Канон+ – РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 111-113.

Златев Й. Значение = жизнь (+культура): набросок единой биокультурной теории значения / пер. с англ. // *Studia Linguistica cognitive*. – Вып. 1: Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 308-361.

Золотова Н.О. Специфика ядра лексикона носителей английского языка (на материале «Ассоциативного тезауруса английского языка»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.О. Золотова. – Одесса, 1989. – 16 с.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: дис. ... д-ра филол. наук / Н.О. Золотова. – Тверь, 2005. – 306 с.

Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Зыкова. – М., 2002. – 219 с.

Иванова Е.Н. Имена собственные в монастырской деловой письменности Белозерья конца XIV – XV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Н. Иванова. – Вологда, 2006. – 22 с.

Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высшая школа, 1981. – 283 с.

Иванова С.Ф. Свободный ассоциативный эксперимент как способ выявления особенностей индивидуального билингвизма / С.Ф. Иванова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова 2015 г.: Материалы научно-методической конференции / Отв. ред. Е.К. Сычова. – М.: Изд-во МГУ, 2016. – С. 93-95.

Ивановский И.Н. Наречные фразеологизмы: развитие значения и проблемы толкования / И.Н. Ивановский // Слово в словаре и дискурсе: сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера / Науч. ред. А. Бирих, Т.В. Володина. – М.: Элпис, 2006. – С. 247-251.

Ивашко В.А. Как выбирают имена / В. А. Ивашко; Под ред. А.Е. Супруна. – 2-е изд., доп. – Минск: Вышэйш. шк., 1988. – 237 с.

Иващенко Г.А. Стереотипный образ любви по данным направленного ассоциативного эксперимента / Г.А. Иващенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9-1 (39). – С. 65-68.

Ивин А.А. Основания логики оценок [Текст]: учебное пособие / А.А. Ивин. – М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 337 с.

Ильдарова А.И. Прилагательные со значением нравственной оценки человека в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / А.И. Ильдарова. – М., 2007. – 133 с.

Ильюшина Е.С. Лексические средства положительной оценки человеческих качеств (психолингвистический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Ильюшина. – Нальчик, 2001. – 24 с.

Иноземцева Л.П. Отражение корпоративной культуры преподавателей вуза в языковом сознании носителей русской культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.П. Иноземцева. – Челябинск, 2012. – 18 с.

Иомдин Б.Л. Междометия догадки / Б.Л. Иомдин // Языковая картина мира и системная лексикография: кол. монография / Ю.Д. Апресян [и др.]; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 912 с.

Исаева И.А. Градуальная семантика глагола в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Исаева. – М., 2008. – 16 с.

Калинина Л.В. Семантика и функционирование абстрактных существительных в форме множественного числа в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Павлова. – Киров, 1999. – 255 с.

Карабулатова И.С. Русская топонимия в этнопсихолингвистическом аспекте: дис. ... доктора филол. наук / И.С. Карабулатова. – Тверь, 2002. – 502 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста / Ю.Н. Караулов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №3(25). – С. 14-35.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. – М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 180 с.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Русский язык, 1993. – 330 с.

Караулов Ю.Н. Индивидуальный ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, М. М. Коробова // Вопросы языкознания. – 1993. – №5. – С. 5-15.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 191-206.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь [Текст] / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – Кн. 1. – С. 191-218.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

Караулов Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю.Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания: сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Эйдос, 1996. – С. 67-97.

Карданова А.К. Этносоциальная детерминация категории «Общение» в поликультурной среде (по результатам психолингвистического эксперимента) / А.К. Карданова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – №3 (29). – С. 111-120.

Карпова Е.А. Методы исследований в психолингвистической парадигме / Е.А. Карпова, Т.Г. Кукулите // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2017. – № 3 (59). – С. 46-56.

Касаткина Т.Ю. Специфика развития значения слова в геронтогенезе: дис. ... канд. филол. наук / Т.Ю. Касаткина. – Ижевск, 2007. – 192 с.

Кафтанов Р.А. Опыт построения ассоциативно-вербальной модели профессиональной идентификации военных (экспериментальное психолингвистическое исследование): автореф... дис. канд. филол. наук / Р.А. Кафтанов. – Красноярск, 2020. – 22 с.

Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... доктора филол. наук / А.В. Кирилина. – М., 2000. – 369 с.

Кирилина А.В. Опыт лингвистической диагностики межнациональной напряженности в интернет-дискурсе / А.В. Кирилина, Л.М. Терентий // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С. 130-139.

Кириллов Д.А. Образ выборов в языковом сознании русской молодежи (сравнительное исследование на материале русского ассоциативного словаря и свободного ассоциативного эксперимента) / Д.А. Кириллов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №2. – Т. 6. – С. 18-24.

Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Кисель. – Челябинск, 2009. – 25 с.

Кленова А.В. Оценочные смыслы в ассоциативном словаре (на материале ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Кленова. – Саратов, 2007. – 23 с.

Кленская М.С. Специфика языкового сознания русско-эстонских билингов: на материале свободного ассоциативного эксперимента: дис. ... канд. филол. наук / М.С. Кленская. – М., 2002. – 235 с.

Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение [Текст]: учеб. пособие / А.П. Клименко; М-во высш. и сред. спец. образования БССР. Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. – Минск: [Мин. пед. ин-т иностр. яз], 1974. – 108 с.

Князев И.В. Темпоральная траектория развития семантики слов-советизмов в XX в. (по данным словарей) / И.В. Князев // Язык и национальное сознание: сборник научных статей / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – Вып. 24. – С. 20-26.

Ковалев Г.Ф. Литературная ономастика – поле исследований для литературоведов и лингвистов / Г.Ф. Ковалев // Русистика без границ. – 2017. – Т. 1. – № 2 (2). – С. 30-40.

Ковалев Е.М. Качественные методы в полевых социологических исследованиях / Е.М. Ковалев, И.Е. Штейнберг. – М.: Логос, 1999. – 384 с.

Коваленко С.В. Семантика имени собственного в психолингвистическом аспекте (экспериментальное исследование семантики антропонима Ал. Македонский) / С.В. Коваленко // Культура общения и ее формирование: сб. науч. трудов / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – Вып. 33. – С. 57-59.

Коваленко С.В. Экспериментальное исследование имени собственного / С.В. Коваленко // Культура общения и ее формирование: сб. статей / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 24-30.

Кожевникова О.В. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учебно-метод. пособие / О.В. Кожевникова, С.А. Вьюжанина. – Ижевск: УдГУ, 2016. – 118 с.

Кожемякина Е.А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Кожемякина. – Нижний Новгород, 2001. – 210 с.

Козельская Н.А. Оценочные слова в языковом сознании и словаре (на примере лексем *бред*, *туфта*, *фуфло*) / Н.А. Козельская // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 2. – С. 142-157.

Козлова Е.А. Гендерные аспекты лексики русского языка: дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Козлова. – Смоленск, 2021. – 19 с.

Козырев В.А. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2015. – 631 с.

Колпакова А.С. Метаязыковая оценка в языковом сознании военнослужащих и гражданских лиц / А.С. Колпакова // Психолингвистика и лексикография: сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2016. – Вып. 3. – С. 65-69.

Коминэ Ю. Функционально-прагматические характеристики русских междометных высказываний: дис. ... канд. филол. наук / Ю. Коминэ. – М., 1999. – 198 с.

Кондратенко Е.Н. Функционирование идеологизмов в индивидуальном лексиконе / Е.Н. Кондратенко // Когнитивные исследования языка. – 2013б. – №13. – С. 526-534.

Конопелько И.П. Сопоставительный анализ ассоциативных полей / И.П. Конопелько, И.А. Стернин // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – Вып. 3. – С.48-51.

Константинова М.В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе (экспериментальное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Константинова. – Саратов, 2011. – 22 с.

Контрастная лексикология и лексикография: коллективная монография / Под ред. И.А. Стернина, Т.А. Чубур. – Воронеж: Истоки, 2006. – 341 с.

Корнеев П.Г. Динамика концептуальной структуры слов, входящих в ядро языкового сознания русских: автореф. дис. ... канд. филол. наук / П.Г. Корнеев. – Барнаул, 2007. – 18 с.

Коровина Н.А. Направленный ассоциативный эксперимент в изучении значения слова как живого знания / Н.А. Коровина // Коммуникативные исследования. – 2015. – №3 (5). – С. 175-189.

Кортунова Е.В. Экспериментальное исследование восприятия имени собственного в тексте / Е.В. Кортунова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: материалы Междунар. шк.-семинара (VII Березинские чтения). – Вып. 18. – М., 2011. – С. 144–149.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 282 с.

Крейдлин Г.Е. Время сквозь призму временных предлогов / Г.Е. Крейдлин // Логический анализ языка: Язык и время: сб. статей / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – С. 139-151.

Кубиц Г.В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.В. Кубиц. – Челябинск, 2005. – 20 с.

Кудашева А.К. Отражение возрастных особенностей новосибирцев в вербальных ассоциациях испытуемых / А.К. Кудашева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №2. – Т. 6. – С. 25-32.

Кудрук Г.Н. Отражение образа профессионала в языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Кудрук. – Челябинск, 2008. – 21 с.

Кужарова И.В. Доминанты стереотипного образа «кто-то» в русском языковом сознании (на материале направленного ассоциативного эксперимента) / И.В. Кужарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1-1 (31). – С. 72-76.

Кузина О.А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.А. Кузина. – Барнаул, 2006. – 21 с.

Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Э. Кузнецова. – Краснодар, 2005. – 22 с.

Купфер Л.В. Модели речевого поведения сотрудников организации: психолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Купфер. – Челябинск, 2015. – 22 с.

Курганова Н.И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова / Н.И. Курганова // Вопросы психолингвистики. – 2019. – №3 (41). – С. 24-36.

Кушнир О.Н. Направленный ассоциативный эксперимент как метод лингвоконцептологического анализа аксиологических концептов / О.Н. Кушнир // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 3. – С. 101-106.

Лаврентьева Т.В. Оппозитивные отношения как способ концептуализации языкового пространства / Т.В. Лаврентьева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – №16(135). – С. 482-485.

Ларина Т.И. Семантика, структура и функционирование ономастических тропов в русско-, польско- и англоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.И. Ларина. – Минск, 2012. – 27 с.

Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: дис. ... доктора филол. наук / С.В. Лебедева. – Тверь, 2002. – 311 с.

Лебедева С.В. Психолингвистическое исследование близости значения слов в индивидуальном сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Лебедева. – Саратов, 1991. – 16 с.

Левицкий В.В. Звуковой символизм. Мифы и реальность [Текст] / В.В. Левицкий. – Черновцы: Черновицкий национальный ун-т, 2009. – 264 с.

Левицкий В.В. Экспериментальные методы в семасиологии [Текст] / В.В. Левицкий, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 192 с.

Леденев Ю.И. Неполнозначные слова: монография / Ю.И. Леденев. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского госпединститута, 1974. – 259 с.

Лемякина Н.А. Развитие языковой личности и коммуникативного сознания младшего школьника (на материале речевого поведения учащихся 1-4 кл.) / Н.А. Лемякина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. – 329 с.

Лендвай Э. Лексическая семантика русского языка / Э. Лендвай. – Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1998. – 258 с.

Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность. Знак. Личность): монография / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 392 с.

Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 3-16.

Леонтьев А.А. Психолингвистика [Текст] / А.А. Леонтьев. – Ленинград: Наука, 1967. – 118 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистические проблемы семантики [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1983. – 288 с.

Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения / А.А. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований [Текст] / Ред. коллегия: В.Н. Ярцева (отв. ред.); АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – С. 46-73.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения / А.А. Леонтьев // Семантическая структура слов: психолингвистические исследования: сборник статей / Отв. ред. д-р филол. наук А.А. Леонтьев; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1971. – С. 7-19.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Книга, 2012. – 176 с.

Леонтьев А.Н. Материалы о сознании / А.Н. Леонтьев // Вестник МГУ. Сер. Психология. – 1988. – № 3. – С. 6-25.

Литвинова Ю.А. Психолингвистическое значение лексемы COSMOPOLIS (по данным направленного ассоциативного эксперимента) / Ю.А. Литвинова // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Под ред. А.В. Рудаковой. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 72-74.

Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. Объективное изучение дезорганизации поведения человека [Текст] / А.Р. Лурия; Под общ. ред. В.И. Белопольского. – 2-е изд. – М.: «Когито-Центр», 2002. – 690 с.

Лю Бо Концепт «Женщина» в русской языковой картине мира (на фоне китайской): дис. ... канд. филол. наук / Лю Бо. – Владивосток, 2010. – 282 с.

Маклакова Е.А. Описание значения слова с использованием экспериментальных методов исследования / Е.А. Маклакова, Я.В. Волохов // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика: сборник научных трудов (по материалам Международной заочной научно-практической конференции). – 2014. – Т. 2. – №1 (6). – С. 278-281.

Маклакова Е.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография / Е.А. Маклакова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – 277 с.

Максимчук Н.А. Ассоциативно-культурный фон личного имени и его лексикографическое отражение / Н.А. Максимчук // Идеи христианской культуры в истории славянской письменности: сб. статей / Под ред. Г.С. Меркина. – Смоленск: Изд-во СППУ, 2000. – С. 251-263.

Мальцева В.А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Мальцева. – Челябинск, 2011. – 25 с.

Маляр Т.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках / Т.Н. Маляр, О.Н. Селиверстова. – Munchen: Sagner, 1998. – 348 с.

Мань Шу Восприятие и понимание имени собственного в межкультурной коммуникации (на материале прагмонимов и эргонимов русского и китайского языков): дис. ... канд. филол. наук / Мань Шу. – Челябинск, 2021. – 295 с.

Марковина И.Ю. Специфика ассоциативного сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода / И.Ю. Марковина, Е.В. Данилова // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 116-132.

Мартинович Г.А. Вербальные ассоциации в ассоциативном эксперименте [Электронный текст]. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. – 72 с. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/img/m/martinowich_g_a/2verbass/2verbass.pdf.

Мартинович Г.А. Опыт комплексного исследования данных ассоциативного эксперимента слов / Г.А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 93-99.

Мартинович Г.А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле / Г.А. Мартинович // Вопросы психологии. – 1990. – №2. – С. 143-146.

Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: автореф. дис. ... доктора. филол. наук / И.Л. Медведева. – Тверь, 1999. – 46 с.

Медведева, И. Л. Опыт психолингвистического исследования антонимов / И.Л. Медведева // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: межвуз. темат. сб. / Калинин, гос. ун-т; Редкол.: А.А. Залевская (отв. ред.) и др. – Калинин: КГУ, 1981. – С.68-81.

Мжельская О.К. Семантическая специализация и концептуализация заимствований (на материале ономастических компонентов библейской

фразеологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.К. Мжельская. – Барнаул, 2008. – 19 с.

Миклашевский А.А. Перцептивная и пространственная семантика русских существительных: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.А. Миклашевский. – Кемерово, 2018. – 24 с.

Миллер Дж. Планы и структура поведения [Текст] / Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам; Общая ред. А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия. – М.: Прогресс, 1965. – 238 с.

Минина М.А. Психолингвистический анализ семантики оценки (на материале глаголов движения): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Минина. – М., 1995. – 24 с.

Миронова Н.И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы / Н.И. Миронова // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 2 (14). – С. 108-119.

Миронова Н.И. Типы ассоциативного эксперимента и ассоциативный эксперимент на множественные реакции / Н.И. Миронова // Вопросы гуманитарных наук. – 2008. – № 2 (35). – С. 290-295.

Мифтахова О.В. Гендерно симметричная лексика в современном немецком языке / О.В. Мифтахова, А.С. Хромова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2019. – №4(35). – С. 67-73.

Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя / А.Б. Михалев. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 518 с.

Моисеева А.А. Оценочные наречия как средство выражения аномалии / А.А. Моисеева // Мир русского слова. – 2021. – №4. – С. 31-38.

Монахова М.О. Семантический дифференциал как метод исследования этнокультурных стереотипов (на материале польского языка) / М.О. Монахова // Московское научное обозрение. – 2011. – № 1. – С. 48-52.

Морель Д.А. Стереотипные представления о некоторых современных угрозах безопасности (на материале ассоциативных экспериментов) / Д.А. Морель, В.С. Пугач, И.В. Чекулай // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. Ю.А. Зубок. – Белгород: БГУ, 2015. – С. 525-530.

Морозова И.А. Гендерная специфика концепта «Женщина» в русском языковом сознании / И.А. Морозова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010а. – Т. 12. – №5 (3). – С. 784-788. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-spetsifika-kontsept-a-zhenschina-v-russkom-yazykovom-soznanii/viewer>.

Морозова И.А. Субъективные значения лексемы «Женщина» в современном русском языке (на основе данных направленного ассоциативного эксперимента) / И.А. Морозова // Преподаватель XXI век. – 2010б. – №3. – С. 297-305. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/subjektivnye-znacheniya-leksemy-zhenschina-v-sovremennom-russkom-yazyke-na-osnove-dannyh-napravlenno-go-assotsiativnogo-eksperimenta/viewer>.

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова [Текст] / Е.Ю. Мягкова; М-во образования Рос. Федерации. Кур. гос. пед. ун-т. – Курск: Изд-во Кур. гос. пед. ун-та, 2000. – 110 с.

Набатчикова Т.П. Наречие в былинном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.П. Набатчикова. – М., 1997. – 17 с.

Навильникова Д.И. Опыт содержательного анализа ассоциативного поля (на примере тематической группы «Еда») / Д.И. Навильникова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-soderzhatelnogo-analiza-assotsiativnogo-polya-na-primere-tematicheskoy-gruppy-eda/viewer>.

Навильникова Д.И. Представление парадигматических и синтагматических связей как способ интерпретации результатов ассоциативного эксперимента / Д.И. Навильникова // Сибирский филологический журнал. – 2009. – №2. – С. 201-205. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-soderzhatelnogo-analiza-assotsiativnogo-polya-na-primere-tematicheskoy-gruppy-eda/viewer>.

Наговицына Н.В. Языковое воплощение концепта «Патриотизм» в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) / Н.В. Наговицына // Научный диалог. – 2017. – №11. – С. 120-131.

Нгуен Суан Тхе Гендерные особенности оценочной семантики во вторичной номинации / Нгуен Суан Тхе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2011. – №2. – С. 56-60.

Недоступ О.И. Семантически тождественные синонимы-существительные в лексикографическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.И. Недоступ. – Новосибирск, 2011. – 24 с.

Незговорова С.Г. Ядро языкового сознания русских и англичан: содержание и структура: дис. ... канд. филол. наук / С.Г. Незговорова. – М., 2004. – 224 с.

Неровная Н.А. Направленный ассоциативный эксперимент как средство экспериментального описания концепта (на примере концепта «TOLERANCE» в английском языковом сознании) / Н.А. Неровная // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 109-113.

Никанорова И.В. Особенности репрезентации концепта «Женщина» в идиолекте Ф.М. Достоевского в сравнении с русской общезыковой картиной мира / И.В. Никанорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. – Ч. II. – С. 119-122. – Режим доступа: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/32.html.

Николаева Е.С. Междоимение в прагмалингвистическом аспекте (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Николаева. – Ростов-на-Дону, 2006. – 180 с.

Никольская Т. Е. Ассоциативное поле личного имени / Т. Е. Никольская // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции. – Т. 1. – М., 1998. – С. 188-190. – Режим доступа: <https://drive.google.com/file/d/0ByVliFRCU31YRnNKVU5XenZma3c/view?resourcekey=0-KWAhRmR8KiVDPgZw2gtMNg>.

Нин Х. Этнокультурная специфика русско-китайской бизнес-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Х. Нин. – Екатеринбург, 2020. – 19 с.

Нистратов А.А. Образ стран в языковом сознании русских и итальянцев / А.А. Нистратов, С.Л. Нистратова, Д.В. Маховиков, Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №26. – С. 144-161.

Новиков А.Л. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения лингвистических и психологических исследований / А.Л. Новиков, И.А. Новикова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – №3. – С. 63-71.

Новиков А.Л. Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях / А.Л. Новиков, И.А. Новикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 3. – С. 63-71.

Новичихина М.Е. Из опыта экспериментального исследования коммерческих названий / М.Е. Новичихина // Вопросы психолингвистики. – 2007. – №5. – С. 67-74.

Новичихина М.Е. Психолингвистическое исследование лексических противопоставлений: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Е. Новичихина. – Тверь, 1995. – 16 с.

Нуриахметов А.К. Ассоциативный эксперимент в учреждении начального профессионального образования / А.К. Нуриахметов // Психология и соционика межличностных отношений. – 2012. – № 8 (116). – С. 5-13.

Овсянникова К.В. Особенности номинации предприятий общественного питания (на примере коммерческих названий г. Воронежа и г. Москвы): дис. ... канд. филол. наук / К.В. Овсянникова. – Воронеж, 2016. – 216 с.

Овчинникова И.Г. Ассоциативные пары как тексты / И.Г. Овчинникова, Л.В. Сахарный // Материалы VIII Весоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1985. – С. 86-87.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. ... докт. филол. наук / И.Г. Овчинникова. – СПб., 2002. – 383 с.

Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание. Структура и семантика: учеб. пособие по спецкурсу / И.Г. Овчинникова; Перм. гос. ун-т. – Пермь: ПГУ, 1994. – 124 с.

Овчинникова И.Г. Диалог субкультур (концепты *деньги* и *бизнес* в сознании молодых россиян) / И.Г. Овчинникова // Я и другой в пространстве текста: сб. науч. тр. – Пермь; Любляна, 2009. – Вып. 2. – С. 256-280.

Овчинникова И.Г. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции): монография / И.Г. Овчинникова, Н.И. Береснева, Л.А. Дубровская, Е.Б. Пенягина. – Пермь, 2000. – 312 с.

Овчинникова И.Г. Вариативность этнического сознания: соотношение элитарной, профессиональной и массовой субкультур

(на материале ассоциативного эксперимента) / И.Г. Овчинникова, А.А. Кибанова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – №5. – С. 90-94.

Одиноква Н.Ю. Особенности влияния стимулов на ассоциативное реагирование русско- и англоязычных математиков, медиков и филологов / Н.Ю. Одиноква // Личность – Язык – Культура: материалы V Всероссийской научно-практической конференции (26-28 ноября 2014 г.). – Саратов: ООО Издательский Центр «Наука», 2015. – С. 139-146.

Одиноква Н.Ю. Профессиональные ассоциативные словари (на материале русского и английского языков) / Н.Ю. Одиноква // Филология и человек. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2007. – №4. – С. 103-120.

Одиноква Н.Ю. Специфика профессионально детерминированных ассоциативных реакций: На материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Одиноква. – Саратов, 2004. – 18 с.

Осгуд Ч. Метод семантического дифференциала в сравнительном исследовании культур: в 2 ч. / Ч. Осгуд, М.Б. Вильковский // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2012. – № 34. – С. 172-201; № 35. – С. 175-204.

Осгуд Ч. Э. Language, Meaning, and Culture: the Selected Papers of C. e. Osgood / Ч.Э. Осгуд, С.С. Оливер, Тзенг. – Нью-Йорк: Praeger, 1990. – 402 с.

Павлова Т.С. Существительные общего рода в русском языке: семантика, грамматика, употребление: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.С. Павлова. – М., 2011. – 24 с.

Пайар Д. Предлог НАД: факты и интерпретации / Д. Пайар, В.А. Плунгян // Исследования по семантике предлогов [Текст]: сб. ст. / отв. ред.: Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. – М.: Рус. словари, 2000. – С. 83-114.

Палкин А.Д. Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей: [пособие для студентов, родителей и др. любознательных людей] / А.Д. Палкин. – М.: НОУ МЭЛИ, 2004. – 360 с.

Палкин А.Д. Практикум по возрастной психолингвистике [Текст]: учебное пособие / А.Д. Палкин; НОУ ВПО Московская гуманитарно-техническая акад., Ин-т языкознания РАН. – М.: Учреждение Российской акад. наук Ин-т языкознания РАН, 2010. – 360 с.

Палкин А.Д. Устойчивые этические стереотипы в языковом сознании современных японцев / А.Д. Палкин, А.А. Нистратов // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2011. – № 5. – С. 55-62.

Панков Ф.И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории адвербиальной темпоральности / Ф.И. Панков. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 448 с.

Панфилов В.Ю. Опыт изучения формирования лексической семантики на основе экспериментальных и контекстуальных данных (на примере сравнительно-уподобительных наречий) / В.Ю. Панфилов, Н.А. Козельская // Психолингвистика и лексикография: сборник научных статей / Под ред. А.В. Рудаковой. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 45-54.

Панфилов В.Ю. Семантика наречия в тексте и языковом сознании (на примере лексемы «по-советски») / В.Ю. Панфилов // Язык и национальное

сознание: сборник научных статей / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2017. – Вып. 23. – С. 43-47.

Патсис М. Ассоциативное поле как инструмент анализа значения слова: На материале греческого языка: дис. ... канд. филол. наук / М. Патсис. – М., 2005. – 167 с.

Патсис М. Специфика ассоциативного поля слова в греческом языке / М. Патсис // Вопросы психолингвистики. – 2004. – №2. – С. 91-98.

Пахолкова Т.В. Междометия в речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Пахолкова. – Череповец, 1998. – 22 с.

Петренко В.Ф. Психосемантика сознания [Текст] / В.Ф. Петренко. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 207 с.

Пищальникова В.А. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / Под ред. В.А. Пищальниковой; В.А. Пищальникова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.С. Панарина, Н.И. Степыкин, А.И. Хлопова, С.И. Шевченко; МГПУ. – М.: Р. Валент, 2019а. – 200 с.

Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики / В.А. Пищальникова // Russian Journal of Linguistics. – 2019б. – Т. 23. – № 3. – С. 749-761.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций / В.А. Пищальникова. – М.: Р-Валент, 2021а. – 488 с.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: Курс лекций / В.А. Пищальникова. – М.: МГЛУ, 2007. – Ч. 2: Этнопсихолингвистика. – 228 с.

Пищальникова В.А. К проблеме содержания психолингвистических терминов: образ языкового сознания / В.А. Пищальникова // Вестник МГЛУ. – Вып. 557. – М.: Рема, 2009. – С. 11-24.

Пищальникова В.А. Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования [Текст] / В.А. Пищальникова, О.В. Дубкова, Ф. Цун, Яо Чжипэн. – М.: Р. Валент, 2020. – 240 с.

Пищальникова В.А. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности / В.А. Пищальникова, И.В. Рогозина // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сборник статей. – М.; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 120-128.

Пищальникова В.А. Направления современной отечественной психолингвистики как следствие расширения предметной области исследования / В.А. Пищальникова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021б. – С. 97-107.

Пищальникова В.А. Общее языкознание: учебное пособие / В.А. Пищальникова. – 2-е изд. – М.: МГЭИ, 2003. – 212 с.

Пищальникова В.А. Теория деятельности как теоретическая основа отечественной психолингвистики» / В.А. Пищальникова // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021в. – С. 35-53.

Пищальникова В.А. Экспериментальные методики верификации данных ассоциативного эксперимента / В.А. Пищальникова, А.И. Хлопкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019в. – №4 (820). – С. 38-50.

Плешков Е. С. Специфика образов языкового сознания у носителей разных субкультур (на материале имен собственных): дис. ... канд. филол. наук / Е.С. Плешков. – Челябинск, 2020. – 179 с.

Плунгян В.А. По поводу «локалистской» концепции значения: предлог ПОД / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Исследования по семантике предлогов [Текст]: сб. ст. / отв. ред.: Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. – М.: Рус. словари, 2000. – С. 115-133.

Плунгян В.А. Полисемия служебных слов: предлоги ЧЕРЕЗ и СКВОЗЬ / В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина // Русистика сегодня. – 1996. – № 3. – С. 1-17.

Погребнова А.Н. Специфика представлений о базовых эмоциях в обыденном сознании русских и англичан: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А.Н. Погребнова. – М., 2005. – 28 с.

Покровская Е.А. Лексическая синонимия в квантитативно-системном аспекте (на материале русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Покровская. – М., 1999. – 32 с.

Полевые структуры в системе языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.И. Беляева и др.; Науч. ред. З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 196 с.

Поликарпов А.А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: Моделирование и эксперимент: дис. ... доктора филол. наук / А.А. Поликарпов. – М., 1998. – 370 с.

Полубоярин С.В. Психолингвистический эксперимент как метод изучения концептуального содержания онимов (на примере концепта *Дон*) / С.В. Полубоярин // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 183–187.

Полубоярин С.В. Экспериментальная методика исследования значения имени собственного / С.В. Полубоярин // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – Т. 7. – № 1. – С. 84-93.

Пономаренко И.В. Оппозиты в языковом сознании носителей языка (результаты экспериментального исследования) / И.В. Пономаренко // Психолингвистика и лексикография: сборник научных статей / Под ред. А.В. Рудаковой. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – Вып. 5. – С. 60-63.

Попадинец Р.В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка: Экспериментальное исследование: дис. ... канд. филол. наук / Р.В. Попадинец. – Курск, 2006. – 196 с.

Попов И.А. К вопросу о семантической структуре наречий в русских народных говорах / И.А. Попов // Исследования по семантике: межвузовский научный сборник. – Уфа: Издательство БГУ, 1984. – С. 69-82.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007а. – 314 с.

Попова З.Д. Лексическая система языка: внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: URSS, 2010. – 171 с.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007б. – 250 с.

Попова Н.П. Ассоциативно-семантическое поле «немец» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н.П. Попова. – СПб., 2008. – 206 с.

Попова Т.В. Ассоциативный эксперимент в психологии: учебное пособие / Т.В. Попова. – М.: Флинта, 2011. – 70 с.

Потебня А.А. Слово и миф [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.

Потебня А.А. Теоретическая поэтика [Текст] / А.А. Потебня. – М.: Высшая школа, 1990. – 342 с.

Приемьшева М.Н. Количественные числительные в современном русском языке: Семантика и функционирование: дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Приемьшева. – СПб., 1999. – 242 с.

Приходкина С.И. Национально-культурная специфика речевого поведения субъекта продаж: на примере речевой деятельности промоутера: дис. ... канд. филол. наук / С.И. Приходкина. – Челябинск, 2007. – 245 с.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное [Текст] / Л.П. Прокофьева. – Саратов, 2007. – 280 с.

Просовецкий Д.Ю. Психолингвистический метод выявления оценки слова / Д.Ю. Просовецкий // Филологические записки. – 2015. – Вып. 32. – Ч. 2. – С. 685-690.

Псеунова Б.Х. Антропонимы в современном американском молодежном сленге: (психолингвистический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Б.Х. Псеунова. – М., 2011. – 24 с.

Психолингвистика за рубежом: сборник статей / отв. ред. А.А. Леонтьев и Л.В. Сахарный; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1972. – 123 с.

Пузиков М.А. Семантика и звуковой состав первичных и вторичных междометий: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Пузиков. – Кемерово, 1988. – 16 с.

Пэй Цайся. Антиценность «коррупция» / «腐败» как фрагмент языковой картины мира русских и китайцев: дис. ... канд. филол. наук / Цая Пэй. – М., 2019. – 236 с.

Ревзина О.Г. К вопросу о семантике местоимений / О.Г. Ревзина, С.Р. Членова // Вопросы семантики: дискуссия на расширенном заседании филологической секции Ученого совета Института востоковедения: тезисы докладов. – М.: МГУ, 1971. – С. 157-159.

Резанова З.И. Гендерная метафора: типология, лексикографическая интерпретация, контекстная репрезентация / З.И. Резанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – №2 (14). – С. 47-57.

Репникова Д.Д. Психолингвистическое значение слов «жеребец» и «конь» в русском языке / Д.Д. Репникова, А.В. Рудакова // Коммуникативные

исследования 2013: сб. науч. тр. / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 122-138.

Решетняк Е.А. Семантическая специфика библейских антропонимов, коннотированных семей «преступление» / Е.А. Решетняк, Н.В. Швыдкая // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы II Международной научной конференции (г. Москва, февраль 2014 г.). – М.: Буки-Веди», 2014. – С. 102-107.

Рогожникова Т.М. Сопоставление ассоциативных реакций детей разных возрастных групп в условиях нормы и патологии / Т.М. Рогожникова // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: сб. науч. тр. – Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1983. – С. 133-139.

Родичева Э.И. Психолингвистический анализ лексической антонимии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.И. Родичева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 23 с.

Розенфельд М.Я. Ассоциативная активность маркем (ключевых слов) и авторский лексический кругозор / М.Я. Розенфельд // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – №1. – С. 49-51.

Розенфельд М.Я. Использование метода субъективных дефиниций при изучении индивидуального лексикона писателя в темпоральном аспекте / М.Я. Розенфельд // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ОО «РИТМ», 2021. – С. 122-126.

Розенфельд М.Я. Советизмы в языковом сознании молодежи / М.Я. Розенфельд // Жизнь языка в культуре и социуме – 6: материалы научной конференции (ИЯ РАН; РУДН, г. Москва; отв. ред. Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов). – М.: Канцлер, 2017. – С. 262-264.

Рудакова А.В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Рудакова. – Воронеж, 2003. – 213 с.

Рудакова А.В. Психологически реальное значение слова *чайник* в русском языковом сознании / А.В. Рудакова // Лингвоконцептология и психолингвистика: сборник науч. статей / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2010б. – Вып. 3. – С. 175-181.

Рудакова А.В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической лексикографии: монография / А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2014б. – 182 с.

Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике / М.Э. Рут // Известия Уральского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 20. – Вып. 4. – С. 59-64. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/23790/1/iurg-2001-20-09.pdf>.

Ручина Л.И. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта / Л.И. Ручина // Вестник Нижегородского университета. – 2012. – № 5. – С. 103-106.

Савелова Л.А. Семантика и концептуальная значимость русских наречий, характеризующих поведение человека / Л.А. Савелова // Филологические науки.

Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – №11(89). – Ч. 1. – С. 163-167.

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: дис. ... доктора филол. наук / Т.Ю. Сазонова. – Тверь, 2000. – 260 с.

Салихова Э.А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме [Электронный ресурс]. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2015. – 478 с.

Саломатина М.С. Психолингвистическое значение слова: опыт описания / М.С. Саломатина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 2. – С. 69-71.

Саломатина М.С. Семантика прилагательного как объект психолингвистического описания / М.С. Саломатина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2012. – №2. – С. 97-99.

Санчес Пуиг М. Концепт БОГ в русской и испанской ассоциативно-вербальных сетях / М. Санчес Пуиг // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №3(25). – С. 198-204.

Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций / Л.В. Сахарный; ЛГУ. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 180 с.

Сдобнова А.П. Единицы ядра языкового сознания современного школьника / А.П. Сдобнова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – №5. – С. 99-104.

Сдобнова А.П. Индивидуальный ассоциативный словарь школьника / А.П. Сдобнова // Русский язык сегодня. – Вып. 3. Проблемы русской лексикографии / Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: РАН ИЯ, 2004. – С. 211-219.

Сдобнова А.П. Лексикон современного школьника: проблема состава / А.П. Сдобнова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – №3. – С. 19-24.

Сдобнова А.П. Лексикон школьника как динамическая система / А.П. Сдобнова. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015а. – 245 с.

Сдобнова А.П. Нулевые ассоциативные реакции как показатель степени освоенности слова / А.П. Сдобнова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2015б. – №3. – С. 17-23.

Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М.: Высшая школа, 1988. – 215 с.

Селиверстова О.Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия / О.Н. Селиверстова // Селиверстова О.Н. Труды по семантике [Текст] / О.Н. Селиверстова. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – С. 719-945.

Семенова В.Г. Синонимы в лингвистическом и лингвокогнитивном аспектах (на материале речи младших школьников): дис. ... канд. филол. наук / В.Г. Семенова. – Таганрог, 2002. – 24 с.

Сергиева Н.С. Семантический гештальт и ядро языкового сознания русских / Н.С. Сергиева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2006. – Вып. № 2 (57). – С. 160-165.

Сидорова О.Ю. Качественные наречия как одно из средств выражения семантики причины / О.Ю. Сидорова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – №5(71): в 3 ч. – Ч. 2. – С. 138-142.

Сикевич З.В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) / З.В. Сикевич // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2016. – № 3. – С. 118-128.

Скребцова Т.Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Т.Г. Скребцова. – СПб., 1996. – 223 с.

Слобин Д. Психолингвистика: монография / Д. Слобин, Дж. Грин; под общ. ред. А.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1976. – Режим доступа: https://classes.ru/grammar/173.Slobin-Greene-Psycholinguistics/source/worddocuments/_21.htm

Смирницкий А. Морфология английского языка [Текст] / А. Смирницкий. – М.: ИЛИЯ, 1959. – 440 с.

Смирнова Ю.В. Печочечный ассоциативный эксперимент как прием порождения текста / Ю.В. Смирнова // *Linguistica Juvenis*. – 2016. – №18. – С. 164-175.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология: Теоретические и экспериментальные фрагменты [Текст] / Ю.А. Сорокин. – Самара: Русский лицей, 1994. – 94 с.

Спиридонова Н.Ф. Язык и восприятие: семантика качественных прилагательных: дис. ... канд. филол. наук / Н.Ф. Спиридонова. – М., 2000. – 158 с.

Старостина Е.В. Влияние времени и метода сбора ассоциативного материала на характер «главных ассоциатов» поля / Е.В. Старостина // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2016. – С. 20-28.

Старостина Е.В. Динамические процессы в русскоязычных ассоциативных полях, вызванные влиянием современного медиадискурса / Е.В. Старостина // Медиакультурное пространство России, Европы и Северной Америки как пространство риска: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов: Институт филологии и журналистики СГУ, 2017а. – С. 73-78.

Старостина Е.В. Изучение возрастной динамики вербальных ассоциаций: проблемы и перспективы / Е.В. Старостина // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2017б. – С. 87-95.

Старостина Е.В. Реакции городских и сельских жителей в ассоциативном словаре: динамический аспект / Е.В. Старостина // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум: сб. докладов и сообщений междунар. науч. конференции памяти профессора И.Н. Горелова. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. – С. 316-321.

Старостина Е.В. Специфика языкового сознания россиян разного возраста (по материалам ассоциативных словарей) / Е.В. Старостина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. - №3(45). – С. 124-126.

Старостина Е.В. Типы возрастных изменений ассоциативного поля (на материале реакций испытуемых 7-55 лет) / Е.В. Старостина // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2010 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 330-331.

Старостина Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): автореф. дис. ...канд. филол. наук / Е.В. Старостина. – Саратов, 2004. – 23 с.

Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1974. – 142 с.

Стернин И.А. Возрастная динамика значения слова (психолингвистический анализ) / И.А. Стернин // Проблемы онтолингвистики 2018: материалы Международной научной конференции (20-23 марта 2018 г., Санкт-Петербург). – Иваново: ЛИСТОС, 2018. – С. 193-198.

Стернин И.А. Значение в языковом сознании: специфика описания / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2006. – №4. – С. 171-179.

Стернин И.А. Значение и актуальный смысл слова / И.А. Стернин // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка: сборник статей / Отв. ред. З.Д. Попова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – С. 11-20.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / И.А. Стернин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 65-69.

Стернин И.А. Концепт, «психологически реальное» и «психолингвистическое значение» / И.А. Стернин // Язык и история: сборник статей. – Глазов, 2005. – С. 179-182.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи: монография / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 137 с.

Стернин И.А. Методика описания семантики междометия (на материале описания междометия АХ) / И.А. Стернин, Ю.А. Цофина // Мир русского слова. – 2017. – №1. – С. 33-36.

Стернин И.А. Некоторые проблемы психолингвистической лексикографии / И.А. Стернин // Горизонты психолингвистики – 3: сб. науч. трудов / Под ред. Е.Ю. Мягковой. – Тверь: ТГУ, 2020в. – С. 134-140.

Стернин И.А. О новых возможностях лингвокогнитивного анализа (концептуальный анализ и описание психолингвистического значения слова) / И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика: сборник статей / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2010. – Вып. 3. – С. 14-22.

Стернин И.А. Проблема неединственности метаязыкового описания ментальных единиц в лингвистике / И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика: сборник научных статей / Под ред. И.А. Стернина. – Вып. 5. – Воронеж: Истоки, 2012. – С. 8-17.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.

Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2020а. – №3 (45). – С. 110-125.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011а. – 192 с.

Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте: учебное пособие / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: Истоки, 2011б. – 150 с.

Стернин И.А. Сопоставительно-дифференциальное описание синонимов экспериментальными методами (на примере лексем врач и доктор) / И.А. Стернин, А.В. Рудакова // Сопоставительные исследования 2015: сб. статей / Науч. ред. М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2015. – Вып. 12. – С. 55-65.

Стернин И.А. Шкалирование сходств/различий языковых явлений обыденным сознанием / И.А. Стернин, А.В. Рудакова, М.А. Стернина // Сопоставительные исследования 2020: сборник научных статей / Под ред. М.А. Стерниной. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2020б. – Вып. 17. – С. 3-11.

Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: первые шаги / М.А. Стернина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №3. – С. 92-94.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного: монография / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Сурган М.А. Наречие как средство выражения оценки в Интернет коммуникации / М.А. Сурган // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2015. – Т. 1 (67). – №1. – С. 197-202.

Сырова Н.С. Семантическая составляющая концепта «Патриот» в русском национальном сознании на материале цепочечного и свободного ассоциативных экспериментов / Н.С. Сырова, Е.В. Ивченко, В.Л. Добрякова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 12-2. – С. 375-378.

Таныгина Е.А. Исследование внутреннего образа слов-цветообозначений русского языка с использованием методики семантического дифференциала / Е.А. Таныгина // Вестник ВятГУ. – 2011. – №1. – С. 35-40.

Таныгина Е.А. Образ цвета в сознании носителя языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Таныгина. – Курск, 2012. – 19 с.

Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. наук / Т.П. Тарасенко. – Краснодар, 2007. – 26 с.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24-32.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового

сознания: сб. науч. ст. / РАН. Ин-т языкознания; [Отв. ред. Н.В. Уфимцева]. – М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 7-22.

Тарасов Е.Ф. Методологические основания отечественной психолингвистики / Е.Ф. Тарасов // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966-2021): коллективная монография / Науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. – М.: Институт языкознания–ММА, 2021. – С. 14-35.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 1(15). – С. 8-16.

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики / Е.Ф. Тарасов; Отв. ред. Ю.А. Сорокин; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1987. – 166 с.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – №2. – С. 34-47.

Теляя В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц: монография / В.Н. Теляя. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

Теляя В.Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / [В.Н. Теляя, Т.А. Графова, А.М. Шахнарвич и др.; Отв. ред. В.Н. Теляя]; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – 214 с.

Терехова Н.В. Семантико-функциональный анализ имен прилагательных со значением «характер человека» в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Терехова. – Махачкала, 2002. – 156 с.

Тимошина Т.В. Выявление новых значений слова путем ассоциативного эксперимента / Т.В. Тимошина // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2015. – №3(268). – С. 112-114.

Тимошина Т.В. Несистемные аспекты семантики слова: монография / Т.В. Тимошина; Минобрнауки РФ, ФГБОУ ВО «ВГПУ». – Воронеж: ВГПУ, 2013а. – 161 с.

Тимошина Т.В. Психолингвистические значения слова в языковом сознании школьников / Т.В. Тимошина // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2013б. – №3. – С. 115-117.

Тимошина Т.В. Психолингвистическое значение слова литература в современном русском языковом сознании / Т.В. Тимошина // Вознесенские казармы: Альманах филологии и коммуникации / Под ред. И.А. Стернина, М.В. Шамановой. – Вып. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – С. 36-42.

Титова Л.Н. Психолингвистический анализ словесных ассоциаций в русском и киргизском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Титова; АПН СССР. НИИ преподавания рус. яз. в нац. школе. – М., 1977. – 15 с.

Тогоева С.И. Субъективные дефиниции в идентификации лексических инноваций / С.И. Тогоева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2014. – № 4. – С. 236-240.

Тохтобина Н.В. Базовые семантические зоны ассоциативных полей стимула «деньги» в русском, китайском и хакасском языковом сознании / Н.В. Тохтобина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 10 (40): в 3-х ч. – Ч. II. – С. 178-180.

Точилина Ю.Н. Концепт «Русская женщина XXI века» / Ю.Н. Точилина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Т. 2. – №3 (59). – С. 134-140. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-russkaya-zhenschina-xxi-veka/viewer>.

Третьякова Д.В. Секуляризации религиозной семантики слова (динамика развития семантики слова «сектант» в русском языке) / Д.В. Третьякова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2018а. – №1. – С. 52-54.

Тритенко Т.В. Мифологические образы в языке клинической психологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Тритенко. – М., 2011. – 22 с.

Тропинина И.А. Наречия-инновации: лингвопрагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Тропинина. – Ростов-на-Дону, 2007. – 17 с.

Трофимова Е.Б. Контрастивная фоносемантика: опыт экспериментальных исследований монгольского и русского языков / Е.Б. Трофимова, М.С. Власов М.С, Т. Одончимэг, Е.Ю. Филиппова. – Бийск: АГТПУ им. В.М. Шукшина, 2018. – 110 с.

Трофимова Е.Б. Семный анализ бионимов в сравнительно-сопоставительном аспекте (на материале русского и китайского языков) / Е.Б. Трофимова, Ф.Э. Абдуллаева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4 (64). – Т. 4. – С. 229-232.

Тугаров А. Б. Философские основания социальных исследований / А.Б. Тугаров // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – №2. – С. 77-85.

Усталова А.Н. Ассоциативный эксперимент в практике связей с общественностью / А.Н. Усталова // Язык и социальная динамика. – 2014. – №14-2. – С. 51-55.

Уфимцева Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка как модель языкового сознания русских / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание: Теоретические и прикладные аспекты: сборник статей. – М.; Барнаул: Ин-т языкознания РАН, 2004. – С. 177-188.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: [Сб. науч. ст.] / РАН. Ин-т языкознания; [Отв. ред. Н. В. Уфимцева]. – М., 1996. – С. 139-162.

Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика вчера и сегодня / Н.В. Уфимцева // Вопросы психоллингвистики. – 2006. – № 4. – С. 92-100.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира: сборник статей: сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева; Институт языкознания РАН. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 207-219.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность: монография / Н.В. Уфимцева. – М.-Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Фаустов А.А. Алгоритм построения ассоциативного поля слов (по результатам психоллингвистических экспериментов с ключевыми словами автора) / А.А. Фаустов, М.Я. Розенфельд, Н.Ю. Свиридова, И.Е. Воронина // Информатика: проблемы, методология, технологии: материалы XVI Международной научно-методической конференции; под ред. Н.А. Тюкачева. – Воронеж: НИП. 2016. – С. 240-245.

Федосов Ю.В. Принципы построения идеографического антонимосинонимического словаря русского языка: дис. ... докт. филол. наук / Ю.В. Федосов. – Волгоград, 2002. – 40 с.

Федурко Ю.В. Анализ субъективных дефиниций незнакомых слов в синергетическом представлении / Ю.В. Федурко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2008. – Т. 17. – № 13. – С. 193-198.

Федченко А.В. Языковое сознание русских и американских подростков: (этнокультурный аспект): монография / А.В. Федченко; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 171 с.

Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях / М.В. Филипенко // Исследования по семантике предлогов [Текст]: сб. ст. / отв. ред.: Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. – М.: Рус. словари, 2000. – С. 12-54.

Филипенко М.В. Семантика наречий и адverbиальных выражений [Текст] / М.В. Филипенко. – М.: Азбуковник, 2003. – 304 с.

Филиппов Е.Н. «Хороший – плохой» домовой: психолингвистическая методика анализа региональной традиции / Е.Н. Филиппов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2017. – № 15. – С. 153-167.

Филиппова М.А. Семантика древнеанглийских поэтических этнонимов в аспекте языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Филиппова. – Иваново, 2014. – 24 с.

Флакман М.А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении / М.А. Флакман. – СПб.: НОУ ВПО Институт иностранных языков; Издательство РХГА, 2016. – 201 с.

Фомина И.В. Дифференцированная номинация в когнитивном аспекте: На материале супермногочленных синонимических рядов в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Фомина. – Воронеж, 2004. – 202 с.

Фридман Ж.И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: дис. ... канд. филол. наук / Ж.И. Фридман. – Воронеж, 2006. – 219 с.

Харченко Е.В. Корпоративная культура профессионалов: попытка описания / Е.В. Харченко // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 205-212.

Харченко Е.В. Межличностное общение: модели вербального поведения в профессиональных стратах: автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е.В. Харченко. – Челябинск, 2004. – 49 с.

Хватова С.С. Этнокультурная специфика идентификации прецедентных имен носителями языка: дис. ... канд. филол. наук / С.С. Хватова. – Тверь, 2004. – 149 с.

Хлопова А.И. Ассоциативный эксперимент как способ установления психологически актуального значения слова (на примере лексемы «Arbeiten») / А.И. Хлопова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018а. – №13 (807). – С. 280-393.

Хлопова А.И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук / А.И. Хлопова. – М., 2018б. – 213 с.

Цофина Ю.А. Психолингвистическое описание семантики междометия / Ю.А. Цофина // Социальные и гуманитарные знания. – 2017. – Т. 3. – №2. – С. 204-207.

Цофина Ю.А. Структура словарной статьи в психолингвистическом словаре (на материале лексикографической презентации междометий русского языка) / Ю.А. Цофина // Семантико-когнитивные исследования: сборник науч. татей / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2019. – С. 57-60.

Цэдэндоржийн Э. Сопоставительный психосемантический анализ понятия «Любовь» в русском и монгольском языках / Э. Цэдэндоржийн // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. – 2015. – №3-4. – С. 46-50.

Чеканова С.А. Стереотипные представления о профессиях у русских и англичан [Текст]: монография / С.А. Чеканова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО–Университет, 2012. – 216 с.

Черепанов И.Е. Влияние гендерного фактора на реакции испытуемых в ассоциативном эксперименте / И.Е. Черепанов И.Е. Влияние гендерного фактора на реакции испытуемых в ассоциативном эксперименте // Вопросы психолингвистики. – 2017. – №3(33). – С. 200-217.

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей / Г.А. Черкасова // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: сб. статей / Ин-т языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 227-244.

Чернышова Е.Б. Возрастная вариативность оценочной зоны ядра русского языкового сознания / Е.Б. Чернышова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – Т. 13. – № 4. – С. 15-21.

Чернышова Е.Б. Психолингвистическая структура значения слова «красивый»: возрастная вариативность / Е.Б. Чернышова // Слово и текст: психолингвистический подход: сборник статей. – Тверь: ТГУ, 2014а. – № 14. – С. 220-223.

Чернышова Е.Б. Психолингвистическое значение лексемы «школа» в языковом сознании младших школьников / Е.Б. Чернышова // Лингвоконцептология и психолингвистика: сборник статей / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – С. 69-72.

Чернышова Е.Б. Теоретические основы исследования оценки в обыденном языковом сознании / Е.Б. Чернышова // Вопросы психолингвистики. – 2014б. – №22. – С. 68-80.

Черняк В.Д. Современные ракурсы лексической синонимии / В.Д. Черняк // Язык. Текст. Дискурс. – 2007. – №5. – С. 227-233.

Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке: Семантика. Грамматика. Функции / Л.Д. Чеснокова. – Ростов н/Д: Гефест, 1997. – 291 с.

Чжипэн Яо. Ассоциативное поле слова как инструмент анализа его значения / Яо Чжипэн // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – №13 (807). – С. 308-314.

Чжу Жуйшуан Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук / Чжу Жуйшуан. – М., 2017. – 227 с.

Чибышева О.А. Концепт «Женщина» в русской и английской фразеологии: на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Чибышева. – Челябинск, 2005. – 250 с.

Чистюхина Е.А. Концепты «мужчина» и «женщина» в языковой картине мира российских немцев и их актуализация в шванках российских немцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Чистюхина. – Барнаул, 2012. – 21 с.

Чугаева Т.Н. Звучащий текст с позиции слушающего: уровневая структура и стратегии восприятия / Т.Н. Чугаева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №12. – С. 144-155.

Шаманова М.В. Психолингвистическое значение лексемы «общаться» в языковом сознании дошкольников / М.В. Шаманова // Вознесенские казармы: Альманах филологии и коммуникации / Под ред. И.А. Стернина, М.В. Шамановой. – Вып. 1. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – С. 47-52.

Шаманова М.В. Экспериментальные исследования и когнитивный анализ / М.В. Шаманова // Вопросы психолингвистики. – 2007. – №5. – С. 83-90.

Шапошникова И.В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен: монография [Текст] / И.В. Шапошникова. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 336 с.

Шаронов И.А. Междометия в речи, тесте и словаре: монография / И.А. Шаронов. – М.: Изд. центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2008. – 296 с.

Шахнарович А.М. Семантика детской речи, психолингвистический анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.М. Шахнарович. – М., 1985. – 40 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: [монография] / В.И. Шаховский. – Изд. 3-е. – М.: URSS, 2009. – 204 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 414 с.

Шевченко С.Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Н. Шевченко. – М.: МГЛУ, 2017. – 22 с.

Шерemet Л.Г. Значение и стилистический потенциал английских имен собственных (именования людей): дис. ... канд. филол. наук / Л.Г. Шерemet. – Ленинград, 1984. – 199 с.

Шестерина Е.А. Сопоставление результатов ассоциативного и переводческого экспериментов для объяснения характера расхождения иноязычного и переводного текста / Е.А. Шестерина // Филологические науки в МГИМО: сб. научных трудов. – М.: МГИМО, 2010. – С. 97-111.

Шефер О.В. Отражение корпоративной культуры вуза в имиджевом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Шефер. – Челябинск, 2007. – 26 с.

Шишканов И.В. Специфика немецкого и русского языкового сознания: психолингвистический анализ тематической группы «Человек»: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Шишканов. М., 2002. – 24 с.

Шкатова Л.А. Методика коммуникативного аудита организации / Л.А. Шкатова // Челябинский гуманитарий. – 2016. – № 2 (35). – С. 40-45.

Шляхова С.С. «Дребезги» языка: Словарь русских фоносемантических аномалий / С.С. Шляхова. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2004. – 225 с.

Шляхова С.С. Фоносемантическая звуковая картина мира: монография / С.С. Шляхова, М.Г. Вершинина. – Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2016. – 423 с.

Шондуг Баясгалан Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / Шондуг Баясгалан. – Петербург, 2006. – 259 с.

Шумилина О.С. Стратегии идентификации иноязычных фразеологических единиц (на материале английских глагольных фразеологизмов с соматическими компонентами): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.С. Шумилина. – Тверь, 1997. – 17 с.

Шумилова А.А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Шумилова. – Кемерово, 2009. – 273 с.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1974. – 427 с.

Щербакова Н.Н. Концепт СИБИРЬ в языковом сознании выпускника средней школы / Н.Н. Щербакова // Роль Сибири в поликультурном и многоязычном мире современного евразийского пространства: сборник статей: в 2-х ч. / Отв. ред. С. В Буренкова. – Омск: ОГИС, 2015. – Ч. 2. – С. 16-20.

Щербакова Н.Н. Направленный ассоциативный эксперимент как средство выявления языковых изменений / Н.Н. Щербакова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: сб. статей / Гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург: УГПУ, 2020. – №18. – С. 68-74.

Языковое сознание жителей Воронежа: коллективная монография / И.А. Стернин и [и др.]; под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2010. – 249 с.

Яковенко Т.И. ИмPLICITный смысл онима в тексте (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.И. Яковенко. – Ростов-на-Дону, 2013. – 24 с.

Яковлева Е.В. Междоимение как объект психолингвистических исследований / Е.В. Яковлева // Филология, журналистика и межкультурная коммуникация в диалоге цивилизаций: материалы I ежегодной научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета «Университетская наука – региону». – Ставрополь: ООО ИД «ТЭСЭРА», 2013. – С. 449-453.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия): монография / Е.С. Яковлева. – М.: «Гнозис», 1994. – 343 с.

Яковлева Е.В. Функциональная специфика междометий и релятивных конструкций как элементов эмотивного смысла в текстах психологической прозы: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Яковлева. – Ставрополь, 2017. – 203 с.

Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетический подход: монография / В.А. Янчук. – Минск: Бестпринт, 2000. – 347 с.

Яровая Т.Ю. Личные собственные имена в дореволюционном творчестве И.А. Бунина (отбор и использование): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.Ю. Яровая. – Воронеж, 2000. – 23 с.

Ячная Т.А. Выбор стратегии ассоциирования (гендерный аспект) / Т.А. Ячная // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 5: Политология, философия, история, филология. – Минск: БГТУ, 2014. – № 5 (169). – С. 183-185.

Ячная Т.А. Специфика изменения семантической структуры слова под влиянием возрастного фактора / Т.А. Ячная // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2013. – №4. – С. 213-215.

Ячная Т.А. Типы связей в ассоциативных бинамах / Т.А. Ячная // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2011. – №5. – С. 185-187.

Debrenne M. La création du dictionnaire des associations verbales du français // Actes du Congrès Mondial de Linguistique Française. – Nouvelle Orléans, 2010. CMLF'10. – P. 1663-1673.

Deese J. The structure of associations in language and thought. – Baltimore: The John Hopkins Press, 1965. – 216 p.

Denzin N.K. The Research Act. – 3rd ed. – Englewood Cliffs, NY Prentice Hall, 1989. – 617 p.

Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning construction / V. Evans // Cognitive Linguistics, 2006. – Vol. 17-4. – Pp. 491-514.

Hardy C. Networks of Meaning: A Bridge between Mind and Matter / C. Hardy. – Westport, Connecticut; London: Praeger, 1998. – 217 p.

Osgood Ch. The Measurement of Meaning / Ch. Osgood, G. Suci, P. H. Tannenbaum. – Urbana, Chicago and London: University of Illinois Press, 1957. – 342 p.

Ruthrof H. Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern / H. Ruthrof. – Toronto: University of Toronto Press, 1997. – 321 p.

Violi P. Meaning and Experience / P. Violi. – Bloomington: Indiana University Press, 2001. – 291 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

АСРН – Ассоциативные нормы русского и немецкого языков / Н.В. Уфимцева, И.А. Стернин, Х. Эккерт, В.И. Милехина, В.М. Топорова. – М.; Воронеж: Истоки, 2004. – 130 с.

Ассоциативный словарь башкирского и татарского языков: словарь / Т. М. Рогожникова, Л.В. Газизова, А.В. Хуснутдинова [и др.]; под общ. ред. Т.М. Рогожниковой. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 364 с.

Ассоциативный словарь французского языка. – Режим доступа: <http://dictaverf.nsu.ru/about>.

Ассоциативный словарь якутского языка. – Режим доступа: <http://adictsakha.nsu.ru/>

Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Рос. АН, Ин-т рус. яз.; Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Рос. АН, Ин-т рус. яз. – Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. – М.: ИРЯ, 1994. – 223 с.; Кн. 2: Обратный словарь: от реакции к стимулу. – М.: ИРЯ, 1994. – 356 с.

АСУРЛ – Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Науч. ред. А.В. Рудакова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2011. – 187 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М.: УРСС, 2004. – 569 с.

БАРЭКСИС-1 – Банк результатов экспериментальных исследований ЦКИ ВГУ [Электронный ресурс] / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2015. – 24 с. – Результаты экспериментов. – 1 CD-ROM.

БАРЭКСИС-2 – Банк результатов экспериментальных исследований ЦКИ ВГУ [Электронный ресурс] / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2015. – 24 с. – Результаты психолингвистических описаний слов. – 1 CD-ROM.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

Бутакова Л.О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска [Текст] / Л.О. Бутакова; М-во образования и науки РФ, Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, Фак. филологии и медиакоммуникаций, Каф. русского яз., Лаб. когнитивных (антропоцентрических) исслед. – Омск: Вариант-Омск, 2012. – 125 с.

Голикова Т.А. Алтайско-русский ассоциативный словарь / Т.А. Голикова. – М.: Олбис, 2004. – 380 с.

Гольдин В.Е. Русский ассоциативный словарь [Текст]: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов: в 2 т. / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартынов; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. – Т. 1. – 500 с.; Т. 2. – 480 с.

Гуц Е.Н. Ассоциативный словарь подростка / Е.Н. Гуц. – Омск: «Вариант-Сибирь», 2004. – 156 с.

ТСД – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1998. – Т. 1. – 699 с.; Т. 2. – 779 с.; Т. 3. – 555 с.; Т. 4. – 683 с.

Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь: В 2 т. – Т. 1. От стимула к реакции / М. Дебрэнн. – Новосибирск, 2010б. – 228 с.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь / Н.В. Дмитрюк; РАН Институт языкознания. – Шымкент; М.: МИРАС, 1998. – 245 с.

Добровольский Д.О. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 116 с.

ЕВРАС – Черкасова Г.А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус: Т. 1: От стимула к реакции: [Электронный текст] / Г.А. Черкасова,

Н.В. Уфимцева. – М., 2014. – Режим доступа: http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf.

Иванова О.В. Ассоциативный словарь терминов: в 2 ч. / О.В. Иванова; Нижегородск. гос. лингв. ун-т им. А.Н. Добролюбова. – Нижний Новгород, 1998. – Ч. I. – 22 с.; Ч. II. – 17 с.

Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Сост. Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев; Российская академия наук: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: ИРЯ, 1998. – 54 с.

Ляшевская О.Н. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка [Текст] / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров; Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2009. – 1087 с.

Манликова М.Х. Ассоциативный словарь русской этнокультуроведческой лексики / М. Х. Манликова; Под ред. Л.А. Шеймана; Кирг. НИИ педагогики. – Фрунзе: Мектеп, 1989. – 117 с.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Пищальникова В.А. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей [Текст] / В.А. Пищальникова, З.Г. Адамова, Ю.П. Кошелева [и др.]. – М.: Изд-во «Спутник+», 2020. – 262 с.

РАС 2002 – Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – Т. I. От стимула к реакции: Около 7000 стимулов. – 781 с.

РАСИТ – Русский ассоциативный словарь информационных технологий // Филиппович Ю.Н. Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языке / Ю.Н. Филиппович, Г.А. Черкасова, Д. Дельфт; М-во образования РФ. Моск. гос. ун-т печати; [С предисл. Н.В. Уфимцевой]. – М.: Моск. гос. ун-т печати, 2002. – 299 с.

Санчес Пуиг М. Ассоциативные нормы испанского и русского языков = Normas asociativas del español y del ruso / М. Санчес Пуиг, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова; Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз., Мадрид. гос. ун-т Комплутенсе. – М.; Мадрид, 2001. – 493с.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2020) / Сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. – Режим доступа: <http://adictu.nsu.ru/>

САС – Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр. / Н.В. Уфимцева [и др.]; М-во образования и науки РФ, Моск. гос. лингвист. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т [и др.], 2004. – 790 с.

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / [А.А. Леонтьев, А.П. Клименко, А.Е. Супрун и др.]; Под ред. А.А. Леонтьева; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с.

Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы [Текст]: [в 2 т.] / М. Ю. Басалаева [и др.]; М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Кемеровский гос. ун-т». – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. – Т. 1: А – М (Абрикос – Муравей). – 535 с.

Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. ст. / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; [П.Н. Денисов и др.]; Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – 3. изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2002. – 811 с.

Соколова Т.В. Ассоциативный словарь ребенка: Вербальные реакции детей 3-7 лет: В 2 ч. / Т.В. Соколова. – Архангельск: Изд-во Поморск. междунар. пед. ун-та, 1996. – Ч. 1. – 165 с; Ч. 2. – 305 с.

Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь [Текст] / Л.Н. Титова. – Фрунзе: Мектеп, 1975. – 95 с.

ТСЕ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.

ТСОШ – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Издательство «А Темп», 2009. – 944 с.

ТСУ – Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Буколика, 2008. – 1247 с.

Ульянов Ю.Е. Латышско-русский ассоциативный словарь / Ю.Е. Ульянов; АН Латвийская ССР, Ин-т яз. и лит. им. А. Упита. – Рига: Зинатне, 1988. – 185 с.

УрРАС – Черкасова Г.А. Русская региональная ассоциативная база данных (Урал) [Электронный ресурс] / Г.А. Черкасова, Е.В. Харченко. – Режим доступа: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/urras>.

РСпАС – Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь [Электронный текст] / Г.А. Черкасова. – М.: ИЯз РАН, 2008. – Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/RSPAS/zapusk.htm>.

Научное издание

РУДАКОВА Александра Владимировна

**Значение слова
как феномен языкового сознания:
психолингвистический аспект**

Компьютерная верстка: *А.В. Рудакова*

Издание публикуется в авторской редакции и авторском наборе

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 27.12.2023. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,3 Тираж 500 экз. Заказ № 136

Текст и иллюстрации предоставлены авторами.

Текст печатается в авторской редакции.

115419, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Донской
ул. Шаболовка, д. 34, стр. 2, помещ. 1, ком. 14

Отпечатано ИП Богатырев В.И.

Липецкая обл., Усманский р-н, с. Пригородка, ул. Есенина, 7

<http://www.i-ritm.ru> Тел.: 8(473) 290-24-53